ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
★ БИБЛИОТЕКА ★

В. П. МИЛЮТИН

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР

★

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 • 9 • 2 • 9

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В. П. МИЛЮТИН

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР

*

(1917 — 1927)

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

4—6 тысяча

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1929 * ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Пятницкая 71.
Главлит А—36128 С. 10 Гиз 29320.
Заказ 3690. Тираж 3 000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Первое издание настоящей книги разошлось сравнительно быстро, что является показателем того интереса, который имеется в отношении изучения нашего экономического развития и экономической политики. Настоящая работа охватывает целиком первое десятилетие экономического развития СССР. Но во втором издании нам приходится сделать некоторые дополнения, относящиеся к новому периоду нашего строительства, к периоду реконструкции народного хозяйства как в городе, так и в деревне, и более интенсивного социалистического строительства. Пятилетний план народного хозяйства, охватывая период 1928/29—1932/33 гг., разработанный на основании учета всего предыдущего периода, показывает гигантские возможности развертывания народного хозяйства, превосходящие существовавшие до сих пор предположения.

Новый подъем народного хозяйства СССР, величайшего значения техническая реконструкция, огромнейшие социальные сдвиги, происходящие в деревне, переходящей на рельсы крупного хозяйства, все это сопряжено и с новыми огромными трудностями. Уже окончание восстановительного периода народного хозяйства и первые приступы к реконструкции народного хозяйства вызвали колебания в части членов нашей партии, отразивших те колебания, которые испытывает мелкая буржуазия в стране, особенно в верхушечной части деревни. Троцкисты — во главе с Троцким — сначала выступили против нашей экономической политики, а затем выступили против партии и советской власти. Результатом этого, естественно, явилось то, что Троцкий и его сторонники оказались вне рядов ВКП(б) и в стане противников нашего социалистического строительства.

Новая ступень, на которую поднимается наше народное хозяйство, выражением чего является пятилетний план дальнейшего

социалистического строительства, породила новые колебания в незначительной группе наших товарищей, выявившиеся в так называемом «правом уклоне». Правые уклонисты стараются оттащить партию назад и стараются снизить темп социалистического строительства. Социальная природа правых уклонистов — это мелкая буржуазия. Теоретические основы правых уклонистов были еще до них развиты в полной мере известным мелкобуржуазным экономистом проф. Кондратьевым.

Партии и советской власти приходится преодолевать не только чисто экономические трудности, но и трудности, связанные с колебаниями, отходами и противодействиями подобного рода уклонистов. Однако вся предшествующая история экономического развития СССР показывает, что на протяжении предшествующих годов приходилось преодолевать значительно большие трудности. Изучение истории экономического развития СССР дает возможность осознать направление нашего экономического развития, его задачи, его достижения, его трудности и тот факт, что побеждающая диктатура пролетариата непреклонно и твердо ведет к строительству социализма, преодолевая и сметая на этом пути препятствия, какого бы характера и в чем бы они ни заключались.

В. Милютин.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Настоящая книга «История экономического развития СССР» включает мои работы в течение последних 10 лет, касающихся общих вопросов экономического развития СССР.

Вновь написанным и впервые появляющимся в печати является введение в эту книгу, дающее общий анализ экономического развития СССР. В эту книгу не вошли мои работы по аграрной политике СССР, а точно так же не вошла и моя работа «Новый период мировой экономики», являющаяся курсом по экономике переходного времени, и работы, опубликованные в «Основах советской экономической политики», и еще ряд статей второстепенного характера.

Настоящая книга представляет из себя целостную работу, связывающую отдельные этапы нашего экономического развития. Я сознательно мало изменял в опубликованных уже работах, вошедших в настоящую книгу, так как в них находили отражение оценка и освещение мероприятий нашей партии и советской власти, данные под

непосредственным влиянием условий соответствующего периода нашего экономического развития, что имеет, несомненно, большое значение. Вместе с этим мне не пришлось менять постановки и выводов, делаемых относительно того или другого периода нашего экономического развития, так как они были в общем и целом оправданы практикой нашей развивающейся действительности и не расходились с нашей партийной и советской линией в области экономической политики.

Настоящая книга может послужить пособием для ознакомления и понимания экономического развития за первое десятилетие советской власти.

В. Милютин.

29 июня 1927 г.
Москва.

ВВЕДЕНИЕ.

История экономического развития СССР за первое десятилетие представляет совершенно исключительный интерес, прежде всего, как первый исторический этап победы и строительства социализма.

Создание вместо старой капиталистической России Союза советских социалистических республик есть акт мирового значения. Установление диктатуры пролетариата на $^1/_6$ части земного шара является предвозвестником дальнейшего исторического развития, распада капитализма и перехода к социализму.

Уже в настоящее время революционный опыт СССР используется пролетариями других стран в их борьбе против капитализма, а в СССР они видят первое достижение на пути борьбы с мировым капитализмом. Но не только самый факт победы социализма над капитализмом в СССР имеет революционизирующее значение, но колоссальное значение имеют и практические результаты социалистического строительства в СССР, так как они служат доказательством, что пролетариат, взявши власть, не только умеет свергнуть капиталистов, но умеет создать новые хозяйственные формы, двинуть дальше развитие производительных сил, освобожденных от капиталистических форм, и достигнуть практических результатов в деле социалистического строительства.

История экономического развития СССР — это, во-первых, история развития его производительных сил, во-вторых — история развития форм народного хозяйства и новых классовых отношений и, в-третьих — история развития отношений первой социалистической республики с внешним окружающим капиталистическим миром.

Оценка истории экономического развития СССР должна зиждиться прежде всего на рассмотрении фактических данных. Наряду с имеющимися крупными достижениями практика выявила ряд неудач и ошибок и т. п., которые должны быть точно так же нами учитываемы.

Но не подлежит сомнению, что уже первое десятилетие с полной определенностью выявило то, что раньше можно было только теоретически предполагать, а именно: в условиях диктатуры пролетариата явилась возможность, путем проведения новых принципов регулирования хозяйства, более быстрым темпом повести развитие производительных сил и на деле добиваться определенных результатов по осуществлению социалистического строя. Несмотря на архи-тяжелые условия, в которых находилась наша страна в первые годы после Октябрьского переворота, тем не менее восстановление хозяйства произошло более быстрым темпом, чем в окружающих капиталистических странах. И результаты этого восстановления сказались прежде всего на поднятии благосостояния рабочих и крестьянских масс.

Опыт этого же десятилетия показал, что мы имеем теперь возможность и материальные ресурсы перейти к выполнению величайшей задачи нашей современности: к радикальной реконструкции нашей технической базы на основе современных научных достижений, на основе рациональных форм труда.

Экономическое развитие СССР не осталось изолированным от окружающего, хотя и враждебного, капиталистического мира. Рост взаимоотношений с этим окружающим миром выразился прежде всего в развитии торговых отношений, но опять-таки *на новых началах*; на началах, когда наш Союз выступает на мировом рынке как единое целое *на основе проведения монополии внешней торговли*. Это дало возможность целесообразным образом регулировать наш импорт и экспорт, и это дало возможность противодействовать эксплоататорским и вредным стремлениям и поползновениям капиталистов отдельных стран использовать наше хозяйство таким образом, как они привыкли использовать хозяйство более слабых стран, подчиняя их своему влиянию и контролю.

В нашем введении мы остановимся лишь на общих, основных линиях экономического развития СССР. Более подробное освещение читатель найдет в самой книге.

Диктатура пролетариата, явившаяся результатом Октябрьской революции, означала коренное изменение всей экономической организации и экономических отношений в стране. Она *выразилась прежде всего в национализации земли, заводов, фабрик, транспорта, торговых предприятий, банков и пр.* Национализация, проведенная

органами диктатуры пролетариата, приводила не только к лишению экономической и политической власти класса капиталистов, но и давала материальную основу для органов советской власти в деле организации и переустройства общественной жизни на новых началах.

Национализация неизбежно вытекала из факта перехода власти в руки рабочих и крестьян, и эта неизбежность была продиктована самой действительностью. На апрельской партийной конференции в 1917 г. в резолюции предполагалось, что после перехода власти в руки советов мы введем лишь рабочий контроль и национализацию только важнейших предприятий. Но ближайшее же время после Октябрьской революции показало, что логика классовой борьбы рабочих и крестьян с классом капиталистов и помещиков неизбежно приводит ускоренным темпом к взятию управления предприятиями, банками, транспортом в руки рабочего класса. Рабочий контроль, введенный вначале на предприятиях, быстро изжил себя, и органы контроля превратились в органы управления. Предприниматели или бросали на произвол судьбы предприятия или старались использовать материальные ресурсы, имевшиеся у них в руках, во вред советской власти: выбрасывали рабочих, увеличивая безработицу, спешили превратить готовые продукты, сырье и даже топливо в валюту, которую переводили в заграничные банки и т. п. При этих условиях национализация была неизбежна.

Национализация, как одно из наиболее действительных и неизбежных средств лишения власти капиталистов и установления новых отношений, естественно вызвала к себе враждебное отношение со стороны буржуазии всего мира. Экспроприация экспроприаторов в России явилась грозным предзнаменованием для экспроприаторов всех стран, и право священной собственности, нарушаемое во всех отношениях и смыслах своими капиталистами, приобретает для них вселенские размеры, когда оно касается их самих со стороны рабочего класса. Всесветные грабители — напр. английские капиталисты — возмущаются не только тогда, когда от них отбирают награбленное, но они считают грабежом и нарушением их прав, если происходит ограничение даже только их стремлений к грабительству. Поэтому национализация земли и предприятий не дает успокоиться буржуазному возмущенному духу даже спустя много лет. Но национализация испугала не только буржуазию, но и ее нынешних лакеев. Вожди и теоретики II Интернационала также пришли в ужас от национализации, когда она стала фактом. Многие из них, как, напр., Каутский, неоднократно выступавшие в свое время в защиту национализации,

трактовавшие национализацию как весьма скромное экономическое мероприятие, постыднейшим образом изменили свое мнение, когда пришлось теорию претворить в действие. И теперь они трактуют национализацию как допустимую только с согласия капиталистов и только в отношении некоторых отраслей. Для примера можно привести следующую выдержку из произведения Карла Каутского «Пролетарская революция и ее программа». Он говорит: «Все социалисты, в последние годы занимавшиеся проблемой социализации, согласны в том, что она может быть осуществлена только постепенно, шаг за шагом», — что обозначает, что частное производство еще в течение десятков лет будет сохранять капиталистические формы. «Поэтому, — продолжает он, — победоносный пролетариат имеет все основания к тому, чтобы не только обеспечить возможность дальнейшего существования капиталистического производства во всех областях, не созревших для немедленной социализации, но позаботиться о том, чтобы меры к социализации не вызвали экономического кризиса. Пролетариат заинтересован в том, чтобы в капиталистических предприятиях производство шло попрежнему полным ходом». Такова мирная картина социализации, рисуемая Карлом Каутским, с отрицанием классовой борьбы, с закрытыми глазами на существующую практику, на возможность сопротивления решительнейшим образом этой социализации со стороны капиталистов. Правда, Каутский допускает возможность саботажа со стороны капиталистов, и он полагает, что этому саботажу пролетариат может противопоставить определенные мероприятия. Каковы же эти меры? Вот что говоритКаутский: «Пролетарский режим для успешного противодействия саботажу тех капиталистов, в которых он еще нуждается, должен заинтересовать их в непрерывной деятельности и в постоянном улучшении их предприятий. Это невозможно, если социализация производится путем конфискации; наоборот, это допустимо в том случае, если отчуждается за небольшой выкуп».

Так Каутский ставит вопрос о возможности выкупа и о возможности вознаграждения капиталистов, т. е. по существу он отрицает возможность национализации и берет возможность покупки у капиталистов государством предприятий. Конечно и коммунисты никогда не отрицали возможности, если только можно избежать этим путем сопротивления, откупиться от капиталистов. Но именно факты и практика классовой борьбы показывают и показали у нас в России, что никакой «небольшой выкуп» или даже средний выкуп на деле не помогли бы, так как капиталисты вступили в открытую вооруженную

борьбу и национализация стала неизбежной. Сам Каутский великолепнейшим образом иллюстрировал полную беспомощность, никчемность его методов, полную их отчужденность от жизни, кабинетность и выдуманность, когда вопрос о национализации был поставлен в Германии. Трудно придумать более жалкое впечатление и более жалкие результаты, чем показала эта комиссия, в которой принимал участие и Каутский, по разработке вопросов о национализации в Германии. Ничего, кроме бумагомарания, в результате этой комиссии не получилось, и она прекратила свое бесславное существование, абсолютно ничего не сделав.

В 1918 г. в России все основные предприятия, вся промышленность, весь транспорт, все финансовые учреждения и торговые предприятия были национализированы. По данным Госплана в 1924/25 г. капитальные фонды обобществленного сектора народного хозяйства СССР равнялись 11,7 млрд. руб. и необобществленного частного, главным образом крестьянского, — 7,5 млрд. руб. Только благодаря проведению национализации создалась действительная материальная база для планового хозяйства СССР [1]).

Основой нашего социалистического сектора народного хозяйства является национализированное производство и основой частного хозяйственного сектора является товарное производство и частные предприятия, главным образом мелкого размера. Тов. Ленин насчитывает 5 хозяйственных укладов нашего народного хозяйства. И в настоящее время в результате десятилетнего экономического развития мы можем констатировать, что социалистический уклад, на основании национализированного производства, является ведущим и руководящим во всем нашем народном хозяйстве.

Развитие производительных сил страны являлось одной из основ экономической политики советской власти.

Как пойдет развитие производительных сил, с какой быстротой, в каком размере — именно этот вопрос являлся кардинальнейшим вопросом, и разрешение его заключало в себе по существу разрешение устойчивости и укрепления нового советского строя. Освобождение от

---

[1]) В эпоху так называемого военного коммунизма была проведена вся национализация. Конечно в эту эпоху было сделано немало ошибок и немало было проявлено крайностей. Но историческое значение ее заключается именно в том, что она решительно и безоговорочно отобрала у капиталистов предприятия и тем самым создала основу для нового строительства.

капиталистических форм, неизбежное разрушение старых отношений, так называемые «издержки революции» — несомненно на первых порах должны были создать не только определенноего рода медленность темпа развития производительных сил, но даже их деградацию, потому что необходимо было одновременно создавать новые формы хозяйственного управления, устанавливать экономические взаимоотношения, устранять пережитки старого и вести борьбу с контрреволюцией. Наши враги ставили ставку на то, что пролетариат, пришедший к власти, не справится именно с этой задачей — положительного экономического строительства. Они узнали, что рабочий класс был достаточно организован, чтобы свергнуть их власть, но они надеялись и полагали, что он, не имея опыта в хозяйственном регулировании, не сумеет справиться с теми экономическими затруднениями, какие перед ним ставила жизнь. Нужно принять еще во внимание то обстоятельство, что уже империалистическая война до основания потрясла хозяйство СССР. В течение 3 лет империалистической войны были истрачены колоссальнейшие богатства страны. Промышленность вместо обслуживания нужд населения и производственных нужд хозяйства обслуживала военные потребности. Рабочие силы были отвлечены или в армию или точно так же переброшены на обслуживание армии. Продовольственный голод в городах остро ощущался, запасов продовольствия почти не было. И именно на эти трудности, которые новая советская власть получила от буржуазного строя в наследство, и ставили свою ставку предприниматели, помещики и содействовавшие им мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков. Когда наша политика в первые годы после перехода власти в руки советов была направлена в значительной степени на разрешение вопросов продовольствия, то наши враги во всех углах кричали о том, что мы насаждаем «продовольственный социализм» и что после того, когда в Советской России все проедят и растратят, неизбежно должен будет наступить сам собой развал советской власти, развал советского строя, и тогда-то придет буржуазия, придут ее помощники и покажут, как нужно хозяйствовать. Подобное убеждение вполне было понятно у врагов социализма, у деятелей и апологетов капитализма. Примыкая к ним, мелкобуржуазные партии, которые на своем знамени несли название социалистов, тем самым обнаружили полное непонимание социалистического движения, полное непонимание роли пролетариата и на деле предавали дело социализма капитализму.

Оглядываясь назад, мы видим, как шаг за шагом именно экономическое развитие Советской России било и разбивало надежды тех,

кто мечтал о восстановлении капиталистического строя и о том, что пролетариат, пришедший к власти, не сумеет справиться с задачами экономического строительства.

Конечно, это развитие не происходило гладко и бесперебойно; помимо тех трудностей, которые получила советская власть от прошлого буржуазного строя, на ее пути встали новые трудности благодаря тому сопротивлению, которое оказывал падший капиталистический строй России и мировой капитализм, вмешавшийся в борьбу и вооруженной рукой начавший борьбу против советской власти. Гражданская война, явившаяся неизбежным следствием сопротивления буржуазии, в значительной степени затормозила дело экономического строительства. В центре всей деятельности советской власти, партии, рабочего класса и крестьянства пришлось поставить разрешение вопроса о победоносном окончании гражданской войны и об окончательном уничтожении сопротивления буржуазии. Страна была превращена в военный лагерь. Задачам войны были подчинены все другие задачи, и именно это обстоятельство, несомненно, должно было самым серьезнейшим образом сказаться на развитии производства в стране. Только окончание гражданской войны в 1921 г. выдвинуло опять вопросы экономического строительства, развитие производительных сил на первый план, и наши враги должны были воочию убедиться, что рабочий класс и советская власть не только умеют побеждать, не только умеют производить революцию, но умеют совершать колоссальную работу по хозяйственному развитию, по улучшению положения рабочих и крестьян, по экономическому управлению и по развитию новых форм хозяйства.

Основными этапами развития, таким образом, были следующие:

П е р в ы й   п е р и о д длился от Октябрьского переворота 1917 г. до середины 1918 г. Это был период, когда советская власть приступила к проведению национализации, к созданию новых органов экономического управления, к проведению демобилизации как армии, так и хозяйственной жизни страны.

В т о р о й   п е р и о д, период военного коммунизма, тянется с 1918 по 1921 г. Эпоха военного коммунизма — это эпоха гражданской войны. В этот период проводится полностью национализация, устанавливается централизованная система экономического управления, устанавливается централизованная система в области продовольствия, кооперация превращается в технический аппарат Наркомпрода, почти полностью отменяется денежная система и заменяется натуральной системой.

Третий период — это период новой экономической политики, и тянется он с 1921 г. по 1925 г. Это — период восстановления народного хозяйства. Победоносное окончание гражданской войны дает возможность выдвинуть на первый план задачи экономического развития, подойти более внимательно и серьезно к установлению взаимоотношений города и деревни, сельского хозяйства и промышленности. Разрешается торговля, предприятия переводятся на хозрасчет, кооперация становится формой организации рабочих и крестьян, огромное значение получает сельскохозяйственная кооперация как путь вовлечения крестьянства в социалистическое строительство. Одновременно происходит укрепление социалистических форм хозяйства. Восстановительный период показал, что именно диктатура пролетариата дает возможность установления таких условий, в которых развитие народного хозяйства происходит наибыстрейшим образом. Темп развития восстановительного периода народного хозяйства СССР был выше, чем темп развития окружающих капиталистических стран, несмотря на то, что последние в экономическом отношении стояли значительно выше.

С 1921 по 1925 г. включительно народное хозяйство СССР сумело залечить свои раны, нанесенные ему империалистической и гражданской войнами. Именно в новых условиях народное хозяйство СССР получило действительный стимул для своего развития. Восстановительный период отнюдь не означал восстановления форм и взаимоотношений, существовавших до Октябрьской революции; он означал в смысле производственном, в смысле количества продукции, достижение довоенного уровня.

Наконец четвертый период — это период, в котором мы находимся в настоящее время, который лежит в начале нового десятилетия, который приходится считать с 1926 г., это — период реконструкции народного хозяйства СССР. В этот период выдвигаются новые задачи реорганизации техники, задачи индустриализации страны, задачи широкого социалистического строительства.

Таковы те ступени, по которым шагала экономическая жизнь СССР в течение этих 10 лет. Разбивши врагов, СССР двинулся вперед со всей энергией и мощью по пути хозяйственного строительства и уже с первых же шагов показал огромные преимущества, которые дают в этом отношении социалистические формы хозяйства.

Мы приведем только некоторые основные данные, характеризующие процесс развития производительных сил страны. Эти данные мы возьмем в сравнении с 1913 г., который был годом, давшим выше среднюю продукцию по сельскому хозяйству, и последним предвоенным годом в области промышленности.

Вся валовая продукция в миллиардах рублей по довоенным ценам к 1913 г. оценивалась в 19,8 млрд. руб. В 1921/22г. вся валовая продукция оценивалась всего лишь в 8,2 млрд. руб., т. е. была в $2^1/_2$ раза меньше, чем в 1913 г. К 1925/26 г. она уже почти достигла размеров 1913 г. и равнялась 18,2 млрд. руб. В 1926/27 г. она перешагнула эту грань довоенной продукции.

Если мы обратимся к данным по сельскому хозяйству и по промышленности, то мы увидим, что наибольшее падение в годы войны и революции испытала промышленность. Правда и валовая продукция сельского хозяйства к 1921/22 г. понизилась в два раза: в 1913 г. валовая продукция сельского хозяйства оценивалась в миллиардах рублей — по довоенным ценам в 12,8 млрд. руб., в 1921/22 г. — в 6,2 млрд. руб., а промышленность в 1913 г. — в 7 млрд. руб., в 1921/22 г. — всего лишь в 1,9 млрд. руб. В 1925/26 г. валовая продукция сельского хозяйства оценивалась в 11,3 млрд. руб., промышленности — в 6,9 млрд. руб. В 1926/27 г. валовая продукция сельского хозяйства равняется уже 12,7 млрд. руб., промышленность также стоит выше 1913 г. и равняется 7,6 млрд. руб.

При таком количественном росте производства, однако, мы должны констатировать, тем не менее, наличие еще крайне серьезных недостатков в области качества производства.

Урожайность стоит ниже довоенной. В 1913 г. средний урожай с гектара в тоннах равнялся 1,01 *т*, в 1926 г. — 0,85 *т*, точно так же как себестоимость производства промышленных товаров стоит выше довоенного.

Из отдельных положительных моментов производства следует отметить, во-первых, крайне возросшее производство сельскохозяйственных машин, которое, примерно, на 40% выше довоенного. В 1913 г. производство сельскохозяйственных машин в миллионах довоенных рублей равнялось 60,5 млн. руб., в 1925/26 г. — 69,9 млн. руб. и в 1926/27 г. — 89 млн. руб. Крайне возросла и электротехническая промышленность и производство электро-энергии. В 1913 г. станции общего пользования давали в миллиардах киловатт-часов 690, а в 1925/26 г. производство электро-энергии выросло почти в два с половиной раза и равнялось 1 446 млн. киловатт-часов. Фабрично-

заводские станции давали в 1913 г. 1 255 млн. киловатт-часов, в 1925/26 г. — 1 400 млн. киловатт-часов.

Грузооборот железных дорог СССР в миллиардах тонно-километров достиг довоенного уровня: в 1913 г. он равнялся 75,01 млрд. *т.-км*, в 1926/27 г. — 73,82.

Число рабочих СССР, занятых в крупной промышленности, равняется $2^1/_2$ млн. чел., т. е. тому же числу, которое было в 1913 г. Количество железнодорожных рабочих и служащих возросло: в 1913 г. было 815 тысяч, в 1926/27 г. — 1 018 тыс. человек. Месячная заработная плата в довоенных рублях точно так же достигла довоенного уровня и в ряде отраслей промышленности значительно даже превысила его.

В области внешней торговли мы, наоборот, еще далеко не достигли довоенного уровня. И по ввозу и по вывозу мы стоим на уровне, примерно, 50% того, что было в 1913 г.

Таковы эти основные показатели развития производительных сил СССР, говорящие именно о том, что в смысле количества мы достигли уже довоенного уровня, и в настоящее время стоят в области экономики основные задачи реконструкции технической базы, для того, чтобы наиболее быстрым темпом двинуться вперед в деле развития производства, улучшения его качества и удешевления продуктов массового потребления. Эти задачи являются в настоящее время центральными задачами в области нашей экономической политики.

Свержение капитализма и установление диктатуры пролетариата в отношении хозяйственного развития страны означали неизбежность перехода к социалистическому строительству.

Ведь, в сущности говоря, самая неизбежность свержения капитализма обусловливается законообразностью развития производительных сил, вступающих в противоречие с формами капиталистического строя и требующих для своего дальнейшего развития социалистических форм. Поэтому свержение капитализма и установление диктатуры пролетариата создает те условия, в которых дальнейшее развитие экономики уже происходит в социалистических формах.

Некоторые умники полагают, что подобная постановка отдает фатализмом. Этот упрек, между прочим, всегда раздавался со стороны идеалистов и буржуазных ученых в отношении марксизма и в этом отношении он не представляет из себя ничего оригинального. Законосообразность общественного развития, конечно, означает не то, что

оно совершается как-то само по себе, помимо человеческой деятельности, а именно в ней, т. е. в этой человеческой деятельности, и находит свое выражение законосообразность общественного развития. Вследствие именно законосообразности капиталистического развития становится неизбежным социализм. Социальная революция, свергая капитализм и разрушая капиталистические формы, создает основу для дальнейшего общественного развития в социалистических формах.

Но в переходный период, в условиях диктатуры пролетариата, мы имеем сосуществование различных форм хозяйственной деятельности. Ленин, как известно, насчитывает пять следующих основных форм: во-первых, патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство, во-вторых — мелкотоварное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, которые продают хлеб), в-третьих — частно-хозяйственный капитализм, в-четвертых — государственный капитализм и, в-пятых — социализм. «Россия так велика и так пестра, — говорил он, — что все эти различные типы общественно-экономических укладов переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом». Следует заметить, что взаимоотношения между этими формами не остаются стабильными, они видоизменяются: более сильные побеждают в процессе своего развития более слабых. Социалистическое строительство и осуществление социализма означает победу социалистических форм хозяйства. Отсталые формы хозяйства или обречены на исчезновение или деформируются, превращаясь в социалистические формы, как, например, крестьянские хозяйства, которые через кооперацию превращаются в коллективные формы хозяйства.

Таким образом социалистическое строительство и осуществление социализма заключаются в развитии тех форм хозяйства, которые носят социалистический характер. Это, прежде всего, национализированная промышленность, затем национализированный транспорт и кооперация. Социалистический характер этих форм хозяйства находит свое выражение как в организации труда, так и в выполнении определенных общественных функций.

Само собою разумеется, что социалистические формы хозяйства не выливаются сразу в законченный и совершенный вид. Вполне естественно, что пролетариат, пришедший к власти, только постепенно научается владеть, усовершенствовать и улучшать хозяйственную жизнь и хозяйственные формы, строя их на новой основе. И на этом пути строительства неизбежны многочисленные ошибки, несовершенства, неправильности и т. п. Но даже наш десятилетний опыт показал

огромные преимущества для развития народного хозяйства, даваемые диктатурой пролетариата, создавшей возможность развития народного хозяйства на новых принципах: плановый принцип организации хозяйства дал возможность сравнительно быстрым темпом восстановить в производственном отношении народное хозяйство до довоенного уровня, избегая потрясений и одновременно улучшая положение рабоче-крестьянских масс.

В настоящий период перед народным хозяйством СССР встали задачи технической реконструкции и реорганизации, широкого строительства и в связи с этим дальнейшего улучшения положения рабоче-крестьянских масс. В 1926—1927 гг. среди элементов, отпавших от коммунизма (как, например, Корш, Маслов, Рут Фишер и т. п.), а точно так же и среди небольшой части коммунистов ВКП (б) (Зиновьев, Троцкий, Смилга, Радек и др.) наметились мнения и сомнения относительно возможности построения социализма в одной стране. В сущности говоря, вся аргументация в этом отношении сводится к той же самой аргументации, которая была направлена меньшевиками и эсерами против установления диктатуры пролетариата в одной стране. Как мы знаем, и Карл Каутский, и Дан, и Абрамович и К-о выступали против установления диктатуры в России и против октябрьского переворота, мотивируя это тем, что в отсталой стране, со слабо развитой техникой, с пролетариатом, составляющим меньшинство населения, невозможна социальная революция, невозможна победа пролетариата.

Мы знаем практическую проверку этих утверждений. Опыт Октябрьской революции и десятилетний период советской власти воочию, перед всем мировым пролетариатом, показали, как глубоко заблуждались и ошибались эти противники социальной революции, объективным ходом вещей переброшенные в лагерь буржуазии, в лагерь контрреволюции.

В сущности говоря, и сейчас аргументация по поводу невозможности построения социализма в одной стране базируется на тех же самых утверждениях, как и невозможность победы социализма в одной стране: те же самые указания на техническую отсталость, те же указания на капиталистическое окружение и зависимость от мирового капиталистического хозяйства, те же указания на слабость организации. Вот, в сущности говоря, та аргументация, которая приводится по поводу невозможности построения социализма в одной стране. И опять-таки десятилетний опыт хозяйственного развития СССР и нашей экономической политики разбивает на-голову эти утвержде-

ния, показывающие отступление и схождение с пути строительства социализма. Фактические данные показывают крайне убедительно, что у нас социалистические формы хозяйства побеждают. Промышленность у нас растет и развивается значительно быстрее частно-хозяйственных форм. Кооперация оттеснила на задний план частный капитал в области организации сбыта и снабжения. Мы приведем только несколько цифр, характеризующих указанное положение, отсылая читателя к более подробному рассмотрению этого вопроса в самой книге.

Прежде всего все обследования показывают, что промышленность развивается значительно быстрее, чем сельское хозяйство. Так, например, рост товарной массы сельскохозяйственной и промышленной продукции за три года в процентах к 1923/24 г. выражается следующими числами:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Сел.-хов. (за исключением государственной и кооперативной)	117,2	139,8	150,9
Промышленная (цензовая)	173,3	236,1	270,3

При этом удельный вес той или другой товарной массы в общей товарной массе изменялся следующим образом:

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Сельскохозяйственная . . .	54,7	45,0	41,7	40,3
Промышленная	45,3	55,0	58,3	59,7

Рабочая сила в промышленности возрастает быстрее, чем в сельском хозяйстве. Так, например, лица, занятые в промышленности, повысились с 4,0 млн. чел. в 1924/25 г. до 5,0 млн. чел. в 1926/27 г., — т. е. возросли на 25, а в сельском хозяйстве за тот же период повысились только на 10% — с 58 млн. чел. до 59 млн. чел.

В области капитального строительства затраты 1925/26 г. составили 780 млн. руб., а в 1926/27 г. затраты в капитальном строительстве промышленности — около миллиарда рублей.

Участие частного капитала в промышленности выражается всего лишь в 4%. Таким образом частный капитал играет в промышленности совершенно незначительную роль. В области оборота, как мы сказали, кооперация заняла сейчас первенствующее место. Удельный вес частной торговли в оптовой торговле в 1924/25 г. был 22%, а к 1926 г. он упал до 9,3%. В рознице частный капитал занимал в 1923/24 г. 59,2% товарооборота, а в 1924/25 г. — уже 43,8%, в 1925/26 г. — только 36 %. Кооперация, особенно сельскохозяйственная, имеющая огромные завоевания в деле коллективизации сельского хозяйства, непре-

рывно возрастает. На 1 октября 1924 г. в деревенских потребительских обществах состояло около 3 млн. членов-пайщиков, через год их было 5 млн. чел., в середине 1926 г. их было уже около 7 млн. пайщиков, т. е. в двухлетний период количество пайщиков возрасло больше, чем в два раза. Сельскохозяйственная кооперация объединяет у нас около одной трети крестьянского населения СССР — до 7 млн. крестьянских дворов. В обороте по льну на долю сельскохозяйственной кооперации падает 36% оборота, по картофелю — 42%, по маслу — 53%, по свекле — 70%, по табаку — даже 85%, и в области зерновых хлебов участие кооперации достигает одной трети всех плановых заготовок хлеба.

Растет и количество коллективных хозяйств: в 1924 г. их насчитывалось 18,6 тысяч, в 1925 г. — 21,9 тысяч и в 1926 г. — 22 тысячи. Таким образом кооперация становится действительно основной дорогой перехода крестьянских хозяйств к коллективным социалистическим формам.

Все эти данные указывают на то, что социалистические формы хозяйства в своем развитии значительно обгоняют частно-хозяйственные формы, и в этом отношении мы имеем на практике проверенное движение социалистического строительства вперед.

Первое десятилетие СССР, как мы видели, не только дало установление диктатуры пролетариата, но и заложило основы новой организации хозяйства. Второе десятилетие начинается периодом широкой реорганизации технической основы народного хозяйства СССР и, следовательно, дальнейшего укрепления и развития социалистических форм хозяйства. Этот путь был намечен решениями XIV съезда и XV конференции партии:

«Съезд поручает ЦК руководствоваться в области экономической политики следующими директивами:

а) Во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли, рост социалистической промышленности и вовлечение под ее руководством и при помощи кооперации все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства.

б) Обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию

страны, развитие производства, средств производства и образование резервов для экономического маневрирования.

в) Основываясь на решениях XIV партконференции, всемерно способствовать росту производства и товарооборота в стране.

г) Использовать все ресурсы, соблюдать строжайшую экономию в расходовании государственных средств, увеличивать скорость оборота госпромышленности, торговли и кооперации для повышения темпа социалистического накопления.

д) Развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и с финансовыми возможностями государства.

е) Всемерно содействовать развитию советской местной промышленности (район, округ, губерния, область, республика), всячески стимулируя местную инициативу в деле организации этой промышленности, рассчитанной на удовлетворение разнообразнейших потребностей населения вообще, крестьянского в особенности.

ж) Поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства по линии повышения земледельческой культуры, развития технических культур, повышения техники земледелия (тракторизация), индустриализации сельского хозяйства, упорядочения дела землеустройства и всемерной поддержки разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства.

Съезд считает, что одним из необходимых условий для решения этих задач является борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями «последовательного социалистического типа» (Ленин), как предприятия государственно-капиталистические. Такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала. Съезд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма».

«Основной предпосылкой успеха социалистического строительства является упрочение хозяйственной гегемонии в крупной социалистической промышленности над всей экономикой страны, и в первую очередь ее ведущая и социалистически преобразующая роль по отношению к крестьянскому хозяйству, рост численности и активности

пролетариата и укрепление союза рабочего класса с основной массой крестьянства...»

Вот что мы читаем в этих решениях.

Таким образом преимущества нового строя, проверенные практикой, находят свое выражение в ясной и определенной линии, взятой партией на дальнейшее развитие производительных сил и дальнейшее укрепление и расширение социалистических форм хозяйства.

Но эта линия требует своего планового осуществления. Дело индустриализации страны, великое строительство новых предприятий, организация новых производств, прокладка новых путей, орошение новых громадных площадей и т. д.— возможны лишь в нашей стране на основе плановых расчетов и увязки отдельных частей нашего хозяйства. Одна из основных задач нашей экономической политики заключается в том, чтобы экономическое развитие шло, избегая кризисов и потрясений. Вопросы планового хозяйства получают исключительно важное значение. Планировать уже недостаточно на полгода или на год. Точно так же нельзя удовлетворяться и общей линией нашего экономического развития, как это было сделано, например, в известном плане Гоэлро. Необходим расчет на ряд лет, необходим учет как наших материальных ресурсов, так и затрат, необходим план целесообразной организации человеческой силы. Первое приближение к этому мы имеем. Госплан, ВСНХ, НКЗем и др. хозяйственные наркоматы приступили уже к проработке пятилетнего плана народного хозяйства. Одновременно Госплан работает над генеральным планом, охватывающим период в 15 лет.

В настоящее время мы лишены возможности дать оценку этих работ, так как они носят еще незаконченный характер, остановимся лишь вкратце на общих перспективах построения этого плана.

Задача, которую ставит себе перспективный план народного хозяйства, по мнению Госплана, «может быть сформулирована как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу и материальные ресурсы страны, которые в оптимальной степени обеспечивали бы расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом, в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма».

По этим данным валовая продукция всей промышленности СССР — государственная, кооперативная и частная — возрастет за пятилетие,

примерно, в два с лишним раза и удельный вес промышленности в народном хозяйстве к концу пятилетия увеличится и наша аграрная страна к концу пятилетия сможет стать промышленно-аграрной страной.

Все это даст возможность поднять на значительную высоту производство и сделать наш Союз более независимым от капиталистических стран.

История экономического развития СССР идет в сторону все большего и большего развития производительных сил страны и укрепления социалистических форм хозяйства. Уже в настоящее время этими достижениями СССР становится угрозой для капиталистического мира. Факт укрепления диктатуры пролетариата, факт построения новых форм хозяйства, факт практических достижений бьет по самым основам эксплоататорского, хищнического капиталистического строя. Пролетариат других стран с каждым днем убеждается на примере СССР в достижениях социалистического хозяйства и в неизбежности и необходимости произвести свержение капитализма у себя. Реформистские пути и сдерживающие узы II Интернационала ослабевают с каждым днем и будут ослабевать, не имея возможности сдерживать революционное движение рабочего класса. Наоборот, влияние и значение III Интернационала будет неизбежно с каждым днем расти. Волны революции, поднявшиеся на Востоке и в Китае, говорят о том, что приближается час, когда рухнет мировой капитализм.

Путь исторического развития СССР является прологом для других стран. Опыт в СССР учитывается мировым пролетариатом для установления диктатуры пролетариата в других странах и для приступа к строительству социализма.

В. Милютин.

Москва, 20 июня 1927 г.

I. ЛЕНИН В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ.

1. ЛЕНИН КАК ПРАКТИК.

Тов. Ленин в своей личности соединял глубокого теоретика и великого практика в самом широком понимании этого слова.

В нашу труднейшую переходную эпоху во главе мирового движения пролетариата капитаном корабля мировой социальной революции стоял человек, который, как никто, обладал современным багажом науки, в совершенстве владея методом марксизма, и вместе с тем умел вести, направлять и руководить миллионными массами, умел каждый вопрос ставить практически и осуществлять, претворять его в жизнь с непоколебимой решительностью и настойчивостью.

Для него теория и живая деятельность неразрывно были связаны.

«Для нас, — сказал он в одной из своих речей,— теория есть обоснование предпринимаемых действий».

Эта одна фраза проливает яркий свет на характер всех его научных литературных трудов. В них всегда бьет ключом живая действительность, и они проникнуты, чего бы они ни касались, — аграрного ли вопроса, национального, философии, международных проблем и т. п., — революционным пылом борьбы и стремительной атакой противника.

Вместе с тем в его научных трудах поражает масса фактического материала. Сплошь и рядом он кропотливо собирает детальнейший цифровой материал для подкрепления своих выводов и положений. Товарищам, работавшим с т. Лениным, хорошо известно, с какой тщательностью собирал он необходимый ему материал. Уже будучи тяжело больным, он подготовлял материал по вопросу о научной организации труда и требовал составления списка книг и статей, вышедших как в России, так и за границей по этому вопросу, как можно более полного. Благодаря этому и его практическая деятель-

ность всегда в основе своей была необыкновенно принципиально выдержана и обоснована.

Он сумел действительно применять марксизм на деле.

Отличительной чертой его как практика была прежде всего широкая постановка задач. Он умел за любой частностью рассмотреть общую законосообразность и любой вопрос осветить с точки зрения общего развития.

В этом отношении его и теория и практика в вопросах международных, аграрном, национальном, наконец о новой экономической политике являют классические примеры этого.

Второй отличительной чертой его как практика был деловой учет реальной действительности. С самой жестокой насмешкой относился он к «фантазиям» товарищей, если они не учитывали конкретных условий при своих предложениях.

При учете реальных условий ему помогало необыкновенно развитое чутье к настроению масс, к движению миллионов, поэтому с особой охотой он говорил с человеком из массы и с человеком с места и требовал, чтобы их к нему приводили.

Третьей отличительной чертой являлась решительность и настойчивость в осуществлении раз поставленной и осознанной задачи. Он не терпел колебаний, нерешительности и поблажек.

В тяжелые годы гражданской войны он со всей энергией и решительностью поддерживал, напр., диктатуру Наркомпрода, борясь с нашими высовнархозовскими «фритредерскими» замашками, и, наоборот, — во время нэпа, — он так же решительно пошел на сужение Наркомпрода, на развитие свободных торговых отношений, и особенно, помню, хвалил т. Бадаева, как первого удачливого питерского купца.

Четвертой отличительной чертой являлось умение подобрать, организовать и воспитать вокруг себя работников. Тов. Ленин всегда следил, кто и как выполняет работу. И был, несмотря на свои из ряда вон выходящие способности и силы, настоящим коллегиальным работником, умел не подавить, а заставить работать человека.

Наконец пятая черта — ясное и смелое отдание отчета в сделанной работе.

Тов. Ленин всегда с полной откровенностью указывал на сделанные ошибки. Так было в течение всех лет его работы. Но вместе с тем не терял, а точно учитывал успехи и результаты. Поэтому у него

как-то отсутствовал и оптимизм, и не было безысходного пессимизма при неудачах.

Таковы основные черты т. Ленина как практика. Они, конечно, не полны. Но нам они представляются наиболее характерными для него.

Эти черты с полной определенностью проявились в той области, которая нам наиболее близка, — в экономической области и, в частности, в организации и управлении нашей промышленностью.

Писать о работе т. Ленина в экономической области значит писать о современной экономике и в области теории и в области практики. И там и тут он проложил новые пути и совершил огромную работу, полное значение которой будет выявляться все с большей силой с течением времени.

2. ЛЕНИН КАК РУКОВОДИТЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКОЙ.

В области экономической политики т. Ленин вел твердую линию, умело лавируя в сложных переплетениях современных отношений.

Существует мнение, что новую экономическую политику т. Ленин не предвидел и был вынужден к ней тяжелыми последствиями, сложившимися к 1921 г.

Но, изучая его статьи и речи, начиная с 1917 г. и кончая 1923 г., видишь, что т. Ленин со своей обычной последовательностью вел определенную экономическую политику, определяемую условиями экономики переходного времени, которые им были вполне точно и ясно выражены в его статьях и речах 1917—1918 гг. и затем им неоднократно повторялись.

Из оценки общего положения в области экономических отношений в переходную эпоху исходил т. Ленин, строя конкретную экономическую политику и проверяя ее практикой и изучением этой практики.

«Мы должны учиться и научимся работать» — таков мотив, который много раз звучит в его речах и разговорах.

«Экономика России, — говорит он еще в 1919 г., — в эпоху диктатуры пролетариата представляет собою борьбу первых шагов коммунистически объединенного в едином масштабе громадного государства труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе капитализмом.

Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства,

и поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися.

Мы говорим о «первых шагах» коммунизма в России (как говорит это и наша партийная программа, принятая в марте 1919 г.), ибо все эти условия осуществлены у нас лишь частью или, иными словами, «осуществление этих условий находится лишь в начальной степени».

Основными формами в переходную эпоху в общественном хозяйстве являются капитализм, мелкое товарное производство и коммунизм, а основными силами — буржуазия, мелкая буржуазия и в особенности крестьянство и пролетариат.

Учитывая эту разнородность форм общественного характера в переходную эпоху и соотношение основных сил, т. Ленин и определял экономическую политику как в эпоху военного коммунизма, так и в эпоху новой экономической политики.

В эпоху военного коммунизма — национализация средств производства, учет, контроль, сосредоточение запасов продовольствия в руках государства, — таковы основные задачи.

В эпоху новой экономической политики — смычка национализированной промышленности с сельским хозяйством, развитие рынка, смычка рабочих с крестьянской массой, развитие кооперации, — таковы основные пункты этого периода.

Общая цель была: укрепление власти рабочих и крестьян и подъем хозяйственной жизни, строительство социализма.

На III Съезде советов, в январе 1918 г. т. Ленин говорил:

«Мы знаем лишь один путь пролетарской революции: овладев неприятельской позицией, научиться власти на опыте, на своих ошибках. Мы нисколько не преуменьшаем трудности нашего пути, но основное нами уже сделано... Когда нас обвиняли в том, что, вводя рабочий контроль, мы разбиваем производство на отдельные крупные цехи, мы отметали этот вздор. Вводя рабочий контроль, мы знали, что пройдет немало времени, пока он распространится на всю Россию, но мы хотели показать, что признаем только один путь преобразований снизу, чтобы рабочие сами выбирали снизу новые основы экономических условий. На эту выработку потребуется немало времени.

От рабочего контроля мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства. Только эта мера вместе с национализацией банков и железных дорог, которая будет проведена в ближайшие дни, даст нам возможность приняться за постройку нового социалистического хозяйства. Мы прекрасно знаем трудность нашего дела, но мы утверждаем, что социалистом на деле яляется только тот, кто берется за эту задачу, полагаясь на опыт и инстинкт трудящихся масс».

Этими словами была намечена, в сущности, программа экономической деятельности, указывался путь к строительству базы нового строя. По этому пути пошла наша экономическая деятельность: с середины 1918 г. усиленным темпом начинает развиваться национализация предприятий, с 1919 г. постепенно расширяется круг государственных монополий. Советский аппарат не успевал за этим процессом развития, и т. Ленин первый указал на его недостатки, несовершенства, сплошь и рядом выступая с самой резкой критикой.

Годы 1918, 1919, 1920 — годы до крайности тяжелого продовольственного положения городов и, в первую очередь, рабочего класса.

Тов. Ленин выдвигает и ведет линию на централизацию продовольственного дела в борьбе за хлеб.

«Перед нами, — говорит он в июне 1918 г., — сейчас стоит самая основная задача всего человеческого общежития — победить голод, уменьшить, по крайней мере немедленно, непосредственный мучительный голод, которым охвачены обе столицы и десятки уездов в земледельческой России. И приходится решать эту задачу в обстановке гражданской войны, самого бешеного, отчаянного сопротивления эксплоататоров всех рангов, всех мастей, всех цветов и ориентаций и всего политического союза против революции». Поэтому «все излишки хлеба мы должны собрать и добиться того, чтобы все запасы были свезены в те места, где нуждаются, правильно распределить».

Таковы основные вехи, которые были намечены т. Лениным для этих тяжелых лет гражданской войны.

В рамках этих общих задач т. Ленин намечает нашу политику в области непосредственного управления хозяйственной жизнью, привлечения рабочих масс, использования специалистов, установления премиальной системы и т. д. и т. д. Ни одно сколько-нибудь крупное мероприятие не обходится без участия его.

1921 г. явился переломным годом в развитии Советской России — победа на военном фронте за поворот в области экономической.

Тов. Ленин вначале по обыкновению подошел с величайшей осторожностью к этому поворотному пункту нашей истории. Я помню

первый обмен мнений по этому поводу, когда он вызвал меня к себе. Речь шла лишь о допущении «местного рынка», местного товарооборота. Но, несомненно, это явилось лишь пробным шагом. И в дальнейшем т. Ленин по обыкновению поставил вопрос во весь рост.

Обоснование новой экономической политики дано им в известной брошюре «О продналоге» и в речи на XI съезде РКП.

«Постройка того, — говорит он, — что мы могли сразу осуществить из намеченной нами программы коммунистической общественности, шла до известной степени в стороне от того, что делалось в широчайшей крестьянской массе, на которую мы возлагали очень тяжелые повинности, оправдывая их тем, что война никаких колебаний в этом отношении не допускает. Это оправдание, если взять его во всем объеме, было принято крестьянством». Таков был первый этап. Но создалось новое положение: война кончена, «но смычки между экономикой, которая строилась в национализированных, социализированных фабриках, заводах, совхозах, и экономикой крестьянской не было... Это мы видели так ясно, что в партии не было никаких колебаний по вопросу о том, что новая экономическая политика неизбежна».

И т. Ленин необычайно выпукло рисует содержание новой экономической политики:

«Мы строим свою экономику в связи с крестьянством. Мы должны ее переделывать неоднократно и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой и той работой, которой занят каждый крестьянин... Наша цель — восстановить смычку, доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете, а не с чего-то отдаленного, фантастического с точки зрения крестьянина... Вот в чем значение новой экономической политики, вот в чем основа всей нашей политики».

Тов. Ленин наметил нашу экономическую политику на много лет вперед. Его захват, размах был настолько широк, он так далеко провидел вперед, что благодаря его гениальной прозорливости наша экономическая политика стоит на твердом практическом и теоретическом базисе.

Итоги нашей экономической жизни полностью подтверждают то, что наметил в этой области т. Ленин.

Нам остается ее конкретизировать, проверять, сколько возможно, исправлять наши ошибки и учиться, учиться работать, организовывать, строить. В этом отношении пример т. Ленина должен постоянно стоять перед глазами каждого из нас.

3. ЛЕНИН КАК ОРГАНИЗАТОР ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.

Новые экономические отношения, сложившиеся после переворота, неизбежно повлекли, с одной стороны, к разрушению старого капиталистического аппарата хозяйственного управления, с другой стороны — вызвали колоссальный саботаж со стороны не только капиталистов — это само собою разумеется, — но и технического персонала. На пути к новому строительству стоял злостный саботаж высших слоев инженерства, техников, директоров, собственников предприятий и т. д. Борьба закипела и на всем фронте. И, само собою разумеется, результаты этой борьбы стояли в тесной зависимости от условий борьбы между группами бывших собственников и примыкавшего к ним высшего технического персонала, с одной стороны, и теми миллионами трудящихся, которые должны были быть привлечены в управление и должны были на деле стать хозяевами экономической жизни, — с другой.

На II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г. т. Ленин ставит эту проблему. Он говорит, что «создателями нового общества могут быть только многомиллионные массы; как сотни были создателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так и теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном, непосредственном, практическом участии в управлении государством десятков миллионов. Мы к этому подошли, но мы до этого еще не дошли». Вызвать активность десятков миллионов — в этом была задача момента.

Естественно, что управление страной и аппарат управления на первых шагах не могли слагаться только путем обдуманного централизованного метода, — процесс строительства шел главным образом снизу. Но именно в этом и была ценность аппарата. На первых шагах хозяйство, несомненно, в деловом отношении страдало крупнейшими дефектами, было громоздко, было несовершенно и не могло сплошь и рядом выполнять заданий, стоящих перед ним. Но, как неоднократно подчеркивал т. Ленин, впервые был создан все же аппарат государственной власти руками рабочих и крестьян.

Очерчивая план хозяйственного управления, т. Ленин *придавал огромное, первенствующее значение профессиональным союзам.*

Привлечение фабрично-заводских комитетов к управлению предприятиями, привлечение профессиональных союзов видоизменялось

в смысле форм участия неоднократно в течение этих шести лет. Но общая задача была т. Лениным определена следующим образом: «Профессиональные союзы, —говорит он на VIII Съезде советов,— являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, который осуществляет государственное принуждение. Это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, — это есть организация воспитательная, организация вовлечения в обучение, есть школа управления, хозяйничанья, школа коммунизма. Это совсем не обычный тип школы; мы имеем дело не с преподавателем и учеником, а с своеобразным сочетанием того, что осталось от капитализма и не могло не остаться, и того, что выдвигает из своей среды революция, революционно-передовой отряд, так называемый революционный авангард пролетариата. И в этом, — говорит он, — роль профсоюзов... Профсоюзы по месту в системе диктатуры пролетариата стояли, если можно так выразиться, между партией и государственной властью. При переходе к социализму неизбежна диктатура пролетариата, но поголовная организация промышленных рабочих не осуществляется этой диктатурой... Получается такая вещь, что партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата, и, не имея такого фундамента, как профессиональные союзы, которые осуществляют диктатуру, нельзя осуществлять государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений, опять-таки нового какого-то типа, а именно — через советский аппарат».

Таким образом задача такова: метод подхода к организации управления хозяйственной жизнью страны идет через привлечение миллионных масс рабочих. На этой базе активности миллионов выдвигался вопрос организации уже непосредственно советского аппарата и, в частности, аппарата хозяйственного управления страны.

Тов. Ленин придавал огромное значение аппарату. Он указывал, что, с деловой точки зрения, без хорошего аппарата действительно управлять страной невозможно. Критикуя и нападая на наш аппарат, он тем не менее полностью учитывал его колоссальное значение и внимательно следил за тем, кто и как работает в этом аппарате, стараясь выдвинуть наиболее способных, наиболее активных рабочих и крестьян на передовые посты в этом аппарате.

Как всякий аппарат, и государственный и хозяйственный склонны к порождению определенной закостенелости, бумажности и бюрократизма. Со всей энергией и решительностью т. Ленин боролся против бюрократизма в нашем аппарате и объявлял его злейшим врагом. Но, конечно, не выплескивал вместе с водой ребенка.

Придавая огромное значение построению аппарата хозяйственного управления, т. Ленин на первых шагах принимал близкое, непосредственное участие в Высшем совете народного хозяйства, а впоследствии стал во главе Совета труда и обороны, который объединял всю хозяйственную деятельность по управлению страны. И здесь в определении форм хозяйственного управления мы видим в т. Ленине делового практика, который яснее профессиональных организаторов подмечал недостатки как в самих методах управления, так и в деятельности самого аппарата, и с настойчивостью указывал на необходимость немедленного их исправления. В эпоху так называемого главкизма он поставил диагноз его болезни, на основании которого впоследствии пришлось применить метод лечения в виде введения единоличного метода управления и личной ответственности.

На II Всероссийском съезде советов народного хозяйства еще в 1918 г. он говорит: «От совнархозов, главков и центров мы будем безусловно требовать, чтобы коллегиальная система управления не выражалась в болтовне, в писании резолюций, в составлении планов и областничестве. Это недопустимо. Мы неуклонно будем требовать, чтобы каждый работник совнархоза, каждый член главка знал, за какую отрасль хозяйства в узком смысле он отвечает... Нужно поставить вопрос о том, чтобы каждый член коллегии, каждый член ответственного учреждения взял в свои руки дело, отвечая за него целиком. Непременно нужно, чтобы всякий, взявший на себя определенную отрасль, отвечал за нее — и за производство и за распределение...».

Так т. Ленин ставил вопрос о хозяйственном аппарате еще в 1918 г. В течение последних лет он неоднократно возвращается к этому вопросу, и одно из последних его выступлений (о Рабкрине) уже в 1923 г. посвящено вопросу улучшения хозяйственного аппарата.

«Дела с госаппаратом, — пишет он, — у нас в такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны подумать вплотную о том, в какой степени бороться против его недостатков, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в сторону ушедшей уже в далекое прошлое культуры».

Я уже говорил выше, что т. Ленин всегда обладал необыкновенным умением заставить работать окружающих и использовать все для осуществления определенно поставленных целей. Он понимал, что при том отсутствии опыта в управлении, которым страдали как профсоюзы, так и коммунистическая партия, при том отсутствии необходимых специальных знаний, которых требовал целый ряд отраслей хозяйственного управления, без специалиств обойтись невозможно. Этот вопрос т. Ленин выдвинул в самом начале. На том же II съезде совнархозов он заявляет: «Пора нам отказаться от прежних предрассудков и призвать всех нужных нам специалистов к нашей работе». И он впоследствии указывает, как на явно утопическую, на задачу созидать новый строй только руками коммунистов, без привлечения специалистов. Поэтому с особой тщательностью, с особым вниманием он относится ко всяким попыткам привлечения специалистов в ряды работников хозяйственного управления. Товарищи знают, с каким вниманием относился т. Ленин к возможности привлечения и в самой Советской России и извне, из-за границы мало-мальски крупных специалистов к работе и с какой готовностью хватался он за подобного рода возможность и предложения. Сплошь и рядом т. Ленин отрывался от важнейших своих дел для того, чтобы переговорить лично с тем или иным специалистом. Всем нам, работавшим в президиуме ВСНХ, приходилось бывать на приеме т. Ленина, приводя туда по его требованию тех или иных специалистов, с которыми он лично беседовал.

Наконец как один из важнейших вопросов, т. Ленин трактовал вопрос, насколько обременительно аппарат управления ложится на наш государственный бюджет, и затем, насколько сложность самого аппарата мешает работать. Множество заседаний было посвящено выявлению этих вопросов и вопросов, связанных с упрощением и удешевлением аппарата.

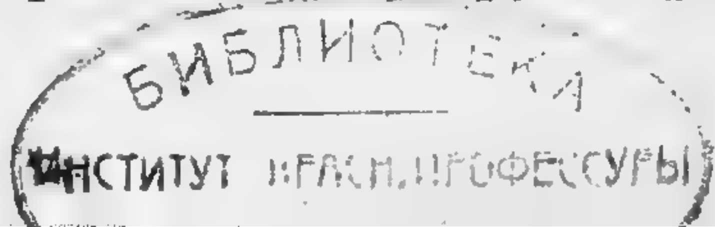
Таким образом в области организации управления и в области организации аппарата управления т. Ленин выдвигал основным принципом участие масс и массовых работников (работников из масс) в самом управлении и организации работоспособного гибкого аппарата, с привлечением к его работе всех необходимых специалистов, с целью поставить его или, лучше даже сказать, приблизить его к типам организаций, построенных на научных основаниях. Поэтому он огромное значение придавал научной организации труда и трудовой дисциплине. Таковы были принципы в области хозяйственного управления, которые были заложены т. Лениным.

4. ЛЕНИН В ПРАКТИЧЕСКОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАБОТЕ.

Тов. Ленин не только направлял и руководил экономической политикой, не только в большом масштабе обосновывал управление хозяйственной жизни страны и строение аппарата, но принимал самое непосредственное участие в практической, сплошь и рядом мелочной, работе в этой области. Только его сверхъестественная работоспособность могла выдержать всю ту разностороннюю работу, которую он выполнял. Будучи председателем Совета народных комиссаров, председателем Совета труда и обороны, занятый постоянно вопросами международного движения, международной политики внутри страны, он вместе с тем умел еще уделять массу внимания и сил работе в области непосредственной узко-практической деятельности. В этой работе больше всего в т. Ленине поражало отсутствие какого бы то ни было бюрократизма. Но он не только был противником бюрократизма, идейным, так сказать, но сам в своей работе давал пример работника, лишенного каких-либо черт бюрократа. Для него практический результат, непосредственное действие стояли всегда на первом плане, и он умел добиваться со всей своей энергией этих результатов, отучая окружающих его товарищей удовлетворяться только бумажными постановлениями и решениями. Телефонный звонок от т. Ленина всегда означал справку, как обстоит дело с осуществлением того или иного принятого решения. Тов. Ленин сплошь и рядом сам направлялся туда, где нужно было произвести проверку, как выполняется то или иное решение, руководясь принципом, что свой глаз лучше.

Я указывал на то, что в 1918 г. был период, когда после отъезда т. Осинского, бывшего первым председателем ВСНХ, т. Ленин принял самое непосредственное, близкое участие в работах президиума ВСНХ, и последний не раз собирался совместно с т. Лениным для решения текущих вопросов. Впоследствии, заваленный массой работы, т. Ленин от непосредственного участия в работах ВСНХ отошел, хотя всегда внимательно следил за ходом его деятельности. Но затем, с переходом хозяйственных функций по управлению к Совету труда и обороны, т. Ленин опять входит в гущу практических вопросов по хозяйственному управлению страны и уже до последнего дня не оставляет этой работы.

Следует отметить, что в области практической хозяйственной работы т. Ленин огромное значение придавал развитию техники и техническим улучшениям. С жадностью ухватился он за выдвинутую проблему электрификации и явился горячим электрификатором, привлекая к этой области внимание работников, агитируя и пропаганди-

руя эту идею, зная, что без технического улучшения, без энергичного напора в этой области мы будем представлять собою долгое время страну, экономически зависимую от передовых капиталистических промышленных стран.

С таким же вниманием относился т. Ленин к вопросам и проблемам сырья и топлива и улучшения нашего транспорта. Покойный Марков должен был целыми часами висеть на телефоне, сообщая о движении поездов и доставке грузов в тот или иной пункт. На заседание по вопросу о мелиорации Туркестана (доклад инж. Ризенкампфа) т. Ленин сам приехал во 2-й дом Советов, чтобы ознакомиться с планами, предлагаемыми докладчиком. Точно так же приехал он на заседание по вопросу о реорганизации Комитета государственных сооружений, чтобы самому принять непосредственное участие в реорганизации этого учреждения.

Будучи необычайно точен в работе, т. Ленин ставил требование обязательного контроля за точностью в работе других, и в этом отношении всякие упущения приводили его в раздражение, и он сам принимал меры, чтобы подогнать отставших.

Только благодаря непосредственному участию т. Ленина, как практического работника, работа Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны могла давать те огромные результаты, которые сказались не только в центре, но и на местах. Работая в этой области, т. Ленин показал, как теоретик, как вождь может быть вместе с тем и великолепным практическим работником, деловым, пунктуальным в самых повседневных текущих вопросах жизни.

Мировой пролетариат в лице т. Ленина имел гениального вождя, который далеко провидел тот путь, по которому идет развитие мирового пролетариата, идет развитие мировой социальной революции. Но, как мы видим и как мы знаем, т. Ленин был не только гениальным теоретиком, но он был и практическим работником на той арене, на которой строится новое общество. В условиях переходного времени в запутанных отношениях особенно важна и необходима явная, определенная, продуманная, принципиально выдержанная линия — это давал т. Ленин. Вместе с тем в борьбе с капиталистическим классом, великолепно организованным и технически и в военном отношении, необходимо было то практическое деловое отношение к борьбе, которое также давал и проводил на деле т. Ленин.

Мировой пролетариат в лице т. Ленина потерял своего гениального вождя, а человечество потеряло свою лучшую голову.

II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1. ПОСЛЕДСТВИЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Первоначальное представление, которое среди буржуазии было господствующим, что октябрьский переворот является несчастной случайностью для капитализма, а советский строй — скоропреходящим явлением, рассеялось и заменилось другим: признанием (не совсем-то добровольным) устойчивости новой общественной системы, родившейся в октябре 1917 г. в России. Факты — упрямая вещь, а пять лет существования Советской России богаты такими историческими фактами, что их волей-неволей приходится признавать и с ними считаться.

Но буржуазия и буржуазные ученые, по вполне понятным для нас причинам, не отдают себе отчета относительно перспектив дальнейшего общественного развития. Они не могут признать и понять октябрьский переворот как одно из звеньев крушения капитализма и перехода к мировой диктатуре пролетариата. Положение обязывает, и поэтому буржуазные ученые с упорством твердят, вопреки действительности, о непоколебимости капиталистического строя.

Однако последствия мировой войны таковы, что некоторые лучшие буржуазные умы заговорили уже иным языком. Разорение, бедствия, циничная, хищническая конкуренция, позорное банкротство Версальского грабительского мира, угроза новых империалистических войн — все это приводит их к особым выводам в отношении современных общественных явлений. Труды таких ученых и знатоков, как Кэйнс, Гобсон — в Англии, Кайо — во Франции, Нитти — в Италии, являются крайне показательными. Значение и роль мировой войны ставятся уже в иные рамки и в иную зависимость, чем те, в какие их обычно вставляли. Эти признания наших противников ценны для нас как лишнее свидетельство правильности нашей позиции. Тов. Зиновьев был прав, когда еще в 1915—1916 гг. писал: «Содержание того мира, который будет заключен великими державами, раскроет истинный

империалистический характер войны, вопреки нынешним парадным заявлениям о целях войны, делаемым для народа. Кого не научила империалистическая война, того, надо надеяться, научит империалистический мир. Этот мир, во всяком случае, будет только кратковременным перемирием, маленькой паузой перед новыми катастрофами, которыми чревата империалистическая эпоха» [1]). Версальский мир действительно явился поучительным для многих и многих... но все же только для тех, у кого глаза предусмотрительно не закрыты, как у вождей II Интернационала.

В своей книжке об «Экономических последствиях Версальского мира» Кэйнс пишет: «Договор (мирный) не содержит в себе ни одного мероприятия, могущего способствовать экономическому воссозданию Европы, — ничего, что бы могло превратить побежденные центральные империи в добрых соседей, ничего, что бы содействовало укреплению новообразованных европейских государств, ничего, что бы помогло вызвать к бытию Россию. Кроме того он ни в малейшей степени не способствует усилению экономической солидарности между самими союзниками. В Париже не пришли к соглашению ни в целях воссоздания расстроенных финансов Франции и Италии ни в целях приведения в соответствие систем Старого и Нового света» [2]). Это пишет человек, сам принимавший близкое участие в составлении договора. В одной из своих последних статей он приходит к выводам, полным глубокого пессимизма. «Как мираж, рассеялись надежды на лучшее будущее, блеснувшие над обагренными кровью полями военной бойни. Необоснованные весенние надежды 1920 г. сменил глубокий пессимизм — пессимизм прежде всего экономический» [3]).

К еще более решительным выводам приходит Гобсон. Охарактеризовав предвоенную эпоху как полную противоречий, борьбы с правительствами, неспособными решить основные вопросы, он говорит: «И вот на эту почву общего разброда как в намерениях, так и в действиях свалилась война, и из дыма войны возникло чудо большевизма. Он оказывается единственным созидательным продуктом войны. Все остальное — распад и разрушение» [4]).

---

[1]) Г. Зиновьев, Война и кризис социализма, стр. 224.

[2]) Кэйнс, Экономические последствия Версальского мира, Стокгольм, 1921, русск. пер., стр. 154.

[3]) Дж. Кэйнс, Экономические перспективы ближайшего будущего, журн. «Экономист», Петроград, 1922.

[4]) Дж. Гобсон, Проблемы нового мира, «Красная новь», кн. 8, 1922.

Призраки новых столкновений и растущей мировой революции не дают спать буржуазным политикам. Советская Россия выросла в силу, с которой надо договариваться. Капитализм уже не способен управлять миром, но он способен еще ввергнуть мир в бездну новых ужасов. Но законы истории неумолимы, и те причины, какие привели Россию к октябрьскому перевороту, действуют и в мировом масштабе и рано или поздно приведут к тем же последствиям, что и у нас: к диктатуре пролетариата.

Основными причинами октябрьского переворота были те противоречия, в какие вступил буржуазный класс в России с экономическими требованиями, предъявленными к нему всей общественной жизнью. Мировая война не только явилась показателем кризиса мирового капитализма, но и повела к углублению этого кризиса. Война породила такие бедствия и противоречия, вызвала такие силы в России, что от них не только погибло самодержавие, падение которого подготовлялось всем ходом исторического развития, но не устоял и буржуазный строй, т. е., повторяем, война явилась и кризисом буржуазного строя.

Потрясение, испытанное всем капиталистическим миром в эпоху 1914—1918 гг., было таково, что процесс распада захватил даже самые устойчивые капиталистические государства и идет с возрастающей на наших глазах быстротой. С особенной силой он должен был поэтому проявиться в России, экономическое положение которой было ужасно, а обострившаяся до небывалых размеров классовая борьба, неспособность буржуазии, ее экономическая и политическая слабость и немощь благоприятствовали революции.

Нам часто приходилось сталкиваться с упреком, что мы произвели социальную революцию «не по Марксу». «Как это вы, — говорили нам наши противники: Каутские, Шейдеманы, Мартовы, Даны и даже Бауэры, — признавая, что переворот может произойти только после того, когда производительные силы перерастут капиталистическую оболочку, а концентрация капитала достигнет высшей точки, произвели переворот в России, экономически отсталой стране, с преобладающей массой земледельческого населения? Разве это по-марксистски?» Эти люди, которые отказались от революционных методов, от диктатуры пролетариата, естественно, думают спрятаться за подобные софизмы и тем самым оправдать свою измену и революции, и рабочему классу, и социализму. В действительности крах испытывает весь капиталистический строй, противоречия между развитием производи-

тельных сил и капиталистической оболочкой наблюдаются в отношении всего капиталистического строя, классовая борьба ведется во всеобщем масштабе, и социальная революция имеет мировой характер. Эти законы мировой революции с особенной силой выступили во время войны и после войны. С этой точки зрения марксизм был прав, наши предсказания, которые нами делались, как только война началась, полностью оправдались, а изменили марксизму те, кто рабски поплелся в хвосте своей буржуазии, в защиту ее классовых интересов.

Но где революция окажется победоносной — это зависит от соотношения сил, от подготовленности пролетариата, от целого ряда других условий. Такая благоприятная ситуация оказалась в России, и мировая революция свою первую победу утвердила здесь, а мы явились лишь выразителями этого законосообразного исторического процесса. Господам же нашим противникам мы предложим предъявить их смешные претензии госпоже Истории, она им ответит по заслугам!

Если непонимание совершающегося обнаружила западно-европейская буржуазия, то в еще большей степени это мы видим у русской буржуазии и русских буржуазных ученых. Русская буржуазия обнаружила поразительную слепоту в отношении совершавшихся исторических событий. Она их совершенно не понимала. Поэтому все исторические события для нее являлись сюрпризом, а когда она слетела со своего насиженного места под ударами революции, то долго не могла понять, что это значит и что это совершилось «всерьез и надолго».

Когда началась мировая война, то видные буржуазные экономисты оценили ее чуть ли не как благодетельное явление для России и во всяком случае менее вредное для России, чем для какой-то там промышленно-развитой Германии. В нашей отсталости они видели громадное преимущество. Они совершенно не отдавали себе отчета в том, что война, будучи непроизводительной тратой народного богатства, прежде всего потребует колоссальных средств, каковые могут быть добыты лишь за счет истощения основного капитала, а также истребления запасов сырья, топлива, материалов и т. п., и тут менее развитой производственный аппарат разрушится скорей, чем более крепкий, хорошо действующий аппарат. Мы приведем лишь типичные примеры такой куриной слепоты. Вот что, например, писал в начале войны видный буржуазный экономист проф. П. Мигулин [1]).

[1]) Проф. П. Мигулин, Война и наше экономическое положение, «Новый экономист». № 30, 1914.

«Банкротство, — говорит он, — особенно грозит государствам промышленным, работающим на внешние рынки и нуждающимся в привозе продуктов для своего населения, как Германия... Как нам уже неоднократно приходилось отмечать, экономическое положение России, сравнительно с Германией и Австрией, несравненно выгоднее». И дальше проф. П. Мигулин прямо смехотворным образом доказывает эту «выгодность». «Обрабатывающая промышленность наша, — утешает он, — работает исключительно на внутренний рынок, и закрытие для нее рынков внешних не окажет никакого влияния; напротив, сокращение иностранного привоза создаст повышенный спрос на продукты туземной индустрии, и, следовательно, она получит толчок к дальнейшему развитию, которое будет задерживаться только недостатком капитала, стеснением денежного рынка и рабочих рук, отвлеченных войной». Видите, как хорошо: обрабатывающая промышленность даже получит толчок к дальнейшему развитию! На самом деле она получила такой толчок, что в 1917 г. полетела кувырком! «Страна земледельческая, Россия, — продолжает философствовать г. Мигулин, — конечно, пострадает вследствие сокращения экспорта своих сельскохозяйственных продуктов. Однако это будет иметь и свою хорошую сторону; названные продукты подешевеют для внутреннего потребления, в то время как они резко должны вздорожать в странах промышленных... Для нашего расчетного баланса сокращение экспорта не будет иметь никакого значения, так как параллельно, и даже еще в большей степени, уменьшится импорт к нам товаров заграничных, особенно германских»... Таковы эти наивные утешительные выводы, которыми пробавлялась наша буржуазия накануне величайшего краха.

Таких же взглядов придерживался и такой общепризнанный столп буржуазной науки, как проф. М. И. Туган-Барановский. «По отношению к влиянию войны на промышленность, — говорит он, — между Россией и Германией существует глубокое различие, к выгодам нашего отечества... В общем наш народно-хозяйственный организм не только не разрушается войной (как это мы видим в Германии), но почти ее не чувствует... В этом отношении разница между Россией и Германией громадна, ибо продолжение войны наталкивается для Германии — за известным, не очень отдаленным пределом — на экономическую невозможность, между тем как мы, поскольку дело идет о нашем народном хозяйстве, можем вести войну годами» [1].

---

[1]) Цитирую по книге С. Н. Прокоповича, Война и народное хозяйство, Москва, 1918, стр. 29.

Таковы были общераспространенные взгляды среди нашей буржуазии в 1914/15 г. Этим взглядам соответствовала и ее практика, или — правильнее будет сказать — практике соответствовали эти взгляды. Действительность вскоре разбила это благодушное состояние.

На самом деле война нанесла страшный удар нашему народному хозяйству. Наш капиталистический строй к концу третьего года войны оказался банкротом. Он не в силах был ни удовлетворять тех требований, какие к нему предъявляла война (а из нее он выйти не мог, так как, являясь частью мирового капитализма, был неразрывно скован с капиталистической группировкой Англии и Франции), ни тех, какие к нему предъявляли рабочие и крестьянские массы внутри страны.

Из этого противоречия выхода у него не было, и он исторически был обречен. Временное правительство промелькнуло жалким, бессильным призраком падающего строя. Мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков, связавших свою судьбу с падающей буржуазией, потерпели позорное фиаско в столкновении с ходом исторического развития. Мировая революция произвела прорыв капиталистической оболочки, и рабочие и крестьянские массы, во главе с партией коммунистов, утвердили диктатуру пролетариата и новый советский строй.

Наиболее верное понятие и представление о предпосылках великой Октябрьской революции, являющейся лишь первым крупным шагом мировой социальной революции, дают нам следующие данные: 1) данные об экономическом положении в 1917 г.; 2) данные о политике Временного правительства в 1917 г.; 3) данные о развитии классовой борьбы в 1917 г.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРАХ ПЕРЕД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ.

Период, непосредственно предшествовавший октябрьскому перевороту, являлся периодом экономического распада страны, не смогшей выдержать всей тяжести, какую навалили на нее сначала самодержавие, а затем Временное правительство. С момента объявления войны в 1914 г. и до октябрьского переворота 1917 г. экономическая жизнь России, как это мы можем видеть по всем данным, прошла в своем развитии три основных этапа.

Первый период охватывает вторую половину 1914 г. и первую 1915 г. и является периодом переходным от мирного производства к военному. Особенно резко сказался этот переход в промышленности. «Массовое отвлечение рабочей силы на войну, приспо-

собление предприятий к производству тех предметов, которые безудержно поглощались и уничтожались войной, кризис тех из них, которые не были к этому приспособлены, — вот отличительные черты этого переходного периода» [1]). Часть предприятий, неприспособленных к требованиям войны, закрылась, другая сократила свое производство. По данным министерства торговли и промышленности — с 20 июня по сентябрь 1914 г. закрылись 502 фабрики, а сократили производство 1 034 фабрики. Рост дороговизны на предметы массового потребления выразился в 60—70%. Но те отрасли народного хозяйства, которые были приспособлены к требованиям военного рынка, наоборот, начали расцветать. В приводимой ниже таблице мы можем это видеть с определенной полнотой.

Второй период характерен расцветом военного производства, болезненным вздуванием предприятий, работающих на войну, непомерными прибылями, получаемыми предпринимателями, появлением нового слоя разбогатевших на войне спекулянтов. Новые предприятия растут, как грибы. Рост их можно видеть из нижеследующей таблицы:

Годы	Число новых предприятий	Сумма основного капитала в млн. руб.
1914 I полуг.	176	240
II »	158	182
1915 I »	108	130
II »	213	279
1916 I »	272	386

Из этих данных мы ясно видим переход от временного сокращения промышленности в 1914 г. и первую половину 1915 г. к ее расцвету, начиная со второй половины 1915 г. и особенно в 1916 г., когда число вновь возникших предприятий более чем в два с половиной раза превысило число их за первую половину 1915 г.

По данным Всероссийского бюро труда с первого июля 1915 г. по 1 июля 1916 г. в 75 крупнейших биржах и бюро труда предложение труда равнялось 314 тыс., спрос на труд — свыше 600 тыс.; таким образом спрос на рабочие руки вдвое превышал предложение труда. Военная ажитация охватила все слои предпринимателей и повлекла к массовому образованию дутых предприятий.

---

[1]) В. П. Милютин, Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата, стр. 8.

Но в этом болезненном вздутии хозяйственной жизни, происходившем под влиянием требований войны, повышавшихся изо дня в день, крылись грозные предвестники глубочайшего экономического падения. Подобный военный расцвет был характерен не только для России, но и для остальных стран мира, не только участвовавших, но и не участвовавших в войне; все они являлись поставщиками на рынок войны, и на всех в той или иной степени должно было сказаться определенное влияние этого рынка.

Основное, чего не видели буржуазные оптимисты, радовавшиеся «хозяйственному расцвету», а на самом деле — бесхозяйственному расточительству, заключалось в том непроизводительном потреблении богатств страны, всего производства, каковое заключала в себе война. И чем больше производилось, тем больше шло, следовательно, на непроизводительное потребление, тем больше истощалось народное хозяйство. Истощался прежде всего основной капитал, запасы материалов, сырья, готовых продуктов. Но военная шумиха, бешеный рост военных прибылей затушевывал и заслонял этот основной процесс распада. Он выявился со всей силой тогда, когда стал неотвратимым. Однако этого не понимали даже лучшие умы среди буржуазных ученых.

Проф. В. И. Гриневецкий, являвшийся несомненно одним из лучших знатоков в области русского хозяйства, в своей книге: «Послевоенные перспективы русской промышленности», написанной в 1918 г., т. е. когда можно было уже видеть все последствия войны для нашего хозяйства, тем не менее пишет [1]): «Суммируя проявленное Россией в период войны предпринимательство, беспристрастный историк вынужден будет признать, что, несмотря на все теневые стороны частного, казенного и военно-общественного предпринимательства, страна в целом дала значительно больше, чем можно было ожидать от нее по реальным данным прошлого и по политическим условиям настоящего. Вряд ли в какой-либо прежний период русской истории созидательная энергия и коллективное общественное творчество поднимались до той высоты, которой они достигли в 1915—1916 гг.» (курсив автора).

Вряд ли можно было больше заблуждаться, чем это делает проф. Гриневецкий, принявший водянку за здоровое пополнение организма.

---

[1]) Проф. В. И. Гриневецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности, Харьков, 1919, стр. 37.

Суровая действительность показала настоящую сущность этого расцвета. Со второй половины 1916 г. и в 1917 г. этот скрытый процесс экономического кризиса вылился наружу с колоссальной силой.

Третий период — предоктябрьский период 1917 г. 1917 г. — это год острого экономического кризиса, падения производства, роста безработицы, финансового кризиса, роста дороговизны, год обманутых надежд и проявления острой классовой борьбы.

Признание экономического краха в 1917 г. было, можно сказать, всеобщим. Его констатировали Гучков и Коновалов, меньшевики и эсеры, различные съезды буржуазии; его констатировали и большевики. Но объяснения и выводы в отношении этого явления делались различные: правящие буржуазные и мелкобуржуазные партии думали и рассчитывали выйти из затруднений, удерживая буржуазный строй, и возлагали вину на экономический крах — одни открыто, другие скрыто — на революцию. Наша большевистская партия, наоборот, видела причины краха в буржуазной системе и вела линию на диктатуру пролетариата. История пошла по второму пути.

Тревога росла и ширилась с каждым месяцем. Она возникла с самого начала 1917 г. и достигла высших тонов в середине года. Вскрылась полная безнадежность положения. Уже в марте 1917 г. общее собрание каменноугольной и железо-торговой биржи, обсудив состояние южной металлургической промышленности, констатировало, что «старая власть привела ее к краху и нужны экстренные меры» («Известия Петроградского СР и СД», № от 14 марта). В Москве, на съезде военно-промышленных комитетов 18 мая, Гучков заявил: «Мы все переживаем тяжелый кризис, но положение не безнадежно».

Резолюция Экономического отдела Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов в мае 1917 г. говорит: «Истощение и распад народно-хозяйственного организма, прогрессирующие с каждым днем войны, неизбежно приведут к экономической катастрофе»... («Известия», № 63, 1917 г.). Резолюция эта заканчивается полным пессимизма выводом: «Трудно вступать на путь борьбы с экономической разрухой на 35-м месяце истощившей все народно-хозяйственные силы войны... Страна уже в катастрофе, и вывести из нее может лишь творческое усилие всего народа во главе с государственною властью...».

21 мая открылся Всероссийский продовольственный съезд, на котором присутствовало более 1 000 делегатов. В своей речи тогдашний министр финансов Шингарев заявил: «Надвигается грозная хозяйственная разруха... в некоторых местах она в полном ходу. Госу-

дарственная касса пуста. Налогов население не платит. Заем свободы идет слабо, а в некоторых местах вовсе не идет. Вместе с тем страна пухнет от бумажных денег, растут претензии к казне, и я предвижу те жуткие дни, когда казна скажет населению: «у меня больше ничего нет».

3 мая съездом крестьянских организаций 28 губерний в Петрограде были выпущены воззвания к крестьянам России, где говорится: «По точным сведениям бюро с Пасхи в стране прекратился подвоз к станциям и пристаням хлеба и кормов. Запасы в армии и в тылу истощаются. Положение критическое. Армии грозит голодный падеж лошадей... Голод и северные губернии — без хлеба... Грозят голодные бунты...».

В мае же месяце Петербургская конференция фабрично-заводских комитетов обратилась с воззванием ко всем фабрично-заводским комитетам рабочих, советам старост, рабочим железнодорожным и транспортным, с воззванием, в котором говорилось: «Товарищи! С каждым днем все ближе и ближе надвигается на всю Россию хозяйственная разруха. Фабрики и заводы стоят перед возможностью приостановиться, так как нет твердого и жидкого топлива, нет сырых материалов, движение по железным дорогам расстроено, нет достаточного количества паровозов и вагонов. Из-за этого, даже если где и имеется топливо и сырье, их невозможно доставить. Царское правительство и капиталисты, вовлекшие Россию в эту ужасную войну, заботились только о своих барышах, а не о том, чтобы организовать в стране работу на фабриках и заводах, железных дорогах, пароходствах и промыслах. В результате такой их преступной деятельности Россия — накануне хозяйственного кризиса...».

15 июня «Правда» писала: «А внутреннее экономическое положение страны обостряется еще с большей силой, голод надвигается все более быстрыми шагами. Безработица становится все более грозной. Ряд предприятий останавливается. Капиталисты систематически и неуклонно продолжают устраивать во всей России итальянские забастовки, сознательно ведя к локаутам, к увеличению разрухи, к обострению кризиса».

А через три дня конференция фабрично-заводских комитетов в своей резолюции говорит: «Полное расстройство всей хозяйственной жизни в России достигло такой степени, что катастрофа неслыханных размеров, останавливающая целый ряд важнейших производств, подрывающая сельское хозяйство, прерывающая железнодорожное сообщение, лишающая многомиллионное население городов подвоза хлеба, такая катастрофа стала неминуемой».

Таковы эти выводы, к которым приходили самые различные по своему составу и направлению организации и группы. На VI съезде нашей партии, в августе 1917 г., автор этих строк в докладе об экономическом положении следующим образом охарактеризовал это положение: «Если еще 2 месяца, месяц и даже 2 недели назад мы могли говорить, что экономическая разруха надвигается, то настоящий момент характеризуется наступлением этой катастрофы. В области производства положение кричащее. Сокращение металлургической промышленности — на 40%, текстильной — на 20%... Из $11^1/_2$ млрд. национального дохода в 1915 г. на войну пошло 6 млрд. Вот объективные условия краха в области производства. В области продовольствия — мы накануне голода» [1]).

Закрытие фабрик и заводов быстро росло. Данные министерства торговли и промышленности показывали, что с 1 марта по 1 августа 1917 г. закрылись по всей России 568 предприятий с общим числом рабочих в 104 372 человека. По месяцам закрытие предприятий происходило следующим образом. Было закрыто [2]):

В марте	74	зав.	с	6 648	раб.
» апреле	55	»	»	2 816	»
» мае	108	»	»	8 701	»
» июне	125	»	»	38 455	»
» июле	206	»	»	47 754	»

Для иллюстрации мы приведем еще данные о производстве главнейших отраслей [3]). Добыто и произведено:

	1916 г.		1917 г.		Разница	
	млн. тонн	млн. пуд.	млн. тонн	млн. пуд.	млн. тонн	млн. пуд.
Добыто каменного угля	32,01	1 954	28,60	1 746	3,41	208
» нефти	8,06	492	6,91	422	1,15	70
Произведено железа и стали	3,36	205	2,54	155	0,82	50
» чугуна	3,78	231	3,11	190	0,67	41

[1]) Мы располагаем довольно богатым материалом, характеризующим этот период. Но в настоящей статье, в силу самых ее размеров, мы можем привести лишь отдельные выдержки, рассчитывая со временем осветить этот период более полно в подготовляемой работе.

[2]) В. Милютин, Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата, изд. 1918 г., стр. 16.

[3]) Данные взяты из «Статистич. сборника за 1913—1917 гг.», изд. Центр. статистич. управления, 1921.

Проф. В. И. Гриневецкий в выше цитированной книге приходит также к выводам, что «промышленность начала разлагаться с быстротой, которая к концу 1917 г. стала катастрофической» (стр. 48).

Перед нами, таким образом, несомненный факт экономического краха. Но война требовала все нового и нового напряжения сил. И это с каждым днем усугубляло положение. Подобное положение привело к резкому обострению классовой борьбы. Выход должен быть найден. Буржуазные и мелкобуржуазные партии не только его не находили, но вели страну к полной гибели, а война, потерявшая всякий кредит, требовала новых людских и материальных жертв.

Правда, впоследствии мы пережили еще больший экономический упадок, но в совершенно иной социальной ситуации и внешних условиях, благодаря чему и последствия его были иные. В условиях же острой классовой борьбы, в условиях господства запутавшихся, бессильных, оторвавшихся от рабочих и крестьянских масс мелкобуржуазных партий, подобное положение могло привести только к взрыву и перевороту. К рассмотрению развертывания классовой борьбы мы и обратимся.

3. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД.

Классовая борьба в условиях экономического кризиса, гнета империалистической войны, неудовлетворенных требований рабочих и крестьянских масс развивалась с нарастающей силой. Недовольство масс выливалось сплошь и рядом в стихийное движение как в городе, так и в деревне.

Нужна была вся слепота правящих мелкобуржуазных партий и их Временного правительства, чтобы не понимать всего значения этого движения и относиться к нему как к чему-то постороннему революции. В то время как для этих мелкобуржуазных правителей революция закончилась актом отречения, подписанным царем, и получением возможности собираться и говорить, говорить и собираться,— для широких народных масс, для рабочих и крестьян, она только еще начиналась. Требования их говорили о перевороте самых хозяйственных основ социального строя. «Земли!» — вот лозунг крестьянских масс. «Долой капиталистов и помещиков, вся власть советам!» — лозунг рабочих масс. В сознательные, организованные формы это движение вылилось позднее, в начальный же период оно носило стихийный характер. Лучше всего это видно на забастовочном движении в городах — среди рабочих, и на аграрных волнениях — в деревне.

Мы не имеем цифровой сводки относительно забастовочного движения, но вот сообщения с мест, которые, подобно ударам колокола, со всей возрастающей силой говорили о надвигающихся событиях — сначала тихо, потом все громче и громче.

18 марта. Заседание рабочей части СР и СД о положении дел на фабриках и заводах. Докладчик Б. О. Богданов. — На заводах непрерывные недоразумения. Частичные выступления, в особенности в связи с требованием повышения заработной платы, не прекращаются. Отдел труда при ЦК констатирует, что число конфликтов с каждым днем возрастает. Наблюдаются случаи удаления заведующих и администрации без предварительного рассмотрения вопроса в примирительных камерах.

Депутат Нарвского района отметил, что возобновление работ на фабриках и заводах без предварительного улучшения условий труда поставило рабочих перед необходимостью вести хаотическую, неорганизованную экономическую борьбу... Необходимо разобрать вопрос о минимуме... Он также предлагает принять меры к обеспечению завода топливом, чтобы под предлогом отсутствия топлива не устраивался тайный локаут.

12 мая. Обсуждение вопроса об улучшении положения служащих идет уже три недели. Предприниматели проявляют большое упорство в стремлении отклонить те пункты, которые должны были улучшить материальное и правовое положение служащих по сравнению с тем, что было до революции.

18 мая. С 12 мая началась забастовка на всех красильных фабриках. Закрыты красильные магазины, так как все приемщицы присоединились к забастовке. Среди торгово-промышленных служащих растет стачечная волна. В различных местах вспыхивают забастовки. Целый ряд забастовок проведен союзом в пользу служащих.

19 мая. Из воззвания Отдела труда Петроградского СР и СД ко всем отделам труда при СР и СД: «Усиливается хозяйственная разруха, полагая известные пределы экономической борьбе рабочих. Надвигается бедствие массовой безработицы. Сопротивление объединенных предпринимателей требованиям рабочих возрастает. Предприниматели прибегают к своеобразной итальянской забастовке и скрытым локаутам...».

20 мая. Из проекта «Наказа о труде при выборах делегатов в СР и СД»: «Для всех рабочих и работниц в городах и деревнях должен быть введен 8-часовой рабочий день, с таким увеличением рабочей платы, которое по крайней мере шло бы в уровень с дороговизной.

Необходимо устанавливать контроль СР и СД над производством и распределением продуктов, — без этого стране грозит голод. Не контроль капиталистов, а только контроль СР и СД может дать городам хлеб, а деревне более дешевый продукт».

25 мая. Грандиозная демонстрация дворников с красными знаменами. Предъявление домовладельцам ряда требований (одно из них — жалованье не менее 100 руб. в месяц).

26 мая. Уже вторую неделю тянется забастовка прачек. Бастует около 5 000 человек — 45 прачечных. Страсти хозяйские разгорелись. Они идут на все меры: запирают оба выхода из прачечной и не пускают агитаторш, бросают в последних утюгом, шпарят кипятком и т. д. Основали желтый союз, есть штрейкбрехеры. Поступает ряд пожертвований от других рабочих.

26 мая. Забастовали маляры на заводе Сименс и Гальске. Склад Нобель — итальянская забастовка. Служащие т-ва Западно-сибирского пароходства объявили итальянскую забастовку. ИК обратил внимание владельцев прачечных на недопустимость и преступность грубого обращения с работницами и ряд других конфликтов.

27 мая. Министерство путей сообщения и труда отказало удовлетворить экономические требования мастеровых и рабочих петроградских и московских железнодорожных узлов ввиду непосильности их для Государственного казначейства, поставив железнодорожных служащих в особые условия в отношении снабжения их продовольствием.

1 июня. Объявлена забастовка служащих и рабочих всех лесопромышленных предприятий Петрограда.

3 июня. Ввиду неудовлетворения обществом заводчиков и фабрикантов требований служащих Центральный стачечный комитет объединенных организаций служащих постановил призвать с 23 мая к забастовке всех служащих фабрично-заводских и промышленных предприятий г. Петрограда.

28 июня. Между обществом кожевенных заводчиков и профсоюзами рабочих кожевенного производства возник конфликт по вопросу о продолжительности рабочего дня и по вопросу о правах фабрично-заводских комитетов. Ряд совместных совещаний сторон не привел к устранению конфликтов, почему промышленники обратились к министру труда. Этот ответил профсоюзу, что интересы революции особенно настойчиво требуют, чтобы экономическая борьба рабочих отдельных отраслей велась в строго организованных формах, каждая профессиональная организация в общих вопросах рабочей политики

должна держаться линии, общей с остальными профессиональными организациями. Что же касается частных причин конфликта, то они должны разрешаться в духе соглашения 10 марта между обществом фабрикантов и СР и СД и в духе постановления ИК от 27 апреля.

9 июня. 6 июня Московскому совету СД сделан был доклад с фабрик и районов. Докладчики констатировали рознь среди рабочих, борьбу фракций и борьбу рабочих с заводской администрацией. В области экономической идут толки о необходимости захвата заводов и фабрик, на некоторых заводах была даже вынесена соответствующая резолюция. На заводе Бромлей обострение отношений между администрацией и рабочими дошло до того, что явилась необходимость в командировке 5 лиц к министру труда, так как администрация грозила закрыть завод. Представитель Сокольнического района заявил, что на заводах этого района замечается недовольство министерством труда, которое ничего не сделало пока, чтобы облегчить положение рабочих. В Лефортовском районе идет фракционная борьба. В некоторых случаях фабрики и заводы захватывались рабочими.

16 июня. В Народном доме (в Петербурге) служащие всех специальностей и драматической труппы попечительства о народной трезвости, предъявившие городскому самоуправлению, в лице товарища городского головы Никитского, экономические требования, заключающиеся главным образом в требовании уплаты неаккуратно выдаваемого жалованья с 1 марта, вследствие неудовлетворения требований и неполучения определенного ответа от городского самоуправления и от министерства финансов, 15 июня в 4 часа дня объявили однодневную забастовку-протест. Народные дома не функционировали. Вследствие бездействия электрической станции в Оперном театре спектакль также не состоялся.

18 июня. На заводе «Динамо» крайне повышенное настроение среди рабочих ввиду конфликтов между ними и администрацией. Ввиду непрекращающихся конфликтов возможно закрытие завода, работающего всецело на нужды обороны.

21 июня. Торговые служащие мясных, зеленных, рыбных и молочных лавок предъявили своим хозяевам ряд экономических требований: о 8-часовом рабочем дне, полном праздничном отдыхе, отпусках и т. д. В случае неудовлетворения грозят забастовкой.

23 июня. В Москве началась забастовка артельщиков и грузчиков Казанской ж. д.

23 июня. Служащие и рабочие Сормовского завода в Нижнем-Новгороде вследствие неудовлетворения их экономических требований забастовали. Завод стал.

24 июня. Возникшая забастовка служащих в магазинах писчебумажных и канцелярских принадлежностей охватила весь Петроград и его окрестности. Владельцы отклонили ряд требований, выставленных служащими. Петроградский комитет торговли предложил заинтересованным сторонам избрать примирительную камеру для рассмотрения требований служащих.

24 июня. Ввиду того, что забастовка служащих мясных, зеленных, рыбных и молочных лавок является тяжелой угрозой населению Петрограда, организована примирительная камера для улажения конфликтов между служащими и хозяевами.

24 июня. В Харькове почти все послереволюционное время заполнено забастовочным движением. Надо признаться, что все почти забастовки носили характер единичных, разрозненных выступлений. С неудержимым стремлением рабочих масс путем забастовок улучшить условия своего существования не могли справиться ни Совет рабочих и солдатских депутатов, который раньше руководил профессиональным движением, ни Центральное бюро профессиональных союзов. Уже больше месяца здесь бастуют портные. Отношения между рабочими и хозяевами настолько обострены, что не налажены даже взаимные переговоры. Только на-днях объявлена забастовка домашних служащих, протекающая с первого же дня неорганизованно и недружно. Только что ликвидирована забастовка в прачечных и ресторанах, и только недавно приступили к работе парикмахеры. Некоторые из забастовок протекали мирно, другие, как забастовка официантов, сопровождались эксцессами. Сейчас бастуют на наших крупнейших заводах, как, например, Паровозостроительный, Всеобщая компания электричества, Гельферих-Саде и др., чернорабочие. Они предъявили требования 6 руб. для мужчин и 4 руб. для женщин. Требования признаны заводскими комитетами справедливыми и правильными, но момент и характер выступления несвоевременным и неудачным. Все же заводские комитеты решили поддерживать чернорабочих из чувства солидарности. Когда представители заводских комитетов предложили заводоуправлениям образовать согласительную комиссию на паритетных началах для разрешения этого вопроса, те заявили, что если чернорабочие не станут на работу к 16 июня, они закрывают предприятия. В настоящее время рабочая организация делает все усилия, чтобы путем воздействия на профессиональный союз черно-

рабочих избежать угрожающего конфликта. Пока эти усилия и старания результатов не дали. Не отступили от своих требований и представители заводоуправлений. Некоторые горячие головы среди рабочих подумывают об устранении предпринимателей и передаче предприятий рабочим. Но вся масса не изъявляет склонности итти так далеко. Таковы перспективы в области взаимоотношений между трудом и капиталом [1]).

Так нарастала могучая волна рабочего движения и била по устоям буржуазного строя, но такую же картину мы видим и в деревне, где крестьянские массы принялись свергать помещичий строй со всей своей стихийной силой. Смешно звучат речи «селянского» министра Чернова, уговаривавшего «потерпеть» до Учредительного собрания, и уговоры Временного правительства. «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата. Насилие и грабеж — самое дурное средство и самое опасное в области экономических отношений... Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством». Вот одно из первых постановлений Временного правительства еще в начале марта [2]).

Эсеровская газета «Дело народа» от 16 марта так определяет позицию правящей партии: «С проникновением в деревню первых известий о революции кое-где начались земельные беспорядки. Областная конференция эсеров резко осудила такие попытки и признала, что конфискация обрабатываемых удельных, кабинетских и частновладельческих земель может быть проведена только законодательным путем — Учредительным собранием, которое даст народу и землю и волю...». И дальше: «Не смешивайте социализации земли с самовольным захватом ее в личную пользу и готовьтесь к выборам в Учредительное собрание».

А вот какое распоряжение дает губернским комиссарам министр председатель Л ь в о в: «В последние дни во Временное правительство поступают многочисленные телеграммы и личные заявления об арестах и самовольных действиях отдельных сельских обществ и волостных комитетов, лишающих землевладельцев — как крупных, так и мелких — возможности исполнить свой долг перед государством — засеять земли». Далее идет предписание всеми мерами с этим бороться, рекомендуется устраивать примирительные комиссии из землевладельцев и земледельцев («Вестник Временного правительства» от 16 апреля).

---

[1]) «Новая жизнь», № 57.

[2]) «Известия Петрогр. СР и СД» от 19 марта.

На заседании крестьянского съезда 1 мая выступил с докладом Чернов, призывавший крестьян не захватывать самовольно земель, а спокойно ожидать разрешения земельного вопроса Учредительным собранием (там же, 3 мая).

Крестьянство ответило на все эти контрреволюционные уговоры выступлениями. Вот факты.

«В Минской губернии аграрные беспорядки. Большинство сервитутов перешло в фактическое владение крестьянских обществ. Запрещая частные лесные заготовки для городов и ж. д., крестьяне сами рубят леса для своих нужд на казенных и частных лесничествах, игнорируя культурные насаждения. Много случаев захвата обществами оставленных помещичьих земель. На места выезжают уполномоченные комитетов для убеждений, но это ни к чему не приводит» (там же, 19 мая).

19 мая открылось заседание Главного земельного комитета. В порядке дня — сообщения с мест об аграрном движении. Доклад на эту тему сделал товарищ министра земледелия Хрущов. «Он оглашает ряд телеграмм, полученных из Саратовской, Тульской, Псковской, Харьковской, Рязанской, Нижегородской, Пензенской, Бессарабской, Симбирской и др. губерний и останавливается на более типичных из них. Так, землевладельцы Саратовской губ. сообщают, что переживают крайне тревожное время. Местные комитеты выносят незаконные постановления о захвате земли, снимают с работ военнопленных, приостанавливают рубку леса, не позволяют вывозить хлеб даже для нужд армии и т. д. Из Тульской губ. сообщают, что недружелюбное отношение крестьян к землевладельцам растет с каждым днем, и можно опасаться развития серьезных эксцессов. Землевладельцы Харьковской губ. утверждают, что ввиду эксцессов они вынуждены прекратить посев. Из Рязанской губ. сообщают, что там отменяется принцип частной собственности не только на недвижимое имущество, но и на движимое. Всероссийский союз землевладельцев в своей телеграмме на имя министра земледелия сообщает, что во многих местах разрушается культурное хозяйство, уничтожается племенной скот, захватывается живой и мертвый инвентарь и т. д. Из Казанской губ. сообщают, что некоторые комиссары явно противодействуют мероприятиям Временного правительства и что агитация большевиков ведет к анархии. По словам землевладельцев Пензенской губ. вся земля фактически переходит в распоряжение комитетов. Предполагается раздел живого и мертвого инвентаря. Землевладельцы Бессараб-

ской губ. говорят, что они живут вне покровительства законов и что на местах участились грабежи, насилия и пожары. На основании всех этих сообщений Хрущов приходит к заключению, что аграрное движение разрастается и принимает угрожающие формы расстройства всей хозяйственной жизни страны» (там же, 19 мая).

«В Саратовской губ. аграрное движение разрастается, принимая серьезный характер. У выделенцев земли насильственно отбираются и засеваются общинниками» («День», 8 июля). «На Волыни аграрные недоразумения приняли ужасный и злостный характер. Констатированы захваты десятков тысяч десятин частновладельческих земель. Во многих местах захвачены целые имения из числа секвестрованных правительством» (там же, 29 июля). На заседании Временного правительства от 27 сентября было доложено о возникновении сильных беспорядков в Саратовской губ., сопровождавшихся во многих случаях сжиганием усадеб, уничтожением скота и запасов денег и т. п. Временное правительство признало необходимым принять самые решительные меры для подавления этих беспорядков, представляющих огромную опасность для продовольственного дела. «Аграрные беспорядки в Раненбургском, Сердобском, Аткарском, Козловском, Курском уездах. Аграрное движение в Новоград-Волынском уезде Волынской губ. Вырубаются леса в Проскуровском, Летичевском, Каменецком уездах Подольской губ.» (там же, 26 сентября).

«Сообщают об аграрных беспорядках из Козловского уезда Тамбовской губ. Разгромы имений продолжаются третью неделю беспрерывно». Перечислены 32 владельца, имения которых подверглись разгрому. «В Раненбургском и Ряжском уездах Рязанской губ. разгромы помещичьих имений продолжаются под руководством солдат-дезертиров, в некоторых уездах губернии вырубаются леса. Рубка леса идет и в Подольской губ. Об аграрных беспорядках сообщают из Глухова, Умани, Сорокского уезда (Одесской губ.), Сердобского уезда Саратовской губ., Житомира, Белецкого уезда, Одесской губ.» («День», 1 октября). «Сообщают об аграрных волнениях из Подольской, Тамбовской, Тверской, Волынской губ. Сплошная рубка лесов и уничтожение посевов» («День», 2 октября). Не прекращаются разгромы помещичьих усадеб в Рязанской губ. Аграрные волнения в Киевской губ. Рубка леса (4 октября). Аграрные волнения в Подольской губ. Местечко Старая-Синява — разгром окрестных помещичьих экономий, угроза разгрома сахарного завода. В Курской, Пензенской, Рязанской (в Ра-

ненбургском уезде) предполагается раздел имений и погромы, в Данковском уезде предполагается раздел имений крестьянами. В Скопинском и Рязанском уездах — рубка лесов (5 октября). В Тимском, Курском, Дмитриевском, Путивльском и Льговском уездах Курской губ. крестьяне требуют немедленной передачи всей земли в ведение земельных комитетов (10 октября). В Новочеркасске земельные комитеты отбирают землю собственников (14 октября).

Таково было массовое движение. Мы, к сожалению, не имеем цифровых данных относительно числа участников, сводки продолжительности забастовок и т. п., одним словом — тех статистических данных, какие можно получить в отношении любого «спокойного» года, революционные же моменты с трудом укладываются в рамки точных статистических данных. Но без преувеличения можно сказать, что этим движением были захвачены миллионы.

Что же отвечали на это движение господствующие мелкобуржуазные партии — эсеры и меньшевики — и Временное правительство?

Они шли по проторенной дорожке буржуазной политики. Несмотря, как это мы видели, на экономический крах страны и невозможность вести войну, они, связанные с русской буржуазией, а через нее — с буржуазией Антанты, упорно твердили: «война до победного конца!» И Керенский в средине лета едет на фронт, чтобы лично руководить наступлением.

На требования «земли» они отвечают: «ждите Учредительного собрания». На требования рабочих о повышении заработной платы, о контроле над предприятиями, об охране труда и т. п. они отвечают: «терпите».

В этом смысле проводится все законодательство Временного правительства, и в этом же смысле составлена «Декларация революционной демократии», оглашенная Чхеидзе в августе на Московском совещании. Эта политика шла, как мы видим, вразрез со всем объективным ходом общественного развития, она противоречила ему. Но сдержать напор массовых сил рабочих и крестьян ни у правящих партий, ни у Временного правительства не было уже возможности. Они не могли ни выдвинуть никакой положительной экономической программы, ни опереться на какую-либо общественную группу или слой. Они повисли в воздухе. Массы ясно были против них.

При таких условиях выход мог быть найден только в коренном перевороте — свержении власти буржуазии и мелкобуржуазных партий. Общественное развитие вплотную подошло к этому. Началась соответствующая перегруппировка сил.

Партия большевиков, выставившая своими лозунгами установление диктатуры пролетариата, передачу всей власти советам, национализацию земли и крупных предприятий и, наконец, прекращение империалистической войны, явилась тем центром притяжения, вокруг которого началась группировка революционных сил и на сторону которой перешли рабочие и крестьянские массы. Исторический процесс нашел в политике большевиков сознательное выражение, в силу чего неизбежен стал победоносный переворот. Этим объясняется самый факт победы большевиков.

В качестве доказательства того, насколько перевес сил к октябрю 1917 г. был на стороне большевиков, мы можем указать на итоги выборов в Учредительное собрание.

Тов. Ленин в своей статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» [1]) дал великолепный, исчерпывающий анализ данных по этим выборам, вскрывающих тот факт, что в промышленных центрах большевики имели за собой подавляющее большинство пролетариата и армии, а пролетариат вел за собой деревню. Вот что он говорит: «Большевики победили прежде всего потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем — самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса. Возьмем обе столицы — Петроград и Москву. Всего голосов в Учредительное собрание подано было в них 1 705 тыс. Из них получили:

Эсеры	218,0 тыс.
Большевики . .	837,0 »
Кадеты	515,4 »

Далее в армии... имея половину голосов в армии вообще, мы имели подавляющий перевес на фронтах, ближайших к столице и вообще расположенных не чрезвычайно далеко. Если вычесть Кавказский фронт, у большевиков в общем получается свыше 1 млн. голосов, против 420 тысяч у эсеров. Следовательно, в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 г. политический «ударный кулак», который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент».

Развитие классовой борьбы дало, таким образом, большевикам перевес сил в основных решающих пунктах; массы пошли за их лозунгами, которые явились выражением чаяний и надежд самих масс.

---

[1]) «Комм. Интернационал», 1919, № 7—8.

4. ВЫВОДЫ.

I. Кризис капиталистического строя, нашедший свое наиболее яркое воплощение в мировой империалистической войне, в первую очередь с наибольшей силой должен был сказаться в тех частях капиталистического мира, где вся экономическая структура была более слабая, где капиталистический аппарат был плох. Такой страной в Европе была Россия. Экономический крах сказался вполне в 1917 г. Война стала совершенно непосильной.

II. Политика буржуазии и мелкобуржуазных правящих партий — эсеров и меньшевиков — в лице Временного правительства определялась зависимостью от мировой буржуазии и необходимостью творить ее политику, что означало необходимость ведения войны, отказ от удовлетворения требований рабочих и крестьян, политику укрепления буржуазных отношений.

III. Противоречия между объективным положением и той гибельной политикой, какую вели буржуазия и правящие мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков во Временном правительстве, вели с неизбежностью к кризису всего строя и находили свое выражение в крайнем обострении классовой борьбы, массовых выступлениях рабочих и крестьян.

IV. Партия большевиков, которая выставила требования и лозунги, какие диктовались всем объективным положением: прекращение войны, необходимость свержения буржуазии, власть советам, национализация земли, фабрик, заводов и банков, стала тем самым во главе движения и объединила вокруг себя подавляющую массу рабочих и большинство армии в главнейших пунктах и сумела отчасти нейтрализовать, отчасти повести за собою деревню.

V. Вследствие указанных условий переворот становился неизбежным.

Октябрьский переворот совершился, и человечество сделало первый шаг к новой эпохе перехода от капитализма к социализму.

III. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 1917—1918 гг.

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

Введение.

«Люди сами делают свою историю, но они делают ее непроизвольно, не при свободно избранных, а при непосредственно данных, унаследованных условиях».

К. Маркс.

Настоящее и будущее имеет корни свои в прошедшем. Мы не можем правильно оценить тот или иной экономический период, не восстановив в более или менее полном виде картины предыдущего. Экономическое положение России настоящего времени не создалось сразу, а имеет свою историю, свои предпосылки в таком недалеком и таком уже отдаленном прошлом.

Только восстановив процесс экономического развития России за последние четыре года хотя бы в самых общих чертах, мы сможем правильно понять настоящее положение с его особыми, глубокоотличными чертами по сравнению с прошлым.

Октябрьская революция 1917 г. провела глубокую историческую грань между двумя периодами русской жизни: до октября 1917 г. и после октября 1917 г. Два совершенно различных периода по соотношению сил, организации государственной власти и экономической политике.

И вместе с тем они тесно связаны друг с другом.

Мы унаследовали от дооктябрьского периода истощенное, расстроенное войной хозяйство, унаследовали определенные материальные и технические ресурсы, старые аппараты и т. д. и т. д. С этим материалом придется иметь еще долгое время дело и, перемещая,

изменяя этот материал, строить новую общественную жизнь России.

Нам представляется крайне полезным и необходимым бросить общий взгляд на пройденный путь экономического развития и на те новые формы, какие возникают и складываются в бурное время крушения капиталистического строя.

I. Дооктябрьский период экономического развития.

Рассматривая процесс экономического развития до октября 1917 г., мы можем наметить три этапа в его развитии.

Первый начинается с момента объявления войны Россией, т. е. со второй половины 1914 г., и тянется до второй половины 1915 г.

Второй — с половины 1915 г. и весь 1916 г.

Третий охватывает 1917 г. до октября месяца 1917 г.

Различаются эти три периода между собой как общим экономическим положением, так и экономической политикой, проводимой в течение каждого из них.

Период, охватывающий вторую половину 1914 г. и первую 1915 г., является временем перелома в народном хозяйстве России. В этот период совершался колоссальный сдвиг всего народного хозяйства от мирной жизни к военной, переход производства на удовлетворение нужд войны и соответствующее перераспределение рабочих сил в стране. Война, как всем известно, требует своего особого производства, особых «товаров», особых «продуктов».

Не говоря уже о металлургии, но и такие отрасли, как текстильная, химическая и т. п., должны были быстро перестраиваться, переоборудоваться, приспособляясь к новым формам «производства».

В результате в первое время, естественно, должен был произойти кризис в тех отраслях промышленности и предприятиях, которые не могли сразу приспособиться к приготовлению военных товаров.

Если от войны и от работы на войну выигрывали с первых же дней ее те отрасли промышленности и предприятия, которые и раньше работали на армию или же которым легко было приспособить свои станки и перейти к производству нужных для армии и войны предметов, то, наоборот, целый ряд предприятий должен был испытать крах, не будучи в силах сразу приспособиться к новым требованиям.

В этом отношении нарушение кредита и обмена лишь ускорило процесс краха этих предприятий.

По официальным данным министерства торговли и промышленности в фабрично-заводской промышленности с 20 июня по сентябрь 1914 г. закрылось 502 фабрики, а сократило производство 1 034 фабрики.

Подобный частичный кризис производства должен был оказать влияние на рабочий рынок и на распределение рабочей силы.

Несмотря на то, что война взяла в первые же месяцы до 20% взрослого мужского рабочего населения, вследствие чего можно было бы ожидать роста спроса на труд и уменьшения предложения благодаря указанной причине, на рабочем рынке, наоборот, появились десятки тысяч безработных.

По одним только официальным данным число рассчитанных с фабрик рабочих (благодаря закрытию фабрик и сокращению производства) доходило до 160 тысяч. Но это далеко не полные и не точные данные.

В одной Варшаве безработных (в сентябре 1914 г.) насчитывалось 40 870 чел., а с семьями — до 150 тысяч; в Петрограде 24 368 рабочих было рассчитано; в Москве производство сократилось во всех отраслях промышленности на 25 и даже на 50%.

«Промышленность после потрясений в начале войны, выбросив на рынок труда в Московской губ. до 20 тысяч рабочих, как бы застыла и остановилась в своем росте», — говорит С. П. Тюрин [1]).

В сельском хозяйстве в это же время, по данным с мест, также наблюдается наплыв рабочих , и заработная плата с.-х. рабочих испытывает некоторое понижение (на 2—3%) [2]).

Никакой помощи ниоткуда рабочие получить не могли и не получали. Их собственные организации почти повсеместно были разрушены. 14 июля 1915 г. при министерстве торговли и промышленности состоялось совещание, на котором было признано нежелательным возобновление деятельности профессиональных рабочих организаций. С другой стороны, при таком относительном «избытке» рабочих рук на рынке правящим классам совершенно не приходилось заботиться ни о каком планомерном распределении рабочей силы.

Уменьшение в стране рабочей силы, направленной на производительную работу, массовое отвлечение ее на войну, приспособление предприятий к производству тех предметов, которые безудержно

---

[1]) III т. «Трудов комиссии по изучению современной дороговизны» Чупровского о-ва.

[2]) В. П. Мюлютин, Сельскохозяйственные рабочие и война, изд. «Жизнь и знание».

поглощались и уничтожались войной, кризис тех из них, которые не были к этому приспособлены, — вот отличительные черты этого переходного периода.

Внешним его проявлением был рост дороговизны на предметы массового потребления, который выразился в среднем в 50—70%. На внутренние потребности страны ни промышленники ни правящие круги не обращали внимания.

Буржуазия бросилась с жадностью пожинать выгоды от войны, правительство Сухомлиновых и К° было абсолютно неспособно понять нужды переживаемого времени. В этом отношении Россия, богатая всяческими естественными благами, неизбежно должна была оказаться в несравненно худшем положении, чем западно-европейские страны, которые сразу учли необходимость удовлетворения внутренних своих потребностей, а не только военных. Русская буржуазия, русские промышленники оказались в этом отношении в большей степени хищниками и мародерами, чем западно-европейские их братья, которые то же самое хищничество проводили в более организованных и предусмотрительных формах.

Экономические условия первого периода уже имели налицо все данные для того, чтобы развернулась самая острая и озлобленная классовая борьба.

1915—1916 гг. являются годами наибольшего военного размаха России.

В это время происходит ряд новых мобилизаций, на фронте развиваются широкие боевые действия, и естественно, что в этот второй период народное хозяйство России обнаружило максимум приспособления к нуждам войны, и производство для войны, во имя войны достигает громадных размеров.

Война с экономической точки зрения есть непроизводительная трата народного богатства — это бесспорная истина.

Но для предпринимателя, для капиталиста она есть прежде всего п р е д п р и я т и е, с которого он хочет получить доход.

Военные траты показывают, что эта кровавая фабрика требует колоссальных денежных затрат, проценты с которых идут тем, кто для нее поставляет живой и мертвый материал. За этот промежуток времени военные траты в переводе на деньги с 20 млн. руб. в день в начале войны поднялись уже через несколько месяцев до 30, а затем, в 1916 г., составляли уже 50 млн. руб. в день, или 1 млрд. руб. в месяц. Доходы предприятий необычайно растут. «Акционерные со-

брания, начавшиеся с весны 1915 г., с достаточной наглядностью обнаружили те огромные выгоды, которые военно-хозяйственная конъюнктура принесла в различных областях народно-хозяйственной жизни» [1]).

Вот, например, данные из различных областей нашей промышленности.

В области механической и машиностроительной промышленности прибыль шести обществ составила за 1915 г., по данным «Торговопромышленной газеты», 18,9 млн. руб. — на 7,3 млн. руб., или на 37%, более, чем в 1914 г. В отдельных обществах это увеличение доходит и до 50%. В некоторых обществах новая чистая прибыль составляет по отношению к основному капиталу 20, 30 и даже 35%. В табачной промышленности чистая прибыль восьми фирм почти удвоилась, с 3,9 млн. руб. в 1914 г. увеличившись до 6,9 млн. руб. в 1915 г. У шести крупных петроградских коммерческих банков чистая прибыль за 1915 г. увеличилась с 25,4 млн. руб. до 35,5 млн., т. е. на 33%. У шести крупнейших московских банков чистая прибыль повысилась с 11,7 до 14,4 млн. руб., или на 23%. Сильный рост прибыли обнаруживают и нефтепромышленные предприятия, и спичечные фабрики, и многие другие.

По данным «Русского слова» прибыль 19 крупнейших предприятий металлургической промышленности увеличилась с 31,9 млн. руб. в 1913 г. до 52,3 млн. руб. в 1914 г., или на 20,4 млн. руб., т. е. на 65,5%; в 12 предприятиях суконной, шерстяной и льняной промышленности чистая прибыль увеличилась с 4,2 до 6,8 млн. руб., т. е. на 2,6 млн. руб., или на 61,9%; прибыль 8 предприятий в сахарной промышленности увеличилась с 1,9 до 4,3 млн. руб., т. е. на 2,4 млн. руб., или на 126,3%; в 4 крупнейших предприятиях резиновой индустрии прибыль увеличилась с 14,7 до 18,0 млн. руб., т. е. на 3,3 млн. руб., или на 22,4%. Отдельные предприятия дали гораздо большее увеличение прибыли. Так, Брянский завод дал увеличение с 4,7 до 7 млн. руб., или на 45%; «Гартман» — на 73%; Общество медно-прокатных и трубочных заводов — на 18%; Демидовская мануфактура — на 82%; Нарвская мануфактура — на 60%; Сеньков — на 240%; Костромская мануфактура — на 73,8%; сахарный завод Н.-Таволжанский — на 151%; Катермунд и Вейсе — на 166%; «Богатырь» — на 109%; «Каучук» — на 216%; фабрики Рябушинских — на 230%;

---

[1]) Загорский, Финансовые итоги и перспективы, «Современный мир», кн. 1, 1917. Дальнейшие цифры о доходности взяты из этой статьи.

Северо-кавказское нефтяное общество — на 99%; «Эмба» — на 95% и т. п. Данные за 1915—1916 гг. также свидетельствуют о необычайном росте прибыли. В металлургических, механических и машиностроительных заводах этот рост достиг следующих размеров (в млн. руб.) [1]):

Предприятия	1913/14 г.	1914/15 г.	1915/16 г.	Увеличение по сравнению с 1913/14 г. Млн. руб.	%
О-во маш. зав. Гартмана	1,04	1,67	2,06	+ 1,02	+ 98
Ник.-мариуп.	4,08	5,36	6,60	+ 2,52	+ 61
Русск. паровоз.	0,64	1,05	2,30	+ 1,66	+259
Тульский медно-прокатный и патронный завод	2,88	8,39	15,51	+12,63	+438
Южно-русск. Днепр. мет.	9,64	8,44	12,11	+ 2,47	+ 25

Для предприятий, не обязанных публичной отчетностью, министерство финансов определяло общую сумму прибыли в 1 592 млн. руб. в 1916 г. — на 645,9 млн. руб., или на 69%, более, чем в 1915 г.

Подобный грандиозный рост доходов приводил к новому притоку капиталов в промышленность, к быстрому возникновению новых предприятий. Рост новых предприятий можно видеть ясно из нижеследующей таблицы:

Годы	Число новых предприятий	Сумма основных капиталов в млн. руб.
1913 I полуг.	226	295
II »	173	231
1914 I »	176	240
II »	158	182
1915 I »	108	130
II »	213	279
1916 I »	272	386

Из этой таблицы мы можем ясно проследить и переходный период, временное сжатие промышленности за второе полугодие 1914 г. и первое полугодие 1915 г., когда число новых предприятий быстро понизилось, — во вторую половину 1914 г. по сравнению с первой на 10% и за первое полугодие на 40%. Зато уже во вторую половину 1915 г. число вновь возникших предприятий увеличилось на 100% по сравнению с первой половиной, и этот рост продолжался и в 1916 г.,

[1]) «Биржевые ведомости» от 18 ноября 1916 г.

когда за первую половину возникло 272 новых предприятия, т. е. превысило цифру первого полугодия 1913 г. и всех последующих полугодий. Аналогичную картину представляет и рост основных капиталов этих вновь возникавших предприятий.

Так производство на войну питало нашу промышленность и вело ее к нездоровому разбуханию.

Благодаря этому приспособлению промышленности и вообще народного хозяйства к нуждам войны потребовалась колоссальная затрата рабочей силы на военное производство. Положение рынка труда меняется. Вместо безработицы первого периода получается усиленный *спрос на рабочие руки*. Возникают жалобы и опасения по поводу недостатка рабочих и целый ряд проектов о ввозе китайцев, мобилизации инородцев и т. д.

Спрос на рабочие руки далеко превышает предложение.

По данным Всероссийского бюро труда с 1 июля 1915 г. по 1 июля 1916 г. в 75 крупнейших биржах и бюро труда *предложение труда* равнялось 314 тысячам, *спрос на труд* — свыше 600 тысяч (послано на работу до 238 тыс. человек). *Таким образом спрос на рабочие руки вдвое превышал предложение труда*. Недостаток мужского труда компенсировался усиленным применением труда женщин и детей. По данным анкеты Московского общества фабрикантов и заводчиков женский труд возрос на 10%, по данным Ростовского областного бюро труда — на 40,2%.

Применение труда малолетних возрасло по данным той же анкеты Московского общества фабрикантов и заводчиков на 9,6%.

Распределение рабочей силы в стране пошло по определенному пути — основной поток рабочей силы был направлен для производства на войну.

В этих целях использовались все производительные силы России, все ее технические ресурсы и все ее живые рабочие силы.

Железная логика экономического развития, совершавшегося в атмосфере войны, вела к колоссальному истощению всего хозяйственного организма страны, и кризис в экономической области назревал с поразительной быстротой.

Военная промышленность, несмотря на показной эффект, с неизбежностью ведет к разрушению производительных сил страны.

Разрушительное действие выражается в том, что потребности страны и непосредственно в области потребления и в области произ-

водства не могут уже получать своего удовлетворения. Война высасывает все соки. По самым скромным вычислениям до 50% всего производства в России поглощалось войной.

Несмотря на военный расцвет промышленности, классовые противоречия не только не уменьшались, н о в о з р а с т а л и.

В то время, когда, как мы видели, капиталисты зарабатывали на войне, народные массы выносили на своих плечах всю неимоверную тяжесть войны.

Мы уже говорили, что в первые месяцы до 20% наиболее здорового и активного мужского населения было взято на войну. Мобилизации не прекращались, и в 1916 г. мужская рабочая сила понизилась численно на 35—40%. Дороговизна продолжала увеличиваться, усиливаемая исчезновением с рынка целого ряда продуктов.

Вместе с тем помещичье-капиталистическое правительство высказывало полное пренебрежение к потребностям рабочего класса и крестьян. Железное кольцо политического гнета и экономической эксплоатации сдавливало рабочий класс и крестьянство со всех сторон. Противоречия были настолько велики, что каждую минуту следовало ждать взрыва.

В этих условиях — сгустившейся политической атмосферы — наступил революционный 1917 г.

1917 г. — год двух революций: Февральской и Октябрьской. После второй революции власть из рук крупной и мелкой буржуазии перешла в руки пролетариата.

Парламентский строй был заменен советским. Бо̀льшая часть 1917 г. прошла под знаком войны. Экономическое положение не только не улучшалось, но приходило во все большее и большее расстройство, гигантскими шагами приближаясь к полной экономической катастрофе.

На VI съезде РСДРП (большевиков), в августе 1917 г., автору этих строк в докладе об экономическом положении пришлось следующим образом обрисовать экономическое состояние страны [1]):

«Если еще 2 месяца, месяц и даже 2 недели назад мы могли говорить, что экономическая разруха надвигается, то настоящий момент характеризуется наступлением этой катастрофы... В области производства положение кричащее. Сокращение металлургической промышленности — на 40%, текстильной — на 20%.

---

[1]) «Просвещение», кн. 1—2, 1917.

Имея в виду, что и прежде 80% текстильных фабрик работало на армию, ясно, что при создавшихся условиях скоро не во что будет одеваться.

Из $11^1/_2$ млрд. национального дохода в 1915 г. на войну пошло 6 млрд. Вот объективные условия краха в области производства.

В области продовольствия мы накануне голода...».

Аналогичную оценку давали не только мы, противники бывшей в то время власти, но и ее сторонники, те, кто поддерживал Временное правительство.

Как видно из всех докладов того времени, положение рисуется до крайности безотрадным. Наконец, цифровые данные характеризуют общее экономическое положение, как быстро идущее к упадку.

Военный расцвет промышленности 1916 г. сменяется быстрым падением производства и экономическим истощением.

Добыча каменного угля на юге России в 1916 г. — 22,5 млн. *т*, в 1917 г. — 18,66 млн. *т*.

Производство железа и стали по всей России в 1916 г. — 356,17 тыс. *т*, в 1917 г. — 270,38 тыс. *т*, уменьшение — на 85,79 тыс. *т*, или на 24,1%.

Производство чугуна (за 10 мес.) 1916 г. — 3 190,36 тыс. *т*, в 1917 г.—2 620,26 тыс. *т*, уменьшение—на 570,10 тыс. *т*, или на 17% [1]).

Быстро росло закрытие заводов и фабрик, и опять нарастала волна безработных.

Данные министерства торговли и промышленности показывали, что с 1 марта по 1 августа 1917 г. закрылось по всей России 568 предприятий с общим числом рабочих в 104 372 человека. Наибольшее число упало на металлическую промышленность — 91, хлопчатобумажную — 49 и производство пищевых и вкусовых веществ — 196. По месяцам закрытие предприятий происходило следующим образом:

Было закрыто:

В марте	74	зав. с	6 646	раб.
» апреле	55	» »	2 816	»
» мае	108	» »	8 701	»
» июне	125	» »	38 455	»
» июле	206	» »	47 754	»

Таково было объективное экономическое положение, в атмосфере которого сталкивались борющиеся силы: буржуазия, мелкая буржуазия и пролетариат.

[1]) «Народное хозяйство», № 1, 1918.

Дороговизна, война и фактическое отстранение народных масс от управления — вот объективные факторы, которые революционизировали массы и заставляли искать выхода из того экономического кризиса, который господствовал в стране. В это же самое время на спине народа, в атмосфере войны, продолжал процветать постыдный торг между буржуазией и теми, кто делал на словах «демократическую» политику, — эсерами и меньшевиками.

Но уже назревали те силы, которые выступили на арену в октябре того же года.

Пройденный путь экономического развития вел к одной цели — к замене существовавшей политической и экономической системы, системы, построенной на интересах капиталистов и помещиков, принципиально новой системой, построенной на основе интересов широких масс народа: рабочих и крестьян.

Экономическое разорение и истощение достигло колоссальных размеров, временный военный расцвет промышленности только усугубил истощение ее.

Оздоровление промышленности и вообще всей хозяйственной жизни страны могло начаться только с устранением основного фактора гибели и крушения ее — войны.

Но поворот от войны к миру означал решительный разрыв с буржуазией, означал по существу революционный переворот снизу доверху.

Буржуазия после Февральской революции великолепно учитывала подобное положение вещей и всю свою экономическую политику направляла в сторону беспощадной классовой борьбы с поднимающимся пролетариатом. Наоборот, господствовавшие партии меньшевиков и эсеров не только не понимали этого, но, наоборот, стремились согласить несогласимое, наладить «гражданский мир», удовлетворить одновременно и буржуазию и пролетариат — в результате получалось лишь бесхарактерное топтанье на месте и куча бумажных резолюций и намерений, абсолютно не претворявшихся в жизнь.

Экономическая политика буржуазии.

Одно дело, когда буржуазные публицисты и ученые выступают перед широкой публикой, когда им приходится говорить на виду у всех, — тогда они не прочь заявить о своей «революционности», щегольнуть своим «революционным» образом мышления и особенно горячо защищать целость «завоеваний» революции от покушений «слева».

Другое дело, когда они — в своей среде, когда они перед своей публикой. Тогда они говорят иным языком, гораздо откровеннее и прямее, не затушевывая и не закрывая глаза на факты, и тогда они несравненно интереснее. Перед нами журнал «Новый экономист», во главе которого стоит проф. П. П. Мигулин, типичный буржуазный ученый, — журнал специальный, предназначенный для узкого круга читателей, но тем интереснее те выводы и заключения, какие в нем делаются. В номере от 20 мая 1917 г., в статье «На краю ли гибели?», проф. П. Мигулин рассматривает создавшееся положение в стране.

В этой статье мы находим ту откровенную постановку вопроса, какая обычно скрывается буржуазными писателями и их газетами.

Анализ фактов, развитие событий представляются в более законченной и прямой форме.

«Революция началась снизу, а не сверху, — правильно говорит проф. Мигулин, — буржуазные круги пошли в хвосте пролетариата, почти поневоле. Для этих кругов и конституционная монархия являлась уже почти идеалом, и недаром П. Н. Милюков от имени Временного правительства говорил об Алексее как императоре и Михаиле как регенте».

«Государственная дума, — продолжает констатировать проф. Мигулин, — накануне революции охотно помирилась бы и на Николае с ответственным министерством» (курсив мой. — *В. М.)*.

Вот положение, устанавливаемое буржуазным ученым, вот настоящая, истинная характеристика «революционности» русской буржуазии.

«Но для левых кругов, — продолжает проф. Мигулин, — этого было мало. Они вели классовую, социальную борьбу. Для них монарх — защитник буржуазного строя, его оплот. Свергая монарха, они устраняли с пути главное препятствие в штурме капитализма. Но враг (капитализм) оставался не свергнутым, а ведь в этом свержении — важнейшая задача пролетариата. Для либеральных кругов революция окончилась со свержением монарха-автократа, для социалистических кругов она началась только с этого свержения».

Таким образом, по откровенному признанию проф. Мигулина, только «левые круги» (т. е. рабочие, солдаты и крестьяне) привели к тому, что у нас нет «ответственного министерства» с Николаем на престоле, как того желали гг. Милюковы и та Государственная дума, за которую так цеплялись наши либералы и либеральствующие. Но

буржуазный ученый остается верным выразителем взглядов буржуазии, как и верным летописцем ее истинных стремлений.

«Конечно, — говорит он, — большое несчастье для России, что к политической революции примешалось стремление «пролетарских» кругов к социальной революции (не время!), но что же делать?»...

Правильно, делать было нечего, так как революцию делал пролетариат и крестьянство, а так как в настоящее время рабочие стоят значительно выше в понимании своих классовых интересов, чем пролетариат хотя бы в революцию 1789 г. или 1848 г., то они стараются более решительно, более последовательно и организованно защищать свои интересы и проводить свою классовую политику в жизнь.

Революция наша — не только политическая, но и социальная, — с сожалением, но это должны, как видим, признать буржуазные ученые.

Конечно, они не учитывают полностью объективных условий, не учитывают того положения, что настоящий момент мировой жизни в области общественных отношений приходится характеризовать как переходную эпоху к социализму. Борьба за социализм в мировом масштабе становится в порядок дня непосредственной деятельности пролетариата. Как всякая переходная, и настоящая эпоха имеет свои законы, свои характерные черты. Но буржуазному ученому представляется (как и многим нынешним либеральствующим социалистам), что если бы провести некоторые меры, особенно в сторону сокращения всяческих свобод, то колесо истории можно повернуть в обратную сторону или же задержать дальнейшее развитие революции.

В этом отношении, по мнению г. Мигулина, нашей буржуазией были допущены ошибки и не был принят ряд мер.

Нужно было взять пример с революции 1870 г., нужно было сразу же, до Учредительного собрания, объявить буржуазную республику (с двухпалатной системой) и сохранить полицейский и административный аппарат власти (Парижскую коммуну г. профессор, конечно, позабыл, — ее призрак смутил бы его мечты, — и он просто разрешает вопрос: «возникновение Парижской коммуны — особая статья, — говорит он, — коммуна была вне революции и не связана с нею (?!)»).

Этого не было сделано, и воцарился, по мнению г. профессора, «произвол»: упразднена была местная администрация, полиция, изменен состав центральных органов управления, «дарована амнистия» — одним словом, произведен целый ряд «ужасных» вещей.

Для г. Мигулина и тех, кто с ним, творчество и самодеятельность народа — совершенно непонятные вещи.

Каковы же перспективы?

И тут г. Мигулин еще в мае 1917 г. остается трезвым политиком и экономистом, не в пример другим, хотя, конечно, остается верен своей позиции.

«Не трудно предсказать, что будет дальше, — говорит он. — Когда Всероссийский совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов организуется, буржуазные министры, вероятно, будут вынуждены уйти, кабинет станет «чисто пролетарским», выборы в Учредительное собрание произойдут под сильнейшим давлением местных советов и «пролетарского» правительства, буржуазия будет представлена в Учредительном собрании очень слабо. Настанет «диктатура пролетариата», к которой так стремились у нас левые круги.

И что тогда — окажется ли Россия на краю гибели, погибнет ли?— Не думаем. Не видим ничего страшного ни в каком кабинете самого левого состава». — Так говорил проф. Мигулин.

Само собой разумеется, г. профессор попугал дальше всяческими трудностями. Мы также знаем, что трудности — и большие трудности— придется преодолеть в этом «самоопределении» России.

Однако дело заключается в том, какие формы политической жизни соответствуют изменившемуся содержанию и дальнейшему развитию, и ответ, как видим, был очевиден даже для буржуазного ученого...

Проф. Мигулин оказался во многих отношениях пророком, но русская буржуазия, оказавшаяся неспособной понять ясно свои непосредственные задачи, попрежнему оказывала жестокое сопротивление вмешательству в экономическую жизнь и даже призраку покушения на ее интересы.

Русская буржуазия учла момент экономического кризиса.

Нажившаяся в течение трех лет войны, она видела наступающий перелом в ходе исторического развития и стремилась воспользоваться наступившим истощением, экономическим распадом в своих классовых политических целях. Необходимо принять во внимание, что, как и во время раньше бывших мировых экономических кризисов, так и теперь капиталистам выгодна была игра на понижение, игра на кризис.

У них имелось в этом отношении могучее оружие для борьбы с рабочим классом, которое они прекрасно умеют во-время пускать в дело: саботаж производства.

Сокращая производство, они мало теряли, так как высокие цены на товары давали им возможность получать громадные прибыли, и вместе с тем они били этим рабочий класс, создавая массовую безработицу. Естественно, что именно в это время им особенно неприемлемо было какое-либо вмешательство в хозяйственную

жизнь, вмешательство, ставящее себе целью поднятие производства и урегулирование хозяйственных отношений.

Несмотря на очевидный экономический распад, они борются против урегулирования хозяйственной жизни и саботируют производство.

В первых числах июня 1917 г. состоялась конференция промышленников, на которой были представлены торгово-промышленные организации Петрограда и Москвы, нефтепромышленники, горнопромышленники Юга России, уральские горнопромышленники, сахарозаводчики, лесопромышленники и другие.

Конференция была созвана по инициативе совета съездов представителей промышленности и торговли для обсуждения вопроса о положении промышленности в связи с создавшимся политическим положением. В результате была принята крайне знаменательная резолюция:

«При существующих условиях мирового хозяйства, — говорит резолюция, — никакой иной экономический строй, кроме капиталистического, в России невозможен. Поэтому бесплодны и безусловно вредны всякие попытки хотя бы частичного осуществления социалистического принципа на отдельных предприятиях. Вмешательство рабочих в управление предприятиями, а тем более фактическое подчинение администрации промышленного предприятия рабочим, служащим и посторонним лицам путем установления выборного начала или самовольного устранения членов администрации, подчинение им же финансово-хозяйственной жизни заводов, путем образования всевозможных контрольных хозяйственных комиссий, приведет лишь к анархии в предприятиях, к бегству из них необходимых деятелей, к новому расстройству их финансового хозяйства и, следовательно, к гибели самих предприятий. Подобные действия должны быть немедленно прекращены как противоречащие интересам всего населения и государства, а тем более не могут быть рекомендуемы правительством или отдельными представителями власти» [1]).

В этом пункте резолюции каждая фраза великолепна, а в общем здесь вылилось целое мировоззрение на переживаемый экономический момент.

Вмешательство в хозяйственную жизнь означает несомненное нарушение принципов капиталистического строя. В этом отно-

---

[1]) «Биржевые ведомости» от 3 июня 1917 г.

шении, действительно, последние три года нанесли непоправимые удары капитализму в самых его основных принципах. Принцип частной собственности, свобода торговли, конкуренция и т. д. и т. п. — все это было признано в области мирового хозяйства отжившим. И только государственное и общественное вмешательство спасло положение, иначе, оставаясь при старых отношениях, крах был бы неизбежен.

В области капиталистической системы в Западной Европе были внесены коренные изменения, начиная с области обмена, финансов и кончая производством. Но власть там остается в руках капиталистов. Эти меры проводятся под их контролем, в этом смысле строй остается буржуазным, капиталистическим. У нас буржуазия отстала от жизни, и вот этим объективным положением обусловливается ряд «особенностей» в экономической политике нашей буржуазии.

Она желает сохранить полностью «капиталистический строй», она находит «безусловно вредными всякие попытки хотя бы частичного осуществления социалистического принципа».

В этом сказывается ее непроходимая отсталость, этим она говорит, что жизнь ее ничему не научила и она ничему не научилась у жизни.

Но русской буржуазии приходилось все же считаться с растущим влиянием рабочего класса, и она от постановлений, от теорий переходит к практике: к борьбе с рабочим классом путем дезорганизации производства.

«Новое время» в этом отношении с своей точки зрения вполне правильно оценило в свое время уход министра торговли и промышленности А. И. Коновалова:

«А. И. Коновалов стоял, — говорит оно, — на такой точке зрения, что правительство в данный момент совершенно не подготовлено к такому регулированию (промышленности. — *В. М.*) и не располагает для этого надлежащими силами. Да и вообще А. И. Коновалов, как представитель крупной буржуазии, придерживался либерального взгляда, а не социалистического, в вопросах экономических... Он безусловно против правительственного вмешательства в сферу организаторской промышленной деятельности, в сферу торговых отношений» [1]).

В Московском районе, в Донецком, в Поволжье и в целом ряде городов буржуазия перешла в наступление путем закрытия фабрик и заводов и сокращения работ.

---

[1]) «Новое время» от 17 июня 1917 г.

Экономическая политика меньшевиков и эсеров.

Коалиция с буржуазией и соглашательство с нею были системой, проводимой господствовавшими партиями — эсерами и меньшевиками-оборонцами и их представителями во Временном правительстве в течение 6 месяцев революции и до самого последнего времени не только в области политической, но и в экономической.

В области политической губительность этой системы вскрылась с поразительной очевидностью и убедительностью. Корниловщина явилась заключительным, шумным аккордом, увенчавшим всю эту систему и в корне дискредитировавшим ее.

Но в области экономической последствия системы этой, проводившейся с настойчивостью, достойной лучшей участи, не менее тяжки для страны, чем в области политической, не менее губительны для ее развития, хотя они и не проявили себя с внешней стороны таким шумом и громом, как в области политической, где откровенные стремления контрреволюционной буржуазии нашли такое яркое выражение.

То, что страна в экономическом отношении находилась в полном расстройстве, что отличительной особенностью переживаемого момента являлся начальный период колоссального экономического краха, — это ни в ком не возбуждало сомнений. Нет ни одного течения, ни одного человека, который оценивал бы создавшееся положение иначе. Наличность экономического кризиса признавалась всеми, и даже записные официальные оптимисты, привыкшие кричать о том, что «все обстоит благополучно», давно умолкли.

Вот как оценивали положение представители господствующих партий, экономисты Череванин, Громан, Шуб, новожизненец Авилов и другие [1]).

В заседании Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов 16 мая 1917 г. обсуждался вопрос об экономическом положении России.

Меньшевик Череванин так охарактеризовал переживаемый момент:

«Экономическая разруха, которую мы переживаем, настолько серьезна, что отдельными паллиативами, рядом отдельных конкретных мероприятий, как бы каждое в отдельности ни было разумно, спасти положение нельзя. Необходим общий план, необходимо регулирование государством всей экономической жизни, оно диктуется и финансовым положением и невозможно тяжелым положением промышленности.

---

[1]) «Известия СР и СД», № 70, за 1917 г.

Взять хотя бы такую частную реформу, как введение хлебной монополии. Она может рассчитывать на успех лишь при условии, если крестьянству будет обеспечена возможность получать за свой хлеб все необходимое, а это возможно только при регулировании распределения. Германия давно стала на этот путь, на этот же путь становятся и Франция и Англия, и даже у нас это имело место и раньше, но в формах несовершенных, подчас нежелательных.

Мы не предполагаем брать все хозяйство в руки государства, но мы считаем назревшим вопрос о необходимости регулирования всего распределения, чтобы все продукты были взяты на учет и чтобы равномерное распределение было обеспечено. С этим тесно связывается и вопрос о вмешательстве государства в производство. Для конкретного осуществления нашего плана необходимо создание при министерстве специального экономического совета. Это устранит тот хаос, который господствует до сих пор.

Не нужно забывать еще одного обстоятельства: весь анализ экономического положения с повелительной необходимостью диктует окончание войны. Все мероприятия дадут жалкие результаты, если война не будет ликвидирована по возможности скорее. Россия может притти к полной разрухе, если война затянется».

«Основная причина современной хозяйственной разрухи, — говорил Б. В. Авилов, — недостаток важнейших продуктов промышленности, большая часть которых поглощается военными потребностями, и проистекающий отсюда при существующих условиях рост дороговизны. Недостаток и дороговизна продуктов задерживают развитие производства и даже приводят к сокращению его размеров.

Остаются неудовлетворенными и самые насущные нужды населения и потребности государства. Разные сооружения, оборудование фабрик и заводов, рельсовые пути, паровозы и вагоны приходят в негодность. Положение рабочих, при существующей дороговизне, граничит для многих категорий с хроническим голоданием. Всякая борьба рабочих за повышение их заработка теряет значение, так как каждое достигнутое повышение уничтожается тем, что цены предметов потребления растут и поглощают прибавки.

Предприниматели, наживающие огромные барыши, не соглашаются на уступки рабочим, если одновременно не повышаются цены на их продукты. Вместе с тем обесценение рубля, вследствие непрерывных выпусков огромных количеств бумажных денег, автоматически повышает все цены и понижает реальную заработную плату. Рост товарных цен и обесценение рубля идут непрерывно и в недалеком сравнительно

будущем могут привести к тому, что производительная деятельность в стране приостановится, — деньги потеряют ценность, вся экономическая жизнь придет в полное расстройство».

«В продовольственном вопросе мы на каждом шагу сталкивались и сталкиваемся с взаимной связанностью всего народного хозяйства, — говорил Г. В. Шуб. — Несмотря на наши беспрерывные требования в течение двух месяцев, вопрос общий, вопрос об организации народного хозяйства и труда с места не двигается. Результатом этого является топтание на месте. Положение сейчас таково: целый ряд мер, законов, хотя и с борьбой, нам удалось провести: мы имеем уже закон о хлебной монополии, местные органы, опирающиеся на демократические элементы, монополию яичной торговли; поставлен вопрос о регулировке мясного рынка, сахарной монополии и т. п. Но все это остается на бумаге. И иначе быть не может. Ведь до тех пор, пока регулируется только область хозяйственной жизни, а вся остальная экономическая жизнь остается в анархическом состоянии, нельзя все эти благие меры провести в жизнь. Трудно крестьянину отдать свой последний пуд зерна, свою корову, когда сам он ничего для себя, своего хозяйства получить не может. Мы добились принципиального разрешения муниципализации сельскохозяйственных машин. Но провести этого нельзя, так как машин нет или почти нет. А заводы сельскохозяйственных машин выполняют совершенно несущественные предметы для армии. Но кроме того, что должна быть регулирована вся хозяйственная жизнь страны, нужно наконец сломить и перестроить весь исполнительный аппарат государственной власти, так как данный аппарат всех наших мер в жизнь не проводит, даже в той их части, которая может быть проведена. Мы имеем фактически дело с итальянской забастовкой. И эта забастовка опирается на Шингарева, с одной стороны, и на предпринимателей и торговцев — с другой. Эти группы открыто стремятся заменить все решительные мероприятия частичными переходными формами, придавая им в то же время длительный характер. Если сейчас немедленно не предпринять решительнейших шагов, мы в июле останемся без хлеба. Между тем даже некоторые социалисты считают возможным выдвигать на первую очередь требования сегодняшнего дня, без связи их с общим планом экономической политики, и забывают, что, решая таким образом вопросы дня, они лишают себя возможности когда-либо выйти из того перманентного кризиса в продовольствии, в котором мы находимся и сейчас, как и в момент революции.

Поэтому я считаю, что только решив общий вопрос об организации народного хозяйства и труда и радикально изменив исполнитель-

ный аппарат государственной власти, можно поставить, наконец, дело продовольствия на твердую почву».

«Финансовое положение страны, — говорил в своем докладе Буковецкий, — в ужаснейшем состоянии. Мы быстро идем к финансовому банкротству. Оно — благодаря денежному хозяйству, благодаря проникновению денег во все поры народного хозяйства — захватит гораздо большую массу населения, чем французская революция, и ударит по разным классам населения. Количество бумажных денег дошло до 11 млрд. Всякий дальнейший выпуск грозит совершенно уничтожить ценность рубля. Мы можем очутиться у факта полного обесценения рубля, и все завоевания рабочего класса тогда сведутся к нулю. Падение рубля вызывает колебание всех цен. Необходим ряд неотложных финансовых реформ. Необходима планомерная налоговая система, реформа всего налогового строя, введение подоходного налога, передача государству всей военной прибыли, которая накопилась у промышленников за прежние годы, введение общего поимущественного сбора для покрытия расходов войны и т. д. Но как бы быстро ни осуществлялась финансовая система, экспедиция заготовления государственных бумаг будет продолжать работать, если ограничиться одними финансовыми реформами. Чисто финансовые мероприятия не помогут. Все деньги, поступающие в Государственное казначейство, в процессе собирания будут уже известным образом обесцениваться. Государство и рабочий класс заинтересованы в удержании рубля на известной высоте. Этого можно достигнуть двумя путями. Первый путь — это путь займов. Сейчас у нас помещение денег в займы совершенно не урегулировано. В Англии, например, частная эмиссия совершенно почти уничтожена, в Германии пошли на принудительное распределение облигаций займа. Подписка сделана обязательной для ряда лиц и учреждений, часть жалованья покрывается даже облигациями займа и т. д. Мы должны более решительно пойти по этому пути. Нужно сделать все возможное для популяризации займа. Нужно принять меры к принудительному распределению займа, и если это не даст желательных результатов, то перейти на заем принудительный.

Вторая мера — это обязательное регулирование промышленности, установление твердых цен на продукты.

Первым следствием будет значительное сокращение расходов государства. Государственное регулирование, связанное с равномерным распределением продуктов, необходимо и для предупреждения анархии

народного хозяйства. Оно нас убережет и при полном обесценении рубля».

«Все, что делается во всех странах сейчас, — говорил Громан, — может быть охарактеризовано как процесс распада народно-хозяйственного организма. Ему везде противополагается организующее начало. Государство везде приступило к организации хозяйства и труда. Как бы ни расценивать все, что сделано в Германии, — считать ли это государственным капитализмом, как говорят одни, видеть ли в этом начало какого-то социализма, одно ясно: что в Германии с особой планомерностью осуществляется то, что война выдвинула почти во всех странах, — вмешательство государства в среду экономики. Государство выступает в роли организатора народно-хозяйственной жизни. Прежде всего это сводится к фиксации цен и к распределению продуктов. В вопросе об органах, которые смогут это осуществить у нас в данный момент, мы исходим из факта наличности коалиционного министерства. Ни у правительства, ни у страны до сих пор нет центра, который регулировал бы экономическую жизнь страны, нет, так сказать, экономического мозга. Его необходимо создать. Необходимо в центре и на местах создать органы, которые дали бы выражение всему опыту, который есть и у правительства и у некоторых общественных организаций. Должен быть организован властный исполнительный орган. Нужно создать Экономический совет, задачи которого — в обсуждении, и Комитет снабжения, который объединил бы в единое целое все отдельные комитеты».

Во всех этих докладах вскрыто то «мертвое» экономическое положение, в каком находилась страна. Вместе с тем мы видим характеристику беспомощной экономической политики.

При таких грозных и тяжелых условиях хозяйственной жизни страны, когда «костлявая рука голода» тянется к горлу рабочего класса, когда скоро могут стать железные дороги, когда финансовое банкротство государства налицо, когда может приостановиться доставка топлива, когда останавливаются и закрываются целыми десятками заводы и фабрики, — при таком положении, повторяем, экономическая политика, проводимая тем или иным классом, получает особенное значение, а экономическая политика, проводимая государственной властью и господствующими партиями, оказывает громадное влияние на ход развития хозяйственной жизни страны. От характера проводимых мероприятий зависит процесс ухудшения и обострения положения или же смягчения того экономического краха, в какой ввергнута Россия в результате трех лет войны,

истощения ее производительных сил, уничтожения запасов и хищничества предпринимателей.

Соглашательская политика, господствовавшая в экономической области, имеет длинную историю и богатейшие иллюстрации для характеристики, но мы считаем возможным взять для рассмотрения лишь наиболее типичные и важные ее выражения. Для этого, как наиболее типичный и авторитетный, мы считаем необходимым подвергнуть рассмотрению тот документ — «Декларацию революционной демократии», — который был прочитан Н. С. Чхеидзе от имени Центрального исполнительного комитета СР и СД, Исполнительного комитета крестьянских депутатов и целого ряда других организаций на московском совещании в августе и который по своему существу в конечном счете являлся ни более и ни менее как официальной экономической программой партии эсеров и меньшевиков-оборонцев, положенной в основу деятельности «Коалиционного временного правительства».

Таким образом мы сможем оценить эту программу не только с точки зрения ее теоретической ценности, но и практического осуществления ее, значения в жизни ее выполнения.

Характер декларации не может внушать никаких сомнений. «Требуя от власти, — говорится в ней, — более тщательного и последовательного проведения в жизнь программы 8 июля, революционная демократия защищает не исключительные интересы каких-либо отдельных классов или групп, а общие интересы страны и революции.

Программа 8 июля не есть исключительная программа демократических классов, она «не выражает всей полноты их требований. Эта программа есть не что иное, как программа 6 мая, на почве которой создалась коалиция» (курсив мой. — *В. М.*).

Здесь мы можем видеть всю основу соглашательства; тут фигурирует и отсутствие защиты интересов «отдельных классов», «надклассовая» политика (!) и «неполнота» требований, самоограничение и урезывание даже требований «демократии» — во имя чего? — во имя все той же коалиции, во имя удобрения «коалиционной» почвы.

Это типично-бескровное, малосодержательное основание соглашательства — удобная форма для принесения в жертву аппетитам буржуазии интересов рабочих и крестьян. Вместо того чтобы сказать, какие классы способны при данных условиях провести определенные экономические

мероприятия, которые подняли бы уровень хозяйственной жизни страны, здесь — в полном забвении о классовом строении общества — произносятся фразы об «урезывании», об «общих интересах», о програме коалиции и т. п. Вырвана живая основа всякой экономической программы и заменена... громкой формой с пустым содержанием.

В вопросах экономической политики на одном из первых мест стоит организация органов, при посредстве которых проводится эта политика, причем должен быть определен точно характер и состав их. И поразительная вещь! Просматривая эту декларацию, где целых двадцать два пункта посвящены экономической политике, мы не находим, совершенно не находим упоминания об органах, призванных регулировать хозяйственную жизнь страны. Необычайная забывчивость, объясняемая только лишь полной уверенностью авторов в «коалиционном начальстве»! Но ведь вся суть вопроса и заключается в том, кто осуществляет намеченные экономические мероприятия. Не дав ответа на этот вопрос, тем самым обрекают заранее все самые лучшие пожелания на чисто бумажное существование, пока не изорван тот лоскут бумаги, на котором они записаны.

Временное правительство, правда, исправило эту оплошность и, как известно, был учрежден (в июне) Экономический совет и Главный экономический комитет «для выработки общего плана организации народного хозяйства и труда, а также для разработки законопроектов и принятия общих мер по регулированию хозяйственной жизни»... Причем на подавляющее большинство представителей ведомств, представителей буржуазии, в состав его вошло незначительное количество представителей рабочих и Совета крестьянских депутатов.

В отношении же всех органов регулирования и контроля хозяйственной жизни практика эсеров меньшевистского большинства установила принцип паритетности, который на практике приводил к бездеятельности этих органов.

Экономический совет, призванный принимать «меры по регулированию хозяйственной жизни», оказался совершенно неработоспособным учреждением, и его в конце концов игнорировали даже сами министры. На Всероссийском съезде комитетов снабжения (1 сентября 1917 г.) было констатировано, что «Экономический совет, как показал опыт, работает чрезвычайно медленно; есть опасение, что он

и в дальнейшем не проявит работоспособности» («Свободная жизнь» от 7 сентября 1917 г.).

Характерно далее отношение, например, министерства труда к рабочим организациям. При составлении законопроекта о договоре найма оно совершенно не упомянуло о фабрично-заводских комитетах; больше того: на третьей конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда и окрестностей 10 сентября 1917 г. товарищ министра труда Колокольников предостерегал фабрично-заводские комитеты от вмешательства в хозяйственную жизнь заводов. Третья конференция фабрично-заводских комитетов постановила: «Поход против комитетов является преступлением против революции, а солидарность в этом походе министерства труда с промышленниками является для рабочего класса еще одним грозным уроком гибельности политики соглашательства. Конференция поэтому требует немедленной отмены циркуляров министра труда, заявляя, что права комитетов, которыми они пользуются в настоящий момент, должны быть утверждены законодательным порядком, а пока комитеты на местах должны продолжать работы на прежних основаниях».

Таковы уроки жизни, теории и практики соглашательской политики в делах создания органов регулирования, и жалко звучали слова о «решительных мерах упорядочения», «поднятия» и т. п. громкие фразы, скрывавшие фактическое бессилие. Но перейдем теперь к самим мерам.

В области продовольственного вопроса и снабжения на первом месте программы стояло: «монополия на хлеб, твердые цены на продукты сельского хозяйства должны оставаться неизменными, несмотря на жертвы, возлагаемые этим на крестьянство...». Таковы слова. А вот дела: 15 июля читалась эта декларация, а 27 августа Временное правительство повысило твердые цены на 100%.

Даже архибуржуазное «Русское слово» устами Б. Веселовского заявило: «Несомненно, при введении хлебной монополии была допущена крупнейшая ошибка. Сразу же в марте были установлены цены на урожай 1917 г. Их надо было установить лишь для запасов 1916 г., объявив, что в августе будут установлены новые цены, но для нового только урожая. В результате развилась спекуляция с запасами 1916 г. в надежде на дальнейшее повышение цен.

Повысив вдвое цены на хлеб, государство пошло на огромные жертвы!» («Русское слово»).

В области торговли и промышленности мы находим только общие положения о государственном вмешательстве в хозяйственную жизнь «при широком участии демократических организаций» (как выразилось это участие!— мы видели на Экономическом совете). Зато посвящены целых четыре параграфа тому, как должны вести себя рабочие; тут мы находим: борьбу против «нерадения рабочих» и «проявления несознательности рабочих масс», «строго наблюдать за соблюдением 8-часового дня, с допущением сверхурочных работ, когда при отсутствии безработицы в данной отрасли промышленности того требуют интересы страны и революции», и, наконец, «в случае надобности введение трудовой повинности», причем введение таковой предоставлялось, повидимому, коалиционному правительству, что означало закрепощение на деле рабочих.

В области финансовой мы находим такую чисто либеральную постановку вопроса: «в отношении займа должны быть применены государством решительные меры принудительного размещения его...». «Объединенная демократия считает необходимым приложить все усилия к поддержке финансовых мероприятий правительства в направлении успешного взимания налогов и размещения займов свободы».

Вот и все наиболее существенные экономические мероприятия, которые выставлены в этой программе.

Как хорошо известно, соглашательская политика больше всего боится «самочинных» действий, совершенно упуская, что сама революция есть в общем и целом «самочинное действие».

Вопрос и заключается в том: как слить эти «самочинные» действия рабочих и крестьян — которые, несмотря на ряд вполне понятных ошибок, неправильностей и т. п., все же являются здоровыми, жизненными, творческими формами, — в одну стройную государственную систему.

Этого, конечно, никогда соглашательская политика не поймет и не проведет в жизнь. Но в этом и заключается ее полная жизненная никчемность, поскольку она, конечно, не служит для буржуазии удобным щитом для проведения не соглашательской, а классовой буржуазной политики.

Экономическая программа, выставленная Чхеидзе на московском совещании, — это образец беспринципности. Она умерла не родившись... Она призвана — поскольку проводится в жизнь — маскиро-

вать действительную буржуазную политику и связывает рабочим руки для борьбы с поползновениями буржуазии.

Она — вредна, так как проходит, не задевая коренных вопросов экономической жизни, и, не являясь сама способом борьбы с экономическим развалом, мешает организациям, стоящим «вне коалиции», вести эту борьбу. Факты экономической действительности разбивают соглашательство и в этой области, как и в области политической.

II. Послеоктябрьский период.

Диктатура пролетариата.

Теория марксизма никогда не отрывалась от практики жизни, свои выводы она строила на основе фактов действительности и из них исходила в своих построениях.

Руководящие принципы ее не являлись отвлеченными, абстрактными, кабинетными идеями, а рождались в атмосфере суровой классовой борьбы и повседневной деятельности.

Эту характерную черту и основу марксистской теории нам особенно нужно помнить при рассмотрении переживаемого нами исторического времени, когда в самых глубинах общественной жизни происходят колоссальные сдвиги, когда твердыня мирового капитализма под напором им же самим вызванных событий пошатнулась и дала глубокие трещины, когда выяснилось, что «жизнь буржуазии несовместима более с жизнью общества».

Понять законосообразность того, что происходит в настоящее время в экономической области, и уже на этом понимании сделать определенные и практические выводы — вот путь, по которому должен пойти всякий, серьезно подходящий к изучению современной действительности.

Россия и те отношения, которые сложились в ней, представляет поразительную картину. В силу совершенно особых условий как в экономической, так и в других областях общественной жизни практика жизни создала целую массу новых, ранее не бывших явлений. Сейчас происходит творчество новой жизни, ломка старых, отживших форм, создание новых. Только учет этой действительности, который необходимо сделать с помощью метода марксизма, может поставить нас на твердый путь дальнейшего понимания общественного развития.

«Ни одна общественная формация, — говорит Маркс (см. «К критике политической экономии»), — не погибает прежде, чем не разо-

вьются все производительные силы, для которых она достаточно широка, и новые высшие производственные отношения никогда не устанавливаются прежде, чем в недрах старого общества не созреют материальные условия их существования. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает только тогда, когда уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе своего возникновения материальные условия, необходимые для ее разрешения».

Эти слова в особенности приложимы к России.

Новая общественная формация России — социалистическая — возникла в результате вполне определенного и закономерного развития. Те поражающие явления, перед которыми в изумлении останавливается буржуазный ученый, имеют свое объяснение в объективных условиях общественного развития последних лет.

Самым поражающим фактом современной действительности в России, требующим своего понимания, является факт диктатуры пролетариата и ряд социалистических мероприятий, проводимых благодаря этому в жизнь.

Каким образом возможно стало в отсталой, неразвитой, малокультурной России установление такого строя и таких отношений, каких нет в развитых, просвещенных и культурных странах Западной Европы?

Если на Западе, где капитализм достиг высшей точки развития, где организации пролетариата насчитывают за своей спиной десятилетия непрерывной борьбы, все-таки нет такого размаха революционного творчества, как у нас, то каким образом это может быть?

Как возможно проводить социалистические меры в России раньше чем на Западе?

Многие ученые и неученые экономисты, ответив, что это никоим образом не может быть, начинают «разъяснять» действительность, отрицать факты, производить обратную оценку всего совершающегося.

Самый способ, самый метод подхода к вопросу обнаруживает несостоятельность тех, кто, отправляясь от заранее построенной схемы, старается опровергнуть совершающийся жизненный процесс.

Вместо того чтобы анализировать факты, разбирать практику жизни, понять и объяснить ее, толкуют о том, что все совершается и происходит у нас не по «плану». Где же это видно, чтобы власть

перешла в руки рабочих советов, чтобы банки и ряд отраслей промышленности были национализованы, чтобы был проведен рабочий контроль?! — Нигде. Ни в Америке, ни в Англии, ни во Франции, нигде этого еще нет, а поэтому... долой советскую власть, долой рабочий контроль, долой национализацию!..

Такова философия буржуазных экономистов, стоящих «над» жизнью; таков несложный, поверхностный подход к серьезнейшему историческому периоду и к фактам современной общественной жизни; такова «логика» этих рассуждений.

Когда началась война, ряд виднейших буржуазных экономистов в ту пору точно так же самым шаблонным образом подошел к анализу экономической и общественной жизни России, и ошибка, какую делали эти господа, та же по существу, какая делается ими сейчас.

Эта ошибка заключалась и тогда, заключается и теперь в совершенно неверной оценке состояния капиталистического строя в России и его роли, в необоснованности тех надежд и упований, какие возлагаются на его жизнеспособность, и ошибочном учете борющихся сил.

Тот факт, что мировая война есть показатель крушения и исторического краха капиталистической системы, этого естественно не могли и не могут понять буржуазные мыслители, но этого не поняли и те «марксисты», которые стали на оборонческую, националистическую, буржуазную позицию и с железной необходимостью должны были скатиться к соглашательству с буржуазией; этого не могли понять все те, кто полагал, что мировую войну и все ее последствия возможно изжить мирным путем, без революционного взрыва, без выступления пролетариата.

Пятнадцать лет тому назад К. Каутский, который сейчас многое забыл из того, что говорил раньше, писал: «Железная необходимость экономических потребностей толкает современные промышленные нации к неизбежной гибели... всемирная война неизбежна с точки зрения современного способа производства...». И сейчас же он добавляет: «Всемирная война является только одной альтернативой современной, стоящей на краю гибели, всемирной торговой системы; вторая альтернатива — это социалистическое общество».

Всемирная война стала фактом, и действительность поставила перед обществом альтернативу: или гибель, или социализм,

Разложение капитализма началось.

Как быстро пойдет разложение — этого нельзя предсказать, это покажет история.

Но уже сейчас экономическая жизнь всех стран свидетельствует о том, что самые основы капитализма потерпели уже поражение. Мы присутствуем при умирании капиталистической системы.

Экономическое развитие последних лет, как известно, определялось прежде всего требованиями и нуждами войны, а также интенсивностью классовой борьбы, которая развертывалась в кровавой атмосфере переживаемого времени. Война повела к истощению как постоянного, так в особенности основного капитала.

Громадное сокращение производства машин, ремонта заводов, фабрик, паровозов, вагонов, приведение в негодность железных дорог, рудников — все это свидетельствовало о глубоком упадке основ производства. Приспособление почти всего производства к нуждам и требованиям войны обрекало население на голод и недостаток в продуктах и предметах первой необходимости.

Громадные неисчислимые бедствия, в которые ввергнут весь мир, сами по себе свидетельствовали о гибельности капитализма, и борьба угнетенных классов должна была, несмотря на железные тиски военного положения, разгораться все с большей и большей силой. Истощение хозяйственных сил и ресурсов и нараставшее недовольство широких народных масс заставляли господствующие классы искать новых методов ведения и организации народного хозяйства.

Капиталистическая система обнаружила однако большую гибкость и приспособляемость, особенно на Западе.

Но так называемый «государственный социализм», получивший особенно широкое распространение за Западе, который правильнее было бы назвать «государственным капитализмом», не мог спасти положения, так как в основе продолжала преобладать разрушительная тенденция экономической политики капитализма, и последствий проявления этой тенденции не мог сдержать никакой усовершенствованный технический аппарат. Те методы, к которым вынужден был прибегнуть капитализм, находились в самом вопиющем противоречии с капиталистической системой в целом и вместе с тем создавали условия, в которых капиталистическая система, вступая во все большее и большее противоречие с требованиями экономического развития, неуклонно должна была итти к собственному краху и к замене системой более совершенной — системой социалистической. Глубоко прав покойный Густав Экштейн, когда говорит:

«Сколько раз до войны мы слышали, даже от социалистов, что наш экономический строй еще далеко не созрел для социализации, что капитализм еще не сыграл своей роли, еще далеко не выполнил своей исторической миссии, что технические и организационные предпосылки для будущего строя далеко еще не имеются налицо и что господство пролетариата неизбежно привело бы лишь к краху. События последнего года доказали обратное. Будь пролетарское правительство достаточно сильно, чтобы выступить так диктаторски, как ныне выступает военная власть, тогда материальные и организационные предпосылки были бы налицо для создания в кратчайший срок общественно-организованного хозяйства, для удовлетворения потребностей в крупном масштабе» [1].

События 1917—1918 гг. в России доказали все то, что предвидел Густав Экштейн, и даже больше.

С одной стороны, крах капиталистической системы принял видимые для всех формы, с другой стороны, другой исторический факт — диктатура пролетариата в России — давал осязательное, видимое представление о том, в какую сторону идет исторический процесс. Крушение капиталистической системы объективно было неизбежно там, где она была относительно слабо развита, а социальные противоречия и классовая борьба пролетариата, наоборот, достигли громадных размеров.

В Европе такой страной являлась Р о с с и я.

1905 г. был лишь прелюдией к революциям 1917 г., но и в то время доминирующую роль сыграло героическое движение рабочих и крестьян, а не буржуазии.

Буржуазия в России отличалась от буржуазии Западной Европы тем, что она не способна была выполнить своей исторической миссии, не способна была повести борьбу с царизмом. Она безнадежно увязла в соглашательстве с умиравшим самодержавным строем, и этим фактом предопределялась ее дальнейшая роль в революции. Эта характерная «особенность» русской буржуазии была очень хорошо вскрыта в свое время Г. В. Плехановым в введении к первому тому «Истории общественной мысли».

Но и соглашательство мелкобуржуазных партий, господствовавших после Февральской революции 1917 г. (причем неимоверно боявшихся взять власть в свои руки), с буржуазией не разрешило, как это мы видели, ни одной из задач, стоявших перед страной.

---

[1] Г. Э к ш т е й н, Война и будущее народного хозяйства, стр. 9.

Объективные условия в России поставили проблему о власти, которая революционным путем разрешила бы основные вопросы экономического положения. Такими вопросами были: 1) война, которая вела к полному истощению и прекращение которой было необходимо; 2) земельный вопрос, разрешение которого означало полную ликвидацию помещичьего землевладения; 3) отстранение буржуазии от управления промышленностью, чем только и возможно было положить предел хищничеству, спекуляции и гибели производства. Все это мог выполнить единственно только пролетариат. Он должен был стать у власти, иначе быть не могло.

Диктатура пролетариата в России в октябре стала фактом. К этому факту можно по-разному относиться, но безумием было бы его отрицать.

Мы прекрасно понимаем, что социалистическая революция у нас есть только лишь пролог, начальный шаг социалистической революции, которая будет иметь свое продолжение и свое наиболее полное выражение на Западе; но этот начальный шаг имеет громадные последствия.

Власть, взятая пролетариатом, давала возможность немедленно приступить к проведению в жизнь определенной экономической программы.

«Пролетариат, — как сказано в «Коммунистическом манифесте»,— воспользуется своей политической властью, чтобы постепенно вырвать у буржуазии капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно скорее увеличить массу производительных сил. Это возможно, конечно, вначале лишь путем деспотического вмешательства в имущественное право и в буржуазные производительные отношения, т. е. путем мероприятий, которые с экономической точки зрения кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе развития идут дальше поставленной им цели и неизбежны, как средство переворота, во всем способе производства».

В этих словах выражена по существу вся суть экономической политики пролетариата, ставшего у власти. И эти слова нашли свое полное подтверждение в русской действительности.

«Вырвать у буржуазии капитал» необходимо было не только в политических целях, в смысле ликвидации власти буржуазии, но и в экономических, так как только таким путем можно взять в свои руки на деле управление хозяйственной жизнью. Это было осуществлено рабочими организациями в России.

«Централизовать все орудия производства в руках государства»— в этом заключается вся программа национализации, весь смысл ее, так как только при условии централизации всех орудий производства (заводов, фабрик, рудников и т. п.) возможно было планомерное, систематическое управление хозяйственной жизнью страны, возможно поднятие ее производительных сил.

Диктатура пролетариата означала коренное изменение всех установившихся имущественных и правовых отношений. Естественно она больно ударила по буржуазной обывательщине.

Вместе с этим переход к новым экономическим формам не мог совершаться гладко; наоборот сплошь и рядом неизбежна была деградация производства.

Но как высшая система хозяйственной жизни она ходом объективного развития должна вести к улучшению и общему прогрессу общественных форм и сил.

Трудности диктатуры пролетариата в России заключаются в той мелкобуржуазной стихии, которая окружает рабочий класс. Колеблющаяся, неустойчивая мелкобуржуазная масса является сплошь и рядом той благоприятной средой, в которой вырастают и экономически и политически силы, враждебные рабочему классу.

Всякая новая система, появляясь на арене общественной жизни, вначале бывает несовершенна и слаба. Следует ли отсюда заключать вообще о ее нежизнеспособности? Конечно, нет! Диктатура пролетариата в России находится в своем начальном, первичном периоде развития, в ее проявлениях много несовершенства, много даже крупных, может быть, ошибок, но она жизненнее и сильнее всякой иной системы в условиях существующей действительности.

Пролетариат России, позже других выступивший на арену мировой истории, должен был воспользоваться всем житейским опытом классовой борьбы, опытом предыдущих побед и поражений рабочих масс Западной Европы, на много десятилетий раньше поведших революционную борьбу с капитализмом.

Подобное положение рабочего класса России заставляло его тщательно избегать тех ошибок, какие были допущены раньше западноевропейским рабочим движением в наиболее ответственные революционные моменты, и с большей последовательностью и решительностью добиваться осуществления своих целей и задач.

В этом отношении опыт Парижской коммуны имел громадное показательное значение для практики революционного выступления пролетариата в России.

При рассмотрении отдельных сторон послеоктябрьской революции мы можем ясно убедиться, насколько далеко шагнул вперед пролетариат в своей практике и решении задач, когда власть перешла в его руки, в сравнении с тем, что было раньше.

Международная социалистическая революция, которая назревает и должна будет разразиться в силу тех же объективных причин, какие привели к диктатуре пролетариата в России, в свою очередь примет во внимание весь проделанный нами опыт — для того чтобы продолжить начатое дело, создав более совершенные формы его осуществления.

Диктатура пролетариата в России — начало мировой диктатуры пролетариата, первая решительная победа над капиталом, первый шаг к действительному осуществлению социализма!

Но свое осуществление она получает не в спокойных, устойчивых, хороших условиях общественной жизни, а в тяжелой, трудной политической и экономической обстановке, когда весь мир охвачен кровавой бойней, когда в наследство получено истощенное хозяйство. В условиях суровой борьбы осуществляется диктатура пролетариата и кладутся первые камни социалистического общества.

Экономическое положение и экономическая политика [1].

Чтобы отдать себе ясный отчет относительно экономической политики, которую нам предстоит проводить в ближайшее время, необходимо оценить и определить то экономическое положение, в котором находится в настоящее время страна.

Когда говорят и указывают на то тяжелое положение, в котором в настоящее время находится Россия, то забывают об оценке того экономического положения, в котором находилась страна перед октябрьским переворотом, забывают о том, какое наследство нам приходилось брать в свои руки. Нужно только вспомнить, как это мы уже говорили, что перед октябрьским переворотом, еще в 1915, 1916 гг. и в течение всего 1917 г., как отдельные экономисты, так и общественные съезды подходили к оценке тогдашнего экономического положения как необычайно тяжелого; все они его оценивали как положение, которое быстро идет в сторону экономической катастрофы в стране. Неизбежность

---

[1]) Доклад, читанный на Первом Всероссийском съезде советов народного хозяйства 28 мая 1918 г.

глубочайшего экономического кризиса для всех была очевидна, для всех была ясна. Больше того, даже не мы, а те, которые были склонны оценивать более или менее оптимистически положение ввиду того, что они стояли у власти, и они оценивали положение страны перед октябрьским переворотом как катастрофическое. Я могу много цитат перед вами в этом отношении привести, но я укажу только на один пример. Передо мною лежат тезисы доклада Череванина, который выступал как раз незадолго, если мне не изменяет память, перед октябрьским переворотом, где он так характеризует экономическое положение страны в то время: «К настоящему моменту разрушительный процесс дошел до крайних размеров, разорвавши естественную экономическую связь между городом и деревней, доведя производительные силы и транспортные средства до такого состояния, при котором делается вероятной скорая остановка и транспорта и промышленности, и довел обесценение денег до таких размеров, при которых дальнейшее их обесценение делает неизбежной в самом ближайшем будущем финансовую катастрофу». Вот та оценка, которую давали тому положению, которое было перед октябрьским переворотом, и вот то тяжелое, страшно тяжелое наследство, которое пролетариату пришлось взять в свои руки, когда он стал у власти.

Страна была накануне экономической гибели, и если этого не произошло, если те мрачные предсказания, которые делались нам, что мы не продержимся и нескольких дней, ибо будем погублены грандиозным экономическим бедствием, которое охватит страну, не оправдались, и если теперь, по истечении семи месяцев, мы, подходя к анализу и рассмотрению экономического положения, констатируем, что, несмотря на колоссальную тяжесть, которую испытывает сейчас Россия, положение наше не так ужасно, то это объясняется лишь правильностью взятого курса.

После более чем полугодовой нашей работы мы должны констатировать, что если бы мы не взяли власть в наши руки, то положение было бы ужасно, и только тем, что мы стали работать, мы спасли положение. Конечно, дело обстоит не совсем хорошо; и если мы сейчас не имеем всего того, что мы должны иметь, то это происходит исключительно вследствие того еще, что недостаточно сорганизован весь наш аппарат.

Итак, позвольте, хотя бы в общих цифрах, обрисовать вам те ресурсы, которыми мы располагаем в 1918 г.

Я начну с х л е б а. По данным Лосицкого, потребление хлеба для России в круглых цифрах выражается в 55,7 млн. *т* хлеба.

Для потребления людей требуется 28,4 млн. *т*, а для корма и посева — 27,59 млн. *т*. Таким образом для всей России понадобится хлеба 56,00 млн. *т*.

Урожай был в 1917 г. 57,48 млн. *т* хлеба. Украина дает приблизительно до 8,34 млн. *т* избытка. В Украине были избытки хлеба, которыми она снабжала Россию. Совершенно верно, что этих избытков мы сейчас ни в коем случае получить не можем, но кроме Украины избытки хлеба имелись и в других местностях Советской России. Так, в Советской России избытки хлеба в 1917—1918 гг. были довольно значительны: на Северном Кавказе — 4,27 млн. *т* хлеба, в центральной земледельческой России — 0,85 млн. *т*, в Сибири также были большие избытки хлеба. Кроме того остался старый запас хлеба от прошлых годов; в Самаре, Уфе, в Томской губернии такие запасы доходили до 2,16 млн. *т* хлеба. Мы видим, что избытки хлеба имелись. Если мы возьмем наряды на полгода до нового урожая и если мы возьмем все наши хлебные ресурсы и даже предположим, что половину всех запасов и излишков хлеба, так или иначе, потребили, то все-таки, принимая все эти обстоятельства во внимание, мы должны сказать, что запасов хлеба у нас хватит до нового урожая. И если в настоящее время мы видим ряд городов и губерний, которые голодают в самом настоящем смысле этого слова: голодает Петроград, нехватает хлеба для Москвы и т. п., то это происходит не вследствие того, что у нас уже нет запасов хлеба, а вследствие недостатка организации, вследствие того, что наша организация недостаточно совершенна для того, чтобы получить хлеб для населения голодающих губерний из деревни. Таким образом, учитывая все эти обстоятельства, мы можем сказать, что Советская Россия хлеб имеет и его хватит до нового урожая, но необходимо улучшение продовольственной организации. Так обстоит дело с хлебом.

Теперь я перейду к т о п л и в у.

С топливом дело обстоит на первый взгляд очень плохо. Но более подробный анализ приводит к несколько другим заключениям. Многие полагают, что с отходом Юга и Донецкого бассейна мы теряем 90% нашего топлива, и для всей Советской России остается только 10%. Я должен сказать, что те, кто так говорит, делают глубочайшую, громадную ошибку: ведь они забывают то обстоятельство, что Юг являлся в свою очередь большим п о т р е б и т е л е м т о п л и в а. Я вам приведу целый ряд цифр: для 1917 г. Донецкий бассейн дал 23,35 млн. *т* угля (я здесь имею в виду уголь, кокс и антрацит), центр дал нам 0,74 млн. *т* угля, Урал — 1,6 млн. *т*; кроме того Кавказ

давал нам 0,06 млн. *т*, Западная Сибирь — 1,34 млн. *т*, Восточная Сибирь — 1,9 млн. *т* угля. Таким образом для 1916 г. добыча угля составляла для Советской России 5,7 млн. *т* угля, а для Донецкого бассейна — 26,93 млн.; в 1917 г. — 23,35 млн. Но вместе с тем мы видим, что если Донецкий бассейн и Украина давали нам большое количество угля, то они значительное количество его потребляли сами. Если мы возьмем цифровые данные, то увидим, что Юг потреблял сам следующее количество угля: заводы — 2,83 млн., жел. дороги — 6,87 млн. *т*, и потребление угля на другие цели выражалось в 1,29 млн. *т*. Таким образом потребление Юга выражалось в 11,47 млн. *т*, т. е. приблизительно в 50% его добычи. Таким образом мы видим, какую громадную ошибку делали те, кто говорил, что мы потеряли 90% нашего топлива. До отторжения от нас Юга в лучшем случае мы получали 0,98—1,14 млн. *т* угля в месяц из Донецкого бассейна, т. е. 50% его добычи.

Из этого я прихожу к заключению, что потеря, которую мы терпим от отделения Украины, выражается в смысле топлива приблизительно в 4,9—5,7 млн. *т* угля для потребностей страны. Советская Россия в лучшем случае будет иметь собственный уголь — подмосковный, с Урала и из Западной Сибири; всего мы будем иметь от 4,91 до 5,7 млн. *т* угля, потребность же выражается в 9,8—11,4 млн. *т*; следовательно при переговорах с Украиной мы должны настаивать, как на минимальном количестве, которое мы должны получить от нее, на 4,9 млн. *т* угля для покрытия недостатка. При определении потребности в топливе мы можем определить ее следующим образом.

Железные дороги Советской России нуждаются по хорошему расчету, когда будут удовлетворены все потребности, — в 4,09 млн. *т* угля. Потребность промышленности выражается в 6,55 млн. *т* угля. Всего в общем требуется 10,64 млн. *т*. В сущности, как вы видите, цифры сходятся, и нам недостаток в 4,9 млн. *т* угля придется покрыть или установлением товарообмена с Украиной или дровяным топливом.

В области нефти мы имели производство до 9,83 млн. *т*. В настоящее время положение такое, что для одних железных дорог необходимо до 2,46 млн. *т* нефти. 2,46 млн. *т* нефти потребляется на самом Кавказе. Сейчас на Кавказе имеется до 1,96 млн. *т* запаса. Вывезли мы за первый период из Астрахани из 0,30 млн. *т* запаса, который имели в Астрахани, — 0,23 млн. *т*. За остающееся время нам предстоит оставшуюся громадную часть — приблизительно около 6,55 млн. *т* — вывезти.

Наконец относительно дров я должен сказать, что железные дороги Советской России потребляют до 9,7 млн. $м^3$ дров в год. Ввиду недостатка угля мы рассчитываем на необходимость заготовки до 19,5 млн. $м^3$ дров, а если принять во внимание всю потребность промышленности необходимо будет заготовить до 48,5 млн. $м^3$ дров.

В области топлива, следовательно, наше положение все же неблагонадежно. Недостаток будет чувствоваться наиболее остро в каменноугольном деле, но, поскольку мы учитываем потребности Украины в области мануфактуры, в области других изделий, которые давала ей промышленность России, Центральной России, мы полагаем, что эти 4,9 млн. *т* угля мы сможем получить с Украины.

Как обстоит дело с металлом? Здесь нам тоже рисуют безнадежную картину, когда говорят, что до 70% металла мы теряем с отходом Юга, и положение в области металла нам рисуют как положение абсолютно безнадежное. Здесь делают уже вторую грубейшую ошибку: не только забывают потребность Украины, как в вопросе с топливом, но забывают об изменившемся характере производства в настоящее время. До октябрьского переворота более 50% металла шло на непроизводительные траты, шло на нужды военного времени, на выделку снарядов, на флот, для военного министерства, для артиллерийского ведомства и т. д. Более 50% металла шло на эти нужды, и когда говорят, что общее производство стали и железа — 4,34 млн. *т* в год, из которых Юг давал 2,62 млн. *т* в год, а в Советской России вырабатывалось около 1,63 млн. *т* в год, с отходом же Юга остается около 35%, то при этом совершенно забывают, что Юг сам потреблял до 35% железа и стали, а из того количества, которое оставалось для центра, военное ведомство потребляло более 50%. Только 30—35% шло на производительные нужды страны, т. е. при самых пессимистических расчетах мы все же остаемся обеспечены металлом.

Мне пришлось подвести итоги имеющимся сейчас запасам железа, стали и чугуна в Советской России и предполагаемой производительности. В 1915 г. Юг произвел 2,64 млн. *т* железа и стали, а Советская Россия — Урал и центр — произвели 1,60 млн. *т* железа и стали. В 1917 г. производство в среднем упало на 24%, почти на четверть, и производство было приблизительно около 3,44—3,55 млн. *т* железа и стали. Запас наш остался без изменения. На 1917 г. производство железа и стали будет для Советской России до 1,14 млн. *т*. Урал дает 0,65 млн. *т* с лишним. В 1916 г. Урал произвел 0,81 млн. *т*. Я уменьшил эту цифру, я предположил, что он даст в этом году 0,65—0,68 млн. *т*. Центр давал до 0,67 млн. *т*. Я уменьшил соответственно эту цифру

и в общем, следовательно, мы получим в 1918 г. до 1,14 млн. *т* железа и стали, а с запасами мы будем иметь около 1,34—1,35 млн. *т* железа и стали. Подводя подсчет, я прихожу к выводу, что мы будем иметь возможность удовлетворить целиком нашу потребность в железе и стали.

Такие же выводы приходится сделать и относительно чугуна. Производство чугуна в среднем равняется 3,27 млн. *т*. Юг давал 2,45 млн. *т*, Урал — 0,65 млн. *т* и центр — 163 тыс. *т*. Запасы составляют до 245 тыс. *т*. Чугуна, по моим расчетам, у нас будет, следовательно, в Советской России 0,98—1,14 млн. *т*. Из этих данных вы видите, что даже если выкинем Юг, который нам ничего не даст, даже допуская самое худшее, что мы будем абсолютно отрезаны от Юга, тем не менее те ресурсы, которые имеются у нас, при определенном производительном использовании дадут возможность дальнейшего экономического развития страны и вполне удовлетворят ее насущные нужды.

Эти данные приводят к следующему убеждению. Если бы можно было колесо истории повернуть обратно и возвратиться к тому, что мы пережили, то экономическая гибель была бы, действительно, неизбежна потому, что даже при ресурсах, которые были бы с Юга, мы не могли бы существовать, так как капиталистическая система, империалистическая война, непроизводительная трата запасов топлива, чугуна, стали и т. д. поглощали бы все запасы и все производство и вели бы к экономическому истощению страны и полному ее распаду. Эти данные меня убеждают, что только та система может удовлетворить производственные и потребительные надобности, которая целиком использует все ресурсы страны для этих производительных целей, т. е. только социалистическая система может спасти страну от гибели.

Октябрьский переворот не был сверху навязанным переворотом, это было исторически неизбежное завершение определенного экономического процесса. Путь, по которому мы идем, не является искусственным путем, а является путем, к которому приводят нас объективно сложившиеся экономические условия экономического спасения страны. И в этом отношении проведение социализма в России — не утопия и не абстракция, а необходимость, диктуемая железными условиями жизни, ее логикой и тем соотношением сил, которое сейчас создалось в стране. И противники справа, в виде меньшевиков и правых эсеров, оппортунисты-социалисты, которые говорят, что рано социалисты стали у власти в России, являются величайшими утопистами, если только не являются сознательными пособниками капиталистов, ибо не учиты-

вают объективных условий, в которых существует Россия, не учитывают, что только с помощью социалистической системы можно спасти страну и залечить ее раны, нанесенные войной и капиталистическим господством.

Первый вывод, к которому я прихожу: основа, на которой должна строиться наша экономическая политика, есть власть пролетариата, который должен, учитывая объективно всю экономическую обстановку, в которой находится сейчас страна, проводить дальнейшее укрепление социалистического строя, и только этим он сможет вывести страну на путь здоровой экономической жизни.

Я полагаю, что после войны в капиталистических странах невозможно будет возвращение к старой экономической структуре. Новые формы промышленности, повидимому, обещают громадное развитие, само географическое распределение промышленных центров в России и Западной Европе должно значительно измениться. Перемещение промышленных центров и сейчас происходит во Франции и Германии и неизбежно оно должно будет происходить у нас в России. Промышленные центры, благодаря тому, что мы отрезаны от Юга и изолированы от него, должны быть передвинуты далее на Восток, и жизнь заставит нас сделать нашей базой Урал и Западную Сибирь. И в этом отношении можно с уверенностью сказать, что наша практическая деятельность должна учесть это обстоятельство, и главное внимание для развития производительных сил должно быть направлено на то, чтобы передвинуть туда и рабочие силы. Мы должны их передвинуть на Урал и сделать базой район, где добывается топливо и руда; в этом районе должны дать возможность широкого развития промышленной жизни.

Перейдем теперь к рассмотрению нашей экономической политики. Наша экономическая политика, если вы просмотрите весь предшествующий период, заключалась в устранении буржуазии от управления экономической жизнью и в централизации аппарата управления в руках органов власти пролетариата.

В основу нашей деятельности была положена национализация. Мы стремились национализировать и взять в руки управление экономической жизнью страны. Главное проведение национализации выразилось в области национализации банков, чем был нанесен сильнейший удар финансовому господству капитала в России, и, с другой

стороны — в области национализации водного транспорта. Это — два крупнейших факта нашей экономической политики. Третье — это национализация в области промышленности. Это — вопрос, до сих пор крайне мало освещенный, на котором я позволю себе несколько подробнее остановиться. По подсчету, который сделан одним из отделов Высшего совета народного хозяйства, подсчету, далеко не полному,—национализация проводилась не только из центра,но и областными и местными советами, — по этому подсчету национализировано и секвестровано 304 предприятия к 15 мая 1918 г. (в главе «О национализации промышленности» приведены более полные позднейшие данные), которые по отраслям промышленности распадаются следующим образом:

Национализированных и секвестрованных предприятий на 15 мая 1918 г.

№№	Отрасли промышленности	Национализировано	Секвестровано
I	Горно-металлургическая	90	6
II	Металлообрабатывающая	41	12
III	Электро-техническая	6	3
IV	Обработка минеральных веществ	2	1
V	Химическая	11	6
VI	Обработка питательных и вкусовых веществ	19	18
VII	Обработка животных продуктов	6	5
VIII	Техническая обработка дерева и бумаги	13	7
IX	Бумажное и полиграфическое производство	16	2
X	Обработка волокнистых веществ	12	10
XI	Разные	18	—
	Всего	234	70

Из этого вы видите, что главное направление в области национализации проходило в сторону так называемой тяжелой индустрии, в сторону горно-металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Там национализировано было 50% предприятий. Если взять порайонно, то национализация сильнее всего коснулась Урала, где национализировано 80% всех предприятий горно-металлургических и металлообрабатывающих. Остальное количество национализированных предприятий относится к остальным отраслям промышленности. Нас упрекают в том, что мы национализировали отдельные предприятия и проводили национализацию неподготовленно. При этом забывают ту атмосферу классовой борьбы, в которой нам приходилось

брать управление экономической жизнью страны в свои руки. Несомненно, национализация должна быть подготовленной, подготовка требовала предварительной работы, но в атмосфере общественной борьбы, в которой нам приходилось брать управление в свои руки, когда приходилось бороться в области экономической и политической, национализация носила, как я уже выразился в одном из своих докладов, карательный характер. Она часто вырастала в процессе революционных столкновений между капиталистами и пролетариатом, и поэтому национализация шла не в сторону собирания целых отраслей промышленности, а в сторону собирания отдельных предприятий; и тем не менее, несмотря на это, мы видим, что процесс национализации в силу естественных экономических условий обратился именно туда, куда должен был обратиться, т. е. в сторону горно-металлургической и металлообрабатывающей промышленности, в сторону тяжелой индустрии. Вот то, что мы имели в области национализации. Я должен сказать, что сейчас, в настоящее время, мы не можем и не должны отказываться от национализации, а должны ее проводить более систематически. Эта система национализации диктуется опять-таки не только нашими субъективными желаниями, не только нашими теоретическими рассуждениями, но диктуется самой экономической обстановкой, самими экономическими условиями. Я приведу только небольшой пример из того доклада, который мне пришлось недавно выслушать, относительно положения с нефтяной промышленностью, которую мы до сих пор не национализировали и которую мы, по моему глубокому убеждению, должны в ближайшее время национализировать, хотя я не закрываю глаза на то, что это вызовет известное падение производства и расстройство управляющего аппарата, но вместе с тем это экономически неизбежно. Это вызывается соотношением сил между рабочими и капиталистами. В нефтяной области картина следующая. Сейчас нефтепромышленники говорят: мы можем добывать 1 миллион тон только при том условии, если вы нам дадите условия существования труда и право распоряжаться рабочими, которые мы имели даже не до октябрьского, а до февральского переворота. Если вы нам обеспечите те же нормы прибыли, какие мы получали раньше, тогда мы не будем закрывать скважины, которые дают 8 тон в сутки. Но если этих условий промышленникам не обеспечить, то они закрывают и бросают скважины, которые дают нефти менее чем 8 тон в сутки. Они оставляют только те скважины, которые дают им и при существующих условиях определенную значительную прибыль. И вот, повторяю, удержание капиталистической системы про-

изводства при условии власти пролетариата невозможно, и процесс выбрасывания капитализма из всех отраслей промышленности неизбежен. Он диктуется всеми сложившимися условиями, всем существующим соотношением сил. К этому процессу мы должны подойти организованно и брать все, что мы можем взять для целесообразного использования.

Здесь мне представляется, что — ввиду того, что значительную часть в области горной, металлургической и металлообрабатывающей промышленности мы уже национализировали — этот процесс мы должны, во-первых, централизовать, должны создать в этой отрасли промышленности основные материалы, которые и должны явиться нашим базисом для развития этой отрасли промышленности. Национализация горной, металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности сейчас неизбежна, в ближайшем будущем она должна стать в порядке дня нашей экономической политики. Затем — национализация текстильной промышленности, точно так же, как и нефтяной промышленности, должна быть поставлена в порядок дня. Таким образом в области экономической политики, в области промышленности должна завершиться система национализации, которая до сих пор, как видно из тех данных, которые я привел, велась несистематически, проводилась в атмосфере революционной борьбы, в которой невозможна была подготовка длительная и основательная. В настоящее время мы имеем возможность и делаем определенные шаги в этом направлении, и первыми должны быть национализированы те отрасли промышленности, которые я указал.

Второе дело в области промышленности — это поднятие производительности труда и — в зависимости от этого — поднятие производства. Правда, я должен оговориться, что я не принадлежу к тем, которые полагают, что только трудовая дисциплина может поднять производительность труда. Падение производительности труда, при анализе и рассмотрении положения на фабриках и заводах, объясняется не только тем, что рабочие распустились и не хотят работать, но объясняется прежде всего изменившимся благодаря войне составом рабочего класса, именно — громадным ростом приложения женского и детского труда и отвлечением определенных кадров наиболее активного элемента рабочего класса в ряды армии. Применение женского труда приблизительно даже в 1917 г., по сравнению с 1916 г., выросло процентов на 10—15. Второе — условия потребления: рабочему классу, как и всем другим классам, приходится голодать. В зависимости от всего этого неизбежно падение производительности труда. Это — основные усло-

вия падения производительности. Но поскольку в настоящее время, благодаря прекращению войны, качество рабочего класса должно неизбежно улучшиться в силу того, что те, кто был в армии, сейчас возвращаются к своей производительной работе как в области сельского хозяйства, так и в области промышленности, и затем, конечно, неизбежно, что, поскольку управление хозяйственной жизнью страны — дело новое, в процессе работы, в процессе деятельности становится своим делом, причем создаются определенные навыки, постольку неизбежно и поднятие трудовой дисциплины рабочего класса. Но трудовая дисциплина должна проводиться, по моему мнению, самими рабочими организациями, профессиональными союзами и фабрично-заводскими комитетами в первую очередь. Ее невозможно, мне представляется, декретировать сверху, она должна вырасти снизу, и вот все наблюдения в области экономической деятельности, которые мне приходилось делать в Высшем совете народного хозяйства, убедили меня, что инициатива трудовой дисциплины исходила от отдельных заводов. Впервые она появилась на заводах Костромской губ. и Макеевском руднике, который мы национализировали чуть ли не одним из первых. Я не знаю, присутствует ли здесь делегат из Макеевского рудника, который приехал сюда и сказал, что там производительность с 982,8 *т* в день поднялась до 1 474 *т*. И те правила, которые издаются самими рабочими организациями, часто даже грешат чрезмерной суровостью в отношении к своим товарищам-рабочим по заводам и фабрикам. Но это — путь здоровой самодисциплины, по которому необходимо пойти. Поэтому трудовая дисциплина, проведенная самими рабочими организациями, является неизбежным элементом поднятия производства в стране. И ВСНХ должен явиться лишь инициатором в тех местах и областях, где еще не возникла среди самих рабочих организация для проведения трудовой дисциплины.

Теперь я обращаюсь от области производства к области товарообмена. В области товарообмена централизация настоящего периода сделала значительные успехи, но расстройство транспорта, которое колоссально (в настоящее время одних больных паровозов у нас свыше 30%), говорит о трудностях товарообмена, и, тем не менее, товарообмен между областями укрепляется.

Если сейчас мы видим покушения на хлебную монополию, покушения на твердые цены, которые часто исходят от низов, то мне представляется, что в этом отношении не отдают себе отчета в том, что при тех незначительных ресурсах, которые я рисовал в области хлеба, в области топлива и других областях, только путем правильно налажен-

ного товарообмена между областями можно спасти положение, и в этом отношении мы должны иметь в своих руках твердый централизованный аппарат, который вместе с тем был бы и достаточно разветвленным. Мы должны были вступить на путь объединения двух аппаратов в области товарообмена, именно — аппарата правительственного, в виде продовольственной организации, с одной стороны, и, с другой стороны — аппарата, который представляют из себя кооперативные организации. Кооперативных организаций насчитывается в настоящее время в России до двадцати трех тысяч, т. е. приблизительно один кооператив приходится на тысячу крестьянских дворов. Это аппарат значительный, мимо которого мы пройти не можем. Но в области приспособления общественных аппаратов к выполнению государственных задач нам приходится преодолевать консерватизм не только участников этих общественных организаций, но и сплошь и рядом наших собственных советов. Мы до сих пор еще не можем сочетать методов революционной борьбы против буржуазии, в смысле отстранения ее от управления, с методами использования целого ряда общественных организаций, которые хотя в области политической и являются нам чуждыми по духу, но необходимы в области экономической. Декрет, который был издан ВСНХ в этом направлении, имел своей целью организацию товарообмена, и на эту организацию товарообмена в данном случае следует обратить особое внимание.

Основным продуктом товарообмена в настоящее время может служить мануфактура. У нас имеется в запасе около 700 млн. *м* мануфактуры. Производство достигает, приблизительно, также 700 млн. *м*; это и должно служить предметом товарообмена, и эту мануфактуру мы должны распределить в деревне и уделить на Украину. Я нахожу, что только путем правильного товарообмена мы можем получить хлеб, а это в настоящее время является самым важным делом.

На основании всего сказанного я прихожу к следующим выводам:

1. Свержение господства буржуазно-помещичьего класса и переход власти в руки пролетариата служит основой экономической политики, направленной в настоящее время к укреплению социалистического строя в России и к отпору в борьбе с наступающим международным империализмом. Переходные меры к социализму определяются ожесточенной борьбой, которую приходится вести с буржуазией в России и вне ее.

2. Условия экономического развития России определяются, с одной стороны, изменением ее границ благодаря Брест-литовскому мирному договору, с другой — изменением характера производства.

3. Из крупнейших последствий Брестского договора приходится считать отделение Украины и Польши, которое изменяет коренным образом развитие промышленности остальных районов России. Благодаря указанному отделению русская промышленность теряет значительную часть своего топлива (до 70% общей добычи угля). Вследствие этого неизбежно перемещение главных центров нашей промышленности в районы добывания угля и руды — на Урал и в Сибирь — и усиленное развитие производительных сил в этих областях.

4. Благодаря переходу производства от удовлетворения нужд войны к удовлетворению потребностей населения страны, экономическое положение, несмотря на страшное истощение финансов, расстройство транспорта, падение производительности и т. п., неизбежно будет итти к улучшению. Факты сокращения производства, т. е. закрытие фабрик и заводов, рост безработицы, объясняются главным образом переходным состоянием от военного производства к мирному и от капитализма к социалистической системе. Подобное положение сменится ростом производства с укреплением нового строя.

5. Экономическое положение после семи месяцев со дня Октябрьской революции диктует необходимость дальнейшего завершения экономических мероприятий, проводившихся в течение этого времени и приведших к ликвидации помещичьего землевладения в деревне и к отстранению буржуазии от руководства экономической жизнью страны.

6. В области организации производства необходимо завершение национализации, и от проведения национализации отдельных предприятий (которых национализировано и секвестровано 304 предприятия) необходимо перейти к последовательной национализации отраслей промышленности и в одну из первых очередей — металлообрабатывающей и машиностроительной, химической, нефтяной и текстильной. Проведение национализации должно быть лишено случайного характера и может проводиться исключительно или ВСНХ или СНК по заключению ВСНХ.

7. Развитие производительных сил в стране требует установления обязательных норм выработки, индивидуальных и заводских, и соразмерения норм заработной платы с размерами выработки; строжайшей трудовой дисциплины, вводимой самими рабочими организациями; постепенного введения трудовой повинности, начиная с категории лиц, не занятых никаким общественно-полезным трудом; мобилизации всех технических сил страны и специальностей; организованного перераспределения рабочих сил в зависимости от изменения районов и центров промышленности.

8. В области организации обмена и распределения необходима централизация и сосредоточение всего торгового аппарата в руках государственных органов и в кооперативных организациях, с проведением постепенной ликвидации частно-торгового аппарата. Система монополии на предметы и продукты массового потребления делает необходимым установление натурального обмена между областями, установление твердых цен на все продукты и предметы первой необходимости, согласование их между собой и постепенное понижение их.

9. Широкое снабжение деревни сельскохозяйственным инвентарем и машинами, предметами обрабатывающей промышленности, удобрением, проведение в широком масштабе мелиоративных работ и установление правильного товарообмена между городом и деревней.

10. В области финансовой — завершение национализации банков, увеличение числа их отделений, постепенный переход к обязательным и охватывающим все население текущим счетам, самое широкое развитие чекового оборота и переводов, общая бухгалтерия всех национализированных предприятий.

Внешняя торговля России.

Окончание войны выдвинуло ряд новых вопросов в области мирового обмена, старые, установившиеся отношения должны быть пересмотрены самым основательным образом.

Начало социалистической революции, крушение старой капиталистической системы, проявившееся впервые в России, делает необходимым и неотложным уже теперь рассматривать вопросы международного товарного обмена и международных отношений под углом зрения этой новой международной и общественной ситуации.

России, где власть находится в руках советов, придется, повидимому, первой закладывать на практике камни новой системы международных экономических отношений.

Конечно, эти первые практические шаги в этой области будут страшно трудны — на это мы не можем, не должны закрывать глаза — и, конечно, вызовут новый взрыв криков злорадства и бесконечных сентенций со стороны тех, для кого весь ужас настоящего положения заключается в «дезорганизации буржуазного строя» и проведении социалистических мер.

В капиталистическом мире в международных экономических отношениях стимулом являлась прибыль; отсюда следовал захват во что бы то ни стало новых рынков, колоний; отсюда вытекала вся политика

финансового капитала, политика империализма как во внешней, так и внутренней торговле.

Пролетариат решительно рвет с этими основами и формами международных отношений. На место интересов капиталистов он выдвигает интересы всего общества как в области производства, так и в области потребления, как во внешнем, так и внутреннем обмене.

На место «свободной конкуренции» или «организованного» захвата колоний и рынков трестами и синдикатами он выдвигает принципы социалистические, при которых государственная власть, находящаяся в его руках, выступает единственным представителем на международном рынке. Конечно, при этом в корне будет нарушен принцип «свободы торговли».

Однако уже Р. Гильфердинг вполне верно оценил эту «свободу торговли» и заявил, что «ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть не свобода торговли, а только социализм».

Не такой идеал, как восстановление свободной конкуренции, — он превратился теперь в реакционный идеал, — может быть теперь целью пролетарской политики, а единственно лишь полное уничтожение конкуренции посредством устранения капитализма».

Прежде, однако, чем перейти к обоснованию новых принципов, на которых государственной советской власти в России придется вести внешний обмен и торговлю, мы должны остановиться на рассмотрении того, как шла эта внешняя торговля в течение войны, что вывозила и что ввозила Россия, какие изменения произошли в этой области и какую, наконец, систему внешней торговли возможно было бы построить, основываясь на данных как предшествующих, так и этих последних лет войны.

Первое время начала войны вывоз из России резко упал; наоборот, ввоз обнаружил гораздо более слабое понижение. Но с течением времени мы видим, что вывоз из России стал немного возрастать, ввоз же по ценности превысил среднюю пятилетия, предшествовавшего войне.

Вывоз из России и ввоз по всем границам

Годы	Вывоз (в млн. руб.)	Увеличение (+), уменьшение (—) в проц., беря 1909—1913 гг. за 100	Ввоз (в млн. руб.)	Увеличение (+), уменьшение (—) в проц., беря 1909—1913 гг. за 100
1909—1913 . .	1 501,4	100	1 139,6	100
1914 . .	956,1	— 36	1 098,0	— 3
1915 . .	401,8	— 73	1 138,6	— 8
1916 . .	579,3	— 61	2 632,5	+ 135

Из этих данных мы можем видеть, что наибольшее падение вывоза наблюдалось в 1915 г., когда вообще во всех отраслях хозяйства сказалось разрушительное действие войны.

Перейдем теперь к рассмотрению внешней торговли за 1917 г. Полные данные мы имеем только за первую половину 1917 г.

Вывоз и ввоз товаров по европейской границе России за первую половину года

Годы	Вывоз		Ввоз	
	В тыс. тонн	В млн. руб.	В тыс. тонн	В млн. руб.
1915 . .	515,9 (31 489 тыс. пуд.)	94,2	695 (42 459 тыс. пуд.)	184,01
1916 . .	738,7 (45 129 » »)	168,7	1 003 (61 272 » »)	511,8
1917 . .	237,8 (14 515 » »)	111,2	949,1 (57 981 » »)	853,4

Если мы рассмотрим эти данные, то ясно увидим, что вывоз из России в первую половину 1917 г. значительно сократился количественно и по сравнению с 1916 и с 1915 гг., по цене же он превышает вывоз 1915 г. Ввоз, наоборот, очень слабо понизился по сравнению с 1916 г. (с 1 003 тыс. *т* до 949 тыс. *т*), в рублях же даже превышает ввоз 1916 г. на 342 млн. руб. и значительно превысил ввоз 1915 г. (на 254,9 тыс. *т* и на 669 млн. руб.). Таким образом революция не только не повела к задержке ввоза в Россию, но, наоборот, ввоз товаров увеличился по сравнению с предшествующим временем.

Далее из этих данных с очевидностью вытекает прогрессирующее увеличение привоза по сравнению с вывозом. Если в 1915 г. ввоз в тысячах тонн был в полтора раза больше вывоза, то в 1917 г. он уже почти в пять раз больше вывоза. Если же ввоз и вывоз товаров мы возьмем в миллионах рублей, то оказывается, что в 1915 г. ввоз выше вывоза в два раза, в 1916 г. — почти в три и в 1917 г. — почти в восемь раз.

По сравнению с довоенным временем отношение резко изменилось. Из предыдущей таблицы мы можем видеть, что средняя за пятилетие 1909—1913 гг. показывает определенное превышение вывоза над ввозом.

Объясняется это прежде всего характером ввозимых и вывозимых товаров. Из России раньше главными статьями вывоза были хлеб, жизненные и животные продукты, т. е. именно те товары, которые во время войны целиком потреблялись внутри страны и на фронте и в которых, особенно в 1917 г., чувствовался острый недостаток, вследствие чего вывоз их был почти целиком запрещен. Наоборот, ввоз распространился главным образом за счет всякого рода изделий, а не продуктов и предметов первой необходимости.

Более подробное рассмотрение статей вывоза и ввоза дает, с одной стороны, объяснение вышеуказанным фактам, с другой — является показателем необходимости организованного вмешательства в международный обмен.

Данные о вывозе ясно свидетельствуют прежде всего о значительном падении вывоза товаров первой группы (жизненных продуктов) и третьей (животных). В то время как вывоз в довоенное время жизненных припасов составлял 50—60% всего вывоза, в 1917 г. он сократился для первой группы в четыре раза по сравнению даже с 1915 г. и стал составлять 30% по отношению ко всему вывозу. Тем не менее, даже в первой половине 1917 г., по существу голодной, все же за границу было вывезено 5 421 *т* пшеницы.

Вывоз товаров из России

Группы товаров	В тысячах тонн			В тыс. руб.		
	1917 г.	1916 г.	1915 г.	1917 г.	1916 г.	1915 г.
I. Жизненн. припасы	65,7 (4 014 т. п.)	311,8 (19 029 т. п.)	232,8 (17 288 т. п.)	21 621	58 320	50 896
II. Сырье и полуобработанные матер.	15,6 (9 526 » »)	412,2 (25 173 » »)	218,5 (13 363 » »)	72 990	101 061	35 133
III. Животные	—	0,15 (9 » »)	—	—	65	—
IV. Изделия фабрично-заводские и ремесленные	14,3 (875 » »)	15,1 (918 » »)	13,7 (838 » »)	16 567	9 321	8 141
Всего	236 (14 415 т. п.)	739,25 (45 129 т. п.)	515 (31 489 т. п.)	111 178	168 767	94 170

Ввоз в Россию (с 1 января по 1 июля)

Название групп товаров	В тысячах тонн			В тысячах рублей		
	1917 г.	1916 г.	1915 г.	1917 г.	1916 г.	1915 г.
I. Жизненные припасы . . .	55,8 (3 408 т. п.)	86,3 (5 267 т. п.)	95,2 (5 811 » »)	42 336	49 423	3 270
II. Животные продукты и изделия из животных продуктов	17,4 (1 063 » »)	0,80 (491 » »)	6,85 (419 » »)	75 302	24 389	6 890
III. Лесной товар, деревянные и корзиночные изделия	424,6 (25 906 » »)	47,1 (2 879 » »)	246,7 (15 097 » »)	16 132	9 871	6 225
IV. Керамические материалы и изделия	24,1 (1 476 » »)	92,4 (5 643 » »)	4,3 (263 » »)	4 328	4 498	1 770
V. Толь, асфальт, смолы и продукты обработки их	39,8 (2 430 » »)	29,4 (1 794 » »)	63,38 (3 872 » »)	11 664	16 029	15 322
VI. Материалы и продукты химического производства	36,3 (2 221 » »)	51,5 (3 145 » »)	30,1 (1 840 » »)	56 474	39 087	14 357
VII. Руды, металл и всякого рода изделия из металлов	154,3 (9 421 » »)	180,9 (11 059 » »)	76,4 (4 666 » »)	225 101	170 365	50 714
VIII. Писчебумажный товар и произведения печати . .	106 (6 476 » »)	152 (9 293 » »)	107,3 (6 615 » »)	42 039	49 407	17 419
IX. Прядильные материалы и изделия	21,8 (1 337 » »)	16,5 (1 096 » »)	21,7 (1 324 » »)	108 388	52 149	32 346
X. Предметы одеяния, пуговицы, стеклярус, галантерейные товары	0,75 (46 » »)	0,76 (47 » »)	0,44 (27 » »)	7 291	6 811	3 469

Наоборот, вывоз товаров по второй группе (сырье и полуобработанные материалы: бревна, брусья, доски, семена, пенька, цемент и т. п.), а также вывоз изделий фабрично-заводских и ремесленных обнаруживает явную устойчивость и тенденцию к повышению.

Вывоз сырых и полуобработанных продуктов составил ко всему вывозу почти 70%, но по сравнению с довоенным он представляет все же ничтожную цифру: в 1913 г. одного только леса было вывезено 7,53 млн. *т*, теперь же весь вывоз по второй группе за первую половину составил всего 147,5 тыс. *т*, так что за весь год вряд ли превысил 327 тыс. *т*.

Более интересную картину представляют изменения, происшедшие в области привоза, что можно видеть из таблицы, помещенной на стр. 103.

По этим данным мы можем судить прежде всего относительно тех групп товаров, которые в наибольшей степени были ввозимы в Россию, затем относительно тех изменений, какие произошли в течение трех лет войны с количеством привозимых товаров.

Рассматривая эти данные, мы видим, что на первом месте по ввозу стоит третья группа товаров, куда входит лесной товар, деревянные и корзиночные изделия. Эта группа товаров обнаруживала непрерывный рост из года в год: в то время как в 1915 г. было вывезено 245,7 *т*, в 1917 г. — уже 409,5 *т*, — ввоз увеличился более чем в полтора раза, в рублях же даже в два с половиной раза.

На втором месте по ввозу стоит группа седьмая — наиболее важная и ценная: руда, металлы и всякого рода изделия из металлов. По сравнению с 1915 г. ввоз в 1916 г. вырос в два с половиной раза, в 1917 г. он несколько понизился по сравнению с 1916 г., но стоял значительно выше 1915 г. (в 1915 г. — 76,4 тыс. *т*, в 1916 г. — 181 тыс. *т* и в 1917 г. — 154,3 тыс. *т*).

За этими двумя группами товаров следуют те группы, которые не испытали почти никаких изменений; таковы, например, прядильные материалы, материалы и продукты химического производства.

Наконец, сильно понизился, как и нужно было ожидать, ввоз жизненных припасов (с 95,2 тыс. *т* в 1915 г. до 55,8 тыс. *т* в 1917 г.).

Остальные группы товаров по своему количественному размеру представляются незначительными, и их колебания не являются характерными. Переходя теперь к выводам по рассмотренным нами данным, мы можем сказать следующее: несмотря на войну, несмотря на крайне ненормальные условия международного обмена, — в общем основные,

характерные черты для внешней торговли России сохранились прежние: главными статьями вывоза были: вторая группа товаров — сырье и полуобработанные материалы, и первая — жизненные припасы, т. е. те самые товары, какие вывозились и до войны. Эта основа внешней торговли России, несмотря на войну и потребности внутреннего рынка, осталась непоколебленной, хотя и сократившейся во много раз. Обусловливается это тем положением, какое занимает Россия в области мирового производства. Условия и характер производства определяют и характер обмена. Как в прошлом, так и в настоящем и, повидимому, в ближайшем будущем Россия будет поставлять на мировой рынок жизненные припасы, сырье и полуобработанные материалы, и только с течением времени ей удастся занять серьезное место по вывозу других предметов и изделий. Таково фактическое положение.

Но этим характером нашей внешней торговли облегчается необходимое сосредоточение ее в руках государства и изъятие из рук частных торговцев.

При хлебной монополии, ясно, вывоз может быть совершен только государством, точно так же как и других монополизированных продуктов.

Необходимость, экономическая необходимость вывозить жизненные припасы и сырье, чтобы получить взамен действительно нужные для страны машины, материалы и предметы, сделала неизбежной национализацию вывоза. Дабы этот вывоз не совершался в ущерб населению, как это было прежде (известно, как, например, нашим сахаром откармливали свиней в Англии, в то время как деревня не могла получить этого сахара, или вывозили сотни тысяч тонн муки, в то время как ряд городов голодал, и т. п.), необходимо было вывоз этих продуктов и предметов первой необходимости немедленно взять в руки государства и наделить его исключительным правом вывозить необходимое количество этих товаров. Таков неизбежный и единственно правильный вывод.

Таким образом в отношении вывоза мы пришли к выводу, что, несмотря на крайнее истощение страны, нам придется вывозить сырье и жизненные припасы при условии самого строгого сосредоточения вывоза этих продуктов в руках государства.

Как изменится привоз товаров?

Многие полагают, что как только представится возможным вести более или менее правильный обмен, так к нам из-за границы хлынет масса товаров, которая затопит наш рынок и может задушить наше собственное производство.

Нам представляется это мнение совершенно неверным.

Прежде всего упускается из виду то крайнее экономическое истощение и расстройство, какое наблюдается во всех странах, несших всю тяжесть войны, со всеми ее последствиями. Ввоз из Германии, Австрии, Англии, Франции и других стран может восстановиться лишь после довольно продолжительного времени.

Конечно, международные хищники и спекулянты постараются наводнить страну всяким хламом, и в предвидении этой опасности надо заранее поставить определенные заграждения в виде запрещения ввоза некоторых товаров и строгого контроля за ввозом.

Но кроме этого необходимо и более организованное вмешательство в области ввоза.

Система разрешений и запрещений практиковалась и до сих пор. Она необходима и в настоящее время. Однако уже теперь нужно переходить к систематической организации ввоза государством. Государство само должно перейти на монопольную закупку наиболее важных товаров, имеющих серьезное значение для страны (например, сельскохозяйственных машин и т. п.). В этом отношении, несомненно, предстоит крайне трудная и ответственная работа.

Необходим более или менее точный учет потребности в тех или иных изделиях, распределение заказов и скупка их за границей и, наконец, ввоз и распределение их внутри страны. Но эта работа должна быть проведена в ближайшее же время.

Международный обмен, таким образом, должен строиться на учете потребностей страны как в области развития производства, так и потребления и путем организованной системы ввоза и вывоза получать твердую основу для своего развития.

Только в таком случае на место хищнической политики международного обмена капитализма, которая по существу была международным обманом народов, установится новая система экономических отношений между народами различных стран.

22 апреля 1918 г. был опубликован нижеследующий декрет о национализации внешней торговли, который вполне отвечал выясненным нами задачам внешней торговли России.

Главное затруднение в проведении декрета в жизнь составит, конечно, создание широкого, разветвленного аппарата для производства закупки и концентрации товаров в руках государства.

Этот аппарат придется создать, так как до сих пор его не было.

Декрет гласит следующее:

I.

«Вся внешняя торговля национализируется. Торговые сделки по покупке и продаже всякого рода продуктов (добывающей, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и пр.) с иностранными государствами и отдельными торговыми предприятиями за границей производятся от лица Российской республики специально на то уполномоченными органами. Помимо этих органов всякие торговые сделки с заграницей для ввоза и вывоза воспрещаются.

Примечание. Правила ввоза и вывоза почтовых посылок и пассажирских вещей будут изданы отдельно.

II.

Органом, ведающим национализированной внешней торговлей, является Народный комиссариат торговли и промышленности.

III.

Для организации и вывоза и ввоза при Народном комиссариате торговли и промышленности учреждается Совет внешней торговли. В состав Совета входят представители следующих ведомств, учреждений и организаций: а) ведомств: военного, морского, земледелия, продовольствия, путей сообщения, иностранных дел и финансов; б) представители центральных органов регулирования и управления отдельных отраслей производства, как то: Центрочай, Центросахар, Центротекстиль и т. д., и представители всех отделов Высшего совета народного хозяйства; в) центральные организации кооперативов; г) центральные представительства торгово-промышленных и сельскохозяйственных организаций; д) центральные органы профессиональных союзов и торгово-промышленных служащих; е) центральные органы торговых предприятий по ввозу и вывозу важнейших продуктов.

Примечание. Народному комиссариату торговли и промышленности предоставляется право привлекать в состав Совета внешней торговли представителей организаций, здесь не поименованных.

IV.

Совет внешней торговли проводит план товарообмена с заграницей, вырабатываемый Народным комиссариатом торговли и промышленности и утверждаемый Высшим советом народного хозяйства.

В задачи Совета внешней торговли входят: 1) учет спроса и предложения вывозимых и ввозимых продуктов; 2) организация заготовки и закупки при посредстве соответственных центров отдельных отраслей промышленности (Главсахар, Главнефть и т. д.), а при их отсутствии— при посредстве кооперативов, собственных агентур и торговых фирм; 3) организация закупки за границей: при посредстве государственных закупочных комиссий и агентов, кооперативных организаций и торговых фирм; 4) установление цены вывозимых и ввозимых товаров.

V.

1) Совет внешней торговли разделяется на отделы по отраслям производства и важнейшим группам вывозимых и ввозимых товаров, причем председателями отделов являются представители Народного комиссариата торговли и промышленности.

2) Председателем общего собрания членов Совета внешней торговли и его президиума, избираемого общим собранием, является представитель Народного комиссариата торговли и промышленности.

> Примечание. Внутренняя организация Совета внешней торговли, число отделов, их задачи, права и круг деятельности будут выработаны особо.

3) Все решения отделов представляются президиумом Совета на утверждение Народного комиссариата торговли и промышленности».

Учреждение Совета по внешней торговле означает по существу приспособление действующих торговых аппаратов к выполнению задач национализированной внешней торговли, к выполнению наиболее трудной задачи — закупочной работы на местах. Только с течением времени и после большой предварительной работы дело национализированной внешней торговли удастся поставить на твердую почву. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. На мировом рынке впервые выступает социалистическое общество, пришедшее на смену купцу-капиталисту.

Национализация промышленности.

Национализация отдельных предприятий и целых отраслей промышленности, происходящая в настоящее время в России, является

жизненной необходимостью, обусловливаемою экономическим развитием.

Необходимость сосредоточения в руках общества управления хозяйственной жизнью и создание с этой целью определенного материального базиса, в смысле перехода средств производства из частных, капиталистических рук в руки общества и государства, не отрицается ни одним мало-мальски серьезным экономистом, за исключением, само собой разумеется, апологетов буржуазного строя.

Конечно, от теоретического признания экономической целесообразности перехода средств производства в руки государства и до проведения национализации на практике — дистанция огромного размера. И те, кто смел на бумаге, открещиваются сплошь и рядом от той действительности, которая оправдывает теоретические посылки. Ломка старого и строение новой системы пугает многих.

Но национализация промышленности является логическим выводом экономической политики пролетариата, ставшего у власти.

До этого времени, как мы видели выше, не было ни одной попытки даже поставить на сколько-нибудь реальную почву этот вопрос.

В этом отношении Англия и Германия, несмотря на то, что там власть финансового капитала значительно сильнее сказывалась, чем у нас, далеко ушли в первые годы войны в этом направлении.

В России только после октябрьского переворота вопрос о государственном вмешательстве в экономическую жизнь стал на твердую почву и получил свое наиболее полное осуществление в области национализации промышленности, когда управление хозяйственной жизнью страны получило свое настоящее, наиболее полное выражение.

Самая основа, самая суть экономического развития говорит за то, что без создания новых экономических форм становится невозможен технический прогресс, становится невозможным самое существование хозяйственной деятельности и развитие производительных сил.

Можно лишь жалеть, что этот процесс создания новых экономических форм не происходит с должной быстротой и широтой захвата и запаздывал по сравнению с требованиями быстро текущей вперед действительности. Тем не менее первые этапы национализации промышленности в России настолько уже выявились, что вполне своевременно произвести известный учет этому процессу.

Обращаясь к фактической стороне национализации в России, мы можем определенно наметить два периода в проведении национали-

зации: с октября месяца 1917 г. до июня 1918 г. и с июня 1918 г., когда началась новая стадия в развитии национализации.

В первый период национализация проходила в атмосфере необычайно сильной борьбы с капиталистами и их сторонниками из среды высшего технического персонала.

Национализации подвергались главным образом отдельные предприятия (в других областях народного хозяйства за это время были проведены крупнейшие национализации — банков и водного транспорта). Нижеследующая таблица данных о национализированных предприятиях [1]) дает в достаточной степени полную картину, как проходила национализация.

Национализация предприятий с октября 1917 г. по 1 июня 1918 г.

№№	Название групп	Казенные	Национализировано: СНК и ВСНХ	Национализировано: Областн. СНХ	Национализировано: Местн. орг.	Секвестровано: СНК и ВСНХ	Секвестровано: Областн. СНХ	Секвестровано: Местн. орг.	Итого
I.	Горно-металлургич.	23	50	39	2	—	7	1	218
	Металлообрабат.	—	18	26	5	1	45	1	
II.	Топливо	4	4	2	11	—	—	—	21
III.	Электро-технич.	—	5	1	2	—	10	—	18
IV.	Волокнист. вещества	—	3	5	7	—	7	4	26
V.	Химические	—	4	21	4	—	8	5	42
VI.	Дерево и бумага	—	3	7	24	—	22	6	62
VII.	Минералы	—	—	4	1	—	5	—	10
VIII.	Пищевых и вкусовых продуктов	—	9	19	16	—	10	7	61
IX.	Продуктов от животных	—	—	1	6	—	1	5	13
X.	Полиграфические	—	1	9	5	—	2	—	17
XI.	Транспорт	—	1	2	4	—	—	—	7
XII.	Смешанные производства	—	1	16	6	—	2	1	26
	Всего	27	99	152	93	1	119	30	521

[1]) Данные собраны Отделом организации производства ВСНХ и опубликованы в № 4 «Народного хозяйства».

Из этих данных мы видим, что всего национализировано и секвестровано было до 1 июня 1918 г. 521 предприятие, а из этого количества большая часть была национализирована областными советами народного хозяйства — 271 предприятие, или 51,4%; затем следуют местные организации (губернские и уездные) — национализировавшие и секвестровавшие 123 предприятия, или 24% общего числа предприятий, и меньше всего национализировано и секвестровано было из центра — Советом народных комиссаров и Высшим советом народного хозяйства — всего 100 предприятий, или около 20%; незначительное же число — 27 предприятий — принадлежат или к ранее национализированным или казенным предприятиям.

Из этих данных мы можем видеть, что процесс национализации шел снизу, и советские верхи не поспевали за ним, чтобы взять его целиком в свои руки, несмотря на то, что было издано немало приказов, запрещающих местным организациям производить самим национализацию.

Цифры наглядно показывают, что замена старой системы была необходима, и ее производили, не дожидаясь указаний сверху. Конечно при этом получалось немало «битой посуды», но это не вина, а беда была наша: неналаженность достаточно мощного, организованного аппарата.

Если проследить, как шла национализация по отраслям, то мы увидим, что на первом месте идут предприятия горно-металлургической и металлообрабатывающей промышленности — 218, или 42% общего количества национализированных, затем бумажные и деревообрабатывающие — 62, химические — 42.

Очень мало сравнительно было национализировано в текстильной промышленности — всего лишь 26, или 5% общего числа.

Таким образом даже в этот первоначальный период национализация промышленности в общем и целом шла по правильному пути — захватывая главным образом тяжелую индустрию. Переход ее в руки государства была страшно важен, так как в ней заключался ключ к тому, чтобы правильно мог функционировать транспорт, работать заводы, фабрики и т. д.

Однако полугодичная лихорадочная работа не могла пройти бесплодно, и постепенно в самом процессе работы рос и создавался аппарат, который брал и централизовал как управление национализированными предприятиями, так и проведение уже более обширного и разработанного плана национализации. Производственные от-

делы Высшего совета народного хозяйства взяли постепенно в течение этих 6 месяцев дело управления целым рядом как отдельных предприятий, так и групп предприятий в свои руки: они назначали правления предприятий, производили контроль и учет. Этим создавался тот рабочий аппарат, который давал уже возможность к проведению более смелой и широкой национализации.

С июня месяца 1918 г. национализация вступила во вторую стадию своего развития, отличающуюся не только широтой своего захвата, но и способом проведения. I Всероссийский съезд советов народного хозяйства (26 мая — 4 июня 1918 г.) принял крайне важные руководящие принципы в деле проведения национализации.

В постановлении съезда говорится: «В области организации производства необходимо завершение национализации, от проведения национализации отдельных предприятий... необходимо перейти к последовательной национализации отраслей промышленности и в одну из первых очередей — металлообрабатывающей и машиностроительной, химической, нефтяной и текстильной.

Проведение национализации должно быть лишено случайного характера и может проводиться исключительно или ВСНХ или Советом народных комиссаров по заключению Высшего совета народного хозяйства».

Съездом же было принято подробно разработанное «Положение об управлении национализированными предприятиями».

В течение июня сего года ВСНХ был принят ряд важнейших постановлений, впоследствии утвержденных Советом народных комиссаров и вышедших в качестве декретов.

Из этих постановлений следует отметить декрет о национализации всей нефтяной промышленности, постановление о национализации группы Сормовских и Коломенских заводов (в металлургической и машиностроительной промышленности) и, наконец, декрет о национализации всех крупнейших предприятий почти во всех отраслях промышленности.

Таким образом через 8 месяцев советской власти главнейшие отрасли народного хозяйства оказались в руках государства.

Совершился полный экономический переворот. Если буржуазные мыслители льстили себя надеждой, что капиталистический строй является альфой и омегой экономического развития, то революция в России доказала полную необоснованность этих надежд.

Правда, новая система далека, очень далека от совершенства, но когда и где в истории постройка новой общественной системы начиналась сразу с совершенных форм?

Совершившимся фактом приходится считать то, что путем национализации промышленности мы в России впервые в мировой истории получаем осуществление, пусть в грубых и несовершенных чертах, но все же осуществление новой экономической системы и крушение капитализма.

Обращаясь к непосредственным поводам, которые приводили к национализации и конфискации предприятия, мы видим, что в первое время, в первые месяцы национализация носила почти исключительно карательный характер. Более 70% предприятий конфисковывалось и национализировалось благодаря неисполнению декрета о рабочем контроле, или же благодаря тому, что владельцы закрывали и бросали на произвол судьбы свои предприятия. Вследствие такого характера национализации переход предприятий от частного владельца к государству совершался без достаточной подготовки и предварительной работы. Вопросы финансирования, управления, снабжения предприятия топливом и материалом и т. п., конечно, в атмосфере борьбы выяснились более чем недостаточно, а зачастую вставали во всей своей грозной реальности уже после совершения национализации. По поводу этих первых шагов и начальных наших этапов в области проведения национализации противники национализации всегда злорадствуют, а некоторые даже стремятся убедить, что национализация бывает иногда «выгодна» владельцам, так как избавляет их от убыточных предприятий. Таковы рассуждения всех буржуазных и мелкобуржуазных экономистов. При этом, однако, упускается крайне существенное обстоятельство, что вопрос идет о проведении новой системы хозяйственного управления и новой системы экономических отношений, и те недочеты, какие наблюдаются, носят временный, преходящий характер, точно так же как и «выгода» и «невыгода» национализации отдельных предприятий не колеблет правильности проведения национализации в целом.

Необходимо было спасать производство и спасать рабочих от безработицы.

Необходимо было вмешательство государства для того, чтобы не дать погибнуть предприятиям (политика господствующих капиталистов на Украине, выбрасывающих рабочих на мостовую, закрывающих предприятия, конечно, иная и ярко показывает, что могло бы быть у нас без национализации).

Декреты о национализации вполне определенно указывают на приведенный выше мотив национализации. Вот несколько примеров.

«Ввиду отказа заводоуправления Сестрорецкого металлического завода продолжать производство СНК постановил: конфисковать все имущество Сестрорецкого металлического завода, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской республики».

«Ввиду категорического отказа владельца фабрики Ростокинской (Московской губернии)... продолжать производство, несмотря на имеющиеся в ней запасы сырья и толива... фабрика национализирована».

«Ввиду заявления правления самолетно-строительного завода Андреево-Ланский и К⁰ о нежелании подчиниться декрету о демобилизации и желании рассчитать всех рабочих... объявлена национализация».

«Ввиду отказа управления автомобильных мастерских Международного общества спальных вагонов продолжать работу мастерских...». На тех же основаниях произведена национализация картонажной фабрики «Теодор Киббель», завода «Гельферих-Садс», правление которого закрыло свой завод и переехало к Каледину в Ростов; фабрики обмундирования Маркушевич, петроградской верфи моторных судов А. Золотова и другие. Таким образом целый ряд предприятий национализировался в силу классовой борьбы, в силу того, что предприниматели закрывают и бросают предприятия, борясь с рабочими.

Вторым мотивом национализации является неподчинение декрету о рабочем контроле. На этом основании был национализирован целый ряд предприятий. Так, например:

«Ввиду отказа заводоуправления акционерного общества Сергинско-уфалейского горного округа подчиниться декрету СНК о введении рабочего контроля над производством СНК постановил конфисковать все имущество акционерного общества Сергинско-уфалейского горного округа».

«Ввиду отказа заводоуправления акционерного общества Богословского горного округа подчиниться декрету СНК о введении рабочего контроля СНК постановил конфисковать все имущество акционерного общества Богословского горного округа».

По этим же мотивам были конфискованы и национализированы Русско-бельгийское металлургическое общество, общество Кыштымского горного округа, такими же мотивами пестрит еще целый ряд декретов о национализации предприятий.

Таковы были основные непосредственные поводы национализации предприятий начального периода.

Наконец третья причина национализации — экономическая целесообразность.

В то время как национализация по вышеприведенным причинам — оставление предприятия владельцами и неподчинение декрету — протекала быстро и не могла, конечно, происходить иначе, захватывая отдельные предприятия, национализация предприятий, проводимая в силу экономической целесообразности, могла происходить только после довольно длительной подготовки по учету и налаживанию аппаратов управления.

Национализация последнего вида является основной. Слабо развитая вначале, она, развертываясь, захватывает сразу целые отрасли промышленности.

В первое полугодие после Октябрьской революции таким образом были национализированы банки, речной и морской флот и ряд отдельных предприятий. Само собой разумеется, что в «карательной» системе национализации есть также, как мы видели, экономическая целесообразность, но главенствующее значение она получает тогда, когда лишена всяких привходящих карательных моментов.

В настоящее время подготовительная работа по созданию органов управления хозяйственной жизнью страны подвинулась настолько далеко, что явилось вполне возможным перейти к национализации целых отраслей промышленности, каковая была проведена в июне месяце сего года, благодаря чему создаются новые, более свободные рамки для развития производительных сил страны и технического прогресса.

Однако судить об изменениях и результатах в работе национализированных предприятий в настоящее время представляется еще крайне затруднительным. Прежде всего до сих пор не имеется полных и точных данных о национализированных предприятиях; затем, незначительный сравнительно период времени, протекший со времени национализации, не дал возможности еще выявления его результатов.

Те сведения, какие имеются по отдельным предприятиям, совершенно не дают картины состояния предприятий и не являются типичными. Те факты, что, например, Макеевские рудники после национализации повысили производительность в $1^1/_2$ раза, и ряд других аналогичных сведений не могут считаться типичными, хотя представляют, конечно, сами по себе большой интерес.

Новая система, новые методы управления, новые отношения людей в процессе производства могут дать положительные результаты спустя лишь известное время.

Процесс строительства и созидания — несравненно более медленный процесс по сравнению с революционным взрывом и разрушением старой, пережившей себя, общественной оболочки. Свержение класса капиталистов совершается, благодаря раз прорвавшемуся натиску пролетариата, с неудержимой быстротой.

Раз захвачена власть пролетариатом, капиталисты не могу спастись и удержаться ни на одной из своих позиций.

Но поднятие производства, улучшение и усовершенствование техники, творчество новых форм хозяйственной деятельности совершается лишь путем постепенного, органического роста.

Национализация промышленности, проведение планомерной организованной системы народного хозяйства, открывает двери для широкого творчества человеческого гения, привлекает впервые рабочие массы к сознательному участию в процессе производства и организации народного хозяйства в интересах всего общества, результаты чего должны сказаться в ближайшем будущем.

Заключение.

Экономическое положение России нельзя рассматривать изолированно от мировой хозяйственной конъюнктуры, точно так же как глубокой ошибкой было бы полагать, что в нашей борьбе с буржуазией и нашей победе над капиталистами здесь, у себя, мы отделены от международной борьбы с капитализмом и результатов этой борьбы. В конечном счете н а ш а п о б е д а тогда лишь будет закреплена, когда произойдет победоносная социальная революция в мировом масштабе. Не раньше.

Если бы Россия была предоставлена сама себе — она бы справилась вполне с своими экономическими задачами. Весь ход развития, какой мы наблюдали в последние годы, говорит за это. Главный разрушающий фактор — мировая война — был устранен октябрьским переворотом.

Система хищений и эксплоатации была заменена системой сознательного регулирования.

Безработица, которая была неизбежна при демобилизации, которая грозила бы при капитализме г и б е л ь ю сотням тысяч рабочих, почти не отразилась на рабочем классе благодаря широкому обеспе-

чению, какое получили безработные со стороны Советского государства и благодаря *организации производства*. По данным Комиссариата труда в Московской области в 21-й бирже труда было зарегистрировано в *апреле* 1918 г. — 21 тысяча безработных, в *мае* — 19 *тысяч* и в *июне* — уже только 13 тысяч, т. е. число безработных уменьшилось на 6 тысяч. В то же время вырос спрос на труд; в марте — апреле он составлял 18—20% предложения, в июне — 44,5%.

Производство начинает вливаться в нормальные формы и направлено исключительно на удовлетворение потребностей всего населения.

Переход к новым формам производства и распределения, переход от системы «товарообмена» к системе «продуктообмена» — необычайно труден.

Недостаток технических сил, способных повести производство в новых условиях, остро ощущается. Инженеры и техники (как и вообще интеллигенты) нового общественного строя, *сознательно служащие обществу*, — это пока еще единицы. Большинство представляют наследие капитализма — служащие лишь за деньги, обыватели с застарелыми навыками, психологически неприспособленные к новым условиям.

С трудом преодолевается также своеобразный групповой сепаратизм самих рабочих и их «синдикалистские» наклонности. Наконец самый аппарат хозяйственного управления при этих условиях — лишь постепенно становится тем мощным, стройным, единым аппаратом, который действительно сможет выполнить колоссальные задачи молодого социалистического общества.

Однако *внутренние трудности меркнут перед внешними*.

Капитал — *интернационален* в своей сущности. Борьба капитала за свое существование носит международный характер. Класс капиталистов имеет своих стратегов и свое войско, и, как показывает весь опыт России, лишь путем жестокого, беспощадного боя может быть достигнут социализм. Эпоха диктатуры пролетариата — это эпоха не только органического переустройства общества на новых началах, но и эпоха борьбы с бешено сопротивляющимся, хотя и побежденным, классом капиталистов.

Суровая, жестокая борьба — против капиталистов, за утверждение диктатуры пролетариата, за переход к общественному регулированию и управлению хозяйственной жизнью страны — совершенно не похожа на ту маниловщину, какую проповедывали многие писатели, рисуя

переход от капитализма к социализму, и этот опыт русской революции необычайно ценен для борьбы в общемировом масштабе. Социализм берется с боя. Это показала и доказала практика нашей жизни и наша действительность.

Когда многие думали и полагали, что социальная революция произойдет мирно и спокойно, что капиталисты легко уступят, а пролетариат великодушно их посадит на пенсию, то в этом сказывалось лишь неуменье анализировать предшествующую действительность и открытыми глазами посмотреть на всю пережитую историческую эпоху — классовой борьбы, эксплоатации и угнетения.

Как образчик можно привести следующее, например, рассуждение Н. Рожкова[1]): «Может быть пролетариат, всегда великодушный и благородный, войдет в положение капиталистов — изнеженных, неспособных к труду, привыкших к роскоши, жалких (?). И тогда он даст им вознаграждение за отобранные богатства в виде пенсий или пожизненного дохода. Пусть эти обломки старого капиталистического строя доживают свою бесполезную жизнь без нужды!»

Социальная революция протекает не в этих идиллических тонах, а как суровый, жестокий переворот, встречающий на своем пути колоссальные препятствия.

Точно так же Шефле в своей книге «Сущность социализама» говорит: «Буржуа может иметь право на имущество, приобретенное им при современном строе, — и потому мы выкупаем у него его капитал, подобно тому как он выкупил привилегии феодалов (?!); но он не имеет никакого права ставить преграды на пути к улучшению производства в будущем.

Во всякое время народ имеет право провозгласить новую форму производства во имя высшей справедливости. С этого момента капиталист не может единолично вести крупное производство; достаточно с него, если у него выкупают его капитал и капитал его детей, выплачивая ему выкуп ежегодно частями, в размере необходимых ему средств существования, причем это будет продолжаться до тех пор, пока все не приспособятся к новым условиям. Капиталист подчинится новому праву, провозглашенному большинством народа, как подчинилось дворянство праву, провозглашенному буржуазией, удовлетворяясь вознаграждением за отмену феодальных повинностей».

Действительность опять-таки показала обратное: капиталист отнюдь не намерен «подчиняться» новому праву, а ведет против него бе-

---

[1]) Н. Рожков, Капитализм и социализм, Москва, 1917.

шеную борьбу, как в свое время вело ее дворянство против буржуазии. Но и рабочий класс отнюдь не расположен «содержать на пенсии» своих заклятых врагов и, экспроприируя средства производства, ничего не выплачивает за них, рассматривая совершенно справедливо их как общественную собственность, которая незаконно находилась в распоряжении капиталистов.

Э. Вандервельде в своей книге «Промышленное развитие и коллективизм» указывает, что «планы социализации, предлагаемые различными школами, можно разделить на три категории: экспроприация средств производства без вознаграждения их собственников, экспроприация с вознаграждением по полной стоимости и, наконец, экспроприация с пожизненной пенсией».

Наиболее верно, как видим, учитывала положение дел первая школа; пенсии же распространяются новым обществом на всех инвалидов, но не на тех трудоспособных членов общества, которые были капиталистами: их должно и нужно заставить трудиться, и только таким путем может произойти ассимиляция «бывшего» класса.

Итак, теория «мирной», «соглашательской» социальной революции оказалась мифом. Особенно в условиях мировой войны социальный переворот носит тяжелые формы. От капитализма нельзя «откупиться»— он ведет борьбу не на жизнь, а на смерть, за свое существование, и только железная решимость и решительность пролетариата довести во что бы то ни стало дело социальной революции до конца, ясно сознавая, что объективные условия, все будущее общественного развития — за него, может укрепить новый строй и докончить коренное изменение старого, капиталистического строя.

Диктатура пролетариата в России — первый шаг к мировой диктатуре пролетариата, к мировому социалистическому строю!

Москва,
4 августа 1918 г.

Приложение.

ДЕКРЕТЫ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

1. О всеобщей национализации.

В целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты Совет народных комиссаров постановил:

I. Объявить собственностью Российской социалистической федеративной советской республики нижеуказанные расположенные в пре-

делах Советской республики промышленные и торгово-промышленные предприятия со всеми их капиталами и имуществами, в чем бы таковые ни заключались:

По горной промышленности.

1) Все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам предприятия, добывающие минеральное горючее (каменный и бурый уголь, лигнит, горючие сланцы, антрацит и прочее);

2) все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам предприятия по добыче железной и медной руды;

3) все предприятия, занятые добычей платины;

4) все вольфрамо-добывающие предприятия;

5) все серебряно-свинцово-рудные и цинково-добывающие предприятия;

6) все предприятия асбестовой промышленности;

7) нижеперечисленные золотопромышленные предприятия:

а) Ленское золотопромышленное товарищество,
б) Анонимное общество Кочкарских золотых приисков и все предприятия Кочкарской системы,
в) Верхне-амурская золотопромышленная компания,
г) Амурское золотопромышленное общество,
д) Российское золотопромышленное общество,
е) Федоровское золотопромышленное общество,
ж) Южно-сибирское золотопромышленное общество,
з) Амгунская золотопромышленная компания,
и) Миасское золотопромышленное товарищество,
к) Южно-алтайское золотопромышленное дело,
л) Акционерное общество Ольховских золотых рудников,
м) Акционерное золотопромышленное общество «Алтай»,
н) Нижне-селенгинское товарищество,
о) Циманская золотопромышленная компания,
п) Общество Мариинских приисков,
р) Товарищества «Ельцов и Левашов»,
с) Акционерное общество «Драга»,
т) Зауральское горнопромышленное товарищество;
у) Айдырлы-кваркенский золоторудный район,
ф) Московское лесопромышленное товарищество (Северо-заозерская дача),
х) Зауральское горнопромышленное товарищество.

8) Нижеперечисленные предприятия по добыче соли:

а) Общество Кулинского соляного производства (озеро Кулп),
б) промысел в местности Молла-Кара, Тер-Аванесова,
в) все Усольские соляные промыслы.

По металлургической и металлообрабатывающей промышленности.

9) Все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам предприятия с основным капиталом в один миллион и более рублей, а также все крупные предприятия, общая стоимость имущества которых по последнему балансу составляет один миллион и более рублей, и занятые одним или несколькими из нижеследующих видов производства: выплавка чугуна, железа и меди в сыром виде; получение из них полупродукта и обработка этого полупродукта путем прокатки, волочения, штампования и химической обработки; постройка машин всякого рода (двигателей, машин-орудий, сельскохозяйственных машин и прочее), авиационных аппаратов и механических экипажей; постройка судов, паровозов и вагонов, мостов и железных конструкций; изготовление точных приборов; изготовление огнестрельного оружия, пулеметов, артиллерийских орудий и их частей; производство металлической арматуры; производство различного рода изделий из металлов, исключая производство воздушных тормозов;

10) кроме того, независимо от размеров основного капитала, объявляются собственностью республики все предприятия, производящие какие-либо изделия из металла и составляющие единственное в пределах Российской федеративной республики производство, занятое выработкой данного рода изделий.

По текстильной промышленности.

11) Все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам предприятия, обрабатывающие хлопок и имеющие основной капитал не менее одного миллиона рублей;

12) все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам предприятия, обрабатывающие шерсть, лен, шелк и джут, а также аппретурно-красильные, с основным капиталом не менее пятисот тысяч рублей;

13) все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам предприятия, обрабатывающие пеньку и владеющие основным капиталом не менее двухсот тысяч рублей.

По электро-технической промышленности.

14) Все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам электрические станции, производящие электрический ток на продажу, с основным капиталом не менее одного миллиона рублей;

15) все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам электрические заводы, производящие динамомашины, электромоторы, трансформаторы, электрические измерительные приборы и прочие предметы электро-технической промышленности, с основным капиталом не менее одного миллиона рублей;

16) все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам кабельные заводы, с основным капиталом не менее одного миллиона рублей.

По лесопильной и деревообделочной промышленности.

17) Все предприятия лесопильной промышленности, принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам, с основным капиталом не менее одного миллиона рублей;

18) все предприятия деревообделочной промышленности с механическим оборудованием, принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам.

По табачной промышленности.

19) Все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам предприятия, владеющие табачными фабриками, с основным капиталом не менее пятисот тысяч рублей, по данным 1914 г., и владеющие махорочными фабриками, с основным капиталом не менее трехсот тысяч рублей, по данным 1914 г.

По резиновой промышленности.

20) Все предприятия резиновой промышленности.

По стекольной и керамической промышленности.

21) Все предприятия акционерных обществ и товариществ на паях, владеющие стекольными, хрустальными, зеркальными, фарфоровыми, фаянсовыми, посудного, бутылочного и химического стекла, гончарными, изразцовыми, керамиковыми, майоликовыми и терракотовыми

заводами, с основным капиталом не менее пятисот тысяч рублей, по данным 1914 г.

По кожевенной промышленности.

22) Все предприятия акционерных обществ и паевых товариществ, владеющие обувными и кожевенными фабриками, с основным капиталом не менее пятисот тысяч рублей, по данным 1914 г.

По цементной промышленности.

23) Все предприятия акционерных обществ и паевых товариществ, владеющие цементными заводами, с нормальной производительностью не менее пятисот тысяч бочек в год.

Паровые мельницы.

24) Все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам паровые мельницы, с основным капиталом не менее пятисот тысяч рублей.

Предприятия по местному благоустройству.

25) Все предприятия, обслуживающие водоснабжение, все газовые заводы, трамваи, конно-железные дороги и предприятия по канализации переходят по всей территории Советской республики в собственность советов рабочих и крестьянских депутатов.

В области железнодорожного транспорта.

26) Все предприятия обществ частных железных дорог и подъездных путей как находящихся в эксплоатации, так и строящихся.

По прочим отраслям промышленности.

27) Все предприятия акционерных обществ и паевых товариществ, вырабатывающие целлюлозу и древесную массу;

28) все предприятия акционерных обществ и товариществ на паях, владеющих писчебумажными, картонными, картонажными, гильзовыми и папиросно-бумажными фабриками, с основным капиталом не менее трехсот тысяч рублей, по данным 1914 г.;

29) все предприятия акционерных обществ и товариществ на паях, владеющих заводами и фабриками искусственных жиров, мыловаренными и стеариновыми заводами, с основным капиталом не менее одного миллиона рублей, по данным 1914 г., и владеющие салотопенными и маслобойными (растительных масел) заводами и фабриками, с основным капиталом не менее пятисот тысяч рублей, по данным 1914 г.;

30) все предприятия акционерных обществ и товариществ на паях, владеющих заводами: 1) минеральных кислот, 2) кальция, карбида и 3) искусственных углей, с основным капиталом не менее пятисот тысяч рублей, по данным 1914 г.;

31) все предприятия Петроградского акционерного общества костеобжигательных заводов;

32) предприятия: 1) Акционерного общества для выделки и продажи пороха (Виннера); 2) Русского общества для выделки и продажи пороха (Шлиссельбургского); 3) Акционерного общества пороховых заводов Барановского.

Примечание. Исчисление основных капиталов акционерных обществ и паевых товариществ, поскольку не оговорено обратное, производится по данным за 1916 отчетный год или же за последний отчетный период, конец которого приходится на 1916 г. В случае возникновения предприятия после 1916 г. исчисление производится по последним данным года утверждения устава такого предприятия.

II. Организацию управления национализируемыми предприятиями поручается в срочном порядке выработать и провести в жизнь соответствующим отделам ВСНХ, с соблюдением всех ранее изданных по сему поводу декретов, под общим руководством президиума ВСНХ.

По отношению к предприятиям, упомянутым в пункте 24 раздела первого сего декрета (паровые мельницы), означенное поручение возлагается на Комиссариат продовольствия, при условии соблюдения всех ранее изданных по вопросу об управлении национализируемыми предприятиями декретов.

По отношению к предприятиям, упомянутым в пункте 25 раздела первого сего декрета (предприятия по местному благоустройству), таковое же поручение, при соблюдении того же условия, возлагается на местные советы рабочих и крестьянских депутатов.

По отношению к предприятиям, упомянутым в пункте 26 раздела первого сего декрета (предприятия железнодорожных и подъездных путей), таковое же поручение возлагается на Комиссариат путей

сообщения, с окончательного утверждения Совета народных комиссаров.

III. Впредь до особого распоряжения ВСНХ по каждому отдельному предприятию, предприятия, объявленные согласно настоящему декрету достоянием Российской федеративной социалистической республики, признаются находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев; правления и бывшие собственники финансируют их на прежних основаниях, а равно получают с них доходы на прежних основаниях.

IV. С момента объявления декрета члены правления, директора и другие ответственные распорядители национализированных предприятий отвечают перед Советской республикой как за целость и сохранность предприятий, так и за правильную их работу.

В случае оставления своих служебных постов без согласия на то со стороны подлежащих органов Совета народного хозяйства, или неоправдываемых упущений в ведении дел предприятия, виновные отвечают перед республикой не только всем своим имуществом, но и несут тяжёлую уголовную ответственность перед судами республики.

V. Весь без исключения служебный, технический и рабочий персонал предприятий, равно как директора, члены правления и ответственные распорядители объявляются состоящими на службе у Советской социалистической федеративной республики и получают содержание в норме, существовавшей до момента национализации предприятий, из доходов и оборотных средств предприятия.

В случае оставления своих постов лицами технического и административного персонала национализируемых предприятий они отвечают перед судом Революционного трибунала по всей строгости законов.

VI. Накладывается арест на личные суммы, принадлежащие членам правления, акционерам и собственникам национализируемых предприятий, впредь до выяснения вопроса об отношении этих сумм к оборотному капиталу и средствам предприятия.

VII. Все правления национализируемых предприятий в срочном порядке обязуются составить баланс предприятий на 1 июня 1918 г.

VIII. ВСНХ поручается в срочном порядке выработать и разослать во все национализируемые предприятия подробную инструкцию об организации в них управления и задачах рабочих организаций в связи с проведением в жизнь настоящего декрета.

IX. Не подлежат переходу в собственность республики предприятия, принадлежащие потребительским, кооперативным обществам и товариществам и их объединениям.

X. Настоящий декрет вступает в силу со дня его подписания.

Председатель Совета народных комиссаров

В. Ульянов (Ленин).

Народные комиссары: *Цурюпа*, *Ногин*, *Рыков*.

Управляющий делами Совета народных комиссаров

В. Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета *Н. Горбунов.*

2. Постановление о национализации заводов, входящих в финансовую группу Сормово—Коломна.

1. В силу постановления президиума Высшего совета народного хозяйства от 18 июня сего года все предприятия, капиталы и имущества, в чем бы они ни заключались и где бы они ни находились, принадлежащие: Акционерному обществу «Сормово», Акционерному обществу Коломенского машиностроительного завода (с принадлежащим ему Кулебакским горным заводом), товариществу Ташина железоделательного завода, Акционерному обществу Белорецких железоделательных заводов Пашковых (включая и принадлежащий обществу Катав и Юрюзань-ивановский округ) и Пермскому лесопромышленному акционерному обществу, объявляются собственностью Российской социалистической федеративной советской республики.

2. Все заводы перечисленных в пункте первом обществ объединяются под общим управлением и названием: «Объединенные национальные машиностроительные заводы Сормово — Коломна».

3. Отделу металла ВСНХ поручается впредь до сформирования управления названными заводами, на основаниях, указанных в «Положении об управлении национализированными предприятиями», принятом Съездом советов народного хозяйства, образовать Временное центральное правление этих заводов, которому и надлежит принять от прежних правлений все дела, капиталы и имущества названных обществ, с подчинением ему всех заводоуправлений, имеющихся на местах.

4. Члены существующих правлений, под страхом ответственности перед судом Революционного трибунала, обязаны в полном порядке сдать дела, документы, капиталы и имущество Центральному правлению объединенных заводов или лицам, им на то уполномоченным.

5. Весь административный, технический и служебный персонал, занятый как в правлениях вышеозначенных обществ, так и непосредственно на принадлежавших обществам заводах, под страхом ответственности перед судом Революционного трибунала, обязан продолжать ту работу, которую он ведет, или выполнять ту работу, которая будет

ему поручена Центральным правлением или новыми заводоуправлениями.

6. Все обязательства частных лиц и учреждений как перед существующими правлениями предприятий, так и перед местными заводоуправлениями, сохраняют свою силу и после национализации предприятий, причем права по этим обязательствам существующих правлений обществ переходят к Центральному правлению, а такие же права существующих местных заводоуправлений — к новым заводским управлениям.

Председатель Высшего совета народного хозяйства

А. И. Рыков.

Члены президиума:

Я. Рудзутак, Г. Вейнберг, В. Чубарь.

Секретарь президиума *А. Шотман.*

3. Декрет о национализации нефтяной промышленности.

1. Объявляются государственной собственностью предприятия нефтедобывающие, нефтеперерабатывающие, нефтеторговые, подсобные по бурению и транспортные, цистерны, нефтепроводы, нефтяные склады, доки, пристанские сооружения и прочие, со всем их движимым и недвижимым имуществом, где бы оно ни находилось и в чем бы оно ни заключалось.

2. Мелкие из названных в пункте первом предприятий изъемлются из действия настоящего декрета. Основания и порядок означенного изъятия определяются особыми правилами, выработка которых возлагается на Главный нефтяной комитет.

3. Объявляется государственной монополией торговля нефтью и ее продуктами.

4. Дело управления национализированными предприятиями в целом, а равно и определение порядка осуществления национализации, передается в Главный нефтяной комитет при Отделе топлива ВСНХ (Главконефть).

5. Порядок образования местных органов по управлению национализированными предприятиями и пределы их компетенции определяются особыми инструкциями Главного нефтяного комитета по утверждении их президиумом ВСНХ.

6. Впредь до принятия национализируемых предприятий в целом в управление Главным нефтяным комитетом прежние правления названных предприятий обязаны продолжать свою работу в полном объе-

ме, принимая все меры к охране национального достояния и к безостановочному ходу операций.

7. Прежнее правление каждого предприятия должно составить отчет за весь 1917 г. и за первое полугодие 1918 г., а также баланс предприятия на 20 июня, по каковому балансу новое правление производит проверку и фактический прием предприятия.

8. Главный нефтяной комитет имеет право, не ожидая представления балансов и до полной передачи национализированных предприятий в управление органов советской власти, посылать своих комиссаров во все правления нефтяных предприятий, а также во все центры добычи, производства, транспорта и торговли нефтью; причем Главный нефтяной комитет может передавать свои полномочия своим комиссарам.

9. Все права и обязанности советов съездов нефтепромышленников передаются соответствующим местным органам по управлению национализированной нефтяной промышленностью.

10. Всем служащим предприятий и учреждений, переходящих в ведение Главного нефтяного комитета, предписывается оставаться на своих местах, не прерывая возложенных на них работ.

11. Впредь до издания Главным нефтяным комитетом предусмотренных в декрете инструкций, распоряжений и правил, местным советам народного хозяйства, а где таковых нет — другим местным органам советской власти, предоставляется издавать их для своего района.

12. Настоящий декрет вступает в силу немедленно по опубликовании.

Председатель Совета народных комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Народный комиссар *А. Рыков.*

Управляющий делами Совета народных комиссаров
В. Бонч-Бруевич.

Секретарь *Н. Горбунов.*

2. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНУМЕ ВСНХ 19 и 21 МАРТА 1918 ГОДА.

Экономические итоги и ближайшие перспективы.

В настоящий момент мы можем подвести некоторые итоги экономическому состоянию России после октябрьского переворота. На основании этих данных мы можем вывести определенное заключение относительно ближайшего направления нашей экономической политики и относительно тех практических шагов, тех планов, которые предстоит нам провести в хозяйственной жизни страны. Октябрьский переворот

поставил во главе экономической жизни совершенно новую систему— диктатура пролетариата сделала неизбежным изменение всей экономической политики сверху донизу. Но вместе с тем старое экономическое состояние, подготовленное самим ходом общественной жизни страны, явилось теми рамками, в условиях которых приходилось развиваться новой системе. Рамки эти были необычайно тесны и тяжелы. К этому привело все историческое развитие, которое происходило в течение последних трех лет. Война истощила экономическую жизнь, до 60% общего производства шло на нужды войны, страна не могла удовлетворять своих самых насущных нужд в области производства и потребления.

В этом процессе, с начала войны и до октябрьского переворота, можно наметить определенные этапы, отличающиеся друг от друга. Болезненный переход в экономических отношениях от производства мирного времени к производству на военные нужды начался с начала 1914 г. Это был переходный момент изменения характера производства, когда экономическая жизнь страны переходила к производству на военные нужды. В этот переходный период мы наблюдаем падение некоторых отраслей производства. Так, в два месяца закрылось до 500 фабрик и заводов и свыше тысячи сократило свое производство; сразу было рассчитано до 62 000 рабочих. Это миновало, когда война заставила развернуть производительные силы страны на военные нужды, и в 1916 г. мы видим своеобразный расцвет промышленности.

Для характеристики я мог бы, не останавливаясь подробно, привести оборот банков, где мы видим в 1916 г. колоссальное, громадное увеличение по сравнению с 1915 г. В 1916 г. оборот банков увеличился на 49,4%. Вместе с тем мы видим увеличившийся спрос на рабочие руки, когда предложение не успевало удовлетворять этот спрос.

1917 г. характеризуется, наоборот, падением общего производства, истощением сил и падением экономической жизни страны, и экономическая катастрофа начала приближаться вследствие затягивания войны. Переворот стал неизбежен, у власти должен был стать новый класс, дабы спасти положение.

Тяжелое наследство досталось в удел пролетариату в октябре месяце.

На основании цифровых данных мы можем подвести итоги этому наследству в различных областях нашей жизни.

В финансовой области мы имеем подробные данные относительно доходов и расходов государства. Этих данных в печати, кажется, не было, и поэтому я позволю себе огласить их более подробно.

На 1 января 1918 г. поступило:

Обыкновенных доходов	4 677	млн.	руб.
Чрезвычайных »	420	»	»
Остаток	30	»	»
Чрезвычайных доходов от кредитных операций	16 833	»	»
А всего дохода в общей сложности	21 960	млн.	руб.

Расходы:

Обыкновенные расходы	4 619	млн.	руб.
Чрезвычайные расходы, не относящиеся к военным нуждам	382	»	»
Расходы, связанные с войной	22 750	»	»
По переучету краткосрочных займов	800	»	»
На уплату дефицита	702	»	»
А всего	28 503	млн.	руб.
Дефицит	6 543	»	»

Вот тот бюджет, который государство имело в 1917 г., и то наследство в области финансов, которое получила страна на 1918 г.

Всем известно, что сейчас в финансовой области наиболее тяжелое положение. Страна требует колоссальное множество денежных знаков, и, в то время как приток денег из центра направляется в глубь страны, обратно денежных знаков поступает очень незначительное количество. Государственный бюджет 1918 г. намечается приблизительно следующим образом: не будет колоссальных затрат на армию, потому что она будет демобилизована, но зато возрастут другие громадные расходы, и главным образом нам придется тратить на увеличение заработной платы железнодорожникам и целому ряду рабочих различных отраслей промышленности. Наши обыкновенные расходы, благодаря падению курса рубля, также значительно возрасли. Приходится предполагать, что бюджет 1918 г. вряд ли будет уменьшен по сравнению с 1917 г., но характер его будет значительно изменен.

Денежные средства будут тратиться на нужды населения и потому при составлении государственного бюджета на 1918 г. нам придется считаться с нуждами самого населения.

Так обстоит дело с финансовым вопросом. Несомненно, очень трудно будет выйти из этого тяжелого финансового положения, но в связи с изменением нашей торговой политики, с увеличением товарообмена, можно рассчитывать, что этот денежный рост будет сокращен.

Здесь еще нужно учитывать обстоятельство, которое задерживает обратный приток денег в Государственный банк, а именно — переходный момент к национализации банков, когда еще новый банковский

аппарат не укрепился и когда держатели денег стараются держать их дома, а не сдавать в банк. Эта паника будет, конечно, изжита, и недостаток денежных знаков будет в значительной степени ослаблен. В ближайшем будущем национализация банков отменена не будет, и определенно можно сказать, что все слухи не имеют под собой почвы, но будет сделан ряд шагов, чтобы упорядочить банковское дело путем его централизации и путем его расширения.

В области производства, в сущности говоря, мы находимся также в крайне тяжелом положении, но все же момент катастрофический можно считать избегнутым в настоящее время благодаря тому, что экономическая жизнь вдвинута в новые рамки и каждый день увеличивает производительные траты народного богатства, так как продукты производства не приходится отсылать на фронт; представляется возможным надеяться на постепенное восстановление производства, если, мы, поскольку у нас хватит сил, со всей непреклонностью и твердостью будем проводить намеченную нами политику. Несомненно мы должны констатировать, что производительный аппарат находится в крайне расхлябанном состоянии, — приходится констатировать не столько уменьшение запасов, сколько процесс падения производительности.

В сущности то, что запасы не уменьшаются, объясняется тем, что циркуляция этих запасов замедлена: падает вывоз из мест производства. Угрожающим фактом является падение производства, который приходится констатировать.

Чтобы не быть голословным, я приведу цифры по каменноугольной промышленности, по выработке железа и стали.

На Юге России, в Донецком бассейне, добывается свыше 80% всего количества добываемого в России угля. И вот в Донецком бассейне мы видим такую картину падения производительности (тут можно наблюдать целый ряд колебаний):

В 1916 г. добыча угля составляла . .	22,47 млн. *т.*
» 1917 » » » . .	18,64 » »

Уменьшение в общем незначительное, всего только приблизительно на 3,5 млн. *т*; но если мы сравним добычу угля по месяцам, то увидим в 1917 г неуклонный процесс падения добычи каменного угля.

В январе добыча каменного угля . . .	2 015 тыс. *т.*
» апреле (по истечении 4-х месяцев) .	1 540 » »
» августе	1 408 7 » »
» декабре	1 097,5 » »

Но уже в январе, по полученным телеграфным сведениям, добыча угля повысилась и выразилась в сумме 326 тыс. *т*, но зато упал вывоз:

В декабре было вывезено	1 065 тыс. *т*.
» январе » »	507,8 » »

Это падение вывоза, которое должно отразиться на всей промышленности, объясняется тем, что на Юге разыгрывалась настоящая война, и путь был загроможден с той и другой стороны войсками.

В области топлива, следовательно, наша промышленность становится в очень тяжелое положение.

По сведениям, полученным нами с Юга, выяснилось, что за январь 1918 г. доставка каменного угля с Донецкого бассейна достигла только 507,8 тыс. *т*, за первую же половину февраля поступило 376,7 тыс. *т*. Это очень показательное явление: как только прекратились военные действия, транспорт сейчас же поправился, но март месяц ставит новые затруднения, и в нашей промышленности предстоит тяжелый перерыв. Здесь нам придется пользоваться древесным углем, и только отчасти Урал будет снабжать нас углем, — поэтому на добычу угля на Урале придется обратить внимание.

Что касается железа и стали, то, в сущности, в этой области наблюдается та же картина.

Средняя месячная производительность

в 1916 г.	344 тыс. *т*.
» 1917 »	262 » »

Уменьшение — на 24%.

Запасы же остались без изменения:

На 1 января 1916 г. . . .	196,5 тыс. *т*.
» 1 » 1917 » . . .	196,5 » »

Производство чугуна уменьшилось в месяц на 49 тыс. *т*.

Выплавка чугуна в 1916 г. . . .	316,1 тыс. *т*.
» » » 1917 » . . .	260,3 » »

Всего уменьшение — на 17,17%.

Наконец для характеристики положения в этой области промышленности я скажу о доменных печах. Это наиболее показательный факт для характеристики экономического состояни России.

Здесь мы видим, что в то время как в 1916 г. работали 116 доменных печей, в 1917 г. работало всего 107.

В 1916 г. остановилось	35 доменных печей
» 1917 » »	44 » »

ремонт же их остался без изменения.

Вот те характерные данные, которые мы можем сделать о наших основных областях промышленности.

Вот та атмосфера, в которой мы находимся в области экономической жизни страны.

Когда мы обращаемся к области непосредственного изготовления предметов потребления и предметов первой необходимости, мы видим, что становится возможным те запасы, которые имеются в стране, сейчас же переводить на потребление населения, и положение улучшается.

В текстильной промышленности месячное изготовление тканей почти равняется 700 млн. *м*; кроме того имеется такой же запас, и из этого количества мы имели возможность выбросить на рынок 93 млн. *м*. Одна Москва послала 10 млн. *м* в обмен на хлеб в течение последних 2 месяцев. И это не только наблюдается в области мануфактуры, это наблюдается и в снабжении железом и в снабжении сельскохозяйственными машинами. Сейчас имеется заказов на сельскохозяйственные машины более чем на 100 млн. руб., сделанных Отделом снабжения сельскохозяйственными машинами. Ожидается привоз этих машин и из Америки.

В этом отношении мы полагаем, что, поскольку мы будем вынуждены самим ходом обстоятельств работать на потребности населения, постольку наша экономическая жизнь будет поправляться, но здесь, несомненно, будет играть громадную роль тот аппарат управления хозяйственной жизнью и та экономическая политика, которые будут проводиться.

Если представить себе на минуту, что осталась бы старая буржуазная политика, то я убежден, что экономическая катастрофа разразилась бы в тех размерах, которые можно было ожидать, ибо тогда не было бы того фактора, который нами проводится, а именно — производства на потребности населения, а было бы производство на нужды войны, на которую тратилась бы совершенно непроизводительно громаднейшая часть богатства народа.

И если теперь, несмотря на колоссальную разруху, которую не приходится отрицать, мы не имеем экономической катастрофы, то это можно объяснить только изменением того развития экономической жизни, которое получилось благодаря изменению характера нашей экономической политики. Благодаря этому мы не наблюдаем того колоссального количества голодных безработных, которые мы могли бы иметь. Правда у нас существует страшный недостаток в продуктах, но зато мы не имеем того явления, которое мы имели раньше,

когда перед нами были десятки тысяч голодающих наряду с обеспеченным классом, хорошо живущим.

Таким образом, если бы сделать вывод относительно общего экономического положения, в котором находится Россия, то можно охарактеризовать его как переходный момент, — момент, который имеет в своей перспективе улучшение экономической жизни страны и ее оздоровление. В этом отношении улучшение хозяйственного аппарата управления должно явиться нашим основным принципом для дальнейшей экономической политики.

Теперь я перейду к отдельным отраслям нашей хозяйственной жизни и к изложению тех конкретных планов, которые сейчас намечаются в экономической области Высшего совета народного хозяйства.

Прежде всего в области национализации нам предстоит решить один основной вопрос. Ведь вы знаете, что в основе нашей экономической политики была ставка на низы, на самодеятельность рабочих низов. В общем только Октябрьская революция в полной степени поставила этот вопрос ясно и определенно. Раньше, не говоря о дореволюционной экономической политике, которая эксплоатировала рабочие низы, которая не доверяла им, которая смотрела на них, как на исполнителей воли руководителей, на рабов, но и в период 8 месяцев — от февраля до октября, период соглашательской политики, было полное недоверие к рабочим массам.

Нашей ставкой были низы. Поэтому, если вы помните, наш основной лозунг в области экономической политики заключался в том, чтобы немедленно вводить рабочий контроль, следить за тем, чтобы производство не падало, и так как естественно, что в острой классовой борьбе буржуазия прибегала к определенным методам борьбы — к саботажу, к сознательному расстройству производства, к использованию средств голода, то в этом отношении лозунг рабочего контроля был необходимым: необходимо было брать производство в свои руки, необходимо было советской властью производить национализацию крупнейших предприятий. Но здесь мы должны с полной ясностью, с полной определенностью указать на те недочеты, которые были в этой области за этот период, с октября месяца по текущий момент. В области национализации мы можем наблюдать следующее положение: национализированы сейчас предприятия горной промышленности, национализированы банки, национализирован торговый флот и, наконец, довольно значительное количество отдельных разрозненных предприятий. Национализация шла либо снизу, проводилась областными, часто местными советами РС и КД, или же шла сверху, отсюда, от СНК и ВСНХ.

Но недостаток был тот в этой системе национализации, что не было общего плана. Самый процесс диктовался объективно экономическим положением и фактами классовой борьбы. В настоящее время нашу промышленность приходится финансировать государству, и в сущности национализированные предприятия и частные предприятия сейчас в большинстве содержатся государственной казной. И поэтому в этом отношении нам трудно, в сущности говоря, получить такую картину отличия национализированных от ненационализированных предприятий в смысле задолженности с их стороны государству; поэтому в дальнейшем перед нами стоит необходимость управления теми фабриками и заводами и т. д., которые еще не национализированы, и доведение до конца национализации промышленности.

Но характер национализации должен быть изменен. Если до сих пор национализация носила характер, я бы сказал, карательный, когда карали предпринимателей за саботаж, за непроведение рабочего контроля, то в настоящее время уже карательная система должна быть переведена в систему планомерной национализации, когда должна производиться предварительная разработка для национализации данной отрасли промышленности, точно определяться система финансирования и т. д. Вот чего, к сожалению, не наблюдалось до сих пор и что объяснялось не злым умыслом нашей организации, которая отбирала предприятия, а что объяснялось теми объективными условиями, которые принимала классовая борьба в эти месяцы.

Итак, нами в области промышленности намечается перспектива планомерной дальнейшей национализации. В области промышленности перед нами встает, как мы видели раньше, еще новый вопрос, кроме национализации, — вопрос увеличения производительности. Падение производительности и падение организованности объяснялось до сих пор общей борьбой, которая велась и в области экономической и в области политической. Перед нами поставлена задача железной дисциплины в области экономической, и с этой целью мы выдвигаем проект, который мы до сих пор отстаивали, именно — вопрос о трудовой повинности, трудовой повинности в расширенном смысле слова, не такой трудовой повинности, которая проводилась на Западе, не той повинности, представление о которой имеется у масс, которая говорит, что надо поставить всех на работу, а трудовой повинности как системы дисциплины труда и как системы организации труда в целях производства. Для этой цели намечается следующий план: я изложу его только в общих схе-

матических чертах; это план учета всего рабочего населения, всех работающих, учет работоспособных, но не работающих, установление нормы определенной обязательной выработки и принятие тех мер, которые должны привести к выполнению определенной выработки в тех или иных отраслях производства и широкую постановку общественных и общеполезных работ. Это может быть основано только на самостоятельности и железной самодисциплине масс рабочего класса. Здесь необходимо будет прибегнуть ко всем мерам, чтобы поднять организованность и дисциплину в областях производства, и такие меры, несомненно, будут приняты. Нельзя представить, конечно, что сразу все население трудоспособное может найти сейчас работу, но известные кадры специалистов и известная часть буржуазии будут мобилизованы и будут поставлены на работу. Вместе с тем внутри фабрик, внутри заводов, внутри рудников работа должна быть организована, и рабочие должны будут установить железную дисциплину. Та расхлябанность в области производства, то падение производительности труда, которое наблюдается в настоящий момент, должно быть в корне сметено. Здесь необходимо нам сейчас — это задача момента — поднять производительность труда, поднять организованность труда, и, повторяю, без этого перед нами, если мы не справимся с этой задачей, экономическая разруха может действительно привести к гибели. Поэтому мы сознательно перед собой ставим план поднятия дисциплины труда, поднятия производительности труда, привлечения необходимых кадров рабочих сил к труду. И те меры, которые будут здесь проводиться, должны действительно привести к этим результатам, иначе, несомненно, перед нами, если мы не справимся с этой задачей, — расстройство экономической жизни на очень долгий срок. Жизнь не ждет и требует немедленного решения этих задач.

В области сельского хозяйства крестьянство получило осуществление своего стремления к земле, оно получило добавочных 70 млн. *га*, так что нынешний год мы вступаем в область сельского хозяйства при совершенно новых условиях. Помещичье землевладение уничтожено, помещики сами устранены от руководства 70 млн. *га* земли, но вопрос стоит в следующем — уже в течение войны наблюдалось, благодаря целому ряду условий, сокращение посевной площади. К пятнадцатому году сокращение равнялось приблизительно шести — девяти процентам, но уже в шестнадцатом году и в семнадцатом году оно, постепенно увеличиваясь, достигло в наиболее хлебородных местностях тридцати — пятидесяти процентов, но, благодаря целому ряду условий, можно ожидать, что сокращение и недо-

сев будут тоже значительны; этого недосева мы всеми силами должны избегнуть, а для этого должны быть приняты меры. Правда, важное условие, как недостаток рабочих рук в деревне, сейчас будет в значительной степени уменьшено. Армия отвлекла из деревни в последнее время до тридцати процентов рабочего населения, наиболее активного, сейчас эти тридцать процентов населения возвращены в деревню, возвращены к производительному труду. Это является залогом того, что недосев будет в значительной степени уменьшен. В области сельского хозяйства снабжение машинами играет огромную роль; цифровые данные указывают на следующие факты, что в последние годы, до семнадцатого года, нужда в сельскохозяйственных машинах в России была удовлетворяема только в размере восьми-девяти процентов; это объяснялось совершенным почти прекращением привоза из-за границы сельскохозяйственных машин и тем, что заводы, вырабатывающие сельскохозяйственные машины, должны были вырабатывать снаряды. Этими условиями объяснялось то, что крестьяне не получали необходимых им орудий производства. В этом году мы предполагаем двинуть сюда наши силы, из-за границы ввезти сельскохозяйственные машины и внутри страны увеличить сельскохозяйственное машиностроение. Уже сейчас наблюдается картина, что заводы, вследствие демобилизации, бросили производить снаряды, пушки, пулеметы и т. д. и перешли на производство сельскохозяйственных машин. Такие сведения имеются с Урала, из Петрограда и целого ряда областей. Нами приняты меры к увеличению производства сельскохозяйственных машин и рассчитан план на увеличение производства их в три с половиной раза, чем это делалось в семнадцатом году. Трудно сейчас сказать, в какой степени осуществится этот план ввиду той указанной мною экономической разрухи, которая наблюдается, но, во всяком случае, здесь приняты те меры, которые смогут дать возможность уменьшить тот недосев, который является угрожающим.

Перед нами возникает также вопрос о возможности государственной обработки полей. Подробно на этом плане я пока не буду останавливаться, но, во всяком случае, те незасеянные земли, те земли, относительно которых выяснится, что местное население будет неспособно их обрабатывать, в отношении этих земель будут приняты определенные меры для того, чтобы государство организовало на них общественную обработку и чтобы Россия не стала перед фактом, когда хлебородные местности представляли из себя пустыни в полном смысле этого слова.

Вот тот конкретный план, который намечается в области сельского хозяйства.

В области товарообмена сейчас намечается следующее. У нас имеются три аппарата, которые ведут товарообмен. Это прежде всего частный аппарат, во-вторых — кооперация, в-третьих— наши продовольственные организации. Вот три аппарата, с которыми приходится иметь дело. Мы идем в настоящее время и намечаем план определенный для того, чтобы согласовать два аппарата — наши продовольственные организации и кооперативы. В этой области нам уже удалось достигнуть определенного, конкретного согласования, и вместе с тем мы будем итти к тому, чтобы торговлю изъять из частных рук и сделать ее общественным или государственным делом. Уже третьего дня представители Центрального союза потребительной кооперации, представители рабочей кооперации и представители Высшего совета народного хозяйства предварительно разработали тот план относительно кооперации, который явился для кооператоров приемлемым. Этот план следующий: во-первых, каждый кооператив будет теперь обязан на равных началах обслуживать все население данной территории; во-вторых, каждый кооператив теряет свой экстерриториальный характер и обслуживает только данную территорию. Каждая семья будет приписана только к данной территории. Изъятие составляется только для рабочих кооперативов, по заявлению той или иной фабрики, которые пожелают составить отдельно свой кооператив, — такое изъятие допускается.

Наконец в-третьих, над частной торговлей сейчас устанавливается строжайший контроль. Вместе с тем предполагается провести целый ряд монополий. Целый ряд монополий в настоящее время проведен, но сейчас уже нам необходимо провести еще ряд монополий. Второй вопрос в связи с указанными — это обмен между областями. Выдвигается план областного обмена, не того пешехоновского, натурального обмена, который когда-то предполагался, который привел к расстройству обмена, но необходимо будет провести областной обмен. Когда мы будем иметь единую организацию, когда возможно будет иметь дело с областными организациями, как с таковыми, тогда возможно ткани из центра направлять в определенные области и оттуда получать определенные количества хлеба. Это выдвигается в области товарообмена.

Таким образом, пересматривая и дополняя итоги того конкретного плана, я бы сказал, который сейчас намечается в области экономической политики, мы можем сделать вывод, что возвращение к ста-

рому уже сейчас экономически невозможно, что экономически мы идем к тому, чтобы и в области производства и в области обмена буржуазия была окончательно устранена, как класс, от влияния на экономическую жизнь. Это не исключает, конечно, того, чтобы организаторские силы из буржуазии были привлечены к работе. Недастаток организаторских сил мы ощущаем в стране остро, и здесь мы должны будем бросить клич, чтобы организаторские силы, откуда бы они ни исходили, откуда бы ни выделялись, должны сейчас быть привлечены и поставлены на работу. Мы не отказываемся от использования организаторских сил из буржуазии и будем их использовать в полной мере, в какой только нам представится возможность.

Наша экономическая жизнь тесно связана с международным положением. В этом отношении мы отдаем себе ясный отчет, что мы, проводя нашу революцию, производя переворот, держим курс на социалистическую революцию. Приводимые нами социалистические меры — это, конечно, не социализм, это еще не полное обобществление всех средств производства, но мы неуклонно будем итти к этому. Да, мы с полной ясностью скажем, что в нашей экономической политике, несмотря на обрисованное мною положение, которое имеется сейчас в стране, мы поставлены экономически неизбежно перед фактом необходимости введения социалистического хозяйства в России. Это не является недоразумением в том смысле, что в России, в отсталой, некультурной России, с ее расхлябанным экономическим организмом, мы стремимся ввести социалистическое хозяйство; это объясняется тем, что наш капитализм был совершенно неспособен осуществить те задачи, которые были перед страной, и только напрягая все силы для проведения социалистических мероприятий, мы сможем сейчас выйти, и действительно выходим, на здоровую дорогу.

3. ИТОГИ I СЪЕЗДА СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

I.

1 декабря 1917 г. был издан Центральным исполнительным комитетом РС и КД декрет о Высшем совете народного хозяйства.

Спустя пять с половиной месяцев, 26 мая 1918 г., собрался I Всероссийский съезд советов народного хозяйства.

На съезде присутствовало до 250 делегатов (из них 103 с решающим и 149 с совещательным голосом). Делегаты явились от 78 губернских и уездных городов: были представители не только Центральной и Северной областей, но и Сибири, Урала, Туркестана, были представители из Архангельска, Астрахани, Витебска и Владивостока, от всех крупных центров как дальних, так и близких. На съезд явились виднейшие представители современного управления хозяйственной жизнью и проведения нового экономического строительства.

Были представлены все областные советы народного хозяйства (Северный, Московский, Уральский, Южный, Западный, Западносибирский, Поволжье), 30 губернских СНХ; наконец там, где не образовалось еще СНХ, — от совдепов, были от профессиональных союзов, продовольственных организаций и рабочей кооперации.

Съезд явился живым показателем той работы, какая была проделана за эти пять месяцев, и той самодеятельности, какая была проявлена на местах в деле создания нового аппарата управления хозяйственной жизнью страны.

Октябрьским переворотом пролетариат в России поставил своей задачей осуществить не только политическую, но и экономическую диктатуру.

Разрушая, он должен был творить и созидать, процесс творчества протекал в неимоверно трудных и тяжелых условиях.

Воплотить в жизнь новые методы экономического управления, построить для этого соответствующие организации — даже в обычных условиях дело нелегкое, так как приходится преодолевать не только ряд технических и материальных преград и препятствий, но кроме того косность и консерватизм идеологии: представлений, понятий и просто старых привычек. И не только наши враги и противники, которые, в силу своего классового положения и своей классовой психологии, не видят, не чувствуют и не понимают ничего, кроме ударов, им наносимых, и разрушения дорогого им капиталистического строя, но и наши сторонники зачастую неспособны отделаться от старых навыков и представлений и итти новым путем строительства.

Эти трудности, конечно, страшно вырастают в настоящих экономических и политических условиях.

И, тем не менее, мы, как показал этот съезд, имеем в своих руках аппарат, способный проводить перестройку экономического здания не только в центре, но, что важно, и на местах, имеем разветвленные органы, охватывающие все стороны нашей хозяйственной деятельности.

II.

Работы съезда можно разделить по содержанию на три части: во-первых — анализ и рассмотрение современного экономического положения России; сюда относится как рассмотрение внутреннего положения в целом, так и по отдельным отраслям хозяйственной жизни, а также ее международного положения, особенно в связи с Брестским договором; во-вторых — была намечена ближайшая экономическая программа и, в-третьих, — был разработан ряд практических проектов и положений для организации и управления хозяйственной жизнью (Положение об управлении национализированными предприятиями, о товарообмене, о сельскохозяйственном машиностроении, о ВСНХ и др.). Ряд докладов и обмен мнений, а также то, что происходил обмен опытом и знаниями работников с мест и центра, дало возможность съезду в достаточной степени обосновать ответы на поставленные вопросы.

На съезде— за исключением небольшой группы в несколько человек «новожизненцев», «синдикалиста», «левых эсеров» и «самого по-себе» т. Рязанова — в преобладающем большинстве были коммунисты (большевики), и борьба по основным вопросам проходила между «правыми» и «левыми» коммунистами; последние были в меньшинстве, но имели по целому ряду вопросов своих докладчиков, а по некоторым вопросам ставили свои резолюции, хотя ни одна из них не прошла и не собрала сколько-нибудь значительного числа голосов. Обратимся к работам съезда.

Как оценивалось на съезде современное экономическое положение России [1])?

Экономическое положение России крайне тяжелое — отрицать это никому не приходило в голову. Но в оценке степени этой тяжести и в оценке имеющихся экономических ресурсов в стране — на основе которых должна строиться наша экономическая деятельность и наша борьба за будущее — обнаружилось существенное расхождение.

---

[1]) По вопросам современного экономического положения России на съезде были следующие основные выступления: т. Ленина — вступительное слово, тт. Радека и Ломова — о последствиях Брестского договора, тт. Милютина и Оболенского — об экономическом положении России, тт. Сокольникова, Чуковского и Смирнова — о финансовом положении, и доклады от областей: тт. Воеводина (Сибирь), Андроникова (Урал), Молотова (Север) и др.

В то время как одни (тт. Ленин, Радек, а также автор этих строк и др.) старались выявить положительные основы в современном экономическом положении, другие (т. Оболенский, а также тт. Рязанов, Гастев, Плетнев и др.) указывали на катастрофичность и по существу безвыходность положения.

Знать то, с чем имеешь дело, это означает знать, что и как нужно делать.

Архитектор не может строить здания, не зная, каким материалом он располагает, инженер не может провести железную дорогу без обследования местности, и мы не можем строить нового социального здания и прокладывать новые пути, не зная точно, чем мы владеем и где мы прокладываем наш путь.

Без правильной оценки экономического положения нельзя построить правильной экономической программы.

Указывать только на «катастрофичность» и отказываться от учета того реального базиса, на котором мы строим нашу экономическую политику, это означает вырывать почву из-под ног любой экономической программы и отказываться заранее от выводов в области положительного действия. Большинство съезда не могло, конечно, стать на такую точку зрения и не стало.

В области экономического положения пришлось, прежде всего, констатировать изменение в экономической жизни страны — благодаря отходу Украины и Польши. На этот первостепенной важности факт было указано и в докладах Радека, Ломова и в докладе об экономическом положении России (Милютина) и в целом ряде других докладов.

«Мы потеряли, — говорил т. Радек, — Донецкий бассейн, поставлявший нам чугун и уголь, потеряли 90% сахарной промышленности, потеряли области, из которых Россия получала излишек хлеба, служивший для нас средством торгового баланса».

Благодаря отходу Украины мы потеряли до 8,5 млн. *т* хлеба, который имелся там в качестве излишка, потеряли уголь, который нам нужно получить из Украины от 4,9 до 5,7 млн. *т*, потеряли часть чугуна, стали, железа (доклад об экономическом положении). Однако следует ли отсюда признание «катастрофичности»? Отнюдь нет.

Изменение границ вызовет лишь перемещение центральной промышленности к Уралу и Сибири. То, что потеряно с отходом Украины, может быть возмещено развитием производства в таких районах, как Урал и Западная Сибирь.

Излишки хлеба имеются и в Центральной России, и в Сибири, и на Кавказе, составляя в общей сложности свыше 3,3 млн. *т* (до нового урожая). Угля мы сможем иметь от 4,9 до 5,7 млн. *т* в Советской России, чугуна—0,98—1,14 млн. *т*, стали и железа 1,34—1,35 млн. *т*. Наконец в наших руках вся наша текстильная промышленность.

Если даже предположить полную изолированность России, то с экономической стороны она сможет вполне справиться с положением благодаря имеющимся ресурсам.

Конечно политическая обстановка может опрокинуть эти расчеты, как вообще все может опрокинуть, но это не относится к непосредственному учету экономического состояния.

Вместе с тем и изолированность России также проблематична, и т. Радек вполне прав, когда указывает: «Брестский мир закончил изоляцию, в которой находилась Россия с октябрьского переворота...».

Он принуждает социалистическую Россию искать экономических отношений с другими странами. Но больше того, приходится учитывать влияние выхода России из мировой войны.

Война поглощала 60—70% всего производства; это означало, что чугун, сталь, железо, медь, ткани и т. д., и т. д. шли на изготовление предметов, нужных для войны (снарядов, орудий и т. п.). Эта колоссальная непроизводительная трата народных богатств теперь прекращается и является полная возможность использовать их для производительных нужд страны.

Обстоятельство это должно оказать, таким образом, громадное влияние на улучшение экономических ресурсов. Этот факт, между прочим, совершенно выскользнул из поля зрения оппозиции, и никто из нее не учел его влияния в процессе экономического развития России в настоящий момент.

Полно освещено было положение в области товарообмена в докладах тт. Шмидта, Шефлера и др. Финансовое положение было выяснено в докладе т. Сокольникова, который на основе анализа цифровых данных пришел к выводу о необходимости принятия ряда мер в области финансовой.

Что касается государственного бюджета, то выводы докладчика были таковы:

«Буржуазная печать подхватила и распространила сенсационное известие, что России предстоит бюджет в 160—200 млрд. руб.

В действительности же оказалось, что наши государственные расходы за первую половину 1918 г. выражались цифрой 14 млрд. руб. Но и эта последняя цифра является преувеличенной... Расходный же

бюджет за весь 1918 г. составит 25, максимум 30 млрд. руб.; задача нашей финансовой политики несомненно должна сводиться к тому, чтобы добиться равновесия в поступлении и расходовании средств на нужды государственного администрирования».

Мы не можем охватить всего материала, какой был представлен на съезде для характеристики современного положения страны, — полный материал читатель найдет в «Трудах съезда».

Но и приведенные данные дают возможность построить определенные выводы, получившие свое окончательное оформление в резолюции об «экономическом положении и экономической политике».

Доклады с мест в общем и целом подтвердили правильность той картины положения, какая была обрисована в основных докладах.

При этом необходимо отметить ту громадную плодотворную роль, какую сыграли местные рабочие организации в деле поддержания и развития экономической жизни на местах. Вмешательство рабочих организаций было необходимо в первую голову для того, чтобы не дать замереть хозяйственной деятельности, и советские организации сумели развить в этом отношении самую разностороннюю работу.

Экономическая программа, как мы уже говорили выше, могла быть построена только после рассмотрения и определения того экономического положения, какое мы имеем в настоящее время и какое явилось в результате войны и двух революций.

Экономическая программа ближайшего времени должна дать определенные ответы на те вопросы, какие выдвинуты жизнью.

В этом отношении на съезде был по существу подведен итог тому курсу экономической политики, какой держался ВСНХ, когда, ломая старые устои капиталистического строя, закладывал основы нового социалистического здания.

Процесс разрушения и процесс созидания есть, по существу, единый, нераздельный процесс. В нашей экономической практике мы уничтожали буржуазные способы регулирования и управления хозяйственной жизнью страны. Мы национализировали банки, торговый флот, свыше 300 крупнейших предприятий; создали ряд центральных органов, ведающих производством и распределением в целых отраслях производства (Центротекстиль, Главкожа, Главлес, Центрочай и др., деятельность которых была подробно освещена в докладе т. Р ы к о в а).

Все органы управления создавались как в центре, так и на местах вполне на определенном принципе и, за исключением отдельных

случаев, состояли исключительно из представителей советских или рабочих профессиональных и кооперативных организаций.

В области обмена и распределения мы старались провести принципы наиболее правильного распределения, с привлечением к этому делу всего населения.

Мы финансировали промышленность и не давали ей замереть, всячески способствуя демобилизации промышленности.

Укрепление диктатуры пролетариата и проведение социалистических мероприятий — вот основа всей этой экономической политики.

Экономическое положение страны и соотношение общественных сил требует дальнейшего проведения этой программы.

Завершение национализации, распространение ее на основные отрасли производства и на частноторговый аппарат, установление правильного товарообмена между городом и деревней, установление трудовой дисциплины и поднятие производительности труда — вот основные задачи экономической деятельности.

Съезд громадным, подавляющим большинством всех против 6 при 13 воздержавшихся принял эти положения, намечавшие ближайшую экономическую программу.

Характерно, что противники справа как вообще, так и на этом съезде в частности, абсолютно не могли выдвинуть никакой экономической программы. У правых эсеров и меньшевиков нет экономической программы, когда у власти стоит пролетариат; и у них сейчас же появляется программа, когда у власти становится буржуазия, — программа соглашательства и торгашества.

Секции съезда углубили эти основные положения детальной разработкой. В особенности важное Положение об управлении национализированными предприятиями.

В этом отношении был большой пробел, и отсутствие общего плана управления национализированными предприятиями сильнейшим образом сказывалось в области урегулирования промышленности и порождало бесчисленные затруднения.

Выполнением этой работы съезд внес крайне ценный вклад в дело урегулирования народного хозяйства. Проведение единого плана управления национализированными предприятиями должно теперь стать одной из очередных задач ВСНХ и СНХ на местах.

Также важны постановления секции по товарообмену, утвержденные съездом с незначительными поправками. Съезд, между прочим,

вполне одобрил ту позицию, какую занял как Совет народных комиссаров, так и ВСНХ по отношению к кооперации, в своем известном декрете от 12 апреля 1918 г. о потребительской кооперации, постановив, чтобы ВСНХ разработал положения, касающиеся других видов кооперации в целях согласования ее деятельности с советскими органами и контроля над нею.

Мы не можем закончить рассмотрение работ съезда, не указав, что съезд принял проект реорганизации ВСНХ.

Главная и наиболее существенная черта этой реорганизации заключается в привлечении к непосредственной работе представителей с мест, от областей.

До сих пор чувствовалась сильнейшая оторванность ВСНХ от местной работы и она сказывалась на работе ВСНХ.

Такой аппарат, как ВСНХ, регулирующий всю хозяйственную жизнь страны, должен быть гибок, его органы должны охватывать все стороны хозяйственной деятельности и проникать до самых ее корней.

Эта работа невыполнима без самого тесного и органического слияния с работой на местах, с местными советскими организациями.

Только в таком случае все указания, идущие сверху из центра, смогут быстро и точно выполняться на местах.

Другая важная сторона этого проекта — это указание на необходимость подчинения руководства всеми сторонами хозяйственной жизни единому центру. Нужно прямо признать, что при всей своей целесообразности эта мера при настоящем состоянии сил, средств, а главное застойности организационных форм и трудностей, связанных с их реорганизацией, — наиболее трудно выполнимая.

Наконец установление периодичности съездов и определение компетенции областных и губернских совнархозов дает возможность достичь более точного и правильного координирования работы в центре и на местах.

III.

I Всероссийский съезд советов народного хозяйства выполнил, как мы видели, большую и важную задачу.

Он не только осветил положительные стороны нашей экономической деятельности, но и отрицательные, — когда во многих отношениях было проявлено отсутствие планомерности (например, в области национализации), бессистемность (в области управления предприятиями), оторванность центра от местных орга-

низаций, слабость самих организаций и т. п. Все это, несомненно, верно.

Недостатков и недочетов в нашей работе было и остается много. Только путем упорной работы и беспощадной самокритики мы сможем от них избавиться. Было бы по меньшей мере странно полагать, что такое громадное дело, как перестройка всего современного экономического строя на новый социалистический лад, могло бы легко, гладко, без ошибок и промахов пройти. Эти ошибки, промахи, несовершенство и т. п. неизбежны. Но их нужно ясно осознать и дать конкретные, определенные ответы, как их исправить.

Те ответы и решения, какие дал съезд на эти большие вопросы нашей деятельности, дают эти конкретные указания, как нужно «исправлять»; «...если немножечко отвлечься, — сказал т. Ленин в своей речи на съезде, — от непосредственной неприятности частой переделки декретов и если посмотреть чуточку поглубже и подальше на то гигантское, всемирно-историческое дело, которое русскому пролетариату приходится выполнять пока еще собственными недостаточными силами, тогда станет сразу понятно, что даже гораздо более многократные переделки, испытание на опыте различных систем управления, различных норм налаживания дисциплины неизбежны, что в таком гигантском деле мы никогда не могли бы претендовать и ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то, заранее данной, указке сложить сразу и составить одним ударом испеченные формы организации нового общества».

Через ошибки и трудности, преодолевая препятствия, борясь с несовершенством, придется российскому пролетариату и его организациям итти по пути строительства нового общественного строя.

«Мы не закрываем глаз, — продолжал т. Ленин, — что нам одним социалистической революции в одной стране, если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия, если бы мы жили в условиях более легких, чем после четырех лет неслыханной, мучительной, тяжелой и разорительной войны, — в одной стране социалистической революции своими силами всецело не выполнить... Но силы растут в процессе борьбы, с ростом революции. Когда страна вступила на путь величайших преобразований, тогда заслугой этой страны и партии рабочего класса, победившего в этой стране, является то, что к задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную — практически. Мы глубоко убеждены в том, что в ближайшем будущем исторические события поставят западно-европейский

пролетариат у власти, и мы не будем в этом отношении одиноки на мировой арене, как сейчас, и тем самым облегчится движение к социализму и воплощение его в жизнь».

I Всероссийский съезд СНХ подвел итоги почти шестимесячной нашей работы, — II съезд должен собраться тоже через шесть месяцев. За этот период произойдет дальнейшее движение вперед в области органического строительства новой жизни и революционной борьбы за социализм.

IV. ВТОРОЙ ПЕРИОД. ЭПОХА ВОЕННОГО КОММУНИЗМА.

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА.

(К съезду РКП.)

Предстоящему партийному съезду наряду с целым рядом важнейших вопросов предстоит решить и вопрос о партийной программе, в которой одной из центральных частей будет экономическая программа.

С апрельской конференции 1917 г. и затем на партийном съезде в августе 1917 г. были приняты резолюции по вопросам нашей экономической политики и тех задач, которые мы выдвигали в то время в порядок дня нашей борьбы. В этих резолюциях были намечены основные положения о национализации банков, предприятий, земли, о рабочем контроле, о немедленном проведении 8-часового рабочего дня. После октябрьского переворота все эти положения стали законом и стали проводиться в жизнь советскими органами в центре и на местах.

Для проведения в жизнь этих положений вырабатывались декреты, учреждались новые органы на съездах советских организаций, ведающих вопросами экономического строительства: советов народного хозяйства, комиссариата труда, земледелия и продовольствия; выносились многочисленные, детально разработанные резолюции, оценивающие положение, намечающие план работ, способы проведения в жизнь экономических мероприятий и строительства новых органов. Наконец с более полным и всесторонним овладением пролетариатом экономической жизнью, наши экономические советские органы от вынесения резолюций перешли к разработке более или менее точных хозяйственных планов.

В советах народного хозяйства, когда оказалась национализированной почти вся крупная промышленность и во главе стали наши правления, явилась возможность подойти к разработке производственных планов, каковые ставятся перед нашей промышлен-

ностью в целях выполнения. Комиссариатом продовольствия разрабатываются детальные планы заготовки, распределения и товарообмена.

Комиссариат земледелия переходит от вопросов регулирования в сельском хозяйстве к вопросам управления и вынужден также от общих положений перейти к конкретным хозяйственным планам.

Короче сказать, мы за последнее время от регулирования экономической жизнью перешли к ее непосредственному управлению.

Экономическая диктатура пролетариата пустила глубокие корни.

Мы имеем в руках богатейший фактический материал и опыт, накопленный со времени установления советской власти. Он требует своего объединения и оценки, его необходимо вдвинуть в рамки исторического развития.

Нам необходима экономическая программа. Правда, вряд ли кто сможет сказать, что мы работали без программы в течение этого времени, что наша экономическая политика и повседневная практика были лишены основы и внутренней принципиальной связи. Даже наши враги не смогут этого сказать. Такая программа была в жизни и деятельности, хотя она и не была вылита в стройные, законченные параграфы и пункты. Она была в действиях и в том общем направлении деятельности, какими был охвачен пролетариат, лихорадочно строивший новую жизнь и чутьем, массовым инстинктом, находивший верный путь. Сами объективные условия, в которых протекала работа, диктовали общие методы, общие задачи, которые проводились и решались. Самый факт перехода власти в руки рабочего класса давал основную нить для деятельности.

Однако вечно такое положение не может продолжаться. Мы должны на основании переработки фактов и опыта дать общую экономическую программу. То, что лежит в основе наших хозяйственных планов, в основе нашей практики, мы должны выявить и обобщить. Резолюции и хозяйственные планы дают ответы текущего, ближайшего времени. Их приходится менять чуть ли не каждый месяц, в зависимости от изменяющегося положения; резолюции и планы учитывают более детальные, конкретные данные экономической действительности и из них исходят в своих положительных выводах.

Экономическая программа строится также на учете фактических данных, но более общего и более длительного характера. В основу ее построения нужно класть соотношение общественных сил и те общие способы, которые ведут к осуществлению социализма не только в национальном, но и в мировом масштабе.

Возьмем хотя бы такой пример: с присоединением Украины наши хозяйственные планы и расчеты претерпевают значительные изменения; их приходится пересмотреть. Изменяются планы производства и снабжения, планы распределения рабочей силы и т. п.

Но может ли от присоединения Украины претерпеть изменение наша экономическая программа? Конечно, нет. Изменились лишь границы ее применения и воплощения в жизнь — и только, но не ее содержание.

Но экономическая программа при господстве буржуазии будет отличаться по своему содержанию от экономической программы во время диктатуры пролетариата. Изменение сил, смена господствующих классов ведет к изменению экономической программы.

Наша новая, коммунистическая программа должна быть, прежде всего, международной. В настоящее время уже в целом ряде стран возникли коммунистические партии; пролетариат Германии, Швейцарии, даже Англии вырабатывает те самые лозунги, которые были выдвинуты нами в дни Октябрьской революции. Мы вступили в эпоху международных выступлений пролетариата. Экономическая программа коммунистов должна быть едина.

Правда, то переходное время, которое мы переживаем, делает крайне затруднительным достижение такого единства.

В то время как в России установлена уже диктатура пролетариата и власть коммунистов, в Германии кипит борьба, которую ведут спартаковцы, в других странах еще только намечаются первые шаги и схватки пролетариата в его борьбе за диктатуру (Англия, Швейцария, Италия). Но программу мы пишем не на день, не на месяц, а на более или менее длительный срок. Программа должна указать способы осуществления и укрепления социализма. Поэтому уже теперь нужно отказаться писать программу только для себя и для собственного обихода.

I. Программа-максимум и программа-минимум.

Наши старые социалистические программы определенно распадались на две части — программу-максимум и программу-минимум.

В программе-максимум говорилось о конечной цели — о социализме. Социализм противопоставлялся существовавшему капитализму. Он был и конечным результатом общественного развития и лозунгом пролетарской классовой борьбы. Во имя его диктовалась необходимость сломать отживающий капиталистический строй и свергнуть капиталистов, утвердить диктатуру пролетариата.

Но до социального переворота необходимо было строить классовые организации рабочих, развивать классовое сознание пролетариата, необходимо было бороться за условия, которые дали бы возможность подготовиться к социальному перевороту.

Для этого нужна была программа-минимум, выдвигавшая ряд требований, которые вели к развитию классовой борьбы и организации пролетариата. В этом заключалось историческое значение программы-минимум, дававшей в рамках буржуазного капиталистического строя опорные пункты развития и укрепления революционной борьбы пролетариата.

Но когда утверждается диктатура пролетариата, разве нужно такое деление?

Ведь при диктатуре пролетариата «конечная цель» — социализм — становится ближайшей целью, конкретной задачей, которую надо воплощать и проводить в жизнь.

Из «тенденции» он превращается в полную реальность. Конечно, осуществление его требует времени и много времени, — сколько, мы предсказать не можем и не беремся. Но, тем не менее, с самого момента социального переворота и власти пролетариата социалистический строй является единственно возможной формой существования, несмотря, конечно, на тьму несовершенств.

При этих условиях программа-минимум не может быть отделена от программы-максимум; должен быть намечен единый план укрепления и усовершенствования социалистического строя, программа по своему содержанию должна быть едина.

В свое время — еще в 1917 г. — эта мысль была выдвинута т. Бухариным (кажется, в журнале «Спартак», выходившем в Москве), но осуществления не получила: теперь условия таковы, что при выработке программы ее нужно провести в жизнь.

II. Элементы экономической программы.

Основными частями новой экономической программы должны быть: 1) социалистическое производство, 2) распределение и 3) организация труда.

I. Вопрос о социалистическом производстве подразделяется на следующие вопросы:

1. Обобществление средств производства.

2. Единый хозяйственный план и управление промышленностью и сельским хозяйством.

3. Объединение промышленности (государственные тресты и т. п.).

4. Объединение мелкой промышленности.

5. Кооперирование кустарной промышленности и организация коммун в сельском хозяйстве.

6. Поднятие производительности и развитие техники.

7. Развитие крупного производства в промышленности и в сельском хозяйстве (советские хозяйства).

8. Международное разделение труда при организации производства.

II. Вопрос о распределении распадается на следующие вопросы:

1. Государственные монополии (обобществление продуктов).

2. Потребительские коммуны.

3. Кооперация и коммунизм.

4. Продуктообмен.

5. Денежная система и натуральная.

6. Международный обмен.

III. Организация труда:

1. Единство организаций труда и органов экономического управления (привлечение рабочих масс к управлению).

2. Производственные профессиональные союзы рабочих.

3. Обучение рабочих.

4. Установление норм выработки.

5. Поднятие производительности труда.

6. Организация распределения рабочих сил.

7. Система установления рабочего времени и оплаты труда.

Таковы, по моему мнению, главнейшие рубрики и план нашей экономической программы, которая должна явиться частью общей программы. Конкретное содержание в эти пункты нетрудно влить, учитывая весь опыт, проделанный нами.

Экономическая программа коммунистической партии должна дать ясную систему укрепления и расширения социалистического строя, на основе которой органами пролетарской диктатуры будут вырабатываться и проводиться в жизнь конкретные меры.

2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА КОММУНИСТОВ.

Социализм в настоящее время уже не только лозунг, за который приходилось и приходится рабочему классу в буржуазном строе вести борьбу, во имя которого пролетариат строил свои организации, светом которого он озарял свои очередные задачи; социализм

теперь — практически осуществляемая общественная система.

Раз провозглашена диктатура пролетариата, как это произошло в России, Венгрии и произойдет, повидимому, в ближайшее время в других странах, — изменение снизу доверху всего общественно-экономического строя на новых началах становится неизбежным. Об этом писали все, кто только разрабатывал теорию научного социализма [1]).

Экспроприация экспроприаторов, организация производства, обмена, распределения и вообще всей сложной системы экономического управления на новых социалистических началах — все это является логическим последствием социального переворота.

Это мы видим повсюду, где власть переходит в руки рабочих.

В России, Венгрии, в тех частях Германии, где осуществилась власть пролетариата, во всех проявлениях рабочего движения других стран мы видим одну общую систему, проводимую с замечательным единодушием, свидетельствующую о том, что совершающиеся события — проявление не случайных обстоятельств, а результат глубокой законосообразности общественного развития.

Подобное положение изменяет самое существо построения программы.

Во всех программах социалистических партий до социалистического переворота мы видим определенное деление на программу-максимум и программу-минимум. Максимум — это социализм, к которому направляется общественное развитие; это — то, за что нужно бороться, чего нужно достигнуть. Минимум — это то, что необходимо — в интересах борьбы за конечную цель — осуществить в рамках буржуазного строя. Программа-минимум имела относительную ценность, ее значение определилось наилучшими условиями борьбы за социализм.

Однако в буржуазном обществе часть социалистов (а в некоторых странах очень и очень значительная часть) подменила революционное значение сущности социалистической программы (замечательно развитой еще «Коммунистическим манифестом») мещански-обывательской теорией эволюционного развития.

Ревизионисты (особенно бернштейнианцы) выдвинули положение: «цель — ничто, движение — все». Программе-минимум было придано

[1]) Так, например, К. Каутский, который многое забыл, к сожалению, из того хорошего, что он когда-то писал, говорит: «Если пролетариат овладеет политической властью, то результатом этого сам по себе уже явится социализм» (Каутский, Очерк проблемы международного социализма, стр. 63).

первенствующее исключительное значение. Борьба за 8-часовой рабочий день, третейские суды, всеобщее избирательное право и т. д., и т. п. объявлялись «реальной политикой» социалистов, а социализм, как таковой, был для «праздников»; он был в «серебряном шкапу» и вынимался только в особо торжественных случаях. На сцене фигурировала пресловутая теория штопания и подновления буржуазного строя, безболезненного перехода в социалистический строй и т. п.

Эта либеральная политика в рабочем движении, обусловливаемая целым рядом объективных причин, сыграла, как мы теперь прекрасно знаем, роковую, гибельную роль для существования всего II Интернационала.

Увлечение достижением малых целей, сотрудничество с буржуазией, парламентский кретинизм создали в конце концов вполне определенное направление деятельности большинства II Интернационала.

Процесс разложения шел внутри и ярко проявился в момент величайшего мирового кризиса капиталистического строя — империалистической войны 1914—1917 гг.

Лишь небольшая сравнительно группа социалистов осталась верна старому знамени и не забыла основную цель борьбы — социализм.

Когда вопрос — быть или не быть социализму — стал ребром, верхушка социалистического движения II Интернационала оказалась слепой к задачам исторического момента, оказалась настолько тесно спаянной материально и психологически с бытием капиталистического строя, что путем измены, путем предательства интересов мирового пролетариата стала на сторону буржуазии всех стран и каждой страны в отдельности. «Программа-максимум» была принесена в жертву, была выброшена из-за «реальных» интересов буржуазии, переименованных в «национальные интересы» или в «интересы нации».

Разрыв между теми, кто стоял за необходимость осуществления диктатуры пролетариата, за неизбежность — в момент глубокого распада капиталистического строя (чем по существу являлась война) — перехода к новому общественному строю, и теми, кто ухватился за падающий буржуазный строй и старался удержать поток исторического движения, — был неизбежен. И он свершился...

Характерно, что те, кто, как, напр., Каутский, так зло и метко высмеивали в свое время Бернштейна за его ревизионистские увлечения, теперь полностью стали на позицию последнего. Для Каутского и тех, кто с ним, социализм остался в «серебряном шкапу», остался голой фразой, но не живой системой, требующей своего осуществления.

Развитие социальной революции решает спор вполне определенно. И для тех, для кого научная теория социализма не является мертвой, сухой, туманной схемой, а отражением живой действительности и революционной практики, решение, заверенное уже историей нашего времени, — вполне ясно.

Социализм является для нашего времени, для нашей эпохи — практикой, делом, требующим своего повседневного проведения.

Но при этих условиях деление программы на максимум и минимум становится лишенным смысла. Эти части сливаются между собой в единое стройное целое.

На практике дело происходило и происходит так. С момента перехода власти в руки пролетариата старая программа-минимум осуществляется, т. е. все требования о введении 8-часового рабочего дня, охраны труда, национализации земли и т. п. проводятся в жизнь. Но одновременно с переходом власти в руки пролетариата выдвигаются совершенно новые требования, каковые не входили и не могли входить в старую программу-минимум, приноровленную к условиям капиталистического строя.

Прежде всего встают вопросы управления, которое неизбежно строится на совершенно иных началах, чем в буржуазном обществе. Затем — вопросы обобществления средств производства, организации распределения, организации труда. Это уже начало введения социалистического строя. Это не социализм в полном значении этого слова, это первые шаги, основы его. В этом отношении практика, непосредственная деятельность начинает быстро обгонять прежнюю теорию социализма, конкретизируя и дополняя ее. Социалистический строй уже теперь имеет свою историю развития, и этапы его развития, усовершенствования, по всем данным, пойдут быстрее, чем это было с предшествовавшими эпохами общественной жизни.

Развитие производительных сил, сбрасывая старые капиталистические формы, требует в социалистическом строе системы таких мероприятий, которые дали бы наиболее мощное, интенсивное поднятие производства, наилучшее использование труда, гармоничное сочетание различных форм деятельности в экономической области и централизованное управление.

Одной из самых основных задач социализма является организованное удовлетворение потребностей общества. Осуществление этой

задачи требует соответствующей организации производства. Самые пытливые умы не предвидели и не могли предвидеть, что случится с экономической жизнью в момент перехода к новому строю. Все внимание даже таких гигантов мысли, как Маркс и Энгельс, — а за ними и других, — сосредоточивалось только на том, что социалистический строй вызовет небывалый расцвет и развитие производительных сил. На самом же деле между исходной точкой — концом капитализма и пунктом окончательного установления социализма — лежит труднейший переходный период, когда разлагается и рассыпается капиталистическая система, а новый строй только что образуется, и когда неизбежен временный, но глубокий упадок производства и расстройство экономической жизни.

Этого не учитывали учителя социализма. Но с этим пришлось столкнуться на практике, на деле, и поэтому важнейшим исходным пунктом новой программы и служит, прежде всего, поднятие производства.

Советской России пришлось первой встретиться с громадными трудностями в этой области и преодолеть их путем величайшего напряжения сил, в атмосфере борьбы как с русской буржуазией, так и в особенности с международными хищниками капитализма.

И, тем не менее, вопреки всяким предсказаниям наших врагов, Советской России удалось не только укрепить экономическое положение, но в некоторых отношениях, к величайшей их досаде, улучшить его. В этом отношении пример Советской России крайне показателен.

Если мы обратимся к основным отраслям промышленности, то перед нами встанет следующая картина. В течение 1918 г. и первой половины 1919 г. национализировано было до двух тысяч крупнейших предприятий, иными словами — до 90% всей промышленности. Тут следует оговориться, что распространяемые буржуазной печатью сведения, что национализирована мелкая промышленность — сплошное извращение и ложь.

Большинство предприятий работало и работает в течение всего времени. По анкете, проведенной в конце 1919 г., количество рабочих уменьшилось в среднем на 30%, но главным образом в демобилизованных предприятиях и в средних и мелких. В ряде крупных предприятий количество рабочих возрасло. Больше того. Высшим советом народного хозяйства организуются новые предприятия, и продолжается постройка 15 новых больших заводов. Закончен в 1919 г. постройкой большой паровозостроительный завод в г. Подольске (пущен в ход); строятся две новые электрические станции, с помощью

которых предполагается произвести электрификацию всего подмосковного района. В Саратове начат постройкой громадный завод сельскохозяйственных машин.

Наибольшие трудности Советской России пришлось испытать и испытывать с топливом, этим важнейшим фактором производства и транспорта.

Враги Советской России, стремясь обессилить ее, направили главные удары в эту сторону. Обычно топливо доставлялось из следующих мест:

Донецкий бассейн давал главную массу угля (до 19,5 млн. *т*). Из Бакинского района вывозилась нефть (из общего производства в 9,83 млн. *т* — до 6,55 млн. *т*). Именно эти части были в течение всего 1918 г. отрезаны и отделены от Советской России: в Донецком бассейне господствовал при поддержке французской буржуазии генерал Краснов, усердно вешавший шахтеров; Баку был захвачен англичанами.

Советская Россия весь 1918 г. и первую половину 1919 г. прожила, имея небольшие старые запасы и успев вывезти в 1918 г. из Баку 1,08 млн. *т* нефти, далее добыв за 1918 г. 950 тыс. *т* торфа, произведя добычу каменного угля в подмосковном районе от 32,7 до 49 тыс. *т* ежемесячно, что составило до 490 тыс. *т* угля для 1918 г., и заготовив до 19,5 млн. *куб. м* дров. Только путем необычайно экономного расходования топлива удалось поддерживать транспорт и производство.

В отношении топлива 1919 г. был более тяжелым, чем 1918 г., так как Баку был в руках англичан, а Донецкий бассейн после хозяйничания генерала Краснова оказался разоренным, хотя находится теперь почти целиком в наших руках. Производственная программа на 1919 г. выразилась в добыче до 982 тыс. *т* торфа, до 490—570 тыс. *т* угля (не считая Донецкого бассейна), до 48,5—58 млн. *куб. м* дров. Донецкий бассейн дает до 655 тыс. *т* угля.

Ясно, насколько трудно «поднимать» производство при таких условиях.

Со сбором и снабжением сырьем положение несомненно улучшилось по всем основным отраслям, по сравнению с 1918 г., хотя и тут военный набег генерала Колчака на Востоке помешал своевременной доставке такого важного материала, как хлопок. В Туркестане было закуплено для 1919 г. до 82 тыс. *т* хлопка. Льна собрано в 1919 г. 65,5 тыс. *т*, а со старыми запасами имелось до 90 тыс. *т*. 32,7 тыс. *т* льна свободно может

быть вывезено на внешний рынок. Шерсти собрано уже в первую половину 1919 г. до 32,7 тыс. *т* при годовой потребности фабрик в 49 тыс. *т*; таким образом суконные и шерстяные фабрики будут обеспечены сырьем.

Собрано значительное количество кожи, мехов, пеньки и т. п., часть которых могла бы быть вывезена на внешний рынок.

Более или менее нормально происходит снабжение металлом, хотя и тут захват Дона и Урала имел тяжелые последствия. Таковы были условия снабжения сырьем предприятий. На главнейшие материалы и продукты (металл, лен, шерсть, кожу) установлена государственная монополия.

Производство происходило крайне неравномерно вследствие самых разнообразных причин: недостатка продовольствия и топлива, подвоза сырья и т. п.

Но все же в известной части производство несомненно улучшается. До 10% предприятий по данным промышленной переписи 1918 г. повысило свое производство по сравнению с 1917 г.

Крупное производство играет доминирующую роль. В Советской России во всех главнейших отраслях сложились и укрепились государственные тресты: громадный государственный трест в металлургической и машиностроительной, «Гомза», «Центромедь», «Главрезина», до 20 «кустовых» объединений в текстильной промышленности и т. д.

«...Наибольшая централизация производства в смысле объединения его по отдельным отраслям и группам отраслей и сосредоточения его в наилучших производственных единицах и в смысле быстроты выполнения хозяйственных заданий» — так говорит программа.

Все мероприятия и более детальные программные требования — не только по отношению к промышленности, но и по отношению к сельскому хозяйству (а в первую очередь «устройство советских хозяйств, т. е. крупных социалистических экономий»), по отношению даже к кустарной промышленности («создать безболезненный переход этих отсталых форм производства к более высокой, крупной машинизированной индустрии») — направлены к осуществлению вышеуказанного «одного общегосударственного плана» развития производства.

Мы знаем великолепно, что мелкая промышленность и мелкое хозяйство как в городе, так и, в особенности, в деревне, еще долго, очень долго будут жить и существовать. Процесс перехода их к новым формам будет крайне медленен.

Только путем опыта, добровольного признания преимуществ объединения и методов крупного производства — а не путем насилия, что особенно подчеркнуто в программе — возможен этот процесс.

Осуществление новых экономических задач требует громадного напряжения сил.

Создание аппарата управления на место старого буржуазного аппарата представило такие трудности, каких никогда не воображали и не представляли себе теоретики социализма.

Не говоря уже о том, что вся старая верхушка — инженеры, техники, директора и управляющие, жившие и воспитавшиеся в капиталистической среде, воспринявшие все ее навыки и привычки,— крайне враждебно относилась к новому строю, оказывала и оказывает явное и тайное сопротивление, характерно, что и после того, как это сопротивление сломлено, после того, как они пошли на службу к новой рабочей власти, они оказываются зачастую мало пригодными для строительства новой жизни, новых форм хозяйственной деятельности в силу своего воспитания.

В своей массе, за немногими исключениями, эти люди после социального переворота не организовывали, не строили, не творили, как должны были делать благодаря своим знаниям, опыту и широким возможностям, а исполняли, как наемные служащие, то, что им указывали (и исполняли часто плохо, злорадствуя на неудачи власти). Их приходилось «использовать» — и только. Отсюда понятны те вражда и недоверие, какие питали и питают к ним рабочие массы. Эта вражда — сложного характера: во-первых, она основана на том, что в специалистах видят вчерашних хозяев или их преданных слуг, а во-вторых — чувствуют то сопротивление, тот «саботаж», зачастую скрытый, какой проявляют они в отношении всякой работы.

Однако ясно, что без специалистов в XX веке промышленности быть не может.

Процесс перерождения «природы» людей и определения их сознания «бытием» — довольно длительный процесс. До тех пор, пока вырастут с в о и специалисты, которые с любовью будут строить социалистическое хозяйство, приходится брать те кадры специалистов, которые оставил буржуазный строй.

Но вопрос об организаторах — это лишь одна из сторон общего вопроса правильного конструирования аппарата экономического управления. Наиболее важная, существенная задача состоит в том, чтобы сделать этот аппарат органически спаянным с пролетарскими массами, лишить его бюрократического характера, поставить его так,

чтобы рабочая масса была хозяином его работы, участвовала бы в ней. Опыт показал, что советские организации зачастую легко превращаются в бюрократические, проникнутые чиновничьим духом учреждения, с обычной для последних оторванностью от жизни, бумажной волокитой и чисто ведомственными интересами. Выход один — опереться на профессиональные союзы рабочих. Нужно заметить, что в Советской России уже к Октябрьской революции большинство профессиональных союзов было проникнуто духом коммунизма. I Всероссийский съезд профессиональных союзов (в январе 1918 г.) был по своему составу в подавляющем большинстве из коммунистов: 273 коммуниста, 21 с.-р., 66 меньшевиков и 50 беспартийных, максималистов и т. п.

I Всероссийский съезд в России ясно и определенно заявил, что «центр тяжести работы профессиональных союзов в настоящий момент должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профессиональные союзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссоздания подорванных производительных сил страны» (см. протоколы I Всероссийского съезда профессиональных союзов, стр. 364).

Тем не менее находилось немало товарищей и деятелей в экономических организациях, которые оспаривали указанное направление деятельности профессиональных союзов.

В настоящее время этот спор можно считать решенным и практически и теоретически. Жизнь вполне подтвердила правильность той линии, которая стремилась и стремится базировать экономическое управление на профессиональных союзах.

Съезд партии коммунистов в России закрепил определенным образом указанное положение, углубив его. «Организационный аппарат, — сказано в программе, — обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы. Они должны все больше освобождаться от цеховой узости и превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно трудящихся данной отрасли производства».

И далее: «Профессиональные союзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым».

На этом пути наши органы экономического управления потеряют свой вредный бюрократический дух.

Осуществлять нашу экономическую программу нам приходится в атмосфере жестокой борьбы с умирающими силами старого капиталистического строя. Мы не можем рассчитывать сразу же получить блестящие результаты. Но нас не могут и не должны смущать и временные неудачи.

Наша программа должна верно учитывать современную действительность, опираясь на те ее стороны, которые имеют будущность. Экономическая программа коммунистов является *инструкцией для деятельности рабочих масс, впервые взявших руль экономического управления в свои руки.*

«Наше учение, — как писал Маркс, — есть руководство к деятельности» — этим является и экономическая программа коммунистов.

Общественная жизнь настоящего времени развивается необычайно быстро.

Многое является преодоленным и осуществленным за сравнительно короткий промежуток времени, многое придется изменить, выбросить, заменить новым. Но этим смущаться не приходится. Кто хочет жить, тот должен итти вперед...

3. ДВА ГОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА В РОССИИ.

(1917—1919 гг.)

Свергая власть капиталистов, пролетариат немедленно берет в свои руки не только политическую, но и экономическую власть со всеми ее материальными и организационными предпосылками, — берет руководство всей экономической жизнью.

Рабочий класс России первый вступил на путь свержения капитализма и оказался первым победителем в начавшейся мировой революции, первый провозгласил и экономическую и политическую диктатуру пролетариата. Но, как авангарду мировой революции, ему приходится выдерживать бешеный натиск мирового капитала, стремящегося приостановить ход исторического развития и задушить рабочую революцию.

В условиях борьбы с мировой буржуазией — сражаясь против английской, французской, русской и всякой другой буржуазии — рабочему классу России приходится осуществлять свою программу организации общества на коммунистических началах.

Только став на точку зрения осуществления исторической задачи, выпавшей на долю рабочего класса России, можно понять, объяснить и оценить создавшиеся сложные отношения, полученные результаты и все настоящее положение, а также предвидеть дальнейший ход событий.

Все силы, все средства, вся работа во всех областях направлены на обслуживание этой основной исторической задачи, выполняемой пролетариатом. В эти исторические годы советской власти — в области экономической — фактически, на деле, удалось свергнуть капиталистический строй, освободить рабочий класс городов и крестьянство деревень от экономического гнета капиталистов и помещиков. В эти два года советской власти удалось организовать народное хозяйство в интересах обслуживания социальной революции и той героической борьбы, какую ведет против наступающих врагов рабочий класс России, отстаивая свои завоевания и защищая будущее развитие общества. В эти два года, в условиях жестокой борьбы и гражданской войны, советской власти удалось создать новые органы экономического управления, поддержать производство и даже сделать дальнейшие шаги по пути развития новых отраслей промышленности, привлечь широкие массы рабочих к строительству экономической жизни.

Наша экономическая политика в течение этих двух лет имела несколько основных, руководящих положений.

Суммируя различного рода постановления, резолюции, изданные декреты, мы можем выделить четыре основных положения, в рамках которых развивалась наша экономическая деятельность. Эти положения следующие:

Во-первых — создание новых органов управления экономической жизнью вместо разрушенных капиталистических органов, организация их на основе непосредственного участия рабочих масс в управлении.

Во-вторых — уничтожение частной собственности на средства производства, отобрание земли у помещиков, национализация банков, фабрик, заводов, рудников, торгового флота, отнятых у капиталистов.

В-третьих — организация единого народного хозяйства: организация советских хозяйств в деревне, государственных трестов в промышленности, объединение разрозненных предприятий под управлением общих советских органов.

В-четвертых — переход продуктов производства в руки государства и организация государственного распределения продуктов.

Таковы были основные положения, которые претворялись в жизнь в зависимости от целого ряда условий внешней и внутренней жизни, в зависимости от соотношения сил, технических возможностей, изменений в боевой обстановке. Если проследить во времени развитие нашей экономической политики, то мы ясно увидим разницу между первым годом советской власти и вторым годом.

Первый год является периодом разрушения старых капиталистических отношений. Экспроприация экспроприаторов, отобрание у капиталистов и помещиков средств производства, разрушение капиталистических организаций — вот что наполняло содержанием деятельность первого года.

26 октября 1917 г. опубликован декрет об отобрании земли у помещиков, 28 июня 1918 г. опубликован декрет о национализации всей крупной промышленности. В первый год были национализированы все банки и весь торговый флот. В этом же году ликвидируются акционерные общества, различного рода капиталистические организации.

Конечно одновременно с этим создаются рабочие органы управления советской власти, проводятся меры к организации народного хозяйства на новых началах, но центр тяжести все же лежит в области ликвидации капиталистического строя, а не в этой работе.

Первый год — это год бури и натиска социалистических масс на капиталистический строй, уничтожение оков капитализма, разрушение всего того, с помощью чего господствовал капитализм.

Второй год — это время, когда центр тяжести всей деятельности был перенесен на творческую, положительную работу по созданию и организации новых форм народного хозяйства, на усовершенствование и улучшение аппарата управления, поднятие производства и т. п.

II съезд советов народного хозяйства в конце декабря 1918 г. и съезд коммунистической партии в марте 1919 г. — первый в своих резолюциях, второй в принятой им программе партии — обращают в экономической области главное внимание на эти вопросы.

В резолюции I съезда говорится: «Основным вопросом всей экономической жизни является вопрос объединения народного хозяйства — как сельского, так и городского — и развитие производительных сил как в области добывающей, так и обрабатывающей промышленности и в сельском хозяйстве».

«Бо́льшая централизация управления промышленностью. Национализация всех видов промышленности требует решения задач нового пролетарского управления гигантскими предприятиями и союзами

предприятий, а равно массового учета и распределения продуктов в общенациональном масштабе. Эта задача так трудна, что при голоде, при невысоком уровне культуры и гражданской войне решение ее возможно лишь длительное».

Съезд партии еще более решительно определил экономическую линию, говоря: «Как главное и основное — определяющее всю хозяйственную политику советской власти — поставить всемерное повышение производительных сил страны».

Вот чего мы требовали от наших экономических органов, от профессиональных союзов, от рабочих на фабриках, заводах, рудниках, в городе и деревне. Таковы были наши задачи во второй год советской власти. Ими определялась наша повседневная работа и вся наша деятельность.

Наша экономическая политика создавалась в условиях непрерывной борьбы, когда вся страна была объявлена одним военным лагерем и когда задачам борьбы было подчинено все. При проведении этой политики в жизнь приходилось неимоверным напряжением сил преодолевать не только внешние, но и внутренние сопротивления. Не только наступление контрреволюционеров мешало ее осуществлению, но и саботаж, тайный и явный, со стороны высшего технического персонала, косность и отсталость являлись врагами, с которыми приходилось вести трудную борьбу. Следует отметить, что наша политика являлась действительным выражением воли рабочих. Никакие соглашательские, никакие буржуазные и мелкобуржуазные лозунги не находили ни малейшей поддержки в среде пролетариата. Экономическая политика советской власти явилась последовательным выражением борьбы и стремлений пролетариата.

Этот факт мы констатируем с полной уверенностью, оглядываясь на прожитые нами два года.

Два года напряженных усилий проведения пролетарской экономической политики дали определенные результаты, к рассмотрению которых мы теперь обратимся.

Остановимся прежде всего на рассмотрении организации экономического управления.

Советские органы, управляющие экономической жизнью, имеют своей основой *рабочие профессиональные союзы*.

Аппарат управления снизу доверху построен на этой основе.

Во главе всего управления стоит *Высший совет народного хозяйства*, в губерниях — местные *советы народного хозяйства*.

Всей работой Высшего совета народного хозяйства руководит президиум — в составе 11 человек. Высший совет народного хозяйства разделяется, соответственно отраслям промышленности: металлургической, химической, текстильной, электротехнической и т. д., на 50 производственных отделов, во главе которых стоят коллегии, из 3 до 7 человек каждая.

Председатель и заместитель председателя ВСНХ утверждаются Всероссийским центральным исполнительным комитетом, члены президиума — Советом народных комиссаров. Но кандидатуры, до утверждения, обычно проходят через Всероссийский совет профессиональных союзов.

Все коллегии отделов Высшего совета народного хозяйства утверждаются президиумом, но обязательно по соглашению с соответствующим профессиональным союзом. Во все коллегии и в президиум — наряду со специалистами (инженерами и техниками) — входят рабочие.

Местные советы народного хозяйства представляют исполнительные органы Высшего совета народного хозяйства и построены на тех же принципах, что и Высший совет народного хозяйства, но, конечно, они более сокращены и сужены в своем объеме.

В отдельных предприятиях и в государственных трестах организованы заводоуправления и правления, каждое из 5—7 человек, частью рабочих, частью специалистов, но утверждаются они соответствующим отделом ВСНХ или местным СНХ обязательно по соглашению с соответствующим профессиональным союзом.

В составе коллегий, в составе заводоуправлений имеется много специалистов: последние статистические обследования показали, что сюда входит до 60% специалистов и до 40% рабочих.

Без специалистов мы, конечно, обойтись не можем. Но мы далеко еще не изжили проклятое наследие капитализма, создавшего из специалиста, из инженера, техника, управляющего не общественного работника, а слугу хозяина-капиталиста и своего кармана. Этот прислужник капитала сразу отделаться от старых привычек не может. Он остается и долго еще будет оставаться тайным почитателем капитализма, подачками которого он жил.

Отсюда его вражда к новому строю. Отсюда его если не явный, то тайный саботаж. Но рабочий класс выдвинул и дал нам уже немало выдающихся администраторов и организаторов. С течением времени этот процесс выделения организаторов из среды рабочих будет быстро принимать все более широкий характер.

Вместе с тем в работу вступают новые молодые специалисты, оканчивающие теперь высшие учебные заведения, не бывшие под развращающим влиянием капитализма, и они внесут новую струю в организацию и в управление экономической жизнью.

Так же или почти так же, с небольшими изменениями, построены и другие экономические комиссариаты — Народный комиссариат земледелия, Народный комиссариат продовольствия и Народный комиссариат труда, причем последний почти совершенно слит с профессиональными союзами и в своей работе и по составу своих руководителей.

Таким образом мы имеем уже устойчивый аппарат управления. Конечно у него есть свои серьезные недостатки, которые нелегко изжить, особенно при условии отвлечения лучших сил на фронт.

Аппарат этот громоздок, в нем много бюрократизма, в нем много междуведомственной борьбы. Это все мы будем изживать постепенно.

В конечном счете, мы глубоко уверены в этом, нам удастся произвести дальнейшее объединение этого аппарата в единое целое, что даст большую экономию сил и облегчит быстроту действий.

Мы заменили, таким образом, аппарат капиталистического управления экономическим советским аппаратом, который уже пустил глубокие корни во все уголки нашей экономической жизни.

Несмотря на тяжелые условия как внешние, так и внутренние, этот аппарат прекрасно справляется, как это мы увидим, с поставленными ему задачами. К рассмотрению этого мы и перейдем теперь.

В итоге двухлетней работы произошел почти полный переход средств производства из рук капиталистов и помещиков в руки общества, в лице советских органов.

Национализация фабрик, заводов, рудников и т. п. была проведена, начиная с главнейших отраслей промышленности и крупнейших предприятий. В Западной Европе зачастую распространяли совершенно ложные сведения о том, будто национализация была проведена без всякого плана. Это ни на чем не основанный вздор. Национализация, особенно со второй половины 1918 г., происходила вполне планомерно, захватывая наиболее важные отрасли и предприятия, необходимые для организации народного хозяйства. Национализация имела не только громадное экономическое, но и большое политическое значение. Национализируя, мы лишали наших классовых врагов тех средств и орудий, с помощью которых они господствовали, угнетали

и эксплоатировали рабочие массы. Национализацией мы вырывали материальную почву из-под их ног.

Мелкая же кустарная и кооперативная промышленность нами не только не национализировалась, но охранялась специальными декретами и постановлениями.

Нижеследующая таблица дает представление о размерах произведенной национализации в течение двух лет.

Национализировано за два года (1918—1919 гг.):

1. Предприятий — 4 тыс.
2. Судов торгового флота — 16 тыс.
3. Земли помещичьей и частновладельческой — 65,5 млн. *га.*
4. Все банки во всех городах.

Данные эти в отношении предприятий несколько преуменьшены. 4 тыс. предприятий находятся в ведении Высшего совета народного хозяйства, но на местах было национализировано немало предприятий, которые находятся в ведении местных органов и не учтены центральными статистическими органами.

Можно с уверенностью сказать, что 90% всей промышленности в настоящее время национализировано.

От капитализма мы получили в наследство разрозненные, необъединенные предприятия.

Нашей задачей, как уже было указано выше, являлось — построить организацию народного хозяйства на социалистических началах. Необходимо было в области промышленности и в области сельского хозяйства организовать и создать объединения отдельных предприятий, организовать снабжение их топливом и сырьем, поставить на новых началах их финансирование.

Это была колоссальная задача. Решение ее еще далеко не закончено. В течение этих двух лет заложены, правда, прочные основы, но работы предстоит еще крайне много.

Подводя итог тому, что было организовано нового в течение двух лет в экономической области, получаем следующую картину:

Организовано:

1. В области промышленности:

1. Государственных трестов — 90.
2. Заводоуправлений — 4 000.
3. Государственные заготовительные аппараты по заготовке леса, льна, шерсти, пеньки и т. д.

2. В области сельского хозяйства:

1. Советских хозяйств — 2 399.
2. Сельскохозяйственных коммун и артелей — 5 961.

Таким образом и промышленность и сельское хозяйство за два года не только вдвинуты в рамки управления новых органов пролетарской диктатуры, но и реорганизованы внутри в производственном отношении. Произошла концентрация производства. Такие тресты, как трест электро-технической промышленности, обнимающий все без исключения предприятия, до октябрьского переворота ведшие между собой жестокую конкуренцию и борьбу, или трест государственных машиностроительных заводов (Г о м з а), обнимающий 16 крупнейших предприятий, — представляют из себя выдающееся в экономическом отношении явление. Точно так же национализированные предприятия текстильной промышленности, которых насчитывается свыше 500, разбиты на отдельные объединения (всего 40 объединений), охватывающие по нескольку предприятий и управляемые «Главным управлением».

В смысле финансирования, снабжения, учета, получения продуктов трестирование промышленности дало огромные преимущества. Расчеты между национализированными предприятиями и их объединениями происходят уже только путем бухгалтерских перечислений, в «безденежной» форме. Распределение топлива и сырья при этой системе также более равномерно и правильно. Если принять во внимание то исключительно трудное положение, в каком находилась Советская Россия в течение этих двух лет в смысле топлива, располагая всего только 10% необходимого угля и имея нефти 1,52 млн. *т* вместо ежегодных 6,55 млн. *т*, — то окажется, что, благодаря одной только централизации в распределении и известной экономии, удавалось избегнуть страшного топливного кризиса. Снабжение же сырьем было поставлено удовлетворительно.

В сельском хозяйстве организация советских хозяйств, находящихся в управлении советских органов, дала возможность не только сохранять сельскохозяйственную культуру, крупные хозяйства, но и впервые дала возможность индустриальному пролетариату принять участие в сельском хозяйстве, впервые создала крепкие узы между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней. Помещичья земля подверглась в своем громадном большинстве разделу, и можно было опасаться, что крупное производство в сельском хозяйстве погибнет. Кроме того существовала опасность и сильного

укрепления мелкособственнических стремлений. Однако жизнь показала обратное. В деревне все сильнее и сильнее начала пробиваться струя социалистического строительства. В настоящее время около 3,2 млн. *га* земли находится уже в руках советских хозяйств и сельскохозяйственных коммун. Это крупный шаг вперед. Дальнейшее правильное развитие даст нам возможность поставить все сельское хозяйство на новых началах, поднять его на большую техническую высоту и через советские хозяйства и сельскохозяйственные коммуны внести социалистическую культуру в деревню и организовать на социалистических началах сельское хозяйство.

Обращаясь к экономическому положению и к результатам экономической деятельности, мы прежде всего должны сказать, что экономическое положение, как результат нашей экономической деятельности, зависело от изменившихся условий гражданской войны.

До половины 1918 г. мы ликвидировали империалистическую войну. Мы произвели демобилизацию нашей промышленности и поставили своей целью обслуживание главным образом мирных нужд и потребностей населения и рабочего класса. Капиталисты и помещики были сломлены и не представляли сколько-нибудь серьезной силы.

Но вмешательство мировой буржуазии, оказывавшей в течение всего времени деятельную поддержку контрреволюции в России, стремившейся нанести советской власти смертельный удар, вдохнуло жизнь в изгнанных капиталистов и помещиков и повело к обострению гражданской войны. В результате борьбы, при которой нам все время приходилось отбиваться от врагов, у нас постоянно менялась экономическая база.

Донецкий бассейн, Урал, Кавказ — главные источники топлива и сырья, угля, нефти, чугуна, железа и стали — переходили из рук в руки. На некоторое время они становились советскими, но новые наступления белогвардейцев отрывали их снова, разрушали налаженное производство, лишали нас собранных запасов. В результате нашей основной базой стал Центральный район Советской России.

Потеря Донецкого бассейна равнялась для нас потере 80% всего нашего угля, занятие англичанами Баку лишило нас нефти, занятие Юга и Урала оставило нас без металла. Нетрудно поэтому представить себе, в каких тяжелых условиях развивалась наша экономическая жизнь.

Но, кроме территориальных условий, на наше экономическое положение оказало влияние и то обстоятельство, что нам пришлось опять

мобилизовать нашу промышленность, перевести ее снова на работу по обслуживанию войны.

Таковы условия, в которых развивалась наша экономическая деятельность и осуществлялась наша программа.

Однако, подводя итоги, мы констатируем, что, несмотря на столь тяжелые условия, мы экономически крепли, получая с течением времени все лучшие результаты. Посмотрим на данные, характеризующие основные отрасли нашей экономической деятельности там, где она протекала непрерывно в течение двух лет.

I. Заготовка топлива и сырья

Название продукта	Количество	
	1918 г.	1919 г.
А. Заготовка топлива:		
1. Уголь . . . . (Подмосковный и Боровичский районы)	около 490 тыс. *т*	около 490 тыс. *т*
2. Дрова . . . . (Заготовленное количество и запасы)	38,8 млн. $м^3$	48,5 млн. $м^3$
3. Торф	950 тыс. *т*	982,8 тыс. *т*
4. Нефть	1 523 » »	(Баку занят англичанами)
Б. Заготовка сырья и запасы сырья на складах ВСНХ:		
1. Лен	—	90 тыс. *т*
2. Хлопок	457 *т*	106,4 » » (считая заготовленный в Туркестане)
3. Шерсть	—	32,7 тыс. *т*
4. Пенька	—	32,7 » »
5. Кожа	5 461 000 штук	2 365 000 штук (за 6 мес.)
6. Металл (запасы)	491 тыс. *т*	655 тыс. *т*

Приведенные данные имеют в виду лишь то топливо и сырье, которые заготовлены и утилизируются Высшим советом народного хозяйства.

Мы видим, что положение с топливом ухудшилось с потерей нефти. В 1918 г. мы успели вывезти из Баку нефть, в 1919 г. мы совершенно ее не получили. Благодаря этому железные дороги и ряд предприятий мы вынуждены были перевести на дрова, и последнее обстоятельство сказывается на домовом отоплении. До войны дров заготовлялось столько же, сколько мы заготовили и теперь: от 38,8 до 48,5 млн. $м^3$,

но тогда были уголь, нефть, которые отапливали промышленность, дрова же шли главным образом на домовое отопление; теперь же главным топливом для промышленных целей являются дрова. Положение с торфом улучшилось, и в 1919 г. мы добыли больше торфа (в 1918 г. — 950 тыс. *т*, в 1919 г. — 982,8 тыс. *т*). Заготовка сырья для нашей текстильной промышленности прошла удачно — сырьем мы ее полностью обеспечили. Льна и меху собрано столько, что можно было бы вывезти за границу.

С металлом приходилось трудно — мы жили все время на старые запасы. С переходом Урала в наши руки — после того как мы нанесли Колчаку поражение — положение улучшилось.

В общем заготовительные аппараты советской власти наладились и стали вполне прочны. Они не только устранили старого посредника-купца, но и начинают конкурировать с кооперативным аппаратом. Мы уже указывали на те тяжелые условия, в каких происходило производство: занятие районов, доставлявших для нас топливо, нашими врагами, занятие ими наиболее хлебных местностей, отвлечение десятков и сотен тысяч рабочих на войну — все это приводило к задержке в развитии производства и производительных сил в различных отраслях нашей экономической деятельности.

Часть предприятий закрылась совершенно, часть работает в сокращенном виде. Тем не менее представления о сокращении нашей промышленности, распространяемые буржуазными газетами Западной Европы, преувеличены и ложны.

Последние обследования показывают, что в Советской России в промышленности (исключая железные дороги, торговлю и т. д.) работает в настоящий момент, по неполным статистическим данным, свыше миллиона рабочих. В некоторых отраслях промышленности (в угольной — в подмосковном районе, в электро-технической и др.) работают полностью все предприятия, в других — напр., в текстильной — число закрывшихся предприятий достигает 50%, но нельзя указать ни одной отрасли промышленности, про которую можно было бы сказать, что она совсем замерла и приостановилась. Таких фактов нет. В общем число наемных работников (рабочих и служащих) — самое меньшее 3 млн. человек.

В некоторых же областях намечается даже поступательное движение вперед.

В течение этих двух лет нашими экономическими органами начато постройкой 15 новых крупных предприятий, неко-

торые из них закончены и уже работают. Закончен постройкой и работает большой паровозо-ремонтный завод в Подольске Московской губернии, патронный завод в Симбирске, две больших электрических станции — одна в Кашире, а другая на Шатурском болоте (будет работать на торфе). Начат постройкой завод сельскохозяйственных машин и орудий в Саратове. Но самое крупное начинание — это разработка больших сланцевых залежей в Самарской и Казанской губерниях, начатая в 1919 г. Работают уже несколько рудников. Это — крупнейший факт в нашей промышленной деятельности. Кроме того в Казанской губ. открыты залежи нефти, и через несколько месяцев будет приступлено к бурению. Найденные и разрабатываемые нами залежи топлива в Поволжье открывают перед нами необычайно широкие перспективы. Мы не будем останавливаться на других нововведениях второстепенного характера, которые осуществляются нами. Из этих примеров мы видим, что творческий процесс развития производства не только не замер, но продолжается и идет вперед. Главная сторона нашей экономической деятельности — это работа на защиту революции, на Красную армию, на снабжение ее всем необходимым. Об этой стороне производства мы не будем говорить. О ней скажет наша борьба. Но даже при этом условии работа на мирные потребности все же значительна.

Мы приведем данные только по главнейшим отраслям промышленности, обслуживающим как военные, так и мирные потребности.

Производство и запасы 1919 г.

Ткани:

Средняя месячная выработка	9,95 млн. *м*
Запасы ткани	ок. 700 » »

Сахар:

Производство в сезон 1918/19 г.

В Советской России	65,5 тыс. *т*
» » Украине	163,8 » *т*

Спички:

В 1918 г. произведено	1 032 023 коробки
« 1919 » за 6 месяцев	412 809 000 »

Мыло:

Производство	328—410 *т* в месяц

Соль:

Добыто до	163,8 тыс. *т*

При распределении этих предметов устанавливается определенная очередь. Главное внимание обращено на снабжение Красной армии, затем рабочих, и в третью очередь снабжается остальное население.

Для того чтобы поддержать оборону страны и производительные силы ее, необходимо снабдить всем необходимым Красную армию и рабочий класс. Промышленность наша направлена на разрешение этих задач.

В первый год после переворота мы вообще всю промышленность повернули на обслуживание мирных потребностей населения.

Мы произвели демобилизацию промышленности, но события повернулись так, что нам пришлось менять нашу мирную экономическую программу на военную. И мы ее изменили. Но, меняя ее на военную, мы прекрасно сознаем, что только при общем крепком экономическом положении мы можем выполнить наши боевые, военные задачи. Поэтому мы обращаем внимание на всестороннее поднятие производительных сил и на поддержание нашего экономического тыла.

Остановимся теперь на продовольствии. Наиболее остро в эти два года давал себя чувствовать продовольственный вопрос. Самые хлебные районы — как Донская область, Юг России, Заволжье, Сибирь — или были во власти противника или переходили из рук в руки.

После октябрьского переворота мы взяли власть, не имея почти совершенно запасов хлеба. Урожай 1918 г. оказался выше среднего (в Советской России по 25 губерниям он равнялся 20,2 млн. *т*). Продовольственный аппарат, который к этому времени организовался, сумел заготовить 1,73 млн. *т*.

Это дало возможность поставить к концу 1918 и 1919 гг. снабжение населения хлебом лучше и планомернее, чем в первую половину 1918 г. Урожай 1919 г. получился также выше среднего, причем в наши руки перешло все Заволжье и часть Сибири.

Заготовка хлеба в этом году значительно лучше, чем в прошлом. Затруднения встречаются в смысле транспорта, работающего главным образом на войну.

Но, благодаря упрочившемуся аппарату снабжения, вполне можно рассчитывать на некоторое, правда небольшое, улучшение.

Существенного улучшения нашего продовольственного положения можно было ожидать только после того, как Красная армия, разбив Деникина, займет хлебородные пространства Донской области.

Мы дали описание лишь общего экономического положения Советской России и подвели итоги двухгодичной деятельности ее в экономической области. Но само собой разумеется, что мы в этой статье не могли охватить всего, что сделано рабочими массами в том гигантском строительстве новой жизни, какое совершается на наших глазах.

Можно лишь сказать, что пролетариат России твердо взял в свои руки не только политическое, но и экономическое управление страной и сумел объединить и подчинить этому управлению все народное хозяйство, создать единую систему и организацию из бывших разрозненными экономических процессов.

В развивающейся мировой социальной революции мировой капитализм делает отчаянные усилия, стараясь задушить Советскую Россию. Одним из средств для этого он избрал б л о к а д у. Но и здесь ему предстоит жестокое разочарование. Мы видим уже, что в эти первые необычайно тяжелые два года экономическая жизнь Советской России хотя и крайне медленно, но все же неуклонно подвигалась вперед. Объединение народного хозяйства дает новые богатые источники для дальнейшего развития. Экономический кризис был бы неизбежен при существовании капиталистических отношений, не может наступить при системе организованного экономического управления всем народным хозяйством.

Наша дальнейшая политика будет заключаться в поднятии производства, в увеличении самодисциплины рабочих масс, в улучшении аппарата экономического управления.

Пролетариат Советской России твердо стоит на передовом посту мировой социальной революции...

4. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920 г.

I. Организация аппарата управления народным хозяйством.

1. Основы экономического управления.

В основе хозяйственного управления Советской России и экономической диктатуры пролетариата лежат два основных принципа: во-первых — привлечение широких рабочих масс и профессиональных союзов к непосредственному управлению хозяйственной жизнью и, во-вторых — сочетание необходимого для социалистического строительства централизма в управлении и концентрации производства с проявлением местными органами управления инициативы и самодеятельности в возможно широких размерах.

Обращаясь к первому вопросу, приходится указать, что, с самого начала Октябрьской революции, когда на заводах были образованы фабрично-заводские комитеты, ставившие своей целью проведение рабочего контроля над производством, и затем в течение $2^1/_2$ лет советской власти, когда выросли мощные профессиональные союзы, объединившие всех рабочих и служащих Советской России и насчитывающие к 1920 г. до $4^1/_2$ млн. членов, рабочие организации не только принимали самое живейшее и непосредственное участие в вопросах регулирования и управления хозяйственной жизнью, в определении экономической политики, но и проявляли инициативу и были одними из главных организаторов экономических органов управления как в центре, так и на местах, как в государственных трестах, так и в отдельных предприятиях.

В настоящее время взаимоотношения между профессиональными организациями и советскими органами политического управления лучше всего определяются нижеследующим постановлением, принятым на Всероссийском съезде СНХ 1920 г.: «Организационный аппарат управления промышленностью должен целиком опираться на профессиональные производственные союзы, являющиеся одной из важнейших организующих сил в народном хозяйстве. Намечающаяся в наиболее крупных отраслях народного хозяйства организационная связь между хозяйственными органами и союзами должна быть перенесена и на все остальные отрасли народного хозяйства.

Основные вопросы экономической политики разрешаются на периодических совместных заседаниях ВСНХ и президиума ВЦСПС. Отдельные профессиональные союзы имеют право контроля над состоянием промышленности и ходом работ предприятий; главные и центральные комитеты решают совместно с соответственными главками и центрами все основные вопросы своих производств; заслушивают практические доклады коллегий и центральных управлений, заводоуправлений; запрашивают справки и сведения и т. д.

Деловое руководство промышленностью и все административные функции принадлежат исключительно главным управлениям, отделам и прочим органам ВСНХ. Представители профсоюзов в коллегиях главных управлений и пр. органах экономического управления подчинены на общем основании президиуму ВСНХ.

В случае конфликтов по основным вопросам экономической политики, а также по вопросу о составе коллегий и правлений между центральным комитетом производственного союза и главным управлением или центральным управлением и президиумом ВСНХ,—вопрос

переносится на совместное обсуждение президиума ВСНХ и ВЦСПС, на котором он и решается окончательно.

Подобное положение является не только постановлением, но и повседневной деловой практикой, тем более, что все руководящие лица как центральных, так и местных органов управления, как мы это увидим ниже, когда перейдем к более детальному рассмотрению внутренней структуры ВСНХ и его местных органов, назначаются с согласия соответствующих профессиональных союзов и в их число входит значительное количество представителей этих союзов.

Необходимо заметить, что практикой экономического управления в настоящее время принцип механического представительства отдельных учреждений в органах управления нами уже изжит и мы перешли в настоящее время к принципу организации руководящих коллегий или назначению единоличных управляющих и заведующих не путем представительства от профсоюзов и советских органов, а путем совместного утверждения на основе деловых соображений соответствующим центральным комитетом профсоюза и соответствующим руководящим органом советской власти. Благодаря этому избегается возможность трений и недоразумений между профессиональными союзами и органами экономического управления, так как лица, входящие в состав органов экономического управления и являющиеся их руководителями, являются ответственными перед соответствующим высшим органом экономического управления и соответствующим ЦК профсоюза и, наоборот, за их работу, за их подготовку к выполнению соответствующих задач ответственность несет и соответствующий орган, назначающий их, и тот профессиональный союз, по соглашению с которым они назначены. Кроме того как центральные, так и местные органы экономического управления созывают конференции из представителей и рабочих фабрик и заводов, на которых обсуждаются предварительно наиболее важные вопросы экономической политики и программы производства.

В силу такой системы организации экономического управления рабочие массы заинтересовываются самым ходом производства, необходимостью поднятия производительности, установлением строгой дисциплины и т. д., и т. п. Таким образом пролетариат России является не только контролем над деятельностью экономических органов, но является и непосредственным участником организации и деятельности этих экономических органов как путем съездов и конференций по вопросам экономической жизни, так и через своих представителей в органах экономического управления. Поэтому вопросы поднятия производства,

несмотря на тяжелые условия, в которые поставлена экономическая жизнь Советской России разрешаются легче, чем в капиталистических странах, где рабочий класс лишь эксплоатируется и совершенно устранен от участия в управлении экономической деятельностью.

Наша экономическая политика и в дальнейшем будет заключаться в том, чтобы каждый работник и каждая работница были проникнуты сознанием важности и необходимости выполняемого ими труда, чтобы наша экономическая политика, наши хозяйственные планы стали достоянием самых широких рабочих масс, чтобы они ими осознавались и чтобы труд производился сознательно, как это и должно быть с трудом социалистического строя.

Обратимся ко второму вопросу, т. е. к рассмотрению того, каким образом происходит управление национализированной промышленностью в целом. В настоящее время национализирована в сущности вся крупная и средняя промышленность в Советской России. Не национализированной осталась мелкая и кустарная промышленность. Таких мелких предприятий насчитывается до $4^1/_2$ тыс. Кстати нужно заметить, что всякого рода сказки, которые распространяются буржуазной литературой старого мира о том, что мы национализировали все без исключения, без всякой системы, хаотически, опровергаются решительно фактом современного положения в России национализированной промышленности.

Всего национализировано 6 тыс. предприятий[1]). Из этих 6 тыс. 2 910 предприятий находятся в непосредственном управлении центральных органов, т. е., иными словами, в непосредственном управлении ВСНХ. Эти 2 910 предприятий финансируются, снабжаются как сырьем, так и топливом непосредственно распоряжениями из центра. Точно так же, как и заводоуправления на предприятиях этой группы, также и центральные управления назначаются центральными органами ВСНХ или непосредственно президиумом ВСНХ, по соглашению с ЦК соответствующего профессионального союза.

Вторая группа предприятий, приблизительно в $3^1/_2$ тыс., находится в управлении местных органов губернских СНХ и управляется последними, в смысле снабжения их топливом, сырьем, финансирования и т. д., точно так же, как ими же определяется в согласии с местными союзами и состав заводоуправления и порядок управле-

---

[1]) Прилагаемая ниже таблица, составленная на 1 февраля 1920 г., даст сведения о 4 273 национализированных и прежних 4 609 ненационализированных.

ния. Центральные органы экономического управления в отношении второй группы имеют право регулирования, т. е. издания обязательной инструкции, которой должны руководиться местные органы при управлении предприятиями, точно так же, как и продукты, вырабатываемые второй группой, поступают в распределение центральных органов ВСНХ и только с их разрешения могут быть расходуемы.

Наибольший интерес представляет, конечно, первая группа, так как в ней сконцентрированы все трестированные предприятия и предприятия особо важного государственного значения.

По отдельным отраслям промышленности предприятия этих групп распределяются нижеследующим образом:

Распределение национализированных предприятий по группам управления

Название отраслей промышленности	1-я группа (трестированных и особо важных предприятий)	2-я группа (находящихся в управлениях местных СНХ)
1. Металлическая	154	468
2. Текстильная	481	344
3. Химическая	1 142	1 315
4. Электро-техническая	38	Все губ. станц.
5. Пищевая	31	1 241
6. Горная	858	11
7. Деревообделочная	160	48
8. Полиграфическая	22	—
9. Автомобильная	11	12
10. Утилизационная	13	52
Всего	2 910	3 494

Организация управления национализированной промышленностью неизбежно привела к необходимости трестирования предприятий и концентрации производства на более лучших, технически оборудованных и приспособленных предприятиях.

В настоящее время насчитывается 179 государственных трестов.

Некоторые отрасли промышленности трестированы целиком, другие в значительной своей части.

Наиболее мощные и важные тресты — это государственный трест машиностроительных заводов (Гомза, объединяет 16 крупнейших заводов), электротрест и 40 объединений в текстильной промышленности, трест свеклосахарных заводов.

Все предприятия и все отрасли промышленности рассматриваются как единое огромное предприятие. Вместо

конкуренции, вместо борьбы советская власть в экономической области строго проводит принцип **единства народного хозяйства**.

Единство народного хозяйства находит свое выражение не только в промышленности, но и в объединении промышленности и сельского хозяйства.

Единое централизованное народное хозяйство, планомерно организуемое органами советской власти, в которых принимают непосредственное участие широкие рабочие массы, — такова база экономической организации советской власти.

II. Высший совет народного хозяйства.

Органом экономического управления Советской России, произведшим национализацию промышленности, определяющим хозяйственный план, производственные программы отдельных отраслей промышленности, наконец управляющим и регулирующим хозяйственную жизнь, является **Высший совет народного хозяйства**.

Согласно советской конституции ВСНХ является, так же как и другие народные комиссариаты, отделом Всероссийского центрального исполнительного комитета, и председатель ВСНХ и его заместитель утверждаются ВЦИК и входят в состав Совета народных комиссаров.

ВСНХ ответственен и перед СНК (последний может отменить любое постановление ВСНХ) и перед ВЦИК; кроме того на Всероссийских съездах советов всегда делаются доклады об экономической деятельности ВСНХ и, напр., VII Съезд советов оказал значительное влияние на политику ВСНХ.

Во главе ВСНХ стоит **президиум** в составе 11 человек. Кандидаты в президиум намечаются и обсуждаются предварительно на съездах СНХ и в ВЦСПС, а затем вносятся на утверждение и назначение в СНК; председатель же и его заместитель утверждаются, как мы сказали, ВЦИК.

Практика установила, что состав президиума пересматривается ежегодно, но частичные изменения СНК может вносить и в течение года.

По прилагаемой схеме, где изображена внутренняя структура ВСНХ, можно видеть, каким образом он организован.

Центральный аппарат ВСНХ распадается на три группы отделов.

Прежде всего, президиум имеет у себя пять отделов, с помощью которых он определяет хозяйственный план текущего года и проводит общее руководство. Такими отделами являются:

1. Производственная комиссия, в которую поступают отдельные производственные программы по отдельным отраслям промышленности и где они просматриваются, сводятся и вносятся на утверждение в президиум.

2. Финансово-экономический и счетный отделы, рассматривающие все сметы как центральных, так и местных хозяйственных органов и финансирующие промышленность.

3. Комиссия использования, определяющая планы распределения продуктов промышленности (в ее состав входят представители Наркомпродовольствия).

4. Отдел фабрично-заводской статистики.

5. Иногородний отдел, ведающий сношениями с местными СНХ.

Вторую группу отделов составляют *производственные отделы*, которых насчитывается, соответственно отраслям промышленности, 50. В их непосредственном управлении и регулировании находятся соответственные отрасли промышленности, в отношении которых они приводят в исполнение производственные планы и задания, распределяют сырье, учитывают готовые продукты, производят финансирование предприятий, назначают и смещают администрацию заводов и фабрик и т. п. Во главе каждого производственного отдела стоит или отдельный заведующий, или коллегия из 3—5 человек. Руководители каждого отдела утверждаются президиумом ВСНХ по соглашению с ЦК соответствующего профессионального союза. В отделах в составе руководителей около 30% рабочих, около 35—40% специалистов (инженеров, техников и т. п.) и около 25—30% лиц различных профессий — бухгалтеров, конторщиков и т. п.

Одним из наиболее больных вопросов являлось до сих пор в Советской России привлечение на роль руководителей производственными отделами лиц, удовлетворяющих специальным требованиям в смысле знания и знакомства с соответствующей отраслью производства и в смысле административного опыта и вместе с тем в смысле понимания экономической политики советской власти и твердого ее проведения в жизнь, вследствие того, что большинство специалистов являлись выходцами из буржуазных слоев общества и воспитались в атмосфере капиталистических отношений, и потому сплошь и рядом подыскать лиц, отвечающих вышепоставленным требованиям, является очень трудным и сложным делом.

Каждый производственный отдел распадается на подотделы — административно-технический, финансовый, инструкторский и т. п. Производственные отделы управляют и государственными трестами и предприятиями особо важного государственного значения, включенными в первую группу предприятий. Связь производственных отделов с местами осуществляется с помощью подобных же производственных отделов местных органов народного хозяйства СНХ, к описанию которых мы и переходим.

III. Губернские советы народного хозяйства.

В каждой губернии местный губернский совет народного хозяйства организован по тому же типу, как и ВСНХ. Во главе местных губернских СНХ точно так же стоит президиум, но только в меньшем составе, чем в ВСНХ, а именно — только из трех человек. При утверждении президиума местного СНХ президиум ВСНХ имеет право отвода и неутверждения тех членов местного президиума, которые для него по тем или иным причинам являются неприемлемыми.

Местные СНХ распадаются на соответствующие производственные отделы — отдел металла, текстильный, химический, электро-технический и т. п., которые, с одной стороны, управляются президиумом СНХ, но, с другой стороны, — точно так же являются подчиненными соответствующим производственным отделам ВСНХ, куда они и представляют свои сметы и откуда получают соответствующие инструкции и распоряжения по управлению промышленностью, находящейся в их ведении, на их территории.

В управлении местных СНХ, как нами было указано выше, находятся предприятия второй и третьей групп. Таким образом местные СНХ производят заготовку сырья у себя на местах, финансируют, согласно сметам, предприятия, находящиеся в их управлении, изменяют и назначают администрацию и т. д., и т. п , но продукты все находятся на учете и могут быть расходуемы только с разрешения центральных органов управления.

Во главе отделов местных СНХ стоят заведующие, утверждаемые президиумом местных СНХ по соглашению с соответствующими профессиональными союзами. Наконец местные СНХ имеют свои отделы на территории губернии по более мелким территориальным единицам, с которыми они уже непосредственно сносятся и которые они сами назначают. В настоящее время во всех губерниях и уездах Советской России местные СНХ стоят крепко и прочно, тесно связанные с мест-

ной хозяйственной жизнью, и вместе с тем входят как составная часть в аппарат центрального хозяйственного органа — ВСНХ. Регулярно каждый год происходят Всероссийские съезды местных СНХ, на которых решаются вопросы экономической политики и производства и резолюции которых получают дальнейшее направление через президиум ВСНХ на утверждение СНК и даже ВЦИК. Таких съездов было 3. В печати имеются стенографические отчеты этих съездов, резолюции же их широко распространяются на местах.

IV. Взаимоотношения между ВСНХ и другими экономическими комиссариатами.

До настоящего времени наряду с ВСНХ, как самостоятельные экономические комиссариаты, существуют: Народный комиссариат земледелия, Народный комиссариат продовольствия, Народный комиссариат финансов и Народный комиссариат путей сообщения. По своим задачам ВСНХ должен был бы включить все эти комиссариаты в свой состав, но вследствие целого ряда технических и организационных соображений эти комиссариаты до сих пор ведут самостоятельное существование, но, однако, в настоящее время установлены по всем важнейшим формам деятельности тесная связь и взаимоотношение ВСНХ с этими комиссариатами: Народный комиссар земледелия, член Народного комиссариата финансов, член Народного комиссариата путей сообщения входят в состав президиума ВСНХ как члены последнего.

В настоящее время политика, проводимая в сельском хозяйстве и в области промышленности, может считаться вполне единой, и целый ряд отделов, каковы: кооперативный, мелиоративный, отделы управления советскими хозяйствами, являются объединенными отделами ВСНХ и НКЗ.

Отношения с Народным комиссариатом продовольствия устанавливаются путем совместного определения планов распределения продуктов промышленности, которые по изготовлении их сдаются в распоряжение Народного комиссариата продовольствия. Вообще надо заметить, о чем мы будем говорить ниже более подробно, что распределение продовольственных продуктов и предметов широкого массового потребления производится Народным комиссариатом продовольствия и потому все производственные органы сдают ему все производимые ими продукты массового потребления, а материалы и предметы, а также необходимые для производства машины и т. п., распределяются

ВСНХ. Твердые цены на товары и продукты устанавливаются Комитетом цен при ВСНХ и утверждаются за подписями председателей ВСНХ и НКП. Наконец согласование или же сплошь и рядом разногласия между отдельными экономическими комиссариатами разрешает СНК на своих пленарных заседаниях.

С НКПС ВСНХ связан путем особого междуведомственного органа — Высшего совета по перевозкам, куда входит и представитель НКПС и представитель ВСНХ и который определяет план перевозок на каждый месяц.

Комиссариат финансов является распределителем денежных знаков между отдельными ведомствами, но финансирование народного хозяйства производится ВСНХ.

Таковы формы взаимоотношений между отдельными экономическими комиссариатами и ВСНХ. Несомненно, данная форма не является окончательной, и к ее улучшению, к упрощению взаимоотношений, к установлению большей эластичности, гибкости аппаратов экономического управления направлено внимание и ведется постоянная, неустанная работа.

Таков аппарат экономического управления, с помощью которого происходит строительство хозяйственной жизни Советской России и управление ею. Аппарат этот, несомненно, имеет свои крупные недостатки и недочеты. Рабочий класс, впервые взявший власть в свои руки, не мог выдвинуть из своей среды сразу, немедленно же достаточные кадры опытных, знающих работников, и потому в деятельности экономического аппарата наблюдается немало шероховатостей и немало ошибок. Но следует указать, что опыт всех этих годов доказывает, что в настоящее время вся машина экономической диктатуры пролетариата прочно стоит и работает планомерно. Хозяйственная жизнь страны действительно на деле управляется и вместо хаотического, раздробленного капиталистического хозяйства вырастает единое народное хозяйство, построенное на социалистических устоях.

Только благодаря тому, что стержнем экономической советской системы является рабочий класс, можно объяснить тот факт, что, несмотря на неимоверную тяжесть, выпавшую на историческую долю Советской России в ее первых шагах по пути экономического строительства, есть возможность справиться с теми опасностями, которые представляются в экономической жизни Советской России в первую очередь нападением мирового капитала на молодую Советскую республику.

II. Экономическое положение.

I. Общие предпосылки.

Экономическое положение Советской России зависело, конечно, прежде всего от того состояния, какое имело народное хозяйство России к моменту Октябрьского переворота, иначе сказать — от наследства, оставленного буржуазным строем; затем на нем сказалось развитие борьбы рабочего класса с капиталистически-помещичьими силами, принявшее характер острой гражданской войны и вышедшее за пределы национальных рамок, и, наконец, экономическая блокада, которой была подвергнута социалистическая Россия со стороны международного капитализма.

Указанные условия самым тяжелым образом сказывались на развитии производительных сил Советской России, и экономическая политика заключалась в преодолении разлагающего влияния этих условий и в стремлении к возможному подъему экономической жизни и деятельности; последнее достигалось лишь путем крайнего напряжения сил и перенесения целого ряда тягчайших лишений.

Империалистическая война по подсчетам буржуазных ученых брала до 70% всего производимого промышленностью. Можно представить, насколько велико было истощение народного хозяйства по истечении 4 лет войны.

Октябрьская революция происходила в сущности в момент глубочайшего экономического кризиса, из которого нерешительное, безвольное, соглашательское Временное правительство не находило в то время никакого выхода. Пролетариат России получил в наследство разоренное народное хозяйство, в котором до 30% предприятий не работало, в котором хищения, спекуляция достигли колоссальных размеров. Потребовались неимоверные усилия, чтобы приостановить и задержать распад народного хозяйства, в октябре 1917 г. перешедшего в рабочие руки.

Вторым условием, определявшим характер и направление развития народного хозяйства в России, была гражданская война. Октябрьский переворот, с поразительной быстротой устранивший с общественной арены класс капиталистов и помещиков, последовавшая затем без каких-либо серьезных препятствий национализация банков и предприятий давали в первое время надежду на мирное строительство.

Советская власть стремилась не упустить ни одного дня для того, чтобы сразу перейти к мирному строительству общественной и

Национализированные и ненационализированные предприятия

(на 1 февраля 1920 г.)

№№ групп производств	Наименование групп производств	№№ по главкам	Наименование главков	Национализировано: Колич. предприят.: Всего	Национализировано: Колич. предприят.: Из них с изв. числ. рабочих	Национализировано: Количество рабочих	Не национализировано: Колич. предприят: Всего	Не национализировано: Колич. предприят: Из них с изв. числ. рабочих	Не национализировано: Количество рабочих
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I	Обработка камней, земель и глины	1)	Главшифер	12	7	1 615	4	—	—
		2)	Центроцемент	15	14	3 121	1	—	—
		3)	Главстром	258	152	69 535	543	—	—
		4)	Центрошамот	20	17	1 647	3	—	—
		5)	Главстекло	125	79	28 681	10	3	1 206
		6)	Главсланец	7	6	1 520	—	—	—
			Всего	467	275	106 109	561	3	1 206
II	Горн. и горнозаводская промышленность	1)	Горный отдел	77	53	28 380	—	—	—
		2)	Главсоль	4	4	11 500	6	5	480
		3)	Главзолото [1]	—	—	—	—	—	—
			Всего	81	57	39 880	6	5	480
III	Обработка металлов	1)	Отдел металла	247	150	64 381	117	100	4 629
		2)	Центромедь	6	5	3 171	4	3	19
		3)	Гомза	12	11	57 795	—	—	—
		4)	Главгвоздь	9	9	1 563	2	2	37
		5)	Сельмаш	205	131	8 077	15	2	2 203
		6)	Автосекция	23	—	—	—	—	—
		7)	Метиз	13	12	2 054	440	228	22 141
		8)	Электроотдел	38	35	19 105	23	19	388
			Всего	553	353	156 146	601	364	29 417
IV	Обработка дерева	1)	Главлеском	158	37	6 009	84	1	10
			Всего	158	37	6 009	84	1	10

V	Химическая промышленность	1)	Химоснов	62	45	11 534	1	1	84
		2)	Химдрев	35	21	1 495	3	—	—
		3)	Главфармзав	18	16	2 500	—	—	—
		4)	Главспичка	45	42	12 917	29	21	1 237
		5)	Главрезина	6	6	8 048	—	—	—
		6)	Центрокраска	23	21	2 635	24	20	987
		7)	Москательная секция	6	4	205	—	—	—
			Всего	195	155	39 334	57	42	2 308
VI	Обработка пищевых веществ	1)	Центроспирт	273	269	12 331	—	—	—
		2)	Центрочай	16	13	1 309	8	4	249
		3)	Главрасмасло	211	209	8 475	—	—	—
		4)	Центромолоко	212	203	805	809	809	1 618
		5)	Главмука	687	389	21 539	—	—	—
		6)	Главтабак	36	36	18 456	—	—	—
		7)	Главкрахмал	67	67	4 467	19	19	925
		8)	Главконсерв	13	8	1 173	—	—	—
		9)	Главсахар	259	258	78 357	—	—	—
		10)	Главкондитер	25	21	4 787	2	2	740
			Всего	1 799	1 473	151 699	838	834	3 532
VII	Обработка животных продуктов	1)	Главмех	16	15	1 471	2 075	70	5 131
		2)	Главкожа	78	73	23 039	43	38	3 640
		3)	Главкость	28	22	382	66	46	470
		4)	Центрощетина	34	34	3 774	—	—	—
		5)	Центрожир	39	28	4 313	42	25	1 470
			Всего	195	172	32 979	2 226	179	10 711
VIII	Обработка волокнистых веществ	1)	Центротекстиль	568	466	361 740	231	211	36 579
		2)	Центрошвей	47	40	15 608	1	1	85
			Всего	615	506	377 348	232	212	36 664
IX	Бум. и полиграфическая промышленность	1)	Главбум	108	96	26 770	—	—	—
		2)	Полиграф. отдел	38	37	8 053	—	—	—
			Всего	146	133	34 823	—	—	—
X	Топливо	1)	Главуголь	32	26	35 564	—	—	—
		2)	Главнефть [1])	—	—	—	—	—	—
			Всего	32	26	35 564	—	—	—
XI	Прочее	1)	Центроутиль	62	51	5 522	4	3	525
			Всего	62	51	5 522	4	3	525
			Итого	4 273	3 238	985 413	4 609	1 643	84 853

[1]) По 2 главкам сведений не поступало.

Отд. фабр.-зав. статист. ВСНХ.

экономической жизни. Сразу же после октябрьского переворота 1917 г. советской властью был взят курс на демобилизацию промышленности и на перевод всего производства на обслуживание мирных потребностей страны и населения.

Демобилизация промышленности была проведена в широком масштабе, и предприятия машиностроительной промышленности, текстильные предприятия и целый ряд технических предприятий, специально приспособленных к военному производству, были переведены на производство предметов мирного потребления, и военные заказы были аннулированы. Однако такое мирное положение продолжалось всего лишь несколько месяцев. Русская контрреволюция, поддерживаемая западно-европейским империализмом, вскоре подняла голову, и нам пришлось перейти снова к военному производству. Выступления Колчака, Деникина и Юденича, поддержанных и широко снабженных Антантой, создали громадную опасность для существования Советской России. 1918 год, особенно его вторая половина, и 1919 год прошли под знаком широко развернувшейся гражданской войны. Вся страна была объявлена военным лагерем, и нам пришлось налаживать военное производство и мобилизовать демобилизованную нами промышленность. Наше преимущество над Колчаком, Деникиным и Юденичем, приведшее к разгрому последних, заключалось не только в том, что наша Красная армия проявляла большой энтузиазм, большую смелость и самоотверженность, но также и в том, что мы опирались на наше производство, которое справилось с поставленными перед ним военными заданиями. Но, конечно, естественно, что опять значительный процент нашего производства, значительный процент нашего топлива и нашего сырья, значительное количество наших фабрик и заводов, наиболее технически оборудованных и лучших, работало только на армию, работало только над выполнением военных заданий. Все это естественно сильнейшим образом отражалось на обслуживании экономических потребностей страны. Все это вместе взятое задерживало развитие производительности. Правда, мы вполне сознательно и определенно ставили перед собой задачу найти такое соотношение между обслуживанием нужд Красной армии и тратой на военные потребности, с одной стороны, и на поддержание развития производительных сил страны — с другой, чтобы в результате основа нашей экономической жизни — наиболее важные отрасли промышленности — была сохранена и не истощена. Но само собой понятно, что при условиях войны, когда фронт передвигался, зачастую захватывая наиболее производительные районы, когда у нас

были отняты такие важнейшие в хозяйственном отношении области, как Донецкий бассейн, питавший углем нашу промышленность, как Урал, питавший нашу металлургическую и машиностроительную промышленность, как Кавказ с его нефтью, как Кубань и Донская область с их громадными запасами хлеба, шерсти и кожи, — когда, повторяю, фронт сплошь и рядом подвигался к самому сердцу России, то понятно, что очень часто поставленные нами задачи разбивались в зависимости от тех неизбежных в военных условиях поражений, которые мы зачастую несли, пока в конце концов не одержали более или менее полную победу. В течение 1919 г. Красная армия разбила Колчака, Юденича и Деникина и ликвидировала совершенно северный, восточный и южный фронты. Поражение, понесенное контрреволюцией, было самое решительное. Как только выяснилась подобная ситуация — в начале 1920 г. — Советская Россия немедленно изменила свою экономическую политику и повернула курс на мирное строительство, выбросив лозунг концентрации всех сил и внимания на трудовом фронте.

Перед нами опять встала задача в первую очередь разрешить наиболее больные вопросы нашего народного хозяйства и справиться с той разрухой, которая явилась неизбежным следствием и предшествующих империалистических войн и гражданской войны. Все наиболее широкие и важные общественно-политические съезды: всероссийские съезды коммунистической партии, профессиональных союзов, не говоря уже о специальных съездах советов народного хозяйства, были главным образом заняты вопросами поднятия народного хозяйства и борьбы с хозяйственной разрухой. Как известно, впервые нами был произведен опыт привлечения, в широком масштабе, целых армий к участию в производительном экономическом труде. Был создан целый ряд армий труда. Вместо Совета обороны был создан Совет труда и обороны, и вместо боевых побед, которые раньше одерживала Красная армия на фронтах и которые отмечались количеством пленных и количеством убитых противников, — на столбцах газет появился подсчет побед, произведенных на фронте труда, характеризуемых увеличением выпущенных паровозов из ремонта, улучшением производства, увеличением производительности отдельных кадров рабочих Красной армии труда.

Широкой волной прокатилось устройство добровольных массовых субботников, воскресников и т. п., характеризовавших внесение совершенно новых принципов в производство широких народных масс.

Началась не только разработка, но и проведение широких хозяйственных планов. Вопросы электрификации, вопросы нового строительства, вопросы увеличения добычи топлива, заготовки сырья, установления повышенных норм выработки и пр. явились наиболее серьезными и важными захватывающими вопросами, на резрешении которых были сконцентрированы лучшие силы Советской России.

Наша интеллигенция, наши профессора и ученые, которые почти поголовно после Октябрьской революции являлись противниками советской власти и проявили себя вначале общественным саботированием в выполнении тех задач, в которых наиболее полно могли бы проявиться их знание и опыт, были захвачены этим поворотом к труду, охватившим широкие массы, и среди них произошел резкий перелом. Они начали предлагать не за страх, а за совесть свои услуги советской власти в воссоздании и восстановлении хозяйственной жизни. Целый ряд виднейших специалистов в самых различных отраслях промышленности в это время идет на самое широкое участие в хозяйственных органах советской власти.

Но этот период времени, когда вся наша экономическая жизнь была повернута на мирную работу, был также кратковременен, и новое польское наступление 1920 г., произведенное с согласия и при поддержке Антанты, заставило нас вновь повернуть руль нашего экономического управления на военную дорогу и вновь от вопросов обслуживания нужд широких масс населения мы обратились к вопросам военного снаряжения и обслуживания Красной армии. Разница только в том, что к этим задачам мы с каждым разом подходим все более окрепшие и наученные опытом. Мы не можем предсказать, как долго продлится этот новый для нас военный период, но мы знаем — как только Польша будет разбита и нам представится малейшая возможность повернуть на мирную дорогу нашу хозяйственную жизнь, мы немедленно, не теряя ни одной минуты, это сделаем. Но в настоящий момент нам приходится иметь дело не только с Польшей, которая была бы сама по себе не в состоянии воевать, так как то, что мы знаем о состоянии ее промышленности, говорит за то, что у нее нет никаких ресурсов и средств для военных действий, но мы имеем здесь дело с техникой и снаряжением, даваемыми Польше Антантой, и нам приходится противопоставлять нашу технику и снабжать наших красноармийцев для того, чтобы разбить врага, и на этот раз самым решительным образом. Гражданская война таким образом для настоящего переживаемого нами периода второй половины 1920 г. является серьез-

нейшим фактором, определяющим характер нашей экономической жизни.

Третьим фактором, определявшим экономическую жизнь России в течение этих лет, была блокада, проводимая Антантой. Любая страна, будучи изолирована, пока у нее не разовьется всесторонне ее собственное производство, будет, само собой разумеется, терпеть большие затруднения в своем экономическом развитии. Россия была фактически изолирована от внешнего мира еще в эпоху империалистической войны, но и после того как империалистическая война закончилась, Советская Россия была блокирована капиталистическим миром, и к ней был прекращен доступ со стороны других стран. Капиталистические правительства всех стран стремились экономически задушить Советскую Россию. Если они, с одной стороны, поддерживали мелкие окраинные народности, подогревая контрреволюционную буржуазию к наступлению против Советской России и давая ей военное снаряжение, то, с другой стороны, они старались лишить население России всякого подвоза каких-либо товаров и извне. Правда, расчеты капиталистов в этом отношении потерпели крах, было упущено из вида, что Россия прежде всего богатейшая страна в мире по своим запасам сырья и топлива, этих важнейших и основных факторов экономического развития. Поэтому являлась возможность не только переносить блокаду, но и приступать к развитию некоторых отраслей промышленности, до тех пор не существовавших, продукты которых обычно ввозились в Россию из-за границы. Таким образом из целого ряда отраслей промышленности укажем, как на пример, на нашу электро-техническую промышленность, нашу писчебумажную промышленность, химическую, где было восстановлено особое производство (в писчебумажном производстве — сетки, электро-технические изоляторы, химической — целый ряд химических препаратов и материалов), которые раньше не производились в Советской России. С другой стороны, капиталисты Антанты ошиблись не только в своих расчетах быстро покончить с Россией с помощью блокады, но и в своих экономических расчетах, не учтя влияния лишения мирового рынка такого экономического фактора, каковым являлась Россия.

Отсутствие на мировом рынке влияния России сказалось сильнейшим образом на хозяйстве целого ряда стран, которые терпели от недостатка сырья, ввозимого обыкновенно из России. Такой вид сырья, как лес, лен, пенька, поставлялся главным образом из России в европейские страны. От недостатка льна терпела не только Германия и Франция, но терпела и Англия. Точно так же и такой вид

товаров, как платина, мех и пр., ввозились в Западную Европу из России.

С другой стороны, Россия являлась главным потребителем производства обрабатывающей промышленности Западной Европы и в первую очередь машиностроительной промышленности. Отсутствие вывоза в Россию из Западной Европы привело к перепроизводству в целом ряде отраслей промышленности Западной Европы и Америки.

Все это вместе взятое привело к полному банкротству политики блокады, которая проводилась буржуазией Запада и особенно Франции; заметим кстати, что господствующий класс Франции, который являлся за последнее десятилетие главным образом не производителем, а ростовщиком, снабжавшим своими деньгами другие страны, является в настоящее время, когда перед мировым хозяйством встают новые проблемы экономического развития, наиболее консервативным, наиболее хищнически настроенным.

В последнее время признание банкротства блокады приводит капиталистический мир к необходимости вступить в экономические сношения с Советской Россией. Советская Россия естественно согласна получить с Запада необходимые ей орудия производства — паровозы и машины — взамен на свое золото и серебро. Считая, что этим отнюдь не будет остановлен исторический ход общественного развития, отсутствие блокады явится, конечно, серьезным фактором укрепления России. Повторяю, что блокада нанесла нам неисчислимые убытки, сплошь и рядом трудно возместимые в настоящих условиях.

Таковы в общем предпосылки, влиявшие на нашу экономическую жизнь. Приходится сказать, что, несмотря на эти крайне тяжелые условия, которые задерживали развитие нашей экономической жизни, тем не менее наше народное хозяйство справлялось с ними, и основы нашего экономического развития в некоторых своих частях не только не обнаружили остановки, но даже продвинулись вперед. Только принимая во внимание все вышеизложенное, мы можем подойти и понять настоящее состояние хозяйственной жизни Советской России и объективно его оценить. В своем дальнейшем изложении мы коснемся трех сторон нашего экономического состояния, а именно — сырья, топлива и состояния нашего производства. Только взвесив и оценив фактическое положение этих трех сторон экономической жизни, мы можем представить себе ясно картину промышленности Советской России.

II. Сырье.

В отношении сырья Россия всегда была необычайно богата и не только удовлетворяла свои собственные производственные потребности, но и являлась одним из главных поставщиков сырья на мировом рынке. Такие виды сырья, как лен, пенька, кожа, лес, выбрасывались из России на рынки Западной Европы в самом широком размере. Из нижеследующей таблицы мы можем видеть, до каких размеров перед войной доходил вывоз главнейших видов товаров из России:

В среднем в год вывоз из России в 1911—1913 гг.

1.	Хлеб	10,98	млн. *т*
2.	Лен	278,5	тыс. »
3.	Пенька	49,1	» »
4.	Лес	7 095	» »
5.	Табак	10,5	» »
6.	Щетина	2,65	» »
7.	Кожа	2,2	млн. шт.

Империалистическая война естественно прекратила взаимоотношения между Россией и мировым рынком. Внешняя торговля фактически остановилась. Вследствие этого в России скопилось значительное количество запасов сырья. Правда, реализация их затруднялась вследствие целого ряда условий и главным образом в силу двух основных причин: во-первых, вследствие ослабления производства для мирной потребности населения и снабжения широких масс крестьянства предметами массового потребления, ослабел и основной стимул сдачи сырья. С другой стороны — условия транспорта сплошь и рядом не позволяли быстро концентрировать заготовляемые массы сырья в нужных пунктах.

Тем не менее, несмотря на затруднительность общих экономических условий, заготовка сырья в Советской России в настоящее время объединена, и сырьем обеспечивается не только внутреннее производство, но и образовался некоторый товарный фонд для вывоза за границу. Обращаясь к заготовке сырья, мы останавливаемся, конечно, только на главнейших видах сырья. Нижеследующая таблица показывает ход заготовок в течение последних двух лет (см. табл. на стр. 196).

Из вышеуказанной таблицы мы можем видеть, что только таких видов сырья, как лен, лес, мех, в настоящее время имеются серьезные запасы, которые могут быть реализованы на внешнем рынке.

Заготовка сырья органами СНХ

Название видов сырья	1919 г.	1920 г. (за 6 мес.)
	В тыс. *т*	В тыс. *т*
1. Лен (24,5 тыс. *т* запаса 1918 г.)	90	22,93
2. Шерсть	32,7	—
3. Пенька	(вместе с запасами) 32,7	7,1
4. Хлопок	106,4	40,9
5. Кожа	—	—
6. Щетина	—	737,15
	(сезон 1918/19 г.)	(1919/20 г.)
7. Масличные семена	98,2	57,3
8. Свекла для свекло-сахарных заводов	573,3	—
9. Мех	—	—
10. Табак	26,2	18,0

Само собой разумеется, что подобная реализация на внешнем рынке может последовать только путем получения определенной серьезной компенсации Советской Россией за сдаваемое ею сырье продуктами машиностроения, орудиями производства, транспортными средствами со стороны Западной Европы. Сырьевой голод, которым охвачена сейчас Европа, может быть ослаблен несомненно только путем планомерных экономических сношений с Советской Россией. Та блокада, о которой мы говорили в предшествующих строках, в значительной степени ударила по экономическому положению не только Советскую Россию, но и Западную Европу, которая в течение последних лет была совершенно лишена притока сырья из Советской России.

Заготовка сырья происходит в Советской России, во-первых, путем объявления государственных монополий на все важнейшие виды сырья. Только государственные органы имеют право сборки таких видов сырья, как лен, пенька, шерсть, лес, кожа и пр. Центральные государственные органы ВСНХ устанавливают количество, которое необходимо собрать, и устанавливают разверстку по отдельным округам и губерниям, население которых должно сдать определенное

количество сырья. Сырье сдается по твердым ценам, которые устанавливает Комитет твердых цен при ВСНХ и которые являются обязательными для населения при сдаче сырья государственным органам. Во всех и крупных и мелких экономических центрах имеются приемочные пункты, куда свозится сырье и откуда оно поступает далее на центральные склады ВСНХ. В случае полного выполнения разверстки той или иной местности и в случаях более скорой сдачи причитающегося с населения сырья сдатчики сырья премируются, помимо уплаты им денег по твердым ценам определенной суммы за сдаваемое ими сырье, еще натурой, т. е. предметами обрабатывающей промышленности или фабрикатами за сдаваемое ими сырье. Так, например, сдатчики жиров получают за каждые 1 *кг* сдаваемого жира не только определенную денежную стоимость, но и 1 *кг* мыла; за 100 *кг* льна выдается не только твердая цена, по которой сдается лен, но и по 5,92 *м* ткани. За 100 *кг* картофеля, сданного на крахмально-паточные заводы, крестьяне получают кроме денег еще по 2,5 *кг* патоки и т. д. и т. п. Все сырье, повторяю, поступает на центральные государственные склады, отсюда оно по нарядам распределительных органов идет органам производственным, которые распределяют его по фабрикам и заводам.

План распределения устанавливается комиссией использования и поступает на утверждение президиума ВСНХ; затем идет исполнение в соответствующих производственных отделах, которые и получают с центральных складов необходимое им количество сырья, которое они развозят по фабрикам и заводам. Такая система организации распределения сырья введена по всем видам сырья. Сырье, предназначенное для вывоза на внешние рынки, поступает в качестве экспортного фонда в распоряжение Народного комиссариата по внешней торговле. В настоящий момент наши органы стоят перед задачей расширения функций и своих органов не только для выполнения задач, которые поставила перед нами заготовка сырья для внутреннего производства, но точно так же и для выполнения тех задач, которые ставит в настоящий момент международная конъюнктура и возможность вступления в экономические отношения с внешним миром. Ближайшее будущее покажет, в какой широкой степени и мере откроется перед нами внешний рынок и насколько будут серьезны предложения с той стороны границы Советской России, и в зависимости от этого будет определяться и то количество сырья, которое мы сможем вывозить на внешний рынок.

III. *Топливо.*

Одним из самых больных вопросов нашей экономической жизни является вопрос о топливе. Враги Советской России, как внутренние — в лице контрреволюционной буржуазии, так и внешние — в лице империалистов Запада, стремились подорвать нашу экономическую жизнь прежде всего путем лишения нас топливных ресурсов. В течение последних 2 лет наиболее важные топливные районы — Донецкий бассейн, Кавказ, Сибирь, — снабжавшие нашу промышленность углем и нефтью, переходили из рук в руки, и наша промышленность оставалась на продолжительное время лишенной самых необходимейших источников топлива. Если мы обратимся к цифровым данным по заготовке топлива, то мы увидим нижеследующую картину добычи топлива за 1918/19 и первую половину 1920 г.

Добыча топлива

Виды топлива	1918 г. тыс. тонн	1919 г. тыс. тонн	1920 г. (6 мес.) тыс. тонн
1. Уголь	—	—	—
Подмосковн. район	393	425,9	229,3
Урал (В те периоды, когда были в руках советской власти)	1 523	376,7	278,4
Сибирь (В те периоды, когда были в руках советской власти)		—	278,4
Донецкий бассейн	—	—	1 113,9
Всего . .	1 916	802,6	1 900
2. Нефть.	—	—	—
Бакинский район	3 243	Занят белогвардейцами	6 552,4 (доб. и зап.
3. Торф.	950	1 097,5	1 310,5
	Сезон 1918/19 г.		Сезон 1919/20 г.
4. Дрова	38,8 млн. *куб. м*	—	106,8 млн. *куб. м*

Из этих данных мы видим, что в тех районах, которые оставались в нашем распоряжении, добыча топлива повышалась из года в год. Правда, мы вынуждены были все более и более переходить

на древесное топливо и переделывать наши топки в паровозах и на фабриках и заводах, приспособленных под нефть и уголь. В настоящее время, с присоединением Донецкого бассейна и Кавказа, перспективы в смысле снабжения топливом значительно расширяются. В настоящий момент нефть из Баку уже двинулась вверх по Волге, вывезено около 0,24 млн. *т*, и в дальнейшем мы предполагаем полностью использовать запасы, имеющиеся в Баку, Грозном, Эмбе и других местах, и увеличить добычу нефти. Всего предполагаем вывезти 1,96 млн. *т* нефти.

То же самое приходится сказать и о Донецком бассейне, откуда в месяц, в 1920 г., вывозится от 196,5 тыс. *т* до 278 тыс. *т* угля и где, несмотря на крайне тяжелые условия, которые создались благодаря бывшему захвату Деникиным Донецкого бассейна и разрушениям, произведенным там казаками, добыча угля достигает 327,6 тыс. *т* в месяц. Топливо является хлебом для промышленности, наши враги хотели ее лишить этого хлеба и взять топливным голодом. Победы Красной армии разбили контрреволюционные надежды.]

Все топливо поступает в распоряжение Главного топливного комитета ВСНХ (Главтоп), который определяет, согласно производственным планам, план распределения топлива по отдельным группам потребителей на каждый месяц. Согласно планам распределения топлива (утверждаемым также президиумом ВСНХ) отдельные потребители получают по нарядам причитающееся им количество топлива. Так, в 1919 г. было израсходовано всего топлива (в переводе на уголь) 12,58 млн. *т*, в 1920 г. израсходовано всего 24,57 млн. *т*.

IV Производство.

Основной задачей советской власти в области производства являлось прежде всего приостановить сокращение производства и упадок производительности, которые явились результатом всех выше рассмотренных тяжелых условий, в которых находилась Советская Россия. Основным лозунгом нашим было организовать производство и поднять производительность труда. Произведенная в широком масштабе национализация предприятий и возможность концентрации производства, точно так же как и возможность централизованного распределения топлива и сырья, дали возможность в известной степени достичь указанных целей если и не во всем масштабе народного хозяйства, то в отношении самых главнейших его сторон.

Таким образом, если мы обратимся к основным отраслям промышленности, то мы, наряду с сократившимся числом рабочих и предприятий, все же увидим, что ни в одной из отраслей промышленности жизнь не замерла и производство продолжалось.

Обращаясь же к отдельным отраслям промышленности, мы видим, что в некоторых из них, где налицо было и топливо и сырье, производство стояло довольно прочно на своих ногах. Мы не можем сейчас сообщить данных о нашей военной промышленности, на которую было обращено особое внимание и которая была поставлена в особенно благоприятные условия в смысле снабжения ее необходимыми материалами, топливом и сырьем, точно так же как и продовольствием занятых в ней рабочих. Можно только сказать, что в ней на целом ряде предприятий производительность достигла того размера, который существовал в довоенное время, на некоторых же предприятиях производство шагнуло даже дальше. Мы остановимся хотя бы вкратце на отдельных отраслях промышленности.

Обратимся к таким основным отраслям промышленности, как текстильная, машиностроительная и электро-техническая.

Текстильная промышленность. В текстильной промышленности приходится различать две группы предприятий:

а) Хлопчатобумажные предприятия, куда хлопок доставлялся главным образом из Туркестана, а некоторые сорта всегда доставлялись из-за границы (напр. египетский хлопок) и

б) предприятия льняной и шерстяной промышленности, которые обслуживались сырьем, получаемым Советской Россией.

Вследствие того, что Туркестан был в течение долгого времени отрезан от России и хлопок оттуда не поступал, хлопчатобумажные фабрики Советской России жили на остатки хлопка, вследствие чего они работали в половинном размере, на них сократилось значительное количество рабочих веретен и выпуск тканей. Все же в течение 1919 г. нами было выпущено всего 153,6 млн. *м* тканей. Как только были разбиты Колчак и Дутов и открылась дорога в Туркестан, сообщение было немедленно восстановлено, и хлопок двинут из Туркестана в Советскую Россию. Из таблицы о сырье можно видеть, что всего хлопка имеется в Туркестане до 0,13 млн. *т*. Из этого хлопка до 11,46 тыс. *т* уже поступило в центральную полосу Советской России на хлопчатобумажные фабрики. В течение 1920 г. было выработано 161,69 млн. *м* тканей. Гораздо лучше дело обстояло с льняной и шерстяной промышленностью вследствие того, что сырье, заготовленное Советской Россией, давало возможность в значительной степени обес-

печить производство этих отраслей промышленности. В настоящее время в льняной промышленности будет работать до 75% всего количества предприятий, а в шерстяной — до 80% всего количества предприятий.

Рабочие, которые не используются в текстильной промышленности в настоящее время, двинуты на другие работы.

Металлургическая и машиностроительная промышленность. В области металлургической и машиностроительной промышленности дело обстоит так же трудно благодаря тому, что главнейшие районы, где имеется металл, — Урал и др.,— находились все время в сфере гражданской войны, вследствие чего предприятия машиностроительной промышленности, расположенные в центре Советской России, работали в сущности на старые запасы металла. В течение 1918/19 г. мы располагали старыми запасами металла до 1,14 млн. *т* в круглых цифрах. В настоящее время, с присоединением Урала и Юга России, вполне естественно, наша металлургическая и машиностроительная промышленность получит значительное подкрепление и улучшение в смысле снабжения необходимыми материалами. В 1919 г. заводами ВСНХ было выпущено новых паровозов 94, капитального ремонта — 80, точно так же новых вагонов— 1 639, отремонтированных — 2 221. В 1920 году мы рассчитываем выпустить новых паровозов среднего и капитального ремонта до 600 до 1 января 1920 года. Текущий ремонт производится мастерскими НКПС, и там выпуск будет равняться 3 400 паровозов до 1 января 1920 г.

Все это время сельскохозяйственные машины и орудия, которыми снабжалось сельское хозяйство, были исключительно нашего внутреннего производства. В довоенное время 50% всего потребляемого количества сельскохозяйственных машин и орудий ввозилось в Россию из-за границы. В настоящее время мы можем удовлетворять спрос исключительно только за счет внутреннего производства. На главнейшие сельскохозяйственные орудия и машины мы удовлетворили этот спрос до 25% всей потребности. Всего в 1919 г. было произведено сельскохозяйственных орудий: плугов — 157 тыс. штук, борон — 11 тыс. штук, уборочных машин — 12 тыс. штук. Вместе с тем следует указать, что в области машиностроительной нами был пущен в ход ряд новых предприятий, как, например, большой паровозостроительный завод в г. Подольске, пущенный исключительно нами, так же как и военный завод в Симбирске.

Электро-техническая промышленность. В области электро-технической промышленности особенно тяжело

сказалось влияние блокады. Электро-техническая промышленность России и до войны и в течение войны в значительной степени питалась материалами и необходимыми для электро-технической промышленности машинами из-за границы. После Октябрьской революции, когда советская власть приступила к управлению, в области электро-технической промышленности особенно ярко встала картина, каким образом западно-европейские капиталисты подчинили себе известные отрасли народного хозяйства. С несомненностью выяснилось, что крупнейшие электро-технические заводы в России (напр. Сименс-Шукерт и др.) получали основные материалы от своих заграничных предприятий, где происходило основное производство, в России же происходили лишь сборка и производство второстепенных принадлежностей в электро-технической промышленности; вследствие этого в области электро-технической промышленности для советской власти встала задача наладить собственное производство целого ряда необходимых и важнейших материалов. Разрешение этой задачи облегчалось благодаря тому, что Россия имеет ряд выдающихся знатоков и специалистов в области электро-технической промышленности. Создание электро-технического треста и объединение разного рода предприятий, ранее конкурировавших между собой, дали возможность, путем целого ряда комбинаций, выполнения работ, каковые раньше не производились. Таким образом в 1919 г. было произведено 32 000 электрических машин и трансформаторов, 50 000 аккумуляторов и 220 000 ламп накаливания. Но особенное внимание нами было обращено на проведение в широких размерах электрификации разных районов. Перед ВСНХ с несомненностью стоял вопрос о том, что не только Россия, но и вообще все мировое хозяйство вступает в ту эпоху, когда электричество будет являться основным двигателем и световой энергией, а потому и задачи электрификации станут одними из самых серьезных и важнейших и потребуют быстрейшего разрешения. В этом отношении Россия отставала и отстала в значительной степени от западно-европейских стран, и потому в этой области нам предстоит сильнейшее напряжение сил для того, чтобы встать хотя бы в тот уровень, какой имеется в Западной Европе. ВСНХ была создана специальная комиссия по электрификации России, разработавшая подробный план, рассчитанный на проведение электрификации в главнейших районах на 10 лет, и к выполнению этого плана в настоящее время приступлено. Следует отметить, что вопросы электрификации являются для нас не только вопросами теории и планов, но вопросами повседневной деятельности. В те-

чение этого времени заканчивается постройка двух больших районных электрических станций, одна — так называемая Каширская, а другая — Шатурская, с помощью которых производится электрификация всего Центрального района; и первая и вторая отстоят от Москвы приблизительно в 100 километрах. Шатурская станция уже постройкой закончена и передает уже электрическую энергию, — и на том месте, где недавно были болота и лес, в течение одного года создан значительный рабочий поселок, в котором живет уже до 12 тыс. рабочих, работают мастерские и работает электрическая станция. Шатурская станция работает на торфе, который добывается из здесь же лежащего громадного торфяного болота. Каширская станция, начало постройки которой было заложено в ноябре 1919 г., рассчитана на 60 тыс. киловатт-часов в сутки.

Делегации западно-европейских товарищей вместе с представителями ВСНХ посетили эти станции и лично могли убедиться в произведенных громадных работах.

Кроме того, производится электрификация, в известной части законченная, подмосковного угольного бассейна. Приступлено к постройке большой электрической станции на Урале, куда уже переброшена бывшая Ораниенбаумская электрическая станция, бывшая под Петроградом. Насколько велик был недостаток материалов, необходимых для оборудования этих станций, видно из того, что нам пришлось использовать известную часть материалов, взятых с бездействующих броненосцев и миноносцев, и приспособить их для оборудования станций. Вместе с тем советская власть старалась широко поставить введение применения электричества в области сельскохозяйственной путем установки мелких станций в советских хозяйствах, расширения сети от действующих электрических станций на крестьянские села в целях освещения деревень и проведения электрической энергии для вспахивания полей с помощью электрических плугов (как, например, на большой электрической станции под Москвой — «Электро-передача»). В области электро-технической промышленности перед нами стоят необъятные задачи в полном смысле этого слова, и здесь сношения с Западной Европой и получение оттуда необходимых для ее развития ресурсов могли бы иметь колоссальное значение.

П о с т р о й к и. Советская власть, как это мы видели по предыдущим примерам, не только утилизировала то, что имелось, но и сама воздвигала и строила, несмотря на необычайно тяжелые условия, в которых приходилось работать. Мы не можем подробно остано-

виться на том, что было построено в течение последних $2^1/_2$ лет, укажем только на главнейшее. В области железнодорожного строительства ВСНХ в 1918 г. количество строящихся линий и ветвей достигало 55, сосредоточенных в 38 строительных управлениях ВСНХ. Общее протяжение всех этих линий — 10 480 *км*, из коих в течение 1918 г. были сданы в эксплоатацию 399 *км*, открыто временное движение на 1 476 *км*, исполнено работ от 40 до $90^0/_0$ на 7 862 *км*. Приступлено к заготовке материалов на 642 *км*. В 1919 г. в постройке было всего 7 642 *км*, из них сданы в эксплоатацию 1 458 *км*, сделано работ от 20 до $90^0/_0$ на 7 426 *км*, кроме того 2 738 *км* было подготовлено для производства на них работ. В результате за 2 года было сдано в эксплоатацию железных дорог 1 838 *км*.

Шоссейных дорог в 1918 г. было отремонтировано свыше 1 813 *км*, малых мостов отремонтировано около 17 500 *пог. м*; в 1919 г. было выполнено ремонта дорожного свыше 1 066 *км*; малых мостов, из находящихся в работе 34 717 *пог. м*, исполнено $24^0/_0$ и по большим мостам, из находившихся в постройке 10 668 *пог. м*, исполнено $36^0/_0$.

Таким образом мы видим, что, несмотря на тяжелые условия, строительство наше не только не приостановилось в эти годы, но даже развивается.

Мы уже говорили в предыдущих страницах, что на наших фабриках и заводах занято в настоящее время до 1 млн. рабочих. В области рабочей силы мы несомненно испытываем серьезный недостаток в квалифицированных рабочих. Народный комиссариат просвещения обратил серьезное внимание на профессиональное образование, но результаты этого могут сказаться лишь по истечении известного времени. Некоторой помощью явится для нас в этом отношении приток заграничных товарищей, едущих к нам работать. В настоящее время мы уже в области производства подошли к той ступени, когда можем вести его согласно определенному плану, который не является теперь только бумажным планом, но проводится в жизнь и реализуется определенным количеством производимых продуктов.

Заключение.

В переживаемую нами эпоху мировое экономическое положение характеризуется прежде всего распадом международных капиталистических отношений.

Окончание империалистической войны, как и можно было ожидать, не только не разрешило ни одного противоречия, порожденного капи-

тализмом, но породило ряд новых более глубоких и сложных противоречий.

Экономический кризис охватил в настоящее время почти все капиталистические страны.

Отсутствие, с одной стороны, рынков сбыта, недостаток основных элементов производства — сырья и топлива, с другой — рост безработицы, финансовый крах и вместе с этим необычайно развитый ажиотаж, разнузданное, циничное хищничество — таковы черты настоящего капиталистических стран, и не только стран побежденных, но и стран-победительниц.

Классовая борьба обострилась до последней степени. У господствующего капиталистического класса самых различных стран Западной Европы и Америки выпадает из рук руль управления, и их экономическая политика представляет картину крайней неустойчивости и нерешительности, чему не только не противоречат отдельные акты жестокости и хищничества, но даже еще рельефнее и ярче подчеркивают их. Одни группы капиталистов стараются восстановить порванные связи, наладить товарообмен, экономические отношения, думая получить устойчивость; другие в порывах охватившей их хищнической жадности пускаются на всяческие авантюры политического и экономического характера, разрушая работу первых, — все это горит в атмосфере взаимной конкуренции, борьбы и недоверия. Капиталистический строй разрушается в самых основах.

Таковы те общие международные условия, в каких приходится жить, бороться и строить свою работу представительнице нового социалистического строя — *Советской России*.

Ее хозяйство, построенное на новых началах, как мы видим, далеко еще не окрепло. Его всячески старались ослабить его враги, но что ценно в нем, чем оно отличается от хозяйства капиталистических стран — это тем, что в нем достигается *единство*.

Система эта страдает еще многими и многими недостатками, но основа ее прочна — *сознательный, организованный труд и рабочий класс, сам управляющий своим хозяйством*.

5. БЛОКАДА.

Мировой капитал хотел задушить Советскую Россию *тремя способами*.

Первые два способа — военные силы союзников и натравливание так называемых малых народностей (финнов, поляков, эстонцев)—

были испробованы и оказались негодными. Тов. Ленин на Всероссийском съезде советов подробно остановился на этих двух способах и показал, почему должны были разложиться антантовские армии, коснувшись революционной почвы Советской России, и как малые народности постепенно приходят к убеждению, что необходимо перестать быть на побегушках у больших хищников и страдать за это.

Но остается третий способ — блокада.

Антанта старается отрезать Советскую Россию от всего мира. Ее миноносцы и крейсера не пропускают ни одного парохода в гавани Советской России. Ллойд-Джордж, Клемансо и К° рассчитывают, лишив Советскую Россию подвоза, возможности товарообмена, погубить ее, задушить экономически, уморить ее голодом, заморозить, отняв топливо.

Любая капиталистическая страна, будучи изолированной, не могла бы долго держаться. Если народное хозяйство построено на капиталистических началах, то товарообмен, рынок, приток капитала играют громадную первенствующую роль. Будучи лишено всего этого, капиталистическое хозяйство любой страны задохнется.

Но если народное хозяйство строится на коммунистических началах, когда вместо конкуренции, борьбы капиталов существует централизованная система производства распределения, тогда блокада не может победить.

В Советской России, несмотря на те условия, в каких складывалась организация народного хозяйства, народное хозяйство существует уже как единое организованное целое. Заготовка сырья, производство, распределение организованы в общем масштабе. Конечно, существует масса несовершенств и делается куча ошибок. Но факт остается фактом — народное хозяйство охвачено целиком советским аппаратом управления: Высшим советом народного хозяйства. И практика показывает, что экономически нас задушить так же нельзя, как военной силой.

Больше того, многое из того, что раньше ввозилось к нам из-за границы, мы начинаем организовывать и производить сами. Укажу, например, на производство изоляторов в электро-технической промышленности, бумажных сеток, заводское производство пил и целого ряда химических продуктов. Когда откроются границы — во многом, что обычно шло оттуда, мы нуждаться не будем.

Блокада тяжело отзывается и на хозяйстве тех стран, которые объявили ее.

Они лишают сами себя того сырья, какое заготовлено в Советской России и могло бы быть пущено для товарообмена.

У нас в настоящее время заготовлено столько льна, что мы половину (30—50 тыс. *т*) могли бы вывезти.

То же самое с мехом, платиной и тому подобным. Даже буржуазные круги Англии, Америки, Швеции и других стран приходят к убеждению бессмысленности, вредности и никчемности блокады.

Рабочий же класс Западной Европы и Америки в своих выступлениях одним боевым лозунгом провозглашает: «Долой блокаду Советской России!» Таким образом этот способ удушения, пущенный в ход хищниками империализма, оказывается неспособным для победы над Советской Россией.

6. МОБИЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Работа по усилению обслуживания народным хозяйством и экономическими органами нужд Красной армии и по удовлетворению тех нужд, которые связаны вообще с ведением гражданской войны, ВСНХ начата сравнительно уже давно.

Вначале, после переворота в области экономической политики, нами был принят курс на мобилизацию промышленности и на обслуживание главным образом нужд населения. В это время сопротивление буржуазии в России было основательно сломлено и поэтому после ликвидации империалистической войны советской властью мы перешли к переводу всего нашего экономического аппарата и экономической деятельности на мирные рельсы. Но то наступление, которое повел на Советскую Россию международный капитал, оказавший деятельную поддержку нашей русской буржуазии, привело к новому обострению гражданской войны и потребовало большего притока сил и средств на оборону пролетарской власти в России.

В соответствии с изменившимися условиями пришлось менять и нашу экономическую политику. Пришлось опять произвести мобилизацию нашей промышленности, целый ряд ее отраслей перевести почти исключительно на обслуживание военных потребностей. Страна была превращена в военный лагерь и в этом военном лагере на первой очереди, на первом плане стояли задачи обороны Советской России от наступающих врагов. Обслуживание это требовало как поворота в области производства, так и изменения в области экономического управления.

Процесс перехода на военное положение нашей промышленности и экономического управления совершался постепенно. Сначала произошел переход в области производства: заводы и металлургической и машиностроительной промышленности, также кожевенной, текстильной, химической свое главное внимание и силы уделяли главным образом выработке тех продуктов, которые были необходимы для войны. Но в области управления и приспособления органов экономического управления к выполнению боевых задач процесс протекал значительно более медленно и непланомерно.

Однако в последнее время вопрос этот выступил остро и определенно. Президиумом ВСНХ было созвано по этому поводу особое совещание, которое избрало ряд комиссий, давши им определенные практические задания по выработке мер, долженствующих привести как к изменению внутренней конструкции экономических органов, так и к большей ответственности и рабочих и служащих в деле выполнения поставленных им заданий.

Главные из них заключаются в следующем: во-первых, производится пересмотр производственных программ всех наших главков и центров в том направлении, чтобы усилить производительную деятельность на оборону; во-вторых, необходимо поднять самодисциплину рабочих масс и принять меры к усилению ответственности служащих за выполняемые ими работы.

С этой целью в согласии с Всероссийским советом профессиональных союзов выработан проект декрета: при отделах народных комиссариатов труда как губернских, так и уездных, создаются особые суды с участием трех человек: одного — от комиссариата труда, одного — от соответствующего профессионального союза и одного от соответствующего предприятия. Эти суды должны рассматривать дела, связанные с нарушением рабочей дисциплины, с нарушением тарифов, с нарушением внутреннего распорядка на фабриках и заводах, одним словом — следить за всем тем, что ведет к понижению производительности в предприятиях. Эти суды имеют право налагать на виновных наказания, начиная от выговора и кончая осуждением на тяжелые общественные работы и заключением в концентрационные лагери.

Эти меры вызываются необходимостью поднять дисциплину и повысить ответственность в настоящий крайне ответственный исторический момент. Конечно, этим не вводится еще военный порядок и военная, в ужасном смысле этого слова, ответственность наших

предприятий, но, несомненно, в факте этих судов получается отражение военного положения.

В отношении служащих — инженеров, управляющих, заведующих отделами и т. д. — ответственность еще более повышена. В отношении к ним предполагается применять не только суды, но и право административных взысканий. По этому проекту членам президиума или лицам, уполномоченным на то, будет предоставлено право строго взыскивать, вплоть до арестов и заключения в концентрационные лагери, виновных в нераспорядительности, волоките, в скрытом или явном саботаже.

Следующая мера заключается в пересмотре внутренней конструкции наших экономических органов в смысле их большей эластичности и большего упрощения самого механизма. Особые комиссии уже наметили проект сокращения целого ряда отделов или отдельных частей отделов, не выполняющих непосредственно практические задания и работы, связанные с задачами обороны.

Наконец, особая комиссия вырабатывает проект особого финансирования, более быстрого, на те заказы, которые выполняются для военного ведомства. В связи с этим точно так же рассматривается вопрос о возможности улучшения продовольствия и связи продовольствия с производительностью рабочих масс.

Таковы меры, которые в настоящее время намечаются.

В данном случае получается известного рода подтяжка всего экономического аппарата и усиление его деятельности для выполнения боевых задач.

Необходимо указать, что наилучшее выполнение обслуживания нужд Красной армии может произойти только таким путем перевода всего аппарата на большее обслуживание вышеуказанных нужд, но никак не отрыванием и не отделением отдельных частей из экономического аппарата и передачей их в какое-либо другое ведомство, в том числе и военное. Как показал опыт, оторванные от общего механизма части обычно работали несравненно хуже, чем когда они связаны с общей экономической системой. Некоторые товарищи предполагали, что можно было бы для усиления деятельности выделить некоторые отделы ВСНХ и передать их в военное ведомство, но в таком случае, будучи оторванными от органов производства и от непосредственной связи с производством, они стали бы над экономическим механизмом, являлись бы в отношении экономической жизни инородным телом и вместо улучшения вносили бы только расстройство и дезорганизацию в налаженный ход деятельности.

За последнее время, к сожалению, много увлекаются прожектерством и пересаживанием организаций с одного места на другое. Всякое такое пересаживание, связанное с передачей дела новым людям, незнакомым с ним, связанное с неизбежной ломкой установившихся отношений, ведет только к расстройству и задержке в выполнении необходимых экономических заданий.

Такое стремление к «независимости» от общей экономической машины, несомненно, вредно и тем, что неизбежно порождает особый чиновничий дух в таких учреждениях.

Высший совет народного хозяйства связан органически и непосредственно с профессиональными союзами, с рабочими массами, чего нельзя сказать про экономические учреждения, которые находятся в других ведомствах. Таким образом передача отдельных частей вела бы к разрыву их с рабочими массами и с рабочими организациями. Поэтому не только ВСНХ решительно высказывается против вредной системы отрывания отдельных частей, но также и профессиональные союзы.

Переводя всю экономическую систему на обслуживание военных нужд, переводя ее на военную ногу и со стороны внутренней ее организации и управления, мы вместе с тем не можем и не должны забывать того основного правила, что обслуживание военных нужд может быть прочно только на крепком общем экономическом базисе. Поэтому забывать про нужды тыла, забрасывать вопросы обслуживания экономических нужд широких слоев населения, забывать об общем экономическом положении и о дальнейшем развитии производительных сил, было бы легкомыслием. Усиление обслуживания военных нужд должно быть неразрывно связано и с усилением общего экономического нашего положения. Конечно, это — задача страшной трудности.

Те объективные условия, в которых развивается наша экономическая деятельность, не дают нам возможности провести какие-либо радикальные меры, которые дали бы быстрые результаты в смысле улучшения, но все же упорная, методическая и планомерная деятельность в этом направлении должна нами проводиться.

Наша экономическая политика была и остается направленной главным образом на развитие производительных сил и поднятие производства. Для этого мы должны улучшить и пересоздать наш экономический аппарат в смысле поднятия ответственности его, быстроты его действия и большей сознательности в выполнении тех задач, которые стоят перед нами.

7. ЗЛОБОДНЕВНЫЙ ВОПРОС.

Вопросы организации управления, как мне уже приходилось указывать на страницах «Экономической жизни», являются в настоящее время наиболее животрепещущими.

В центре деятельности VII Съезда советов стояли именно вопросы организационные и немало внимания было посвящено как раз вопросам экономической организации и взаимоотношений между местными и центральными экономическими органами.

Вопросы организации управления в области экономической в настоящее время распадаются на 3 части. Во-первых, вопросы взаимоотношений между центральными органами, ведающими те или иные стороны нашей экономической деятельности; во-вторых — система управления, коллегиальная или единоличная.

После двух лет экономической деятельности линия, намеченная с самого начала в сторону объединения всего народного хозяйства под общим управлением, находит все больше и больше оправданий в практике повседневной экономической деятельности.

Правда, наследие прошлого оставило нам разрозненные, изолированные друг от друга ведомства, связать которые очень трудно. Вопросы сельского хозяйства управлялись совершенно изолированно от вопросов промышленности; продовольствие отделено от транспорта и производства продуктов; управление финансами так же было независимо.

К сожалению, в самом начале нам нельзя было слить управление всей экономической деятельности. Для этого не было у нас ни сил ни средств. Только в практике и в повседневной работе возможно было создавать те общие органы и аппараты, которые постепенно стягивали и включали разнообразные и разнородные органы экономического управления в объединенные, согласованные аппараты.

Высший совет народного хозяйства по своему замыслу должен был явиться объединителем и руководителем всей экономической деятельности страны, но в самом же начале было совершенно ясно, что ВСНХ не должен превращаться только в совещание представителей различных ведомств: он должен взять в свои руки управление экономической деятельностью и постепенно уничтожить ту ведомственную изолированность, которая нам осталась в наследство от буржуазного строя.

Поэтому ВСНХ с самого же начала поставил свои вполне определенные и конкретные задачи, каковые и выполнил в течение своей

двухлетней работы; именно — организация, в первую очередь, управления национализированной промышленностью и постепенное втягивание отдельных экономических аппаратов, пересоздание их на новых началах и создание единого управляющего экономического аппарата.

Вторая задача, которую выполнил ВСНХ, — это создание всего экономического управления на основе производственных профессиональных рабочих союзов как в центре, так и на местах. Такова была общая политика в области организации экономического управления.

На этом пути приходилось преодолевать громадные трудности, порождаемые междуведомственными трениями, инертностью и консерватизмом определенных форм организации, саботажем, и т. п. Тем не менее в течение двух лет удалось создать объединенные экономические организации, охватывающие самые различные стороны нашей экономической деятельности не только в области узко-промышленной и сельскохозяйственной, но и в области строительной и оказания своего постоянного влияния на транспорт и на распределение.

В настоящее время практика привела нас к необходимости создания более тесного взаимодействия и согласованности в работе между ВСНХ и отдельными экономическими комиссариатами. Правда, осуществить это мы сможем не сразу, а лишь постепенно, шаг за шагом.

В сущности II съезд советов народного хозяйства вынес вполне определенную резолюцию о слиянии всех экономических комиссариатов в ВСНХ.

Лично я на съезде возражал против подобной категорической формулировки, указывая, что практически сразу объединить все экономические комиссариаты в ВСНХ мы не будем в состоянии. Практика показала правильность данного положения.

Однако в настоящее время вопросы о слиянии управления промышленностью и сельским хозяйством, а также более тесное взаимодействие между деятельностью в области транспорта и в области общего экономического управления вполне созрели, и на этом пути президиум ВСНХ намечает определенные конкретные шаги.

Второй вопрос — это вопрос о взаимоотношении с местами. На VII Съезде советов этот вопрос являлся одним из центральных вопросов.

Вначале, после переворота, когда еще не было общего государственного аппарата управления, создалось необычайно развитое

местничество в стремлении скорее наладить и написать новые экономические формы деятельности и управления на местах; создавались совершенно изолированно друг от друга экономические органы, развивался в необычайно сильной степени сепаратизм, создались чуть ли не таможенные границы между отдельными губерниями и областями. Однако сразу же было видно, что территориальные признаки не могут служить базой для организации экономического управления. Единственно серьезной основой в деле организации экономического управления могли явиться только профессиональные союзы, которые к этому времени уже были централизованы.

Организацию экономического управления необходимо было строить на твердой основе по производствам, делая стержнем этой организации производственные профессиональные союзы. На этой основе и были созданы вся экономическая система и весь аппарат управления. Больше того, сепаратизм отдельных мест под влиянием профессиональных союзов, конференций, съездов был в скорейшем времени почти совершенно изжит на всем пространстве Советской республики. Создалась объединенная система управления. Отдельная изолированность мест была преодолена. Конечно, не приходится упускать из виду, что при наших средствах передвижения и почтовых сношений, при нашем личном составе всякого рода буржуазных специалистов неизбежно эта система должна таить в себе немало отрицательных, темных сторон. Бюрократизм, медленность в передвижении, недостаточная внимательность к местным требованиям и нуждам, старые буржуазные замашки всякого рода старых специалистов — все это вызывало и будет вызывать немало нареканий и трений.

Но избегнуть этого можно опять-таки не путем разделения на отдельные области или на отдельные губернии с изолированными, необъединенными аппаратами управления, а, наоборот — дальнейшим улучшением созданного аппарата управления.

Централизация, проводимая нами, диктуется объективными условиями экономической деятельности, необходимостью трестирования промышленности, экономией в распределении топлива и сырья, в распределении рабочей силы, в самом факте существования централизованных профессиональных организаций рабочих — живой основы для нашего аппарата экономического управления.

Само собою разумеется, что централизованную систему нельзя себе представить в форме бюрократической, чиновничьей организации, оторванной от мест. Напротив, эта система может быть живой

и крепкой, только основываясь на местных организациях, самодеятельности, инициативе и тесной, непосредственной, постоянной связи и совместной деятельности с ними. Установить систему отношений, конечно, удается не сразу — не одним ударом, не одним взмахом, не одним каким-либо распоряжением. Такое единство может быть создано только упорной, постоянной совместной деятельностью.

Было бы несомненной ошибкой перегибать палку в другую сторону и — в нетерпеливом порыве немедленно исправить замеченные недостатки — разрушить общую налаженную систему экономического управления.

Съезд советов указал общее направление и необходимость тесного объединения с местными органами, и нашей задачей является выработка конкретной формы системы взаимоотношений между местами и центром таким образом, чтобы не страдала ни местная самодеятельность, ни единство управления народным хозяйством.

Третий вопрос — это вопрос о коллегиальности и единоличности. На этом вопросе мне уже приходилось не раз останавливаться.

Приходится признать, что представление о коллегиальности является у многих товарищей спутанным и неверным; коллегиальное управление они представляют себе коллегией в несколько человек, постоянно заседающей, обсуждающей, а выполнение всех принятых решений возлагается на каких-то заведующих, специалистов и т. д. Подобное представление в настоящее время абсолютно неверное. В настоящее время вся экономическая система управления, построенная на коллегиальном начале, прежде всего предполагает незначительное число членов коллегии и исключительно делового характера, т. е. каждый член коллегии обязательно управляет, заведует и несет ответственность за какую-либо сторону экономической деятельности. Один член коллегии ведает финансами, другой — заготовкой сырья, третий — административным управлением фабрики или завода, и такая тройка, собираясь и решая вопрос вместе, ясно, будет в деловом отношении выше и лучше, чем какой-либо один заведующий всем сложным делом и управлением той или иной отрасли промышленности.

В сущности говоря, в процессе развития, усовершенствования, увеличения количества наших товарищей-специалистов вопросы коллегиальности и единоличности потеряют свою остроту и значение в будущем. Коллегии должны быть деловыми, коллегии должны быть

узкими, каждый член коллегии должен нести полную личную ответственность.

Таковы основные задачи, которые встают в настоящий момент в области организационной, и таковы те решения, которые, по нашему мнению, диктуются объективным положением практики настоящего времени и опытами прошлого.

8. ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

I. Изменение общих условий.

Центром внимания VIII Всероссийского съезда советов являются хозяйственные вопросы.

Достаточно бросить беглый взгляд на порядок дня, чтобы видеть это. И это вполне понятно. После разгрома Врангеля мы вступаем в новую полосу нашей жизни: больше сил, средств, внимания можем мы уделить вопросам «мирной» жизни и, в первую очередь, раньше всего, конечно, вопросам экономическим. Недаром же экономика — основа общественного развития. Окружающая обстановка и в том числе условия для хозяйственной жизни определенно изменились.

В чем заключаются эти изменения и каковы те практические задачи и меры, которые встают перед нами в ближайшем будущем? Что должны мы предпринять для улучшения и дальнейшего развития нашей хозяйственной жизни?

Победа над Врангелем, которая представляет разрушение последней для данного периода реакционной крепости, дает возможность для нас не только передышки, но, по выражению т. Ленина, «мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано», и открывает перед нами следующее:

1. Значительную переброску живых сил (рабочих, техников, организаторов) из военной области в хозяйственную.

2. Изменение плана распределения материальных средств, переброски их на обслуживание гражданского населения и хозяйственных нужд, а также изменение до известной степени (какой, мы скажем после) производственных программ.

3. Изменение международного положения Советской России и развивающиеся возможности более широких экономических отношений с другими странами, благодаря чему перед нами встают и новые экономические задачи в производстве.

В течение трех лет центром нашей жизни была война. Красная армия боролась за существование и безопасность Советской России, и, естественно, все силы и средства должны были быть брошены на эту борьбу.

Хозяйственная наша жизнь была лицом обращена также на эту борьбу. Во имя выполнения боевых задач отодвинулось все на задний план, ломались все производственные программы и планы.

Кстати сказать, многие забывают это обстоятельство, когда трактуют о хозяйственном плане, ставя вопрос о нем абстрактно «мирно».

Наступил ли теперь момент, когда мы можем перейти от «военного характера» нашего хозяйства, производства и распределения к «мирному»? Ответ в общей форме может быть только один: «отнюдь нет».

«Правда» была права в одной из своих передовых статей, когда указывала, что рано еще перековывать мечи на серпы и косы. Действительно, опыт трех лет должен нас убедить, что враги Советской России готовы каждую минуту воспользоваться хотя бы временным ее ослаблением, чтобы напасть на нее. Опыт нас учит, что мы должны быть готовы всегда к отпору, а для этого мы должны быть всегда во всеоружии.

Заключивши тяжелый Брестский мир, мы полагали, что можем сразу повернуть на мирный путь. Расчет оказался ошибочный. В скором времени мы имели Колчака. Разгромив Колчака, мы думали опять о мирном труде — помешал Деникин. Разбив Деникина, Юденича, заключив мир с Эстонией, вступив в мирные переговоры с Финляндией, многие думали в начале 1919 г. (см. постановления и доклады на IX съезде РКП), что можно решительно сделать поворот от войны к мирному строительству и превратить красноармейцев в трудармейцев. На самом деле война с Польшей и с Врангелем взяла новые силы и новые средства. Действительно, пока не сломлен мировой капитал, думать, что мы сможем мирно жить и трудиться — наивная утопия.

Только тогда, когда наши враги будут знать, что каждое их нападение, каждый шаг к нападению, каждая подготовка к нему встретят с нашей стороны немедленный отпор, только тогда они оставят нас более или менее (лучше выражаться осторожно) в покое.

Отсюда вполне определенный вывод: мы должны сохранить военный характер нашего хозяйства.

Однако, сохраняя и укрепляя военную нашу силу, мы так должны поставить наши мероприятия, чтобы они давали возможность исполь-

зовать некоторые военные ресурсы и силы для хозяйственной жизни. Нам представляется для ближайшего времени вполне возможным и необходимым следующее:

1) Военное производство отнюдь не сокращая, частично пересмотреть производственные программы в этой области в сторону большей согласованности с общими производственными программами в смысле очередности выполнения заказов и т. д.

2) Пересмотреть снабжение их, в связи с вероятным сокращением численности армии или же сокращением снабжения ее некоторыми предметами, направить освободившуюся таким образом часть материальных благ на нужды рабочих (в смысле продовольствия и т. п.)

3) Сохранить Чусоснабарм, распространив, однако, его деятельность на снабжение рабочих и, в первую очередь, рабочих угольной промышленности, транспорта и металлистов.

4) Произвести немедленную переброску квалифицированных рабочих из армии на фабрики, заводы, рудники, согласно их специальности.

II. Единый хозяйственный план.

Переход на новые рельсы выдвигает одним из важнейших вопросов внесение большей систематичности, планомерности, объединенности в области всей хозяйственной деятельности.

То, что являлось объективно недостижимым в момент разгара военных действий, является сейчас возможным и физически выполнимым.

Из ряда вопросов, связанных с этим, выдвигается вопрос об едином хозяйственном плане.

К сожалению, и к этому вопросу, как и к некоторым другим экономическим вопросам, за последнее время сплошь и рядом подходят с невероятным легкомыслием, полагая, что хозяйственный план — это нечто вроде резолюции, которую можно наспех написать по текущему экономическому моменту. Примером этому может служить недавно помещенная статья т. Литвинова в «Правде» (не следует смешивать этого т. Литвинова с т. М. М. Литвиновым — последний, как известно, умный человек), где он мимоходом и походя разделывается с этим вопросом.

Вопрос этот крайне сложный. Можно прямо сказать, что хозяйственный план в полном и настоящем смысле и значении этого слова может быть создан и проведен лишь в развитом

социалистическом хозяйстве, когда будут иметься налицо все объективные для этого предпосылки в виде единого обобществленного материального базиса и соответствующего аппарата. Но отсюда было бы крайне ошибочно и в корне неверно, близоруко полагать, что о хозяйственом плане только и можно будет говорить и его только и можно будет разрабатывать в развитом коммунистическом обществе.

Хозяйственный план существует, растет и совершенствуется одновременно с развитием нового советского социалистического строя.

Как только была провозглашена диктатура пролетариата, проведена национализация земли, банков, транспорта, предприятий, началось ведение народного хозяйства по плану вместо стихийной игры экономических сил капиталистического строя.

Конечно, этот план был примитивен, несовершенен, не выливался в колонны стройных цифр, но он существовал так же, как существует сейчас, и будет развиваться с поступательным ходом нашего развития.

Распределение советскими центральными органами топлива, сырья, система перевозок, распределение рабочей силы, денежных знаков, — вдвинутые в определенные календарные рамки и связанные с планами удовлетворения соответствующих военных и гражданских потребностей, — разве это не хозяйственный план? А это, повторяем, — существо современной экономической деятельности.

Но, повторяем, этот план разбит по отдельным частям, выполняется в 50%, страдает самыми крупными недостатками, о которых мы скажем ниже.

Таким образом ошибаются те, кто полагает, что хозяйственный план не был и не существует, а его можно немедленно создать, точно так же, как ошибаются и те, кто полагает, что хозяйственный план — это песня будущего, а сейчас о нем можно только мечтать.

Об едином хозяйственном плане особенно сильно заговорили, и появился даже ряд статей (из них отметим крайне интересные статьи т. Варга), начиная с IX партийного съезда, на котором вопрос выпукло был поставлен т. Троцким и была принята особая резолюция, определяющая единый хозяйственный план, но самый вопрос был поставлен вполне определенно, как одна из основных и практических задач, еще II Всероссийским съездом советов народного хозяйства в начале 1919 г.

В резолюции, принятой по экономическому положению России и экономической программе, прямо говорится: п. 3 — «Организация производства на социалистических основах, в силу завершающейся национализации всей промышленности, централизации хозяйственного управления страной в ВСНХ и в местных СНХ, в значительной степени проведенный учет сырья и готовых продуктов, национализированных и взятых на советские склады, — все это дает возможность построения единого хозяйственного плана в 1919 г. и систематического проведения новой программы экономических мероприятий в области сельскохозяйственной промышленности и снабжения».

Таким образом вопрос о систематической разработке единого хозяйственного плана был поставлен почти два года тому назад.

Но до сих пор работа эта не завершена, и для этого имеется ряд объективных причин; существующий хозяйственный план до сих пор, как и в течение этих трех лет, проводится по частям — и в четвертый год мы можем, повидимому, сделать лишь начальные шаги по конкретному объединению распределительных и производственных планов нашего хозяйства — и дает первый цифровой черновой набросок единого хозяйственного плана, пересмотрев ту схему, которая была принята IX съездом.

Но эту работу необходимо сделать как одну из первых работ для упорядочения нашего советского хозяйства в целом.

IX съезд партии постановил, что «основным условием хозяйственного возрождения страны является неуклонное проведение единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую историческую эпоху».

Но те четыре пункта, на которые постановлением съезда разбит хозяйственный план, являются в сущности директивами хозяйственным органам, а не хозяйственным планом в точном смысле этого слова. Вот они: «Хозяйственный план, — говорит резолюция, — распадается на ряд последовательных, друг друга обусловливающих, коренных задач:

а) в первую голову улучшение состояния транспорта, подвоз и образование необходимейших запасов хлеба, топлива и сырья;

б) машиностроение на транспорт и на добычу топлива, сырья и хлеба;

в) усиленное развитие машиностроения на производство продуктов массового потребления;

г) усиленное производство продуктов массового потребления». Подобное постановление, несомненно, имело огромное значение для характера развития и направления нашей экономической деятельности, являлось основой для хозяйственного плана. Параллельно, однако, развивались и другие основные факторы для создания единого хозяйственного плана. Я имею в виду планы распределения, по которым происходит производство, и распределение и программы производства.

Таковы, во-первых, планы заготовки и распределения продуктов Наркомпрода, которые теперь в 60—70% в среднем получают свое выполнение.

ВСНХ имеет плановые заготовки и распределение топлива, которые выполняются от 50 до 80% в среднем (таково положение с выполнением заготовки дров, с добычей угля и торфа, с перевозкой нефти). Несравненно хуже обстоит дело с реальностью программ заготовки сырья и с производственными программами, — тут разница между предположением и осуществлением сплошь и рядом бывает крайне велика, хотя нужно оговориться, что овладевание средствами производства, сырьем, топливом дает возможность более точного построения производственных программ.

Имеются затем планы перевозок по железнодорожным путям, распределение денежных знаков, совершающееся по планам Наркомфина, наконец Наркомзем вырабатывает план сельскохозяйственного производства на 1921 г.

Эти заготовительные, распределительные и производственные планы вдвинуты в определенные календарные рамки.

Мы должны были пройти неизбежно через это многообразие плана, так как без этого мы реально не могли бы подойти к единому хозяйственному плану.

Но в настоящее время мы можем уже, суммируя и обрабатывая имеющийся материал, подойти к увязке, к согласованию отдельных планов между собой и к установлению единого хозяйственного плана и в качестве не только общих директив, а в определенных количественных соотношениях труда, продовольствия и производства, руководствуясь вышеуказанными директивами.

Хозяйственный план, по нашему мнению, мог бы распадаться на две части:

1. Хозяйственный план, если так можно выразиться — максимум, рассчитанный, примерно, лет на пять.

2. Хозяйственный план — минимум, согласованный с нашими производственными возможностями, рассчитанный на ближайшее время, самое большее на год вперед (нечто подобное уже сделано Гоэлро по выработке плана электрификации).

При построении хозяйственного плана мы должны будем подходить прежде всего с точки зрения восстановления и развития живой рабочей силы, т. е. *удовлетворения потребностей потребительского характера*: продовольствия, одежды, обуви и т. п., *для данного — хотя бы приблизительно, твердо установленного — количества: армии, рабочих и крестьян.*

В зависимости от этого пойдет дальше развертывание нашего *производственного плана и транспортного плана*: определение количества предприятий, которые должны работать, распределение топлива, сырья и т. п. Конечно, придется вносить не раз и не два поправки и исправления в ходе самого осуществления, но не ошибается тот, кто ничего не делает.

Этот план, построенный уже *на расчетах*, будет *приблизительным планом*, но он необходим для нашей работы. Он внесет большую ясность, точность и определенность в работы наших органов, в работу даже широких рабочих масс, поскольку с помощью производственной пропаганды он будет ими усвоен.

Какой орган должен произвести эту «увязку» многочисленных распределительных и производственных планов и программ?

Об этом немало было разговоров и писаний в последнее время и немало прожектерства. Основным являлся вопрос: должен ли быть для этого создан новый центральный административный орган, в котором бы слилась административная деятельность всех существующих экономических комиссариатов, или нет?

О необходимости единства экономического аппарата говорили гораздо больше, чем об единстве хозяйственного плана, и даже немало сделано по созданию такого единства.

Тов. Троцкий прав в своей брошюре «К VIII Съезду советов», когда говорит, что уже при самом создании ВСНХ эта идея господствовала.

Но процесс овладевания непосредственным управлением средствами производства, процесс национализации и т. п. заставили произвести диференциацию органов экономического управления и

проводить «политику равновесия» между ними, какую проводил Совнарком.

В этом, в сущности, заключалась объективная причина того, что ВСНХ не смог влить в себя другие экономические комиссарпаты, и отнюдь не в отсутствии стремления к этому.

Тем не менее единство аппарата создавалось путем установления междуведомственных комиссий, без которых, конечно, работа шла бы вразброд.

Наконец главным центральным органом — и законодательствующим и управляющим, где сталкивались и разрешались требования различных комиссариатов — являлся Совет народных комиссаров или же Совет труда и обороны.

Таким образом создание нового центрального органа являлось ненужной затеей, имевшей своим первоисточником голову т. Ларина, сразу же выдумавшего и новое словечко для него — «центрохозяйство». После критики этого проекта т. Ларин быстро изменил свой проект и выпустил на свет еще штуки две новых проектов; в последнем, «окончательном», как значится в заголовке, т. Ларин берет уже за основу Совет труда и обороны.

Упрощение существующих аппаратов пойдет, повидимому, путем уничтожения в первую голову параллельных органов, которые целесообразно будет слить.

Органом, согласующим текущую деятельность экономических комиссариатов, должен быть, по нашему мнению, главным образом Совет труда и обороны. В Совет труда и обороны входят: Наркомвоен, ВСНХ, Наркомпрод, Наркомпуть, ВЦСПС, Главкомтруд, председатель Совнаркома; необходимо будет включить Наркомзем. Через него же должен быть проведен и единый хозяйственный план.

Предварительная работа должна быть проделана ВСНХ, поскольку промышленность и производство будут являться ядром хозяйственного плана, а развитие тяжелой индустрии — основой экономической политики. Будет нечто аналогичное с выработкой экспортно-импортного плана, который вырабатывается ВСНХ и вносится через Наркомвнешторг на утверждение в Совнарком.

На основании вышесказанного мы можем сделать теперь следующий вывод:

В связи с изменившимися условиями признать необходимым направить работу Совета труда и обороны главным образом на укре-

пление и развитие народного хозяйства. С этой целью Совету труда и обороны поручить:

1. Согласовать хозяйственные планы и программы экономических комиссариатов на 1921 г. и выработать единый хозяйственный план.

2. Установить ежемесячную отчетность экономических комиссариатов по выполнению хозяйственных заданий перед Советом труда и обороны, публикуя затем во всеобщее сведение сводку отчетов.

3. Для выполнения указанных задач Совет труда и обороны, не создавая собственного административного аппарата, использует существующие аппараты экономических комиссариатов.

4. В состав Совета труда и обороны ввести наркома земледелия или его заместителя.

Этими мерами, по нашему мнению, будет достигнута, во-первых, большая согласованность в работе экономических органов, а кроме того, тот дух настоящей боевой ударности, какой был проявлен в области военных мероприятий, будет перенесен в хозяйственную область.

Следующими основными задачами в области восстановления народного хозяйства будут являться: улучшение техники и улучшение организации труда.

III. Организация труда.

Основой социалистического хозяйства является организация труда и организация техники.

Когда мы овладели капиталистическим наследством и национализировали фабрики, заводы, рудники, транспорт, землю и т. д., то вопрос организации рабочей силы получил сразу громадное значение. Особенно он выдвинулся на IX съезде партии, где массовая организация рабочей силы была поставлена на новые рельсы.

Тов. Бухарин в своей «Экономике переходного времени» вполне правильно говорит, что «на первых ступенях развития, когда пролетариату достается в наследство жестоко пострадавший материально машинный технический остов, особенное значение приобретает живая рабочая сила. Поэтому переход к системе всеобщей трудовой повинности, т. е. вдвигание в пролетарский государственный процесс и широких непролетарских масс, в первую

очередь масс крестьянства, является повелительной необходимостью (стр. 102).

Вопросы техники отстают от вопросов организации живой рабочей силы. IX съезд партии особенно подробно остановился на вопросах массовой организации труда и наметил целый ряд практических мер по проведению ее в жизнь. Война с Польшей помешала по существу решить этот вопрос.

В настоящее время вопрос о рабочей силе в нашем хозяйстве остается самым больным вопросом.

В отношении организации труда нам в деле восстановления нашего народного хозяйства предстоит решить прежде всего самые элементарные, самые простые задачи, без решения которых мы не двинем вперед нашего хозяйства. Живая рабочая сила — это основа, ось всего народного хозяйства, основа развития производительных сил, основа, как мы указывали выше, построения и проведения нашего хозяйственного плана.

У нас в этом отношении две болезни: мало рабочих и самый острый недостаток в квалифицированных рабочих.

В промышленности Советской России мы имеем в круглых цифрах 1 млн. рабочих против $1^1/_2$ млн. в довоенное время. Уже этот один факт показывает, какое громадное влияние должно было оказывать на сокращение и уменьшение производства уменьшение числа рабочих. На самом деле уменьшение гораздо больше, чем это видно из абсолютных цифр. Одни невыходы и прогулы достигают 30—40% в среднем, т. е., иными словами, сводят и этот миллион до половины; если же принять еще вполне естественное, вследствие плохого питания, падение производительности, то мы располагаем в нашей промышленности не больше $^1/_4$ или $^1/_5$ прежнего количества рабочих.

Как это отражается на производстве, это само собой понятно.

Мы приведем только один пример из этой области нашей промышленности, которая должна явиться новым двигателем нашего хозяйства, — из области электро-технической промышленности.

Вот характерные цифры, приведенные в № 267 «Экономической жизни».

ЭЛЕКТРОСИЛА.

(Заводы ВЭВ в Харькове, Сименс-Шукерт в Ленинграде, Динамо в Москве и Вольта).

Годы	1913 г.	1920 г. (8 мес.)
Число рабочих (производств.)	4 600	1 150
Число часов, проработанных произв. рабочими	12 000 000	1 000 000
Выпуск электр. машин и трансформатор. в киловаттах	356 000	13 250

т. е. количество рабочих сократилось в 4 раза, количество рабочих часов — в 8 раз, производство — в 16 раз, — картина, не требующая пояснения.

Итак, прежде всего, увеличить количество рабочих и уменьшить прогулы — тогда мы получим немедленно увеличение производства.

Когда мы поставили себе задачей разбить наших врагов, был брошен лозунг: «Красная армия должна быть доведена до 3 млн. человек». Сейчас, для восстановления нашей промышленности, для борьбы на хозяйственном фронте, мы должны выбросить лозунг — армия фабрично-заводского пролетариата должна быть доведена до 2 млн. человек, должна быть удвоена».

Тогда получатся ощутительные результаты в деле восстановления нашего хозяйства.

Мы должны влить новые силы на заводы, на фабрики, мастерские, рудники.

Нас могут спросить: но используются ли имеющиеся рабочие? Разве нет фактов, что фабрики стоят, а рабочие при них живут без дела? На этом основании кто-либо, не подумавши, легко сделает вывод, что раз есть фабрики, которые стоят, то — пока они не работают — и рабочих не надо. Это, конечно, неверно. В текстильной промышленности, особенно на хлопчатобумажных фабриках, есть свободные рабочие, но в угольной, металлургической, электро-технической и других — острый недостаток рабочих рук.

Главкомтруду для текущих производственных нужд без расширения производства было предъявлено требование почти на миллион рабочих.

Повторяем, при мало-мальски расширенном производстве, при восстановлении народного хозяйства, нам самое меньшее надо удвоить количество имеющихся рабочих, чтобы двинуть вперед производство.

Можем ли мы это выполнить?

Можем, — как могли мы разрешать военные задачи, так должны мы разрешать трудовые задачи.

А снабжение, продовольствие, одежда, жилища? — спросят нас.

Здесь также должен быть принят ряд мер к повышению удовлетворения рабочих.

До сих пор, пока на первом месте стояла военная задача, и снабжение и продовольствие в первую очередь или вне всякой очереди шли на удовлетворение Красной армии. Теперь, при возможном сокращении численности армии (о чем мы можем судить по опубликованной речи т. Троцкого), часть снабжения может быть повернута на удовлетворение рабочих, точно так же как и очередность удовлетворения должна быть со второго плана передвинута на первый.

Наркомпроду должно быть дано задание — сугубое внимание обратить теперь на снабжение рабочих, а Чусоснабарму — часть сил, средств и материалов передвинуть также туда.

Еще больший недостаток мы наблюдали относительно квалифицированных рабочих, а также инженеров, техников, агрономов и т. п.; целые отрасли промышленности и сельского хозяйства не могут быть поставлены на ноги благодаря недостатку, а зачастую полному отсутствию квалифицированных подготовленных рабочих.

Известную часть мы сможем, конечно, получить из-за границы, и, судя по данным, приток в Советскую Россию, благодаря экономическому кризису в Европе и растущей безработице, будет увеличиваться. Но это будет все же незначительное количество, которое не сможет удовлетворить наш спрос на квалифицированную рабочую силу. Мы, следовательно, должны рассчитывать только на создание своими средствами кадров квалифицированных рабочих.

Для этого имеются два средства:

1) собирание, путем мобилизаций, распылившихся квалифицированных рабочих, техников, инженеров и т. д. и

2) подготовка новых кадров квалифицированных рабочих, техников и инженеров.

Деятельность Главкомтруда, с одной стороны, и Главпрофобра — с другой, должна получить новый размах.

Производственная пропаганда, о которой много за последнее время говорят и пишут, должна послужить не только средством большего вовлечения рабочих масс к управлению, но и стать средством поднятия и улучшения техническо-производственных процессов.

Условия для этого создались благоприятные в смысле общего значительного культурного и умственного развития рабочих масс по сравнению с прежним временем.

Была, правда, опасность, что производственная пропаганда может пойти по пути легкого критиканства и чисто литературного наездничества. Дурной пример, по моему мнению, в этом отношении подал т. Сосновский, который подошел к экономическим вопросам с критикой отдельных фактов, без положительных выводов и поверхностно, называя свои рассказы почему-то производственной пропагандой. Нельзя писать, например, о Гидроторфе, увидев его только в кинематографе, и с тем же подходом, с каким описывал тот же т. Сосновский поимку известного крокодила, — сразу же теряется деловая и серьезная постановка, и начинается просто литературщина легкого свойства. Но те данные, которые были получены с заводов (например факты, сообщенные т. Гуревичем в «Правде» относительно постановки производственной пропаганды на заводах), показали, что рабочие сами наметили верный путь и наряду с общими вопросами поставили вопросы техническо-производственные — улучшение работы, ознакомление с производственными планами и т. д.

Производственная пропаганда явится могучим средством в деле организации массовых трудовых процессов и вместе с развитием профессионального образования должна дать громадный толчок улучшению производства как в городе, так и в деревне. Таким образом выводы относительно улучшения организации рабочей силы будут следующие:

1) Необходимо увеличить количество рабочих, особенно занятых в промышленности. Увеличение должно производиться путем: а) трудовых мобилизаций, б) возвращения из Красной армии в) ввоза из-за границы, г) привлечения воинских частей к выполнению хозяйственных задач.

2) Необходимо повысить качество труда путем увеличения квалифицированных рабочих, расширения профессионального образования в самой широкой постановке производственной пропаганды, которая должна быть заострена в сторону технических производственных задач.

3) Наивозможное улучшение снабжения рабочих одеждой, продовольствием, жилищами. Использование для этой цели военных запасов.

IV. Организация техники.

Организация техники является вторым основным условием в деле развития производительных сил страны.

В течение всех 3 лет, занятые главным образом войной, мы не могли почти уделять внимания вопросам техники производства, тем более, что сначала нужно было национализировать средства производства. Процесс же национализации закончился в сущности только в течение 1920 г.

Конечно, и в течение 3 лет происходили на ряде предприятий ремонт и обновление машин, ставились новые производства (укажем для примера хотя бы на производство металлических сеток для бумажных фабрик), даже постройка новых предприятий (например известная всем электрическая районная станция в Кашире, паровозоремотный завод в Подольске и т. д.), прокладывались новые железнодорожные пути (до 3 200 *км* в 1920 г.) и т. д. Но все-таки все эти меры, в силу недостатка сил и средств, развертывались не с той широтой, какая была необходима.

Сплошь и рядом выпадало то или иное из необходимейших и важнейших из звеньев в нашем хозяйстве, и тем самым нарушалась вся система. Такова, например, история с Донбассом и Уралом. Насколько этот вопрос стоял в стороне, отодвигаемый текущей работой, видно из того, что даже IX съезд партии, шедший под знаком экономических вопросов, прошел мимо этого вопроса, обратив исключительное внимание на организацию труда.

В настоящее время вопросы организации и улучшения техники нашего производства, в самом широком значении этого слова, становятся в деле восстановления и улучшения народного хозяйства важнейшими вопросами.

Социалистическое хозяйство меняет не только формы управления, организацию труда, капиталистического строя, но меняет и техническую базу. Новые формы труда и общественные взаимоотношения развертывают необъятные возможности для технического прогресса, дают возможность и в этой области произвести революцию. «Век пара — век буржуазии; век электричества — век социализма». Эти слова показывают на глубины совершившегося переворота, переводящего на новые рельсы всю нашу жизнь.

Разрешение вопросов технической организации нашего хозяйства необычайно затруднено двумя обстоятельствами: 1) отсталостью техники, доставшейся нам в наследство от капитализма, и 2) оторван-

ностью от технических усовершенствований, достигнутых в других странах, и трудностью получения оттуда необходимых нам средств производства.

Эти условия осложняли и без того трудности в деле проведения технических улучшений.

Организация техники распадается на четыре главнейших части:

1) Целесообразная организация хозяйственных районов как промышленных, так и сельского хозяйства.

Возникновение предприятий, их местоположение в капиталистическом строе обусловливались в значительной степени условиями рынка, конкуренции, а не производственными соображениями. Поэтому получился ряд несообразностей с точки зрения организованного производства. Предприятия оторваны от источников сырья и топлива. Шерстяные фабрики возникли не на Юге, где имеются шерсть и топливо, или не в Заволжьи, а в Центральной России, куда нужно было тащить уголь и шерсть, загромождая транспорт. На колоссальном расстоянии расположены хлопчатобумажные фабрики от источника своего сырья — Туркестана. Теми же дефектами страдает металлургическая промышленность. В области сельского хозяйства та же несогласованность. Перед нами встают задачи приближения нашей обрабатывающей промышленности к источникам сырья и топлива. Переброска предприятий связана с такими трудностями, например, транспортного характера, что о ней сейчас почти не приходится говорить. За все время из крупных перебросок можно указать на перевод Ораниенбаумской электрической станции в Кизеловский район и затем переброску некоторых мастерских и оборудований.

Сейчас мы можем, однако в суженном размере, в известной степени разрешать эти задачи, выделяя ударные в хозяйственном отношении экономические районы. Таковы, например, Донбасс и Урал. Обслужить и организовать там производство, поднять его в техническом и всяком ином отношении — с этой задачей вполне возможно справиться. Такое же положение и в сельском хозяйстве, где такими ударными районами должны явиться Заволжье и черноземные губернии Советской России.

2) Концентрация производства и специализация предприятий.

Производство должно объединиться на крупнейших, технически лучше оборудованных предприятиях. Концентрация нашего про-

изводства происходила в значительных размерах в силу прежде всего объективных условий: недостаток сырья и топлива заставил концентрировать производство. В доказательство мы приведем для сравнения только две цифры, взятые нами из фабрично-заводской статистики ВСНХ: в 1908 г., в среднем, на одно предприятие приходилось 132 рабочих, в 1918 г. — 185 и в 1919 г. — 192 рабочих.

Гораздо хуже обстояло дело со специализацией предприятий. Массовое производство предполагает переход к разделению труда между предприятиями одной и той же отрасли труда. С технической точки зрения трестирование промышленности предполагает не только объединенное управление данной группой предприятий, но и внутреннюю техническую зависимость одного предприятия от другого и разделение между ними выполнения специальных производственных функций. В этой области почти ничего не сделано. Концентрация производства, трестирование промышленности в значительной степени определяют и острый вопрос о главках и центрах. Борясь с гипертрофией централизма, с его уродливыми проявлениями, мы отнюдь не должны выплескивать с водой и ребенка. Поскольку мы будем развивать концентрацию производства и трестирование промышленности, постольку мы обязаны сохранить главные и центральные управления, как органы непосредственного управления определенными группами предприятий. Было бы шагом назад распылять по местным управлениям трестированную крупную промышленность. Мы не должны распылять Донбасс, Подмосковный район, точно так же, как не можем уничтожить Гомзу.

По мере роста и укрепления местных органов мы обязаны передать в их управление все, что не входит в сферу крупной трестированной промышленности или особо важных предприятий. Вполне своевременными являются с этой точки зрения пересмотр состава первой группы предприятий и разгрузка центральных аппаратов с тех предприятий, какие могут и должны быть без ущерба для производства переданы в управление местным органам.

3) Учет и целесообразное перераспределение оборудования.

Многим кажется, что у нас острый недостаток в оборудовании предприятий. В общем это вполне верно, но, сравнительно с производственными возможностями текущего времени, это далеко не так, — на самом деле наше техническое оборудование не использовано и в половинном размере. Когда Совет народных комиссаров назначил комиссию для пересмотра плана по ввозу из-за

границы, то комиссия не нашла возможным расширять ввоз машин именно из-за вышеприведенного соображения.

Учет оборудования, особенно на стоящих предприятиях, далеко не полон. Перераспределение машин и станков и перенесение их со стоящих заводов на действующие дали бы значительное улучшение. Эта работа производилась и до сих пор. Но осуществление ее в широком масштабе встречало сплошь и рядом непреодолимые препятствия, особенно при перевозках.

Необходимо проводить технические мобилизации отдельных, наиболее важных средств производства, находящихся на складах, на стоящих предприятиях, и распределить их сообразно потребностям производства.

Учесть сразу все имущество до последнего винта — задача трудная, но взять на учет и распределить наиболее важное — вполне возможно.

Так же, как производились мобилизации и реквизиции для военных нужд (автомобилей, велосипедов, повозок и т. п.), для производства и для тяжелой индустрии должен быть применен тот же метод.

4) Введение и развитие новой техники.

При разрешении этой задачи на первом месте стоит электрификация. Применение электрической энергии на железных дорогах в качестве тяговой силы, электрификация угольных районов — это задачи, которые должны быть разрешены. План электрификации даже для сельского хозяйства подробно разработан. Но чтобы электрификация, эта основа новой техники народного хозяйства, воплотилась в жизнь, нужно нашу электро-техническую промышленность поднять на наивозможную высоту.

Несколько районных станций уже находятся в постройке (Шатурка даже работает), другие подготовляются (например подготовительные работы на Свири), но для выполнения намеченного плана электрификации нужны особые средства государственной поддержки электро-технической промышленности.

Затем, необходима механизация труда в различных отраслях нашей хозяйственной жизни, в том числе особенно в нашем сельском хозяйстве, таком богатом по своим возможностям, если будут применены необходимые средства; наиболее широкое применение тракторов (тракторы в количестве 2 000 заказаны за границей). Производство моторных плугов уже ставится на наших заводах, первые экземпляры этих плугов вышли с завода.

Наконец ввоз новых технических средств из-за границы. Последнее совершается в настоящее время лишь в узких пределах, но ввоз из-за границы получит более широкий размах при развитии наших экономических взаимоотношений с другими странами.

Заключение.

Мы рассмотрели основные задачи в деле восстановления народного хозяйства. Решение этих задач (как хозяйственный план, организация труда, улучшение техники) касается не только отдельной какой-нибудь отрасли народного хозяйства, но охватывает его целиком, относится как к городу, так и к деревне. Эти задачи служат действительной базой возрождения и дальнейшего развития нашего народного хозяйства и нашей экономической деятельности, которая так долго находилась в условиях невероятно тяжелых.

По отдельным отраслям народного хозяйства, конечно, можно наметить целый ряд важнейших ударных и интереснейших задач: в промышленности, в сельском хозяйстве, в продовольствии и транспорте, но все они должны будут строиться на основе и в рамках очерченных нами общих задач, проведение которых необходимо для общего подъема нашего народного хозяйства.

9. ИТОГИ III СЪЕЗДА СОВНАРХОЗОВ.

III съезд советов народного хозяйства выделяется тем, что привлек к своим работам особенное внимание и профессиональных союзов и широких партийных кругов. Это указывает на возрастание удельного веса в нашей общественной жизни хозяйственных организаций, все более и более выдвигающихся на первый план.

До сих пор в центре нашей жизни стояли вопросы, непосредственно вытекающие из факта гражданской войны. Страна была объявлена военным лагерем, и все силы и средства использовывались в интересах обороны Советской России. С победой же Красной армии вполне естественно на первый план выдвинулись вопросы восстановления народного хозяйства, истощенного гражданской войной в течение всего времени наступления как международных империалистов, так и русских контрреволюционных сил.

Особенное значение III съезда советов народного хозяйства подчеркивается еще и тем обстоятельством, что на нем, помимо обычных представителей от губсовнархозов и профессиональных союзов, при-

нимали участие рабочие непосредственно от крупнейших промышленных предприятий.

На съезде участвовало с решающим и совещательным голосами свыше 500 человек. С решающими голосами было 249 чел., из них свыше 50% коммунистов. Таким образом и в отношении количества принимавших участие в съезде организаций этот съезд выделяется из предшествующих съездов советов народного хозяйства.

Центральными вопросами на съезде являлись вопросы, связанные с оценкой современного экономического положения (доклад т. Рыкова), организации труда и всеобщей трудовой повинности (доклады тт. Троцкого и Томского), и вопрос об управлении хозяйственной жизнью, а также о выработке инструкции по управлению промышленностью (доклад т. Милютина).

При оценке экономического положения как характерную черту следует отметить, что оценка велась уже не по сравнению с тем, что мы имели год тому назад, а по сравнению с мирным временем. В докладе т. Рыкова были подробно рассмотрены больные стороны нашей экономической жизни, а также те меры, которые должны быть приняты для ее восстановления. Вопрос, следовательно, ставился уже не о подсчете имеющегося у нас достояния, не о рассмотрении экономического положения с точки зрения относительного развития, а он ставился в более широких рамках: необходимости напряжения всех сил и средств в такой степени, чтобы народное хозяйство было поставлено на ту высоту, на какой оно стояло до войны, и определения того, какие меры должны быть приняты, чтобы выйти из того тяжелого кризиса, из того истощенного состояния, которое явилось следствием тех тяжелых условий борьбы, в коих приходилось эти годы жить и работать.

Наиболее тяжелое положение наблюдается в отношении железнодорожного транспорта. Железные дороги — это нерв современной экономической жизни. И приходится констатировать, что именно железные дороги подвергались наибольшему разрушительному действию в течение всего этого времени. Достаточно указать, что в 1920 г. — 59% больных паровозов.

Центральными органами советской власти обращено большое внимание на поднятие транспорта. Тяжелое положение транспорта сказывается на том, что мы, имея в Туркестане запасы хлопка, на Урале — запасы металла, на Юге — запасы каменного угля, сможем передвинуть их в крайне ничтожном количестве.

Положение с топливом и с заготовкой топлива в общем значительно более удовлетворительно, чем можно было ожидать. Тут весь вопрос именно в перевозке заготовленных дров.

Лучше положение с заготовкой льна, которого было заготовлено в 1919 г. до 80 тыс. *т*. В нынешнем 1920 г. наблюдается резкое падение заготовки льна, обусловленное целым рядом причин и, в первую очередь, тем, что крестьяне отказываются сдавать лен. Здесь необходимо применение ряда мер в виде разверстки и принудительной сдачи запасов льна в государственные склады, а с другой стороны — увеличение премии за сданный во-время лен.

Значительно менее удовлетворительно обстоит дело с заготовкой кожи, но в общем и целом вопрос заготовки сырья для нашей промышленности заключается в перевозке этого сырья и в подаче его на фабрики.

В области производства центральным вопросом являются поднятие производительности и привлечение квалифицированных рабочих на фабрики и заводы, откуда они были в значительном количестве изъяты для разного рода политических, продовольственных и всяких иных работ.

В связи с вопросами о развитии производительных сил и организации труда особенное внимание съезда привлек вопрос (т. Троцкий) о всеобщей трудовой повинности и необходимости использования после окончания гражданской войны освобождающихся сил Красной армии в народном хозяйстве, а также и об установлении более строгой ответственности за выполнение работ. III съезд советов народного хозяйства принял все предложения, развитые в резолюциях тт. Рыкова и Томского.

Вопрос новой организации управления хозяйственной жизнью страны, несмотря на то, что перед съездом можно было предполагать, что этот вопрос вызовет наибольшие споры, был принят почти без прений, и основные положения о хозяйственном управлении, связанные с трестированием, с централизацией управления, с участием профессиональных союзов в деле управления, и вопросы о коллегиальных или единоличных формах управления были приняты в том виде, как были предложены докладчиками от имени президиума ВСНХ и президиума Всероссийского совета профессиональных союзов. Прения развились с наибольшей силой по инструкции об управлении промышленностью. В организационной секции, которая рассматривала этот вопрос, по нем высказались 24 оратора. Конкурировали два проекта инструкции — проект инструкции, выдвинутый президиумом ВСНХ

и президиумом Всероссийского совета профессиональных союзов, и проект инструкции, выдвинутый группой представителей губсовнархозов.

Первый проект был согласован и являлся естественным развитием резолюции, принятой съездом, о хозяйственном управлении. В нем были подробно разработаны вопросы о разделении труда по управлению предприятиями между центральными органами ВСНХ и местными советами народного хозяйства с таким расчетом, чтобы громадная и важная работа, проделанная ВСНХ по трестированию промышленности, в результате чего и явилось создание объединенной промышленности, охватывающей до 179 объединений предприятий, включающих в свой состав почти $^1/_3$ всех предприятий с $^1/_2$ млн. рабочих, была положена в основу для установления правильной системы хозяйственного управления и дальнейшего его развития.

Противоположный проект предполагал, наоборот, передачу всех предприятий в местное управление и таким образом раздроблял нашу трестированную промышленность, превращая народное хозяйство опять в форму разрозненных, необъединенных между собою предприятий. Тов. Осинский, выступивший по этому вопросу в «Правде», совершенно не уловил сущности дела, противопоставляя проект, защищаемый нами, проекту, выдвинутому группой представителей губсовнархозов.

Организационная секция, выслушав мнения за и против проектов, громадным большинством голосов ($^2/_3$) приняла проект инструкции президиума ВСНХ и президиума Всероссийского совета профессиональных союзов и отклонила проект, предполагавший раздробление трестированной промышленности.

На пленарном заседании съезда при голосовании инструкции инструкция ВСНХ была принята всеми голосами против 7 или 8 человек при 13 воздержавшихся.

Этим съезд показал, что он вполне оценил важность и значение экономической политики, направленной на концентрацию производства и на трестирование нашей промышленности. Но вместе с этим крупные трестированные предприятия не удаляются от участия в местной жизни; наоборот, в инструкции выработан целый ряд практических мероприятий и указаний, втягивающих трестированные предприятия в непосредственное участие в местной жизни и хозяйственной деятельности на местах.

Повидимому, вопросы организационные приобретают все больше и больше значения и требуют общего внимания и оценки, массового

опыта при определении тех или иных практических форм построения, выбора способов управления, форм организации и т. п.

В заключение укажем, что если ко II съезду мы констатировали, что национализация предприятий в общем и целом может считаться законченной, то III съезд подвел итоги дальнейшей организации нашей промышленности и утвердил систему трестирования, каковая была проведена в жизнь согласно постановлению II съезда СНХ.

IV съезд СНХ должен будет взвесить и оценить результаты применения тех новых чрезвычайных мер для поднятия производительности труда, которые входят в жизнь, выработать дальнейшие улучшения и усовершенствования общей системы управления и взвесить результаты борьбы с бюрократизмом и волокитой, каковая поставлена, как одна из важнейших задач, для всех органов экономического управления.

Значение съезда СНХ значительно возросло. Вместе с тем съезд СНХ указал на необходимость привлечения наибольшего количества опытных, серьезных, знающих работников, изъятых из хозяйственных организаций, из профессиональных союзов для работы на ответственных боевых постах — в Красной армии, по продовольствию, и на необходимость их возвращения к той работе, которая выдвигается на первый план, — к работе по восстановлению и развитию народного хозяйства.

V. ТРЕТИЙ ПЕРИОД. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

1. О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ [1]).

По поводу нового курса нашей экономической политики, который ознаменовался изданием декрета о продналоге, и у наших друзей и у наших противников возникло немало недоуменных вопросов, что означает этот поворот. Означает ли он, что мы в нашей старой экономической политике, которую мы вели до сих пор, сдали некоторые наши позиции и делаем поворот назад, как склонны думать, судя по дошедшим к нам из-за границы известиям, наши враги, начиная с социал-буржуазии и кончая реформистами разных толков, или же советская власть, как склонны думать другие, делает новые шаги к укреплению своего положения. У наших товарищей и внутри и за границей возникает немало опасений, что этот шаг, этот поворот в нашем экономическом курсе чреват серьезными последствиями в деле организации и поступательного хода вперед нашего коммунистического строительства. Многие выражают опасение, что мы, делая шаг в сторону свободной торговли, шаг в сторону допущения развития мелкой частной промышленности, шаг в сторону допущения существования в Советской России государственного капитализма, допуская возникновение и возрождение форм частного хозяйства, не задержим ли тем самым поступательный ход в развитии нашего советского хозяйства. Вот, товарищи, вопросы, которые, вероятно, у многих из вас стоят и на которые требуется прежде всего дать ответ. Наметить общую линию, общую постановку вопроса, дать ответ на эти опасения, которые, конечно, существуют и у самых горячих сторонников советской власти, даже у самих организаторов нового хозяйства, для этого необходимо: 1) подытожить основы той экономической политики, которую мы проводили в течение последних годов; 2) вскрыть внутреннюю сущность, содержание новых шагов экономической политики и 3) в зависимости от этого наметить

---

[1]) Речь, произнесенная на IV съезде совнархозов.

практическое деловое решение, определить общее направление нашего экономического развития и общее направление нашей экономической политики, определить практическое деловое решение и в зависимости от этого, во-первых, урегулировать взаимоотношения между возникающими чисто хозяйственными и экономическими предприятиями и между нашей национализированной промышленностью в связи с нашей общей советской политикой. Затем эти практические решения должны дать ответ на то, каким образом мы станем проводить нашу экономическую политику в отношении к мелкой промышленности, по отношению к нашему сельскому хозяйству и, наконец, в какие формы должно это вылиться в смысле новых задач организационного характера для наших и центральных и местных хозяйственных органов. Подходя таким образом к разрешению намеченной темы, я должен указать на достижения, которые были сделаны до 1921 г., и в чем они заключались.

1920 год подвел по существу итоги в смысле нашего овладения формой национализации. Товарищи, переходный период от капитализма к социализму, обобществление средств производства выливается в форму национализации средств производства. Советская Россия последним декретом от декабря 1920 г. периодически национализировала все предприятия, за исключением ремесленных и кустарных. Насколько этот факт овладения средствами производства совершился даже в юридической форме, доказывает то, что в настоящий момент наши исконные враги, представители буржуазного строя, там, где им приходится вступать с нами в экономические отношения, этот факт национализации вынуждены признать. Между прочим, при возобновлении наших экономических торговых сношений с другими странами— это крайне важный вопрос. В Англии, например, много старых хозяев из России, которые могут предъявить иск на те или иные товары и сказать: «Эти товары были отправлены советской властью, я был ограблен Советской Россией, теперь же товары находятся у вас в Англии, потрудитесь возвратить мне их». Так произошло недавно с фанерой, которую мы ввезли в Англию: нам был предъявлен иск ее старым владельцем. В первых инстанциях права владельцев были признаны, но когда дело передали в Верховный суд, то он высказался в нашу пользу, указав: «Поскольку советская власть существует и поскольку она признана нашим правительством, постольку она была вправе объявить этот продукт государственным и постольку же является хозяином этого продукта». Право национализации начинает признаваться даже в международных отношениях, и это было крупнейшим нашим достиже-

нием. Сейчас при заключении концессий, при сдаче в аренду дело будет итти не о денационализации, не о восстановлении в правах старых владельцев, а лишь о сдаче в аренду частным владельцам. В этом коренное различие, это достижение было сделано полностью во всей промышленности. Далее, в области экономического развития в смысле укрепления нашей экономической базы мы наблюдаем двоякого рода процесс. Если мы будем рассматривать его в отношении удовлетворения потребностей, то в течение всех этих лет наше производство не удовлетворяло их в силу той истощенности, которая постепенно нарастала по сравнению с довоенным временем; наша производительность равна в общем итоге 30%, в некоторых отраслях промышленности даже значительно ниже. Есть и исключения: такие предприятия, где можно наблюдать обратное явление. Например, возьмем Подмосковный бассейн. Его производство в настоящий момент достигает нормы довоенного времени, почти цифры максимальной добычи угля, которая была в 1916 г. Итак, отдельные исключения имеются, но в общем наше производство измеряется в 30%.

Но если мы подойдем к вопросу с точки зрения производства, то мы получим совершенно иную картину. Тов. Рыков в своем докладе уже отмечал сегодня, что мы в течение трех последних лет жили запасами и, конечно, иначе наше истощение было бы гораздо сильнее. Но процесс развития производства нарастал из года в год в нашей промышленности, начиная с топлива и кончая целым рядом других отраслей нашей промышленности. Для того чтобы яснее и нагляднее мы это поняли, возьмем цифры дровяных заготовок. Возьмем общий итог. Так, например, по плану 1918/19 г. мы должны были заготовить свыше 87 млн., а вывезти 68 млн. *куб. м*, а было заготовлено около 38,8, а вывезено около 29 млн. В 1919/20 г. нужно было заготовить 115,5 млн., а вывезти — 86,4. На самом деле было заготовлено 92,2, а вывезено свыше 68 млн. Процесс выпрямления, таким образом, шел в 80%. Это значительный рост. В 1920/21 г. заготовка должна была равняться 141 млн. и вывоз 112,5 млн.; фактически было заготовлено за первое полугодие около 48,5 млн. *куб. м*. Мы видим постепенный рост также в процессе заготовки торфяного топлива. Всего программа по дровяному топливу была исполнена в 70%.

Что касается Донецкого бассейна, то он находится в тяжелом положении. Но сейчас там наблюдается перелом. И возможно, что мы там увеличим добычу до 6,55 млн. *т*. В Подмосковном бассейне рост добычи был такой: 0,39 млн. *т* в 1919 г., в 1920 г. — около 0,65 млн. *т*, а сейчас мы эту цифру превысим. Такой процент нарастания был

и на Урале: в 1918 г. — 0,77, в 1919 г. — 0,70, в 1920 г. — свыше 0,93 млн. *т*. Что касается Донбасса, то в 1921 году он даст до 6,65 млн. *т* угля. Таким образом, товарищи, вы видите, что в отношении топлива постепенно кривая линия идет не вниз, а наверх. Но для того, чтобы в прениях меня не упрекали в оптимизме, я повторяю, товарищи, что это учет производственного процесса, но не учет потребностей в топливе. Как уже отмечал т. Рыков, топливный кризис мы пережили колоссальный. Для примера возьмем Донбасс. Донбасс 50% своей добычи потребляет на месте на свои собственные нужды. И вывозится оттуда очень незначительное количество топлива, равняющееся 245,7 тыс. *т* в месяц. Теперь перейдем к картине по металлу. Тут падение страшное в добыче в области чугуна — основном продукте нашей металлургической промышленности. Тов. Рыков сегодня уже приводил вам цифру, которая указывает на колоссальное падение добычи чугуна по сравнению с довоенным временем. Я повторяю, в 1920 г. выплавлено свыше 98 тыс. *т*, а в 1921 г. — 163,8 тыс. *т*, но это всего 4—5% довоенного производства чугуна. Но если мы посмотрим на производство в других областях нашей металлургической промышленности, напр., на производство паровозов, то мы увидим, что здесь наблюдается увеличение общего количества производства новых паровозов и в особенности ремонта паровозов: в 1919 г. было произведено 94 новых паровоза, в 1920 г. — 88 паровозов; в 1919 г. паровозов вышло из ремонта 105, а в 1920 г. — 144.

Теперь перейдем к текстильной промышленности. Текстильная промышленность, по сравнению с 1920 годом, несмотря на то, что закрыт целый ряд фабрик — всего около 100 фабрик, — работает. И здесь также наблюдается развитие производства. Таким образом процесс производства растет, и это несмотря на то, что у нас происходит, как я уже упоминал, кризис с рабочей силой. Я должен сказать, что в некоторых отраслях промышленности у нас исчезают совершенно квалифицированные рабочие. У нас истощились силы рабочих, и износилось качество рабочей силы. Это — серьезная и важная опасность. Таким образом вторым достижением является известное нарастание производства, но не упадок производства. Конечно, наш процесс производства отличается от того процесса, который происходит в буржуазных странах, напр., в Америке, Германии. Положение Америки, Германии в этом смысле гораздо лучше, чем у нас.

Но там кривая идет постепенно сближаясь. У нас, несмотря на истощение, она идет производственно повышаясь. Я взял только главнейшие отрасли промышленности. Экономическая политика была на-

правлена в течение этих лет на ударные предприятия. Учитывая государственные нужды и в первую очередь военные нужды, мы направили всю экономическую политику на ударные отрасли промышленности, из которых на первом месте стоял транспорт, во вторую голову шел отдел металла, который в значительной степени работал на военную промышленность, и в третью очередь — целый ряд подсобных отраслей промышленности, которые роботали по снабжению армии. Мы выделили группу предприятий и отряды рабочих, куда давали снабжение и материалы преимущественно перед другими, но естественно в процессе развития эта дача материалов охватывала все большие и большие области, и самая ударность в той форме, в какой она теперь существует, изживала себя и приближалась к уравнительности. Она охватывала все большее ядро и теряла под собою почву, мы уже не могли удовлетворить эти потребности, так как в ударные предприятия записано было из 223 тыс. рабочих по отделу металла 170 тыс., как особо важных предприятий. Из 176 предприятий отдела металла по первой группе, которые работали на 1 января 1921 г., мы включили в ударные транспортные предприятия и особо важные 105. Достаточно таких цифр, чтобы понять, что ударность на фоне истощения средств и большого предъявления требований изживала себя, превращалась в значительной степени в уравнительность или давала незначительные результаты в том смысле, чтобы в ударном, забронированном и всяком ином порядке удовлетворить те требования, которые предъявлялись армией и по удовлетворении разных общегосударственных нужд. Наконец условия предшествующего периода, заставлявшие нас мобилизовать все средства на военные нужды, на удовлетворение наших ударных отраслей промышленности, заставили нас провести по существу монополию на все продукты сырья и продовольствия. Вы знаете, что монополия коснулась не только продуктов продовольствия, это был первый шаг монополии, который был предпринят в самом начале, как только власть была взята. Ввиду недостатка продовольствия мы объявили, что все продукты и излишки идут в государственный котел. Потом шаг за шагом, поскольку мы оказались окруженными кольцом врагов и поскольку запасы истощались, а сырье нужно было мобилизовать для нашей промышленности, чтобы не дать ей умереть, мы обязаны были провести политику монополии. Это означало устранение свободного рынка, удушение его и взятие всех средств государственным аппаратом на нужды государства. Вот второй шаг национализации средств производства, естественный шаг нашей политики в стремлении поднять производство в области основных отраслей его, обслу-

живающих государственные нужды. И сюда были направлены все силы и средства. Наконец третий шаг — это было объявление монополии на все продукты сырья и продовольствия. Этот шаг был необходим для того, чтобы мобилизовать все виды сырья и бросить их на крупную промышленность. Благодаря этой политике, естественно, нужды мирного населения должны были отойти совершенно в сторону. Сплошь и рядом они совершенно не удовлетворялись. В области одежды, обуви и продовольствия центр тяжести переместился на удовлетворение общегосударственных нужд. Благодаря тому, что вся кожа, например, была забронирована за теми предприятиями, которые работали на нужды армии, и, несмотря на то, что главная часть нашей кожевенной промышленности выполнила 112% производственной программы, гражданское население почти ничего не получило. Точно такая же история происходила и с топливом: дома холодали, потому что все топливо шло на транспорт и обслуживание заводов. Зачастую забирались дрова у обывателя, чтобы восполнить эту государственную нужду. Атмосфера гражданской войны требует колоссальных средств. Нам приходилось читать то, что говорили реформисты, меньшевики, с.-р. за границей, — что мы душим частную инициативу, закрываем свободные рынки и т. д. Но они не понимали, что эту экономическую политику мы должны были вести во имя спасения Советской России, во имя укрепления государственной власти. В этой атмосфере и создался наш государственный аппарат. Я не помню, в какой именно речи, но т. Ленин сказал, что колоссальнейшим достижением советской власти и диктатуры пролетариата в России является то, что мы все же сумели создать государственный аппарат пролетариата, хотя бы плохой и бюрократический. Если вы возьмете эту экономическую предпосылку, вам станет понятен характер этого экономического аппарата. Он должен был быть централизован и, естественно, должен был душить местную инициативу, поскольку он должен был централизовать на общегосударственные нужды продукты, предметы сырья, материалы и т. д. В 1920 г., когда атмосфера несколько полегчала, сразу был сделан поворот в сторону областничества. Если вы проведете широкое обобщение процесса развития организационных форм за истекший год, то вы увидите, что мы на первой ступени нашего развития в 1918 г. шли от местничества, от отсутствия центрального аппарата постепенно к созданию этого центрального аппарата, который стал господствовать над местничеством. Создался железный центральный аппарат с недостатками, ему свойственными — с бюрократизмом и часто с невниманием к местным нуждам. Затем, следующим этапом был постепенный

поворот к развитию местных организаций, поскольку на местах укреплялись новые аппараты, к передаче управления местным органам и оставлению за центральным аппаратом лишь общих регулирующих и направляющих функций.

Вот, товарищи, тот процесс, которым мы шли до сих пор; таковы те достижения, которые были сделаны до настоящего периода, такова та картина, которая рисуется нам, когда мы смотрим на пройденные 3 года. И когда в настоящий момент с окончанием гражданской войны изменились объективные условия, то сразу же эта перемена сказалась в области продовольственной, в области крестьянской, в сельском хозяйстве. Мы живем в период осуществления диктатуры пролетариата в стране на $^3/_4$ крестьянской. Естественно, что эта масса мелкого производителя, поскольку внешняя опасность была отодвинута и задачи отражения противника и окончания внешней гражданской войны достигнуты, в силу своей неустойчивости и массовой распыленности перешла к стихийным вспышкам, проявлению недовольства против системы, которая была для них тяжела в эпоху гражданской войны. Неурожай 1920 г. обострил это положение. Вы знаете, что мы были свидетелями движения среди крестьянства. Кронштадтское восстание явилось только, как сказал т. Ленин, фокусом, в котором отразился этот поворот в стране; поворот совершился стихийно во всей стране. И поскольку изменились объективные условия, его нужно было осмыслить, учесть прежде всего в важнейшей области — в области продовольственной. Такой учет был сделан путем декрета о продналоге и замены разверстки продналогом. Это означало отмену монополии на продукты продовольствия и сырье. Это означало, в сущности говоря, развертывание свободного рынка и инициативы мелкого производителя. Товарищи, вы говорите, что этот акт — декрет о продналоге — является исходным пунктом для поворота нашего экономического курса. Конечно, наша экономическая политика не выдумывается из головы, она не высасывается путем чисто отвлеченных размышлений, — нашу экономическую политику мы строим на основе учета общественных явлений. Было бы нелепостью ставить нам в укор, что в данном случае советская власть учла колоссальные изменения общественной обстановки, в которой мы живем, учла настроение массы крестьян и мелкого производителя и целый ряд экономических факторов, притом таких факторов, которые бросаются в глаза. На основе учета экономической обстановки и изменения общих внешних и внутренних условий строился тот поворот нашей экономической политики, который ознаменовался декретом о продналоге. Это была отправная точка к новому

курсу, хотя, повторяю, первая основа нашей экономической политики остается одна и та же: развитие производительных сил Советской России, укрепление базы коммунизма. Содержание декрета о продналоге вам известно. Как вы знаете, это сравнительно незначительное удовлетворение государственных потребностей взятием у производителя, в порядке государственного налога, относительно незначительного количества продукта дает государству возможность другую часть заготовить другим путем — путем обмена. Вместо 6,9 млн. *т* хлеба при разверстке продналогом установлено 4 млн. *т*; вместо 82 тыс. *т* разверстки льна, выполненной Наркомпродом в половинном размере. налог установлен сейчас в 5 слишком тыс. *т*; на пеньку вместо 50 тыс. *т* установлен налог в 6,5 тыс. *т* и т. д. Налог установлен сравнительно незначительный в процентном отношении. Но одновременно предполагалось, что государственные органы сумеют приспособиться, понять этот переворот и соответственно повернуть свою работу, использовать эти новые условия не для ослабления ее, не для того, чтобы только налогом накормить рабочих и государство, но чтобы путем свободного товарообмена получить у страны хлеб и суметь заготовить сырье путем операций на свободном рынке. Вот задача, которая стоит перед нами. Это один род задачи. Второй род задачи заключался в сохранении нашей крупной промышленности, в укреплении ее до такой степени, чтобы она могла обслуживать наши государственные нужды. Программа крупной промышленности остается старая: обслуживание важнейших сторон нашей экономической жизни. Вопрос о топливе, транспорте, об образовании фондов металла — все эти вопросы остаются центральными в области нашей политики в крупной национализированной промышленности. Это наша основа, но мы не можем нашу политику творить только по отношению к нашей крупной промышленности; советская власть должна творить свою политику и по отношению к мелкой промышленности и по отношению к частному производителю. И подходя так к вопросу о том, в чем должна заключаться государственная политика, проводимая не только в отношении части народного хозяйства, которую мы национализировали, но и по отношению к миллионам мелких производителей, которые не национализированы, и к миллионам кустарей, мелких ремесленников и обывателей, — вот вопрос, который вырастал перед нами. На него можно ответить, что мы эту политику будем строить, учитывая законосообразное развитие этой мелкой промышленности. Мы, как марксисты, подходили к этому вопросу с точки зрения законов экономического развития мелкого производителя и мы говорили, что мелкий произво-

дитель, оставаясь мелким собственником, не может строить сразу коммунистическое хозяйство. Было бы величайшей утопией, после которой нас свергли бы как политиков-идеалистов-утопистов, которые не понимают жизни, если бы мы захотели эту многомиллионную массу мелкого производителя-собственника сразу вдвинуть в рамки социалистического строительства. Надо учесть, каким образом идет развитие этого мелкого производителя. И ответ на это дается такой. Поскольку нам присущ метод марксизма, мы экономическую политику в течение этих лет строили на почве учета реальных условий: там мы учитывали военную обстановку и необходимость сосредоточивания сил; здесь мы учитываем то, что мелкий производитель уйдет в сторону свободного рынка и развития капиталистических отношений. Мы здесь должны развязать руки техническому и экономическому развитию мелкого производителя.

В области социалистического хозяйства базой нашей остается крупная промышленность. Это — основа нашего хозяйства, мы ее строим, мы ее организуем, но наряду с этим существует стихия мелкого производителя, распыленная, многомиллионная стихия, которая будет итти путем развития техники и сосредоточения больших сил производства в сторону, конечно, частнокапиталистического хозяйства, но при господстве пролетариата. Что это значит? Как мы должны здесь поступить? Мы не должны итти как утописты, вопреки законосообразному развитию этой мелкой стихии, но мы должны уметь ее подчинить себе, подчинить ее руководству, мы должны ее вести в сторону государственных форм капитализма, в сторону подчинения государству, в сторону подчинения советской власти. Для этого, конечно, существуют самые различные пути: во-первых, кооперирование мелкого производителя, во-вторых — частная производительная концессия. Третья форма государственного капитализма — сдача в аренду всех стоящих предприятий, которые имеются у нас. Это — три формы государственного капитализма. Но дело в том, что мы не можем при наших ресурсах, при наших средствах, которыми мы обладаем в крупной промышленности, обслужить хозяйственные и другие нужды мелкого производителя, а таких мелких производителей у нас имеется большинство, но тогда мы должны развязать ему руки и, пользуясь преимуществами нашей организации, пользуясь экономическими преимуществами, которые дает крупная промышленность, мы должны на этом свободном рынке показать, что крупная промышленность сумеет выдержать в этом отношении конкуренцию мелкой промышленности. Этот подход — новый в области нашей экономической

жизни и в области нашего хозяйственного строительства. И вот тут-то, при этих новых условиях, когда мы будем творить новую экономическую политику, проводить новое строительство, собирать новыми путями необходимые для нашей жизни материальные средства, мы должны создать целый ряд практических решений в отношении крупной и мелкой промышленности, в отношении заготовки, снабжения и по другим вопросам. Прежде всего позвольте мне остановиться на тех вопросах, которые у нас встают в области крупной промышленности. Товарищи, наша крупная промышленность должна выполнить две основных задачи. Она должна получить большую планомерность, чем то было до сих пор, произвести соответственный учет между потребностями и производственными возможностями и т. д., именно — сделать то, что называется единым хозяйственным планом. К этому приступлено, но это находится только в периоде создания. Единый хозяйственный план мы проводили и раньше, но сейчас задача настолько трудна, что государственная общеплановая комиссия, существующая уже несколько месяцев, не может приступить к выработке единого хозяйственного плана. Она рассматривает до сих пор только отдельные производственные программы. В этой области мы достигли только того, что мы сумели подойти к выработке отдельных производственных программ, которые более или менее прилично выполняются при 40—50%, и только теперь мы подходим к созданию единого хозяйственного плана. Чтобы ей выдержать конкуренцию, должен быть построен для крупной нашей промышленности точный учет, какими средствами она работает и какие запасы есть у нее. Это — первая задача. Вторая задача — качественно поднять нашу крупную промышленность. Мы овладели средствами производства, но, чтобы выдержать конкуренцию свободного рынка, чтобы у нас рабочие не сбежали с крупных предприятий к кустарям и мелким промышленникам, где они получат лучшую жизнь, чтобы наши предприятия действительно производили и не останавливались из-за недостатка материалов, для этого они должны лучшим образом снабжаться. Здесь, товарищи, количественный перевес имеет меньше значения, чем качественный. Мы должны качественно улучшить нашу крупную промышленность.

В этом вопросе одним из центральнейших мест является вопрос о концентрации нашей промышленности. В области организованной концентрации нами сделано очень немного. Под влиянием недостатка топлива и сырья мы сплошь и рядом были вынуждены закрывать наши предприятия, и таким образом концентрация происходила естественным путем. Несколько цифр вам это докажут. Например в коже-

венной промышленности в 1919 г. работало 1700 предприятий. Это были в большинстве, конечно, мелкие, совсем ремесленного и кустарного типа, предприятия; в 1920 г. работало только 900 с лишним, а на 1 января 1921 г. — только 800 с лишним предприятий. Уменьшение, значит, произошло в два раза. Это, конечно, дает экономию топлива и сырья не в два раза. Но кончен ли этот процесс? Повидимому, далеко не кончен. Точно так же в области металла у нас имелась целая масса предприятий и заводов, которые работали по существу вхолостую, работали не полным ходом, не полной нагрузкой. На 1 января 1921 г. работало 176 предприятий, около 57 предприятий стояло, но и там возможно большее сжатие. В текстильной промышленности мы оставляем сейчас небольшое количество предпрятий, сравнительно с этим незначительно понижая выработку. Поскольку нам пришлось учесть концентрацию полиграфической промышленности, когда мы закрыли половину типографий, сконцентрировав рабочих только в 31 типографии, здесь мы видим экономию топлива, экономию электрической энергии, повышение производительности. Таким образом вопрос концентрации производства в наименьшее количество наилучших предприятий, которые можно будет пустить с полной нагрузкой, — это задача очередная в большей мере, чем раньше. Конечно, товарищи, здесь она натолкнется на ряд затруднений. Небольшие опыты, которые уже производились, показали, что, например, рабочих, которые живут около своего предприятия, неимоверно трудно перевести в другие предприятия.

А когда это происходит во всероссийском масштабе, когда концентрацию приходится производить, частями перебрасывая рабочие силы из района в район, — это величайшая задача. У нас создана комиссия относительно Питера. Питер в топливном положении находится в отчаяннейшем положении. Возник вопрос о переброске рабочих из Питера в другое место. Товарищи питерцы знают, и думаю, что они здесь заявят, что это было величайшей задачей перебросить питерский потомственный пролетариат в другое место. Пускай они подтвердят, как часты случаи возвращения в Питер. Таким образом вопрос о переброске рабочей силы — вопрос величайшей важности. Этот вопрос возможно только разрешить с помощью крепких профессиональных союзов и с помощью профессиональной дисциплины. Но, повторяю, этот вопрос, наверняка можно сказать, в скором времени не разрешишь, и на следующем съезде мы, вероятно, будем констатировать незначительные результаты, которые мы получили в области проведения концентрации, но, тем не менее, путь нашей промыш-

ленности должен итти в этом направлении. Далее перед нами стоит вопрос о техническом переоборудовании нашей промышленности. Конечно, тот грандиозный проект электрификации России, который был принят IX съездом партии, не так скоро осуществится. Можно с уверенностью сказать, что мы его не осуществим в ближайшие годы. В текущем году мы закончим только 4 районных электрических станции: Каширскую, Шатурскую; затем в питерском районе будет закончена районная станция при Уткиной Заводи, и в 1922 г. закончим Кизеловскую станцию. Было закончено оборудование 10 мелких станций, которые имели значение для местных хозяйств, но во всероссийском масштабе крупное значение будут иметь только эти 4 станции. Техническое переоборудование мы должны бужем вести, перебрасывая и концентрируя станки, необходимые средства производства, тех предприятий, которые мы будем оставлять. При том незначительном золотом фонде, которым мы располагаем, и незначительном товарном фонде мы должны наше техническое оборудование все-таки улучшить. Качественно мы должны укрепить нашу промышленность, не оставлять ее в том состоянии, в каком она находится. Донецкий бассейн — это основная база нашего народного хозяйства. Он должен быть технически вооружен, он износился. Многие товарищи рассказывали, что там канаты лопаются, происходят несчастья, котельное хозяйство в хаотическом состоянии. То, что туда доставляется, недостаточно. Донецкий бассейн страдает и находится в страшнейшей опасности от недостатка технического оборудования. Нам, может быть, придется затратить определенное количество золота, чтобы дать Донецкому бассейну техническое оборудование. В таком же положении находится Бакинский район. Таким образом вторая задача заключается в том, чтобы качественно технически поднять нашу крупную промышленность. Должны будем укрепить ее и со стороны технической и со стороны рабочей силы. Поэтому третьей задачей является укрепление снабжения рабочих,— вопрос, который будет здесь специально обсуждаться в докладе т. Ногина. Сейчас — это важный центральный вопрос нашей экономической жизни; в настоящее время квалифицированные рабочие распылены, некоторые квалификации, например, словолитчики, в Москве почти исчезают. Целый ряд заводов и предприятий не могут развиваться в области электро-технической, потому что отсутствуют квалифицированные работники. Так же обстоит дело и в машиностроительной промышленности. Целый ряд категорий квалифицированных работников почти исчез. Таким образом мы должны, даже уменьшая количество работников, оставить ту же сумму снабже-

ния, которую мы даем, или даже увеличить, увеличить всеми силами и средствами. Рабочие должны быть поставлены в обстановку, в которой они действительно могут работать. Тот паек, который они получали до сих пор, давал 50% того, что должен получать человек в нормальном состоянии. На этот паек не проживешь. Правда, рабочий пытался покупкой на вольном рынке пополнять его, но этого недостаточно.

Таким образом продовольственный вопрос стоит перед нами. Мы его разрешаем путем проведения декрета о натурпремировании, тем, что даем право фабрикам и заводам организовать кооперативные объединения, определенный процент выработки даем в эти кооперативные объединения для заготовки продуктов для рабочих, даем возможность организовать продовольственные предприятия, специальные цехи на тех заводах и фабриках, которые не производят предметов широкого потребления. Вот направление политики, которую мы считаем необходимым проводить по отношению к крупнейшей национализированной промышленности. Товарищи, работа крупной промышленности имеет особое значение — не только экономическое, но и политическое. Тов. Ленин в своей брошюре говорит, что у нас в переходную социалистическую эпоху существуют 5 форм: патриархальная крестьянская, ремесленная, частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм и, в-пятых, социализм. Товарищи, эта пятая форма, социалистическая, в нашем строительстве сейчас сосредоточивается в области строительства крупной промышленности. Здесь мы строим действительно на новых принципах нашу экономическую жизнь. Сюда должны быть обращены центр внимания государственной советской власти и центр вашей энергии. Но эту задачу, повторяю, можно разрешить, поднявши качественно эти предприятия. Затем в области крупной промышленности особой задачей стоит — обратить сугубое внимание на производство предметов широкого массового потребления. В течение военного периода мы главное внимание обращали на производство предметов, необходимых для транспорта, предметов, необходимых для армии. И на втором плане стояло у нас производство предметов массового потребления, тех предметов, которые необходимы для населения. Сейчас нужно обратить на эту область нашей народно-хозяйственной жизни особое внимание. Это диктуется недостатком продуктов и предметов и необходимостью создать товарообменный фонд для обмена с крестьянами, для установления деловой связи города с деревней и сельского хозяйства с промышленностью. Когда у нас в руках будет более или менее широкий фонд товаров широ-

кого массового потребления, только тогда установится прочная связь с сельским хозяйством. Эта задача имеет колоссальнейшее значение. Я лично для этого выделяю три промышленности: соляную, текстильную и кожевенную. На них придется обратить особо серьезное внимание. Теперь перехожу к мелкой промышленности. Здесь стоит перед нами задача троякого рода. Прежде всего устранение тех препятствий к развитию мелкой промышленности, которые естественно выросли в предшествующий период. Мы должны дать ей определенные рамки для развития. Это, конечно, нежелательно для тех наших организаций, которые хотят применить к мелкой промышленности то же самое, что применяют к большим советским фабрикам, т. е. они требуют с мелкой промышленности те же сметы и хотят ввести там тот же контроль, как и в крупнейших государственных советских фабриках. От этого метода нам придется отрешиться. Дело в том, что мы имеем здесь дело с мелкими хозяевами. Поэтому те рамки, которые применимы для крупной промышленности, здесь не применимы. В настоящее время Совнарком и Совет труда и обороны пересмотрели закон о кустарях и мелкой промышленности в этом направлении. Из того, что мы даем свободу развития мелкой промышленности, не следует, что мелких предпринимателей должны снабжать чем-нибудь из государственных средств. Пускай они думают сами о себе и сами себя снабжают, но пусть маленькие силы мелких производителей свободно развиваются. Это первая задача, которая стоит перед нами в этой области. Вторая задача — это содействие кооперативам. Только с помощью их мы сможем деловым образом регулировать наши взаимоотношения с сельским хозяйством. Наша цель — направлять мелких производителей на путь кооперирования. Надо отдавать предпочтение и давать заказы кустарным артелям. Это не значит, чтобы мы попрежнему мелкого предпринимателя закрывали и гнали его на фабрику, чтобы у нас с ним велась война. Такое отношение не должно повторяться. В ваших руках, тт., огромное преимущество. Вы располагаете государственными средствами, вы располагаете сырьем, топливом и другими видами промышленности. Товарищи, в эту сторону направляется теперь наше внимание. И таким путем вам легче будет иметь с ними деловые сношения. Вот та политика по отношению к мелким производителям, которую вы должны теперь вести. К этому я должен прибавить о праве артелей. Теперь вы будете иметь право строить свои взаимоотношения на определенных договорных отношениях с частными производителями или кооперативами, причем преимущество следует отдавать последним. Не бойтесь, товарищи, той конкуренции, которая может возникнуть.

Не бойтесь того, что рядом кооперативная фабрика будет лучше работать, чем наша советская фабрика. Помните, товарищи, что вы должны пользоваться тем преимуществом, которое даст вам государство. И поэтому вы сумеете поставить свою фабрику лучше, технически оборудовать лучше, чем рядом стоящая кооперативная фабрика. В настоящих условиях нам нечего изображать из себя ту собаку, которая лежит па сене, сама не ест и другим не дает. Точно так же нужно относиться по существу к концессиям, но об этом будет особый доклад. Это не будет нарушать основной экономической политики, поскольку послужит развитию производительных сил страны. В этом направлении нам придется, товарищи, итти. Наконец, еще особенно важная область — это область снабжения и заготовки сырья. Вы знаете, что в 1920 г. заготовкой сырья занимались ВСНХ и наши хозяйственные органы, затем она была передана Народному комиссариату продовольствия, который путем разверстки заготовлял сырье. Результаты получились не из блестящих. По сравнению с заготовкой советами народного хозяйства приблизительно по большинству продуктов заготовка оказалась на 50% меньше. Это главным образом по текстильным продуктам. Кажется, только кожа составляла исключение, но что касается льна, пеньки, шерсти, то заготовка, переданная в руки Наркомпрода, дала меньшие результаты по сравнению с заготовками советов народного хозяйства. В настоящий момент при том незначительном налоге, который мы проводим, наше главное основание будет заключаться в заготовке на свободном рынке. Здесь должен произойти сдвиг в сторону заготовляющих органов наших предприятий, в сторону развития их инициативы в отношении заказов у производителя сырья. Путем товарообмена с ним наши органы должны будут проводить эту заготовку. Имеющиеся запасы, правда, могут дать нам производственную возможность в течение текущего года, но не на будущий год. Таким образом вы видите, что система изменяется и происходит большая децентрализация: поскольку в заготовляющие органы включены наши предприятия и местные органы, постольку самая система заготовительная видоизменяется, децентрализуется. Тут должна быть проявлена большая инициатива. Вместе с тем при настоящих условиях это даст вполне определенные реальные результаты, особенно при изменении общего направления, когда большое количество предприятий передается в руки местных органов. Вот те решения, которые нами намечались. Если вы желаете прибавить к этому практические предложения, то мы будем, конечно, очень рады. Таким образом в области крупной промышленности, как видите, нами должна проводиться политика

концессий, и обращено внимание на производство предметов первой необходимости, выполнение полностью тех производственных заданий, которые стояли и стоят перед крупной промышленностью. По отношению к мелкой промышленности нужно создавать взаимоотношения путем дачи государственных заказов, наблюдение над ней, контроля, но не стеснительного давления в смысле управления ею, и непосредственного управления производством. При настоящих условиях это было бы утопией. Давайте заказы и направляйте их в сторону объединенного мелкого производителя, кооперируйте его — вот задача, которая стоит перед нами. Мы имеем право сдачи в аренду предприятий для развития местной инициативы. Мы владеем средствами производства. Мы сдаем наши тракторы, молотилки крестьянам за определенную натуральную мзду. Наши фабрики и мастерские, которые стоят, мы будем сдавать в аренду и будем наблюдать за ними, контролировать их, так как для нас важна их работа.

Промышленность и подъем ее должен стоять на первом месте. Это основная задача нашей советской политики, не только экономической, но и общей политики. На эту первостепеннейшую задачу должно быть направлено наше главнейшее внимание. Заканчивая свой доклад, я должен сказать, что на этом пути, конечно, мы встретимся с целым рядом затруднений; мы не привыкли к этим методам работы, наш аппарат слишком привык к централизованной работе. Мы привыкли к военным методам, наш аппарат не приспособлен к свободному рынку, к свободным отношениям. 3 или почти 4 года мы имели атмосферу гражданской войны, деятельность наша проходила в узких рамках, когда все было централизовано и зажато в тесный кулак. После этого приходится выходить на свободный рынок; конечно, это звучит для нас чуждо, и первый сдвиг крайне непривычен, но здесь мы должны сделать конкретные и реальные шаги во что бы то ни стало. Если мы осуществим эти намерения в ближайший период, то это будет громадный шаг вперед по пути общего экономического развития. Вот те задачи, которые намечаются нами. Повторяю, если ваш местный опыт даст нам новые практические предложения, то этому мы будем только рады. Я думаю, целесообразность системы для вас ясна. Вы можете сказать нам, что нужно сделать в смысле развития инициативы, самодеятельности мелкой промышленности и для того, чтобы деловым образом подойти к ней для наблюдения и контроля за ней. Если ваш опыт даст нам эти указания, то, конечно, их необходимо принять, а те практические предложения, которые мы делаем, изложены в моих тезисах.

На этом позвольте кончить мой доклад.

2. ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО.

Когда партийная конференция определяла новый курс экономической политики «всерьез и надолго», то это означало, что мы двинем быстро пересмотр наших мероприятий в различных областях народного хозяйства и вводимые мероприятия устанавливаем на сравнительно «долгий срок». Но «долгий срок» отнюдь не означало, что мы рассрочили проведение этих мероприятий на длительный период и будем осуществлять их помаленьку и полегоньку.

Наступающий экономический год, благодаря неурожаю, является крайне тяжелым. Это в настоящее время все знают.

Наша экономическая политика, благодаря этому, должна с громадной энергией проявиться в принятии ряда конкретных мероприятий. Время совершенно не ждет.

Необходимо, прежде всего, расширить курс новой экономической политики. До сих пор ее приложение ограничивалось почти исключительно областью продовольствия и промышленности. Эти области, конечно, важнейшие. Но не нужно забывать о связи их с другими областями народного хозяйства. Нужен пересмотр устарелых положений в области сельского хозяйства, финансов, труда и даже внешней торговли.

Так, например, мы имеем уже декреты и проекты декретов, расширяющие права крупных национализированных предприятий в области распоряжения денежными средствами, материальными ресурсами, освобождение от предварительного контроля и т. п., но мы ничего подобного не имеем применительно к сельскому хозяйству, в то время как такие же права должны быть обязательно предоставлены и совхозам. Им также нужно предоставить больше инициативы и согласовать их работу с новым курсом.

В области распоряжений финансами, хранения денег, циркулирования на рынке различных денежных знаков должны быть пересмотрены старые правила и введены новые, более свободные и эластичные.

Наркомвнешторг должен пересмотреть свою систему ввоза и вывоза, сдачи и получения заказов; наряду с «общим государственным котлом» ему придется считаться с отдельными заказчиками в лице ли отдельного производственного треста, главка или же кооперативного центра и т. д.

Однако при проведении нового экономического курса вскрылись не только недостатки в смысле его объема, но и вредные увлечения им, переоценка его значения.

Если, с одной стороны, мы можем наблюдать известную застойность, то, с другой — неумеренное увлечение в сторону частнохозяйственных принципов.

Искать и надеяться найти спасение исключительно в ставке на частнохозяйственное предпринимательство — вреднейшая иллюзия. Не нужно ни на одну минуту забывать, что основой нашей является в области промышленности и транспорта наше советское, национализированное хозяйство — эта материальная экономическая база диктатуры пролетариата.

Под этим углом зрения нужно рассматривать всю нашу экономическую деятельность. Тов. Свидерский прав, когда указывал, что нельзя за заготовками путем товарообмена забывать сбор налога. Надо добавить, что при настоящих товарных ресурсах, при состоянии только еще налаживающегося аппарата кооперации налог следует считать более реальным и для ближайшего периода более важным способом государственных заготовок, чем товарообмен. Налог нужно собрать в 100%.

Точно так же нельзя безудержно увлекаться частным предпринимательством в области промышленности и смотреть на «аренду» как на панацею от всех зол.

Нужно помнить, что это лишь подсобная мера. В резолюции IV съезда совнархозов эта мера поставлена одной из последних; крупнейшую ошибку делают те, кто хочет ее превратить в одну из первых.

Нельзя делать «доходность» предприятия единственным признаком его права на существование.

Вообще механическое применение частнопредпринимательских принципов может привести к вреднейшим последствиям.

Таким образом мы должны итти вперед в области проведения нашей экономической политики, но мы должны знать меру нашим отклонениям от основного русла нашей линии советского строительства.

Громадное значение в определении границ и отношений хозяйства, построенного на частных основах, и советского национализированного хозяйства имел бы единый хозяйственный план, который должен был быть выработан Госпланом на второе полугодие 1921 г. Но его нет.

Настоящее экономическое положение требует более энергичного поворота всей нашей экономической жизни на тот путь, который был указан партийной конференцией, но этот поворот должен

совершаться путем проведения целостной системы мероприятий, охватывающей все стороны хозяйственной жизни, а не отдельными, изолированными мерами, зачастую приводящими только к дезорганизации.

3. РЕЗОЛЮЦИЯ О ПРОФСОЮЗАХ И ГРАНИЦЫ ОТСТУПЛЕНИЯ.

Резолюция о профсоюзах, опубликованная ЦК РКП, имеет огромное значение. После резолюции о продналоге, определившей нашу политику к крестьянству и явившейся исходным пунктом для новой экономической политики, это вторая основная резолюция, имеющая не меньшее значение и дающая ответы на важнейшие вопросы в области организации рабочих масс в настоящий момент.

Такие вопросы назрели и требовали ответа; можно только пожалеть, что они не были обсуждены на бывшей в декабре 1921 г. всероссийской партийной конференции, и доклад т. Каменева о новой экономической политике даже не включил постановку их, и сам докладчик, повидимому, не придавал тогда им должного значения. О резолюции ЦК еще придется, вероятно, много говорить. Она предполагает необходимость огромной работы по ее проведению в жизнь. Я не сомневаюсь, что на предстоящем партийном съезде она займет почетное место.

В настоящей статье я хотел бы остановить внимание читателей на двух важных моментах этой резолюции, дающих возможность лучше ориентироваться в сложных отношениях современной экономической действительности.

Новая экономическая политика заставляет многих товарищей терять перспективы нашего общественного развития и тех взаимоотношений, какие должны складываться в области экономической, являющейся, согласно старой марксистской истине, основой для всякого рода иных отношений, в том числе и политических.

К сожалению, многие товарищи забывают эту истину и рассматривают общеполитические задачи изолированно от политики, проводимой в экономической области.

В силу этого неизбежна путаница, отсутствие твердой линии, шатания и колебания как в теории, так и на практике.

Перевод предприятий на хозяйственный расчет, допущение *на определенных условиях капиталистов*, открытие свободного рынка очень многими понимается как простой возврат к отношениям буржуазного строя.

Начинается простое копирование (даже без изучения) капиталистических форм и отношений, причем по худшим, отжившим образцам.

И вот в этом отношении резолюция ЦК дает указания крайне ценного характера.

«Новая экономическая политика, — говорится в ней, — вносит ряд существенных изменений в положение пролетариата, следовательно, и профсоюзов. Подавляющая масса средств производства в области промышленности и транспорта остается в руках пролетарского государства. Вместе с национализацией земли это обстоятельство показывает, что новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства...».

Здесь мы находим определенный ответ тем, кто начинает извращать новую экономическую политику в сторону возврата к капиталистическим отношениям. Действительно, существо рабочего государства было и будет заключаться *во владении основой экономического базиса — крупной промышленностью и транспортом*.

Этим определяется существо рабочего государства. Далее: «Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь *до известной меры* и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частнохозяйственного капитализма».

Этого не хотел понять на всероссийской партийной конференции т. Каменев, полемизируя со мной в этой части вопроса.

Мы можем допустить и капитализм и капиталистические методы управления лишь *до известной границы, в определенной мере*. Допускаемый нами капитализм должен являться лишь *подсобной, подчиненной формой нашего советского хозяйства*.

Но крупная промышленность должна быть в наших руках и вестись *на плановых началах* (конечно, это не исключает отдельных отступлений, как, например, право каждого предприятия в определенном проценте своего производства выступать на свободном рынке самостоятельно).

Отношение профсоюзов к капиталистическим предприятиям, допускаемым в рамках пролетарского государства, с одной стороны, и к государственным предприятиям — с другой, должно быть различно. К сожалению, об этой само собой разумеющейся вещи приходится говорить в связи с вопросом о применении стачек.

«В переходное время от капитализма к социализму неизбежно существование классов, и программа РКП говорит с полнейшей определенностью, что мы делаем лишь первые шаги в переходе от капитализма к социализму. Поэтому и компартия и соввласть, как и профсоюзы, должны открыто признавать существование экономической борьбы...». Но если в отношении капиталистических предприятий стачки являются одним из самых мощных орудий в руках профсоюзов для воздействия на капиталистов, то в отношении государственных предприятий должны быть употребляемы иные способы.

«Единственным правильным, здоровым и целесообразным методом, — говорит резолюция, — улажения трений и конфликтов между отдельными частями рабочего класса и органами рабочего государства является посредническое участие профсоюзов, которые в лице своих соответственных органов либо вступают в переговоры с соответственными заинтересованными хозяйственными органами на основе точно формулированных требований и предложений обеих сторон, либо апеллируют к высшим государственным инстанциям».

Такова директива, даваемая ЦК по партии. Профсоюзы не могут и не должны становиться в «независимую» позицию в отношении к государственным предприятиям. Конфликты, какие могут возникать между администрацией и рабочими в советских предприятиях и учреждениях,— не классового, а технического характера, а следовательно, и способы устранения их должны быть иными, чем в капиталистических предприятиях. Мое личное мнение заключается в том, что можно было бы вообще коммунистической партии высказаться решительно против стачек в советских предприятиях.

Наша экономическая политика, как общее правило, должна строиться на учете объективных данных и ставить своей задачей поднять производство во что бы то ни стало. Последнее является основной задачей.

Но в разрешении последней задачи нужно учитывать все своеобразие наших современных условий, создаваемых, прежде всего, самим фактом диктатуры пролетариата.

Мы отнюдь не сможем достигнуть необходимых результатов простым поворотом назад и воспеванием преимущественно капиталистических методов на манер известной птицы:

Птица Силен,
Голос у нее силен.
Когда господа бога воспевает,
Сама себя позабывает.

Такие божьи птицы (они у нас появились) нам для укрепления нашего советского строя принесут мало пользы.

Учиться у капиталистов (только капиталистов настоящих, последнего времени, а не XVII века) надо, это полезно. Но самих себя забывать не надо, границы отступления знать надо.

4. Итоги и перспективы новой экономической политики.

Перед партийным съездом встанет вопрос об итогах и перспективах нашего хозяйственного развития, и нам представляется крайне важным, чтобы съездом, который, повидимому, может сказать, что «наше экономическое отступление мы можем остановить», было бы также покончено с теми шатаниями в партии, какие наблюдаются в отношении понимания новой экономической политики и ее задач.

Несмотря на годовой опыт проведения новой экономической политики, в партии не существовало ясного представления о характере ее.

В значительной степени виною этому были те разноречивые толкования, какие давались в объяснение перехода от старой экономической политики к новой. Тут были признания «ошибкой» старой экономической политики новой, как шаг вперед к действительному социалистическому строительству; затем «ошибка» была разъяснена и оказалась далеко не «ошибкой», а новая экономическая политика «отступлением», причем в объяснении этого «отступления» некоторые товарищи полагали, что о «границах» толковать не приходится и т. д.

Все же это вместе взятое, само собой разумеется, не способствовало ясному представлению о сущности нашей линии в области хозяйственного строительства и приводило к разного рода «уклонам», то «анархо-синдикалистского» характера, то «коммунистической реакции», то к «либеральным увлечениям».

В настоящее время, по нашему мнению, представляется возможным подвести не только итоги практическим результатам проведения в жизнь новой экономической политики, но и относительно основных принципиальных сторон не только «новой», но вообще нашей экономической работы.

Диктатура пролетариата в экономическом отношении выражается, во-первых, в обобществлении средств производства в форме национализации последних, во-вторых—в количестве тех материальных благ, какими располагает рабочее государство (продовольствия, сырья, топлива).

Первая задача нами была разрешена и закреплена. Даже капиталистический мир вынужден был признать не только с фактической, но и с юридической стороны национализацию. Там, где, как, например, в Англии, бывшие собственники национализированных нами предприятий пытались предъявлять к нам свои претензии, они проигрывали дела в английских судах.

Но вторая задача, наоборот, нами решена не была. Несмотря на то, что и в партийной программе и в ряде решений наших съездов и конференций вопрос поднятия производства считался важнейшим вопросом, тем не менее, по сравнению с довоенным временем, у нас наблюдается громадное уменьшение в области производства. Достаточно сказать, что сельскохозяйственная продукция упала вдвое (вместо 65,5 млн. *т* хлеба производится 32,75).

Новая экономическая политика ставила своей первейшей и основной целью решение именно этой второй задачи: дать толчок к развитию производства и деревни и города; использовать для этой цели все силы и ресурсы страны и тем самым укрепить, сделать более плотной и устойчивой ту почву, на которой стоит власть рабочих и крестьян.

П о с к о л ь к у н о в а я э к о н о м и ч е с к а я п о л и т и к а р е ш и л а э т у з а д а ч у, п о с т о л ь к у о н а о т н ю д ь н е н а х о д и л а с ь в п р о т и в о р е ч и и с н а ш и м и о с н о в н ы м и п р и н ц и п а м и э к о н о м и ч е с к о й п о л и т и к и и п е р е х о д н о й э п о х и.

Неизбежно было то явление, что при развитии крестьянского хозяйства, при развитии торговых отношений города и деревни, будет появляться на свет божий мелкая и средняя буржуазия; что в известной мере появятся капиталистические формы хозяйства и получат некоторые права гражданства. Этого избежать нельзя, раз имеется в наличности и огромная масса крестьянства и известное количество частных обственников в городах. Д е л о н е в т о м, ч т о б ы о т р и ц а т ь э т о т ф а к т, а в т о м, ч т о б ы у с т а н о в и т ь о п р е д е л е н н о е с о о т н о ш е н и е м е ж д у с у щ е с т в у ю щ и м с о в е т с к и м х о з я й с т в о м и в н о в ь в о з н и к а ю щ и м и к а п и т а л и с т и ч е с к и м и ф о р м а м и.

Н е о б х о д и м о н е т о л ь к о т о, ч т о б ы м ы з а н и м а л и к о м а н д у ю щ и е в ы с о т ы в н а ш е м н а р о д н о м х о з я й с т в е, н о ч т о б ы к а п и т а л и с т и ч е с к и е ф о р м ы х о з я й с т в а и м е л и с о п о д ч и н е н н о е з н а ч е н и е в о т н о ш е н и и к с о в е т с к о м у н а ц и о н а л и з и р о в а н н о м у х о з я й с т в у.

Мы не можем произвести денационализации, мы не можем отказаться от планового хозяйства, мы не можем и не должны создавать привилегированного положения капиталистам.

Тут лежит граница наших уступок.

Новая экономическая политика создала достаточно широкие условия для проявления инициативы, самодеятельности и для получения выгоды частным предпринимателем всякого происхождения.

Но дальше наше отступление, сказал т. Ленин, мы можем остановить.

Те, кто полагает, что, в силу допущенных уступок к проявлению частной инициативы и интереса, мы просто восстанавливаем старое, — те ничего не понимают.

Великолепный образчик такого непонимания и ограниченности дает журнал «Экономист», издаваемый в Петербурге буржуазной профессурой. Эта мертвая мысль не способна понять движения жизни и живет воспоминаниями старины.

Общая наша линия экономической политики направлена на поднятие производства в стране, на увеличение запаса продовольствия, сырья и топлива; формы хозяйства и методы будут смешанные, но господствующей формой, направляющей и руководящей, остается наше советское хозяйство и, прежде всего, наша крупная промышленность.

Исходя из этого, нужно намечать нашу текущую экономическую политику.

1. Подводя годовые результаты новой экономической политики, мы видим, что:

а) новая экономическая политика вполне оправдала наши расчеты в отношении крестьянства: сравнительно удовлетворительное выполнение продналога и приостановка падения, а в некоторых областях расширение посевной площади;

б) отчасти достигнуты положительные результаты в промышленности (повышение производства), но вместе с тем наблюдается тяжелое финансовое положение, появление безработных и спекулянтов;

в) слабые результаты в деле привлечения иностранного капитала.

2. Дальнейшее развитие новой экономической политики будет усиливать: 1) роль рынка, 2) роль финансового капитала и 3) значение накопления как основового принципа хозяйствования для ближайших лет.

3. Исходя из всего вышеизложенного, следует наметить ряд экономических задач, которые выдвигаются развитием нашей хозяйственной деятельности.

Основными задачами приходится считать:

I. В области сельского хозяйства.

В области сельского хозяйства — усиление регулирования сельского хозяйства. Наш сельскохозяйственный план носит ориентировочный характер, но в некоторых частях он должен стать обязательным при определенных условиях (например, когда волостной сельскохозяйственный комитет устанавливает срок уборки, пахоты, удобрения и т. п.). Сельскохозяйственная продукция упала почти на 50%; надо рассчитать, в какой срок и какими мерами ее поднять.

Необходимо установить оборудование и возрождение прокатных пунктов, так как технические улучшения в сельскохозяйственном производстве могут получить серьезное развитие лишь через прокатные пункты. Установить единый натуральный налог. Особенно важно развить торговые отношения с крестьянством. Наши органы должны закрепить за собой путем соглашения и договоров с крестьянами сельскохозяйственное сырье и продукты. Организация сельскохозяйственного кредита в этом отношении должна сыграть серьезную роль.

II. В области промышленности.

Основная задача — *накопить на отдельных предприятиях запасы сырья, топлива и подсобных материалов.* То некоторое оживление, какое мы наблюдаем, объясняется несколько лучшим продовольствием рабочих осенью и зимой и установлением зивисимости между заработной платой и производительностью. Но в отношении производительного снабжения дело обстоит крайне плохо, и с весной нужно ожидать ухудшения положения и углубления кризиса.

Обеспечить непрерывность и равномерность производства возможно только на почве образования запасов. Если эту задачу в прошлом мы разрешили путем введения монополии, образования общегосударственных складов и резервов, то теперь главное внимание и центр тяжести надо переносить на отдельные предприятия. Это отнюдь не означает уничтожения общегосударственных резервов сырья, топлива и продовольствия, но их роль в значительной степени умаляется и сво-

дится на снабжение тех предприятий, которые будут вестись в плановом порядке. Для этой категории предприятий должны быть обеспечены государством твердые ресурсы.

Вся крупная промышленность и основные источники руд и топлива должны остаться полностью в руках наших органов. Допустимы лишь отдельные исключения, безусловно выгодные для поднятия нашего хозяйства. Вся крупная промышленность должна вестись в плановом порядке.

III. В области финансовой.

Развитие новых экономических отношений и выросшие потребности рынка застали нас почти совершенно неподготовленными в области финансовой.

Отсутствие кредитных учреждений, банков приводило к непосредственному увеличению требования на денежные знаки. Но, несмотря на то, что спрос на денежные знаки далеко опережал выпуск их, курс рубля продолжал и продолжает падать.

Все это поставило наши предприятия в крайне тяжелое положение, особенно те из них, которые переведены на хозяйственный расчет.

Со стороны финансовой наши тресты и отдельные предприятия находятся в критическом положении. Многие из них, несомненно, обанкротились бы, если бы к ним предъявить требования платежа по всем обязательствам, со всеми вытекающими последствиями за отказ производить таковые.

Улучшение наших финансов может произойти только на основе развития производства и торговли, а с другой стороны — расширения деятельности наших банковых учреждений.

Государственный банк должен поставить своей задачей мобилизацию капиталов; затем, как очередную задачу, должен поставить организацию сельскохозяйственного кредита и, наконец, особенное внимание обратить на содействие развитию крупной промышленности; постепенный переход на металлическую валюту и прекращение выпуска бумажных дензнаков.

IV. Торговля.

Торговля быстро развивается. Но до сих пор ее развитие происходит больше вширь, а не вглубь. К отрицательным явлениям приходится отнести неумение наших органов выступать на рынке солидарно. Наблюдается борьба и конкуренция их между собой. Вследствие этого

происходит распыление и расторговывание хозяйственных органов, вздутие цен, и торговля получает спекулятивный характер. Необходимо для занятия и укрепления за собой командующего положения на рынке сделать выступление наших органов объединенным, вплоть до принудительного синдицирования в губернском или областном масштабах. Наши кооперативы и торговые органы должны собрать в своих руках запасы товаров, развить торговые сделки на кредитных началах.

V. Единый хозяйственный план.

Вопрос о едином хозяйственном плане получает в настоящих условиях иное решение, чем то, какое было дано IX партийным съездом и последующими решениями. Однако нужно сказать, что, несмотря на те стеснения, каким подверглась структура нашего народного хозяйства, составление и проведение в жизнь единого хозяйственного плана продолжает быть насущной задачей.

Единый хозяйственный план, рассчитанный на срок в несколько лет, должен иметь лишь ориентировочное значение.

Главным руководящим его принципом должно быть установление тех условий, при которых может произойти накопление запасов сырья, топлива, продовольствия, по крайней мере в довоенных размерах.

Но особенное значение приобретает выработка текущего обязательного хозяйственного плана для предприятий, остающихся целиком в руках советских органов и на государственном снабжении.

Несогласованность производственных заданий с сырьевым, топливным, финансовым и продовольственным снабжением сводит к нулю те достижения в области повышения производительности в государственной промышленности и неизбежно будет приходить к кризисам, обусловливаемым диспропорциональностью частей народного хозяйзяйства.

Бессистемность проводимых мероприятий, а также проведение их без предварительной подготовки (напр. введение платности за перевозку, за топливо, без предварительного улучшения финансирования) наносят громадный вред нашему хозяйству.

Постепенное укрепление и расширение планового хозяйства должно быть стержнем нашей экономической политики.

5. ЧЕМУ УЧИТ ОПЫТ.

Одно из самых основных изменений, какие внесла новая экономическая политика, было допущение вольного рынка, допущение торговли. От планового снабжения и распределения наша промышленность должна была перейти к условиям торговой конкуренции, борьбы на рынке и здесь завоевать себе прочное положение или, как выражались, завладеть командующими высотами рынка.

Огромное значение для нашего народного хозяйства имеет в настоящее время умение нашей промышленности приспособиться к рынку и овладеть им.

Более чем годовой опыт, имеющийся у нас в этом отношении, не дает возможности произвести полную оценку выступления нашей промышленности на рынке, но некоторые, крайне существенные для нас выводы, мы все же можем сделать. Основными, по нашему мнению, в этом отношении являются два вопроса: 1) удельный вес на рынке наших государственных органов, кооперации и частных торговых предприятий и 2) результаты торговли, т. е. принесла ли торговля для нашей промышленности прибыль или убыток.

Обращаясь к первому вопросу, мы должны констатировать, что пока еще государственные органы и кооперация по сравнению с частной торговлей являются на рынке господствующими. Данные о товарообороте всех объединений, входящих в состав ВСНХ и подробно разработанных, дают нам представление о соотношениях между указанными тремя организациями, выступающими на рынке. Из этих данных мы видим, что в общем товарообороте всех объединений за последние 6 месяцев на государственные органы приходится 50—60%, на кооперацию — от 7 до 10% и на частные предприятия, на частную торговлю — 30—40%. Вместе с тем нам приходится констатировать, что частная торговля сравнительно быстро развивается, роль же кооперации в торговле сокращается. Правда, т. Хинчук в недавно выпущенной им книжке о Центросоюзе оценивает участие кооперации в товарообороте страны, но только по ассортименту товаров Центросоюза, в 40% к общему товарообороту. Но и этот процент является незначительным, так как остальные 60% распределяются между госорганами и частными предприятиями с перевесом в сторону частных предприятий. Таким образом мы видим увеличивающийся рост частной торговли. Правда, оптовая торговля до сих пор почти целиком находится в руках госорганов и кооперации, частные же торговые предприятия находят себе применение почти исключительно в области розничной тор-

говли. Но, тем не менее, указанные цифры уже показывают нам на необходимость обратить самое серьезное внимание на деятельность кооперации. Мы должны помнить, что для нас крайне важным является: кто производит так называемую «смычку», связь между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Как известно, одним из основных мотивов новой экономической политики явилась необходимость закрепления указанной связи, но мы отнюдь не должны эту связь устанавливать руками частных торговцев. Конечно, наши госорганы, почти в виде общего правила, останутся оптовыми торговцами, но наша потребительская кооперация должна занять господствующее положение в области розничной торговли. К сожалению, практика показывает нам иное. Эта практика должна быть исправлена в ближайшем же будущем. Приходится указать, что такие организации, как ПЕПО, могут служить в этом отношении примером, как для кооперации нужно ставить дело.

Обратимся теперь ко второму вопросу — торговала ли наша промышленность с прибылью или убытком? Можно сказать на основании имеющихся данных, что в общем и целом промышленность понесла от своих первых выступлений на рынке крупные убытки и оказалась неприспособленной к конкуренции. Объясняется это как целым рядом объективных условий, так и недостатками аппарата промышленности. Из объективных условий, которые привели к тому, что промышленность выпустила свой товар на рынок по низким ценам, основным является н е д о с т а т о к оборотных средств. Общий недостаток в оборотных средствах исчисляется ВСНХ на весь 1922 г. в общем на 3 млн. зол. руб. (по довоенным ценам). Необходимость закупать сырье, топливо, расплачиваться с рабочими заставляла нашу промышленность с п е ш и т ь с реализацией имевшихся у нее готовых продуктов. В результате продажные цены сплошь и рядом стояли значительно ниже себестоимости производства. Приведем только два примера. Наиболее ходким товаром, как известно, является мануфактура. Вот данные, характеризующие продажную цену на мануфактуру, которые мы находим в нижеприводимой табличке. (См. стр. 266.)

Таким образом мы видим, что продажная цена, например в мае, стояла в 2—$2^1/_2$ раза ниже себестоимости и в $1^1/_2$ раза ниже объявленной цены синдиката. Такую же картину мы видим и в июне и в августе, когда продажная цена значительно ниже себестоимости, и только в сентябре мы видим выравнение цены и приближение ее к себестоимости.

Даже такой продукт, как сахар, продавался ниже себестоимости производства. Себестоимость производства 16 *кг* сахара была в 1922 г.

Ситец № 6, довоенн. цена 18 к.

	Себестоимость	Объявленная цена (цена синдиката)	Цена, принятая рынком
25 марта	198 000	198 000	150 000
24 апреля	380 000	240 000	200 000
8 мая	610 000	290 000	240 000
15 »		375 000	290 000
29 »		550 000	375 000
15 июня	625 000	625 000	500 — 375 000
1 августа	825 000	687 000	625 000
15 »		825 000	687 500
1 сентября	825 000	825 000	825 000
2 октября	1 520 000	1 520 000	100 000

в *кг* ржи — 163 *кг*, продавался же сахар в переводе на рожь по 114 *кг* ржи за 16 *кг* сахара. Таким образом убыток выразился в 49 *кг*.

Результаты подобного выступления нашей промышленности на рынке должны были сказаться тяжелым образом. Убыток, понесенный подобной торговлей для нашей крупной промышленности, естественно, выразился прежде всего в уменьшении запасов готовых продуктов и запасов сырья. Несмотря на известный факт увеличения производства в нашей промышленности по сравнению с прошлым годом, запасы сырья и запасы готовой продукции на наших предприятиях, как общее правило, сократились. Это мы видим по целому ряду отраслей промышленности.

Вот несколько примеров. Хлопка на 1/I 1922 г. на фабриках было 60,6 тыс. *т*, а 1/VIII осталось только 29,5 тыс. *т*, т. е. менее почти на 31 тыс. *т*. В то же время на местах количество хлопка осталось почти без изменений— 46 тыс. *т* на 1/I 1922 г. и 44 тыс. *т* на 1/VIII. Таким образом истраченные запасы хлопка не восстановились, и в переводе на золото эта потеря хлопка выражается в 50 млн. зол. руб. На многих фабриках уже ощущается недостаток хлопка.

Такая же картина по шерсти. Запасы шерсти на 1/I 1922 г. равнялись 18 тыс. *т*, на 1/IX 1922 г. — 11,5 тыс. *т*. По льну на 1/I было 35 тыс. *т*, а остаток на 1/IX—24,5 тыс. *т*.

Нефтяные запасы уменьшились: на 1/X 1922 г. мы имели запасов 2,25 млн. *т*, а 1/IX 1922 г. мы имеем оставшихся в запасе 1,13 млн. *т*.

По другим отраслям также замечается сокращение оборотных средств.

Таким образом наше выступление на рынке на первых порах, как видим, было далеко не удачно, и острый недостаток в оборотных средствах продолжается. До 1/I 1923 г. наша крупная промышленность нуждается в государственной субсидии, и дать ей эти средства — наша первая задача. В результате мы должны сказать, что в отношении розничной торговли перед нами стоит основная задача — усилить роль и деятельность кооперации.

В области нашей оптовой торговли, которой ведают главным образом наши хозяйственные органы промышленности, основной задачей является — увеличить их оборотные средства, подкрепив тем самым их позицию на рынке,чтобы не повторялась бывшая летом этого года реализация товаров по низким ценам и себе в убыток. Этот опыт мы должны учесть как в центре,так и на местах, приняв для этого соответствующие меры.

6. ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБЛЕНИЕ.

П. П. Маслов, Мировая социальная проблема, Харбин, 1921, «Красная новь», № 7, 1922 г.

В своей книге «Мировая социальная проблема» П. П. Маслов ставит вопрос о влиянии процесса потребления на развитие производительных сил, а следовательно, и всего народного хозяйства. По его мнению не только капиталистический мир, но и советский строй в России не пошел дальше вопросов распределения, и коммунистов он упрекает в том, что они не выдвинули на первое место вопросов производства продукции, а занялись вопросами распределения. Петр Маслов идет дальше и уверяет, что не только на практике, но и в теории эти вопросы никем абсолютно не ставились, и он смело берет в этом деле пальму первенства.

«Ни Маркс ни другие социалисты, — говорит он,—даже не поставили вопроса о том, какие же изменения должны произойти, по их мнению, в народном хозяйстве, чтобы положение народных масс действительно улучшилось, чтобы производительные силы страны не падали, а развивались» (стр. 91).

По мнению П. Маслова никто не учитывал, не знал и не понимал всей важности проблемы потребления и соответствующего развития производства.

«Социалисты до сих пор обращали внимание на проблему распределения потому, что при развитии капитализма ярче всего броса-

лось в глаза коренное противоречие между ростом производительных сил, ростом роскоши имущих классов и нищетой населения» (стр. 113).

Свою книгу П. Маслов начинает главой до известной степени религиозного свойства: «элементы веры в социализме» и в дальнейшем претендуют на откровения, в которых он выступает первым пророком. Однако грешная действительность говорит иное, чем то, что утверждает П. Маслов. Вопросы производства, вопросы распределения рабочих сил, вопросы потребления в связи с повышением производительности выдвигались нами задолго до откровений П. Маслова не только в теории, но ставились на практике в течение всех этих лет. Это, конечно, отнюдь не означает, что мы нашли на это ответы и законы на все времена. Практика дала почувствовать всю тяжесть и трудность их решения.

Наша программа вполне определенно и ясно говорит, что именно производство и повышение производительности являются основным вопросом во время диктатуры пролетариата, а не распределение. Да и сам П. Маслов указывает в конце книги на «... стремление коммунистов под влиянием опыта подчинить проблему распределения проблеме продукции» (стр. 198). А это в его устах — большой комплимент. Но это комплимент запоздалый и никчемный: нашим добром нам же челом. В смысле общей постановки вопроса о производстве, об его превалирующей роли мы знали раньше П. П. Маслова.

Но дело заключалось в практике, каковую приходилось делать в атмосфере гражданской войны, в условиях «осажденного лагеря». Тут общими постановками вопроса не отделаешься. На них далеко не уйдешь.

И вот эту сторону вопроса П. П. Маслов не понимал и не понимает.

Ошибочность подхода П. П. Маслова к поставленным вопросам заключается прежде всего в той «надклассовой», а по существу буржуазно-реформистской позиции, с которой он рассматривает и анализирует эти вопросы. В этом отношении Петр Маслов в своем роде так же типичен, как Петр Струве. Последний — откровенный сторонник и защитник капитализма. Во время империалистической войны П. П. Маслов, как известно, был одним из самых ярых оборонцев. Он оправдывал «военные цели» своей буржуазии и добросовестно и «научно» ругал «чужую». Он был противником октябрьского переворота, так как уже давно отошел от понимания революционной классовой борьбы пролетариата и захвата власти. И теперь в области чисто экономических вопросов он становится по существу на сторону класса капиталистов, опирается на силу капиталистического строя,

чтобы критиковать попытки его изменения. Но эту свою позицию он старается прикрывать и затушевывать видимым «объективизмом» и личиной «внеклассового беспристрастия». С такой методологией далеко не уйдешь и не нащупаешь верной дороги. Даже те полезные и верные указания, какие имеются в книге и на которых мы дальше остановимся, в значительной степени обесцениваются этой водой.

«Наряду с классовыми противоположными интересами, — говорит он, — можно иметь в виду интересы хозяйственного развития, которые один класс не всегда может противопоставлять интересам другого класса. При капиталистическом строе класс капиталистов также может быть заинтересован в развитии народного хозяйства, как и класс рабочих. Классовые интересы рабочих, т. е. интересы р а с п р е д е л е н и я в и х п о л ь з у, больше связаны с интересами развития хозяйства только потому, что рабочие заинтересованы в сокращении и уничтожении непроизводительного потребления, ради которого в конечном счете ведется капиталистическое хозяйство. Поскольку рабочий класс подчиняет интересы распределения интересам продукции, т. е. свои классовые интересы настоящего интересам хозяйственного развития, интересам будущего, постольку он может стать носителем экономического прогресса и нового социального строя.

Таким образом крайне ошибочно отождествлять классовые интересы (интересы распределения) настоящего с интересами хозяйственного развития (будущего), потому что при распределении национального дохода интересы различных классов (например рабочих и предпринимателей) противоположны, а в хозяйственном развитии могут быть заинтересованы классы с противоположными классовыми интересами. Если это так, то и классовые интересы настоящего рабочих и классовые интересы буржуазии и других классов должны быть подчинены интересам развития народного хозяйства, и не может быть допущено, например, такое распределение национального дохода, чтобы какой-нибудь класс потреблял больше, чем производится, так как от этого пострадают интересы развития хозяйства, т. е. будущего всего общества» (стр. 208).

Такова основа, на которой возводит П. Маслов свою теорию. Нетрудно видеть, что здесь устраняется совершенно анализ объективного законосообразного развития общества и революционной борьбы классов и подменяется отвлеченной по существу теорией экономической целесообразности. Объяснение классовых интересов и классовой борьбы только вопросами распределения — совершенно неверно. П. Маслов воображает, что он в этом отношении делает шаг вперед по

сравнению с Марксом, на самом деле он тянет назад. Производственные отношения, которые «составляют экономическую структуру общества» и определяют классовую борьбу, и самые классовые интересы, как совокупность экономических и политических требований, в понятии Маслова низводятся и «упрощаются» до борьбы только в области «распределения». Еще хуже обстоит дело с той частью, где Петр Маслов находит примирение классов, «общность их интересов», общность интересов капиталиста и рабочего, воодушевленных интересами развития народного хозяйства. Это — все та же несчастная теория «оборонцев» всех стран, которая заставляла их объединяться во имя интересов защиты родины в «священный союз» с своей буржуазией. Тут, в области экономической, та же проповедь «священного союза» — только во имя интересов развития «народного хозяйства» в рамках капитализма. Нужно ли говорить, что здесь та же сдача позиций капитализму, то же соглашательство с ним, какое позорной тенью легло на рабочее движение в эпоху империалистической войны благодаря вождям II Интернационала. П. Маслов не понимает простой вещи: политика рабочего класса одна, когда он подчинен, а господствует класс капиталистов, и другая, когда он берет власть в свои руки и объявляет диктатуру пролетариата, а оставшиеся в известной части капиталисты ему подчинены. Раз произошло изменение соотношения сил, создались иные объективные условия, нужна иная линия политики. Когда пролетариат у власти, когда в его руках средства производства, когда он руководит всей общественной жизнью, — тогда он может и должен использовать и капиталистов в интересах всего народного хозяйства, уметь заключить с ними договор, а если нужно, то и союз, даже прилежно «учиться» у них, по совету т. Ленина.

Для П. Маслова это неважно, у него «общность интересов» — при всех и всяческих условиях.

Тейлор, который сделал крайне ценные открытия в области трудовых процессов, в своих произведениях также недоумевает, как это могут быть противоположны интересы предпринимателя-капиталиста и рабочего, и склонен объяснить это печальным недоразумением. Поэтому П. Маслов приходит и к отрицательным выводам относительно классовой борьбы, беря за одни скобки и рабочих и капиталистов и стараясь доказать, что они неправы, борясь между собой. Это у него звучит иногда весьма трогательно и до крайности наивно.

«Каждый общественный класс, — по заявлению П. Маслова, — предполагает, что увеличение его дохода зависит от уменьшения доли другого класса, которая получается из национального дохода. Поэтому

рабочий класс полагает, что его заработная плата уменьшилась во время войны, благодаря высоким прибылям предпринимателей, между тем как последние, в свою очередь, объясняют уменьшение национального капитала, который находится в их руках, излишним потреблением рабочих и их высокой заработной платой. Заблуждение и тех и других происходит благодаря тому, что общественные классы, занятые борьбой из-за величины своей доли в национальном доходе за счет доли другого класса, так же как и экономисты, не обращают внимания на то, как потребляется национальный доход» (стр. 83).

То ли дело, если бы они помирились, согласились и договорились — тогда бы они смогли по всем правилам масловского искусства поделить между собой национальный доход и, очевидно, общими соединенными усилиями развить производительные силы народного хозяйства дальше. П. Маслов эту реакционную, научную, утопическую точку зрения преподносит с безмятежностью человека не от мира сего; правда, всего лишь через одну страницу он пишет:

«Каждая из трех частей, на которые распадается национальный доход: (а) потребление рабочих и крестьян; b) затрата на средства производства; с) потребление капиталистов. — *В. М.)*, может быть увеличена или на счет остальных двух частей, или на счет общего увеличения ее производительных сил» (стр. 85).

Последнее было бы верно только в том случае, если бы класс капиталистов представлял из себя тех скромных, добродетельных, альтруистических ягнят, как это воображает Петр Маслов.

Упрекая рабочих в их стремлении путем классовой борьбы, стачек, революций увеличить свою долю в национальном доходе, П. Маслов естественно должен был похвалить капиталистическую систему за ее стремление обуздать эти аппетиты рабочих в интересах «общего» развития народного хозяйства.

«... Из существовавших до сих пор систем организации хозяйства, хотя бы с идеальным распределением дохода, капиталистическая система наиболее интенсивно исполняла основное условие, необходимое для развития хозяйства — накопление орудий и средств производства для расширенного воспроизводства за счет личного потребления. Эту задачу не может осуществить мелкое хозяйство при самом идеальном демократическом строе, эта задача не может осуществиться и после социальной революции» (стр. 99).

П. Маслов извращает смысл классовой борьбы рабочих и социальной революции, давая ей вульгарный лозунг — «бери все для своих личных потребностей». Для чего это ему потребовалось? Единственно

для того, чтобы оправдать свою позицию отрыва от интересов, целей и задач этой борьбы и выставить свой «научный объективизм».

Нужно ли теперь доказывать значение классовой борьбы, ее цели, задачи, после целого ряда десятилетий развития и углубления ее, в момент, когда она на наших глазах превратилась в социальную революцию, когда диктатура пролетариата в Советской России есть факт, от которого не уйдешь и никуда не спрячешься.

Поэтому странен поучающий тон П. Маслова, говорящего, что:

«Коммунизм как раз начал в 1917 г. с такого решения социальной проблемы, которое предлагают эсеры и социал-демократы через 2—3 года опыта, — с увеличения личного потребления, но коммунизм опытом управления пришел к признанию необходимости увеличения продукции, хотя бы путем интенсификации труда» (стр. 121).

Отрешиться от классовой борьбы и решать вопросы повышения продукции, не учитывая классовых отношений, это означает вдаться в чистейшую отвлеченность.

Даже в условиях диктатуры пролетариата, когда последний является господином положения, при управлении, пролетарская власть должна свою экономическую политику строить, учитывая экономические требования других классов.

Развитие, например, крестьянского хозяйства требует существенных отступлений от общих экономических принципов, проводимых пролетарской властью. По окончании гражданской войны нам пришлось считаться с этим и перейти к продналогу, свободному рынку и т. п.

Основное теоретическое положение, устанавливаемое П. П. Масловым, заключается в том, что «распределение производительных сил страны находится исключительно в зависимости от характера потребления национального дохода, хотя нельзя отвергать и обратную зависимость характера потребления и организации производства» (стр. 41).

Как видим, эта формулировка не отличается большой ясностью и определенностью. Будучи в своей первой части вполне категорична, она во второй имеет такую оговорку, что подрывается в основе ее положительное утверждение.

Но все же вся постановка вопроса во всей работе зиждется на первом положении:

«Во всяком случае, — говорит дальше Маслов, — законами потребления определяется характер распределения производительных сил, и поэтому изучение хозяйства приходится начинать

с изучения законов потребления, как общих законов во все периоды развития хозяйства» (стр. 42).

Подобная постановка вопроса, несомненно, приводит П. П. Маслова полностью в объятия австрийской школы. В этом положении заключается главное «открытие» П. П. Маслова, увлекающее его на путь идеалистической методологии при рассмотрении экономического развития.

Именно австрийская школа поставила основой экономической жизни законы потребления. П. Маслов лишь лицемерно отмалчивается по этому поводу. Тов. Бухарин, давший превосходный разбор австрийской школы в своей книге «Политическая экономия рантье», вполне правильно указывает, что:

«В то время как Маркс рассматривает общество прежде всего как «производственный организм», хозяйство как «производственный процесс», у Бем-Баверка (и у всей австрийской школы. — *В. М.)* производство отступает на задний план, и на первое место выдвигается анализ потребления, потребностей и желаний хозяйствующего субъекта».

На этой позиции стоит П. П. Маслов. К чему приводит подобная точка зрения? Прежде всего к отрыву от анализа развития производительных сил, к отрыву от объективных условий развития организации труда и техники, к отказу от классовой точки зрения и к переходу в область «психо-физиологических переживаний», к переходу на субъективную точку зрения. П. Маслов ушел от социализма и от марксизма и на практике и в теории.

Однако в его книге есть, что следует принять во внимание. Его указания на то, что в нашем советском хозяйстве был уклон в сторону «непроизводительного потребления», — несомненно правильны. Исторически и политически увеличение «непроизводительного потребления» в первые годы диктатуры пролетариата в Советской России было неизбежно.

Это — «издержки революции», на которых подробно остановился т. Бухарин в своей книге.

«Что переход к новой структуре, — говорит он, — которая является новой формой развития производительных сил, немыслим без временного понижения производительных сил, должно быть ясно само собою.

И опыт всех революций, сыгравших колоссальную положительную роль именно с точки зрения развития производительных сил,

показывает, что это развитие покупалось ценой иногда колоссального расхищения и разрушения их.

Иначе и не может быть, поскольку речь идет о революции. Ибо в революции «взрывается оболочка» производственных отношений, т. е. людского трудового аппарата, что означает и что не может не означать нарушения процесса воспроизводства и, следовательно, разрушения производительных сил».

Для П. П. Маслова, стоящего по ту сторону добра и зла классовой борьбы и революции, это непонятно. Но в констатации самого факта он прав, точно так же как не приходится отрицать всех тяжелых последствий для народного хозяйства этих «издержек революции» и необходимости по возможности свести их к минимуму.

По этому пути ведет, если можно так выразиться, сама жизнь, и по этому пути идет наша экономическая политика. Как только представилась возможность, мы в несколько раз сократили численность нашей армии. Энергично сократили и продолжаем сокращать наш государственный аппарат, сводя его к необходимому минимуму. Целые категории служащих сняты с государственного снабжения. Все наше законодательство в области хозяйственной направлено за последний год к тому, чтобы увеличить производительность, уменьшить непроизводительное потребление и непроизводительный труд.

Конечно много еще не сделано в этой области. Но внимательно прочитывая книгу П. Маслова, мы не нашли в ней новых полезных указаний для нас.

То, что он говорит о сокращении непроизводительного труда и непроизводительного потребления, это полезно и верно. Но конкретные его выводы не дают новых решений в деле поднятия производства и благосостояния страны. Правда, П. Маслов в утешение себе мог бы сказать — «об этом я говорил еще в 1919 г., а вы только теперь делаете!». Но, увы! — это было бы только самоутешение! Пусть вспомнит П. Маслов, чем были для Советской России 1919 и 1920 гг., и пусть он знает, что факты — упрямая вещь, а объективная действительность определяет нашу политику, нашу тактику и нашу теорию. То, что верно теперь, было бы ошибкой тогда, и наоборот.

Своей последней работой П. П. Маслов говорит, что он перестал быть не только социалистом, но и марксистом.

Минорной лирикой кончает он свою книгу, являющуюся печальным звеном его эволюции по тому пути, по которому до него прошли Булгаков, Туган-Барановский, Петр Струве и др....

7. К. КАУТСКИЙ О ПЛАНОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

«Экономическая жизнь» от 5 октября 1922 г., № 224.

Вопросы планового хозяйства начинают привлекать к себе все больше внимания не только в Советской России, но и на Западе. Запутанность капиталистического хозяйства достигает даже в наиболее развитых в хозяйственном отношении странах таких размеров, что вопрос о плановом хозяйстве получает актуальное значение. Конкуренция как основа хозяйственной деятельности, не только в международном масштабе, но даже в национальном, приводит к таким опасным результатам, что о необходимости внесения принципа планового хозяйства заговаривают даже буржуазные экономисты.

Но вопрос заключается в том, совместимы ли принципы планового хозяйства с господствующим капиталистическим строем?

Историческое развитие дает отрицательный ответ на поиски того философского камня, который спас бы капиталистический мир и оградил бы его от неизбежных последствий собственного своего развития. Однако самый путь, по которому идут эти поиски, представляет для нас интерес. Наряду с буржуазными экономистами над этими вопросом трудятся и реформисты всех толков, связавшие свою судьбу с судьбой капитализма. Они также ищут средства «подправить» и «подновить» рушащуюся систему капитализма, перейти на плановые начала.

В недавно вышедшей книжке К. Каутского «Пролетарская революция и ее программа» вопросу планового хозяйства посвящена особая глава, характерная указанной чертой.

К. Каутский за последние годы, как известно, сжег то, чему поклонялся, и поклонился зато тому, что когда-то сжигал. Его последняя работа о пролетарской революции при сопоставлении с тем, что он когда-то писал, ясно говорит, чем был и чем стал К. Каутский, теперь заключивший как на практике, так и в теории союз с Э. Бернштейном.

Свои рассуждения о плановом хозяйстве Каутский начинает указанием полезности учета опыта. Он посылает упрек в прошлое, говоря, что создание социальной организации не является в настоящее время уже таким «простым» делом, «как это мы полагали раньше, когда эта проблема не стояла перед нами так близко, как теперь». Этим вопросом теперь занимаются больше всего и теоретики и практики социализма. И «чем больше мы, — говорит он, — собрали теоретических исследований и практического опыта, тем увереннее и быстрее мы сможем тогда пойти вперед».

Но и практику и теорию он ограничивает определенным кругом реформистской «работы». Практику и теорию Советской России при рассмотрении этого вопроса он игнорирует, повидимому, не по незнанию, а по вполне понятным причинам, стремясь обойти чересчур скользкие и острые вопросы. Указывая на создание целой литературы по данному вопросу, он говорит, что больше всего работ мы находим в Германии, затем в Австрии, а также в Англии, «как раз в тех странах, в которых больше всего имеется предпосылок к социализму». Германская же революция, в которой независимцы и, в том числе, сам К. Каутский сыграли в конце концов такую жалкую роль, является для него единственным практическим руководством. Это дает ему повод сказать несколько пресных фраз о том, как можно было бы все хорошо устроить, когда «необразованные массы, втянутые в социалистические партии революцией, получат более высокую школу и дисциплину», когда «культ насилия» будет заменен экономической целесообразностью, когда социалисты опять будут соединены в одну партию (поэтому, повидимому, Каутский и начинает объединение с Шейдемана), и тогда только наступит время «для целесообразного социализма». Как видим, тут полностью повторены мечты всякого добродетельного реформиста.

По мнению Каутского в настоящее время в Германии и Австрии по вопросам планового хозяйства можно наметить два течения (и тут он обходит молчанием третье — коммунистическое).

Эти течения различаются между собой теми исходными позициями, какие принимают они при разрешении вопроса о плановом хозяйстве.

«Самым решающим вопросом является, — с чего мы должны начать? Социализация не может итти вдруг, она должна совершаться постепенно, в этом мы все сходимся, — говорит он, — но мы расходимся в ответе на вопрос, с какой области мы должны начинать?.. Одно направление хочет начинать с процесса производства, другое — с процесса распределения». Начинать ли плановое хозяйство с процесса производства или с процесса распределения? Так ставит вопрос Каутский. Но он упускает из виду (или сознательно игнорирует) неразрывную связанность этих процессов при проведении планового хозяйства. Предпосылками планового хозяйства являются национализация средств производства (по крайней мере в главнейших и важнейших отраслях промышленности) и овладение рынком, по крайней мере в отношении главнейших продуктов и предметов производства (особенно топлива и сырья). Начинать приходится и с того и с другого

одновременно. Каутский предпочитает начинать с процесса производства и поэтому он решительно критикует другое направление, предлагающее начинать с распределения.

Последнего рода проекты представлены в работах Рудольфа Висселя и Отто Нейрата (Рудольф Виссель и Альфред Штример, Без планового хозяйства нет строительства, Штуттгарт, 1921; Р. Виссель, Критика и строительство, Берлин, 1921; д-р Отто Нейрат, Сущность и путь социализации, Мюнхен, 1919, а также Генрих Штретель, О социализме, его путях и предположениях, Берлин, 1921). Сущность их заключается в том, что, оставляя средства производства в руках частных владельцев, задания последним предписываются государством. Все производство и потребление должны быть учтены статистически, и на основе этого должен быть построен хозяйственный план. Потребность общества должна определять, чего и сколько произведет отдельный производитель и доставит на рынок или передаст государству. «На место хозяйства прибыли должно вступить хозяйство покрытия потребностей. Цены будут устанавливаться не на рынке посредством спроса и предложения, но посредством исчисления расходов на производство. Отдельные предприятия каждой отрасли индустрии будут соединены в синдикаты, в которых, рядом с предпринимателями, будут иметь голос также рабочие и потребители». Каутский говорит, что все эти предположения крайне обманчивы. Установление планового хозяйства встретит отнюдь не меньше сопротивления, чем отчуждение орудий производства у капиталистов за выкуп. Затем основной предпосылкой является хорошо поставленная статистика. До тех пор пока не будет такой универсальной статистики и построенного на ней хозяйственного плана, трудно думать о проведении планового хозяйства.

«Но такую всеобъемлющую статистику нельзя создать в один день, она нуждается в колоссальном аппарате искусных и знающих рабочих сил. Нужны будут долгие годы, пока мы дойдем до более или менее точной статистики такого рода, если она вообще возможна при частной собственности на средства производства. А в этом можно очень сомневаться». Подобное построение хозяйственного плана в условиях частной собственности Каутский считает миражем.

Следующее возражение Каутского заключается в том, что нельзя побудить капиталиста работать по определенным заданиям. Капиталист регулирует свое хозяйство в зависимости от рынка, от прибыли, — может ли таким регулирующим началом стать для него хозяйственный план? Нет, так как исчезает основной импульс.

Общественное принуждение не может иметь здесь существенного значения, — капиталист всегда сможет его обойти.

«Сторонники планового хозяйства, — говорит он, — указывают на тресты и синдикаты, в которых, несмотря на сохранение частной собственности на средства производства, отдельный предприниматель производит и продает не по своему усмотрению, а по указанию общего центра. Но забывают одну мелочь, — что подчиняться этому общему центру и исполнять его распоряжения заставляет его стремление к более высокой прибыли. Задания по хозяйственному плану не могут ему этого дать.

Таким образом подобного рода плановое хозяйство не может стать «исходной точкой для социализма».

С чего же рекомендует начинать Каутский? — С социализации некоторых отраслей промышленности. Это даст возможность организовать силы общества и избегнуть тех отрицательных моментов, которые он раскритиковал в отношении сторонников начинать плановое хозяйство с процесса распределения.

Социализацию некоторых отраслей промышленности, как мы знаем, независимые в Германии проповедуют давно, но само дело от этого ни на шаг не подвинулось вперед. Отказываясь вступить на путь решительной борьбы с буржуазией, независимые превращают в фразу лозунг социализации средств производства. В этом отношении Каутский ни шагу не делает вперед.

Конечно верно то, что, не изменяя капиталистического строя, вводить то плановое хозяйство, о котором мечтают Виссель и Нейрат, — утопия, но такая же утопия полагать, что буржуазия внемлет доводам, Каутского и даст тихо и мирно произвести социализацию главнейших отраслей промышленности.

Основная ошибка заключается, как это мы указали выше, в том, что плановое хозяйство, даже в его первоначальных формах, противоречит капитализму.

Объективный ход экономического развития диктует его необходимость, но внедрить его в капиталистический строй является утопией. Не только Каутский, Виссель, Нейрат, но и Ллойд-Джордж, и Пуанкаре и Гендерсон по существу стоят перед этой задачей, но они не в силах ее разрешить, поскольку они являются выразителями интересов буржуазии и охранителями устоев капитализма.

Реформистские мечты Каутского в этом отношении ничем не отличаются от мечтаний Ллойд-Джорджа установить капиталистический мир (хотя тот же Ллойд-Джордж подготовляет войну).

Предпосылками планового хозяйства являются и овладение государственной властью средствами производства хотя бы основных отраслей народного хозяйства и овладение рынком, регулирование снабжения, хотя бы в основном.

Эти предпосылки являются обязательными для планового хозяйзяйства.

Но какой государственной властью? Ясно, что уже эти предпосылки являются коренным изменением капиталистического строя, а следовательно произвести это может только одна государственная власть — власть пролетариата.

Когда-то Каутский это знал, теперь он забыл... поэтому его рассуждения о плановом хозяйстве являются фразой, лишенной содержания.

8. «РАЗМЫШЛЕНИЯ Г. ПЕТРА СТРУВЕ».

«Красная новь», № 4, 1921 г., декабрь.

Экономическая жизнь и современное хозяйственное строительство Советской России имеют всемирно-историческое значение. Это знают наши друзья, но это понимают и наши враги.

Четыре года, равных по своему значению четырем столетиям, за плечами Советской России. То, что нашим противникам казалось сначала каким-то историческим курьезом, легко проходящим, затем несколько затянувшимся социальным опытом, теперь постепенно, преодолевая колоссальные трудности па пути своего развития, превращается в устойчивую форму общественной жизни, значение которой простирается за национальные рамки, пока еще ограничивающие новую форму.

Если до 1917 г. кризис капитализма приводил лишь к «внутренним» потрясениям в рамках капиталистического строя, что давало право апологетам капитализма гордо говорить о вечности и незыблемости основ капиталистического строя, то с 1917 г. положение изменилось, количество превратилось в качество, и на историческую арену выступило новое явление, заставившее затрепетать сердца верных сынов капитализма.

Переходный период от капитализма к социализму начался, и муки родов истории приводят многих в ужас.

Но тот, кого история собирается хоронить, без борьбы жестокой и беспощадной отнюдь не хочет сходить в могилу. Сентиментальные мечты о добрых капиталистах, которых можно посадить на пенсию, а затем вводить социализм, практикой жизни разбиты в пух и прах.

Новый строй входит, борясь на каждом шагу со старым.

Практики и теоретики капитализма стараются осмыслить происходящее и ориентироваться в нем. В этом отношении их выводы представляют для нас несомненный интерес. Всегда следует знать, что думает о тебе твой враг.

В особенности хозяйственная жизнь Советской России подвергалась и подвергается ожесточенному разбору со стороны ее противников.

Причины этого сами по себе понятны. При этом особенно интересны выступления чистых представителей капитализма, и менее интересны размышления их подголосков.

Перед нами лежит брошюра г. Петра Струве «Итоги и существо коммунистического хозяйства».

Брошюра эта представляет в сущности оттиск его речи, произнесенной на съезде сбежавших из России фабрикантов и заводчиков, происходившем 17 мая 1921 г. в Париже.

Политическая физиономия г. Петра Струве достаточно известна, чтобы на ней стоило останавливаться. В настоящее время он докатился до монархизма. В одной своей брошюре [1]) он прямо говорит:

> «Поскольку крушение монархии для русских означало крушение самой России, многие образованные русские, не бывшие монархисты, стали монархистами из русского патриотизма. И, конечно, с точки зрения русского патриотизма это было единственное правильное рассуждение».

В области экономической он является ярым принципиальным защитником капитализма, вполне откровенным и последовательным.

Характеризуя Октябрьскую революцию, он, в отличие от мелочности Каутского, сознается:

> «... русская социалистическая революция имеет очень крупное значение для Запада. Это — первая в мировой истории социалистическая революция, первый шаг осуществления социализма в широком масштабе, т. е. как целостной системы, проводимой велением власти» [2]).

В другом месте он говорит:

---

[1]) П. Струве, Размышления о русской революции, София, 1921.
[2]) Там же.

«Коммунизм Ленина и его товарищей бесспорно основан теоретически на марксизме, на социалистическом и историческом учении Маркса»[1]).

В этом отношении г. Петр Струве не хочет прибегать к дешевым аргументам и изворотам своих подголосков. Но он не был бы апологетом капитализма и его слугой, если бы не постарался попытаться доказать и неудачу первой социалистической революции и заодно всего социализма.

Способ, с помощью которого действует в этом случае г. Петр Струве, весьма прост: он вырывает события из их исторической связи и обстановки и затем расправляется с ними по-свойски.

В своих «Итогах коммунистического хозяйства» г. П. Струве ставит три вопроса:

1) «Что означает в действительности коммунистическая революция как экономический процесс; к какому состоянию экономическая политика советской власти реально привела все народное хозяйство России?»

2) «Каково отношение этой экономической политики к тем социально-политическим идеям и формулам, которые известны под наименованием социализма, коммунизма и т. п.?»

3) «Каково действительное соотношение между стороной хозяйственной и стороной политической, или, выражаясь иначе, между хозяйствованием и властвованием?»

Ответ на первый вопрос заключает в себе оценку современного экономического положения Советской России. Вряд ли кто из наших врагов давал такую решительную характеристику в смысле оценки нашего тяжелого положения, чем мы. Зачастую палка, несомненно, перегибалась в сторону пессимизма нашими товарищами, и размеры разрухи и развала нами скорей преувеличивались, чем преуменьшались. Достаточно просмотреть последние речи т. Ленина, чтобы убедиться в этом, когда т. Ленин в интересах «педагогики», на съезде губполитпросветов, например, особенно резко осветил положение дел.

Но мы в нашей оценке никогда не сходим с исторической точки зрения. Мы понимали, что многолетняя война, сначала империалистическая, затем гражданская, не может дать нам расцвета производства. Мы считались с «издержками революции».

Мы знаем, что лишь медленно (но, тем не менее, неуклонно) новый строй будет восстанавливать производство и разрушенные производи-

---

[1]) Его же, Итоги и существо коммунистического хозяйства, стр. 13.

тельные силы страны, особенно страны, которая первая вступила на путь социального переворота, и которой пришлось в одиночку столкнуться с натиском мирового капитализма. Об этом писали многие товарищи: и Ленин, и Зиновьев, и Бухарин. Не раз мне приходилось указывать на эти условия, в каких приходилось жить и развиваться нашей экономической жизни. Но перед нами стоит определенная перспектива восстановления и дальнейшего развития всего народного хозяйства в целом.

Совершенно иначе, конечно, подошел г. Петр Струве к этому вопросу: он взял нашу экономику вне времени и пространства и пришел к такому общему выводу:

> «Содержанием коммунистической революции была неслыханная в мировой истории грандиозная экономическая реакция». Доказательства этому, самые главные, следующие:
>
> Прежде всего основной признак: состояние и движение населения... Вымирание населения, определяемое прежде всего ужасающими ростом смертности, — таков тот основной факт советской экономики и демографии, в смысле и значении которого не может быть, увы, никакого сомнения».

Гг. Струве, виновники империалистической и гражданской войн, погубившие миллионы человеческих жизней, разорившие целые страны, теперь, ничтоже сумняшеся, сссылаются с наивно ученым видом старцев не от мира сего в этом деле на советскую экономику.

Еще характернее второе доказательство:

> «Регресс промышленной и вообще хозяйственной жизни при коммунистическом режиме сказывается решительно во всем. Одним из ярких признаков его является, например, вытеснение минерального топлива древесным».

Петр Струве убежден, что нам очень нравится отапливать наши паровозы, фабрики, заводы — дровами, да еще какими дровами — сырыми. Экий действительно странный вкус к дровам у коммунистического режима, — всякий другой режим знает, что куда удобней топить нефтью и каменным углем. Какие отпетые самоеды сидят у нас в Главтопе! — Но не припомнит ли г. Струве, как он сначала с Деникиным, а потом с Врангелем, с помощью французов и в 1919 и в 1920 гг. отрезывал от всей промышленности России Донецкий бассейн, откуда

мы получали 90% нашего угля? Или неужели ему не известно, что англичане, повидимому, «с прогрессивными целями» в свое время захватили у нас Баку?

Конечно, если бы мы не совершили «регрессивного» шага, не заменили бы недостающее, отнятое у нас минеральное топливо дровами, благодаря чему не приостановилось наше железнодорожное движение и, хотя плохо, работали наши фабрики и заводы, — если бы мы этого не сделали, нам не удалось бы во-время передвигать наши войска и разбить на-голову г. Струве с его союзниками. Увы, г. Струве, всякое положение имеет свою логику!

В настоящее время, когда Донецкий бассейн в наших руках, Баку в наших руках, гг. Врангель, Струве, Деникин и иже с ними там, где им быть полагается, у нас большой аппетит и к углю и к нефти, и мы прилагаем все усилия, чтобы нужное соотношение между минеральным топливом и древесным было восстановлено.

Данные говорят за то, что это с течением времени будет достигнуто.

> «Внешняя картина, — по мнению П. Струве, — на первый взгляд производит пестрое впечатление: рядом с «окустарением» промышленности, как бы прячущейся от социалистического режима с поверхности экономики в ее норы и поры, наблюдается и обратное явление — «укрупнение» предприятий. Внешним образом это укрупнение напоминает концентрацию или централизацию производства в свободном некартелированном или картелированном капиталистическом хозяйстве. Но стоит только осмыслить эти два процесса, чтобы видеть их глубочайшее различие. Укрупнение предприятий в капиталистическом хозяйстве происходило под давлением роста производительных сил и производства в условиях неограниченной свободы конкуренции; это было результатом того процесса, который Маркс охарактеризовал как анархию производства, непременный спутник и необходимое явление буйного роста производительных сил капитализма. Коммунистическое укрупнение производства, наоборот, есть вынужденное приспособление к всестороннему оскудению народного хозяйства: к недостатку сырья, топлива, рабочей силы, производства и т. д., и т. д.».

В своем критическом увлечении г. Петр Струве даже забыл тот факт, что в капиталистическом обществе «укрупнение» промышленности происходит не только благодаря «буйному» расцвету произво-

дительных сил, но и благодаря не менее буйному проявлению экономических кризисов, во время которых гибнут мелкие, средние и слабые предприятия. С другой стороны он так же не увидел того, что у нас концентрация производства, являясь программным требованием, производилась не только в силу недостатка топлива, сырья и т. д., но также и в силу экономической целесообразности.

Такова характеристика экономического положения Советской России, даваемая этим ярым приверженцем капитализма.

Охарактеризовав таким образом экономическое положение, г. Струве дает на основании этого и ответ на второй вопрос об отношении нашей экономической политики к социализму.

Признав, как это мы видели, что большевики проводили социалистическую политику, что они в области теории являются марксистами, г. Струве приходит к выводу, что именно применение в практике идей социализма привело к тем отрицательным результатам, какие имеются в хозяйстве Советской России.

Для доказательства этого он сводит всю социалистическую теорию к идее у р а в н и т е л ь н о с т и. Причем, по мнению г. Струве, мы, как власть пролетариата, должны были бы осуществить эту уравнительность сразу и полностью. Он, как и вся почти буржуазия, убежден в нашей наивности и непрактичности.

Правда, непрактичности этой самой у нас немало, и мы вынуждены учиться в дыму сражений, но мы не были бы марксистами (и это проглядел г. Струве), если бы не исходили из учета действительности, из учета соотношения сил и нашу политику не сообразовали бы с жизнью. Этого не понял и не поймет г. Петр Струве.

К вопросам социализма он подходит как метафизик.

> «С социалистической точки зрения, — говорит он, — обоснование производительности, или успешности производительного процесса, на диференциальной оплате труда есть радикальное отступление от уравнительной или эгалитарной основы социалистического советского хозяйства.
>
> И то, что социалистическая мысль и социалистическая власть обращаются к этому выходу, не есть обстоятельство, чисто исторически определяемое культурным уровнем русского народа, а есть существом дела обусловленная сдача центральной принципиальной позиции социализма не как правовой или экономической техники, а как социально-политической идеологии, отказ от эгалитарной идеи.

> Отказ этот обусловлен тем, что то буржуазное начало, которое можно охарактеризовать как начало расценки людей по их личной годности, есть необходимый двигатель всякой экономической деятельности, которого нельзя устранить, не подрывая в корне всей хозяйственной жизни...».

Ни один сколько-нибудь сведущий социалист не представляет себе дело в таком упрощенном виде и не мыслит себе социализма осуществленным в один день; наоборот, в нашей экономической политике с самого начала выдвигался принцип соревнования, соперничества, расценка людей по их личной годности вплоть до особой оплаты специалистов.

Представление г. Петра Струве о коммунистах характерно своей вульгарностью:

> «Для коммунистов обобществление хозяйства есть средство, уравнительность же представляет цель. Уравнительная цель для коммунистов и еще более для масс, психологию которых и коммунистическая власть не может игнорировать, гораздо интереснее и важнее организационного средства и подавно интереснее и важнее необходимых для экономической организации буржуазных методов».

Это, конечно, в корне неверно. Все полезное мы возьмем у капиталистов; больше того, будем «учиться» у них, по выражению т. Ленина. Надежды г. Струве с этой стороны подкопаться под социализм напрасны. Для нас должны быть показательны эти тайные опасения буржуазии, что мы сумеем использовать все полезные достижения капитализма в деле организации хозяйства.

Г. Струве обосновывает далее и неизбежность крушения коммунистов в Советской России:

> «В самом деле, предположим, что советская власть, разом или постепенно, отказывается от своей экономической системы, что она, как принято теперь говорить, эволюционирует. Тогда она лишается кадров своих приверженцев, каковыми являются непосредственно зависящие от нее привилегированные «коммунистические» элементы, и, что еще важнее, открывает путь для образования, сплочения и работы в стране кадров абсолютно враждебных».

В этой фразе выражены полностью надежды наших врагов. Конечно, мы не должны закрывать глаза на те опасности, какие несет

с собою новый курс нашей экономической политики. Опасность заключается не в том, что этот курс приведет к лишению кадров приверженцев советской власти. Эти кадры отдают себе отчет в необходимости поворота, и улучшение положения страны явится наилучшей агитацией за советскую власть. Но, конечно, гораздо серьезней другое указание, — то, что это откроет путь для образования и сплочения в работе контрреволюционных кадров. С этой опасностью придется считаться, тут — кто кого. Ведь вообще путь революции полон опасностей. Не может быть такой революции, которая бы совершилась в мире и покое.

Путь, по которому идет мировая социальная революция, — это путь, полный борьбы; особенно тяжела эта борьба для пионеров социальной революции.

Время работает на социальную революцию. А наша первая задача — укрепить экономическое положение страны, создать крепкую и мощную Советскую Россию.

И на этом пути, г. Петр Струве, мы посмотрим — кто кого.

9. В ЧЕМ РАЗНОГЛАСИЯ.

К вопрсcу о профсоюзах.

Вопрос о роли профессиональных союзов приобрел небывалую до сих пор остроту и привлек громадное внимание.

В нашей статье мы постараемся, хотя бы отчасти, наметить, в чем заключаются разногласия между отдельными главными группами товарищей, предлагающих свои платформы и выводы по этому злободневному вопросу. Однако нужно заранее вывести за скобки то, что для всех этих групп является общим. Таким *общим* является перенесение центра тяжести деятельности профсоюзов в производственную область; профсоюзы должны стать на деле *производственными организациями*.

Это основное положение выдвинуто еще предыдущими съездами, и историю его очень кстати вспоминает платформа, подписанная Лениным, Зиновьевым и др. Неудивительно поэтому, что оно нашло себе место во всех тезисах, с той только разницей, что некоторые товарищи пишут о нем как о новом собственном открытии. Открыли Америку, что профсоюзы должны быть производственными союзами, работать над организацией производства, над подъемом производства и т. п.!

Разногласия начинаются там, где дело касается методов, способов осуществления вышеуказанной общей задачи, и в этом вопросе заключается центр расхождения.

I. Кризис или рост.

Разрешение вопроса о роли профсоюзов связано, конечно, прежде всего с оценкой положения профсоюзов. Определенные группы прямо говорят, что профсоюзы в течение этих трех лет не только не развивались, но, наоборот, падали, ухудшались, «гнили на корню». Тов. Троцкий также указывает, что «участие союзов в хозяйственном строительстве становилось все более урезанным, бессистемным и поверхностным». В этом заключается кризис профсоюзов. Это не кризис роста, как хотят поправить некоторые товарищи т. Троцкого (в том числе и т. Троцкий), — какой уж тут рост! — а кризис агонии, смерть. Наиболее последовательные товарищи поэтому и приходят к выводу, что нужно по существу наметить пути ликвидации профсоюзов, постепенной передачи их функций другим соответствующим органам. Тов. Троцкий не делает этого вывода, но зато он в силу основной посылки о кризисе и приходит к своей системе, сводящейся к опеке над профсоюзами со стороны советских и партийных организаций.

В противоположность этой точке зрения платформа тт. Ленина, Зиновьева и др. устанавливает, с приведением фактических данных, что происходит не кризис, а рост профсоюзов. Конечно, это не исключает того факта, что профсоюзы слабы по сравнению с теми требованиями, какие к ним предъявляет жизнь, что их нужно усилить партийными силами, советскими средствами и т. п. Но факты показали, что профсоюзы — живая, массовая, пролетарская организация, участие которой в хозяйственной жизни страны не уменьшилось, а увеличилось. Действительно, мы замечаем везде рост членов профсоюзов, усилившееся участие их в формировании хозяйственных органов (это выразилось также и в том факте, что количество рабочих в руководящих органах поднялось с 23—30% в 1918 г. до 61,6% в 1920 г.), увеличившееся влияние в установлении экономической политики (например профсоюзы оказывали всегда самую энергичную поддержку трестированной промышленности, в противовес группе т. Сапронова, выражавшей по существу мелкобуржуазные тенденции против крупной промышленности и за ликвидацию трестов). Профсоюзы участвовали непосредственно в выработке производственных программ. Так, например, производственные программы Горного совета, Главтекстиля, Химотдела, Отдела металла, Полиграфического — были предварительно рассмотрены соответствующими ЦК профсоюзов, а первых три программы были проведены даже через конференции.

«Дело идет о том, чтобы создать для профсоюзов все необходимые предпосылки для действительного выполнения поставленных перед нами в новую эпоху задач». Отсюда и вытекает подробное указание на то, какие функции должны нести и выполнять профсоюзы. Многие работники профессиональных союзов справедливо требовали ответа на вопрос, в чем должно сказаться разделение труда профсоюзов с советскими органами — совнархозами, отделами и др., какова область работы, в которой вся ответственность за выполнение ложится на профсоюзы. И не странно ли, что тезисы т. Троцкого, долженствовавшие дать хозяйственное-практические указания, как раз молчанием обходят этот вопрос?

Между тем только настоящая правильная оценка состояния профсоюзов даст возможность установить их работу как «школы коммунизма» и указать практические задачи, выполнение которых будет лежать на их плечах. Здоровой, жизненной, крепкой организации можно поручать выполнение более сложных, более ответственных функций. Наоборот в том случае, если организация слаба, больна, — ясно, ее нужно подвергнуть предварительно лечению, укреплению, а затем уже поручать ей выполнение важнейших задач.

Мы оцениваем настоящее положение профсоюзов как рост их влияния, как рост их организованности, как рост их способности взять на себя выполнение ряда таких государственных функций, каких они раньше не выполняли. Выполнение этих задач, выполнение практической государственной работы дает ответ и на важнейший вопрос для дальнейшей судьбы профсоюзов — об их огосударствлении.

II. Огосударствление или сращивание.

Необходимость слияния государственных хозяйственных аппаратов с профессиональными союзами не отрицает никто, но каким темпом, в каких формах будет итти процесс этого слияния — в этом вопросе заключается суть дела.

В настоящий момент огосударствление союзов означало бы по существу превращение в государственный аппарат верхушки профессиональных организаций. Представим себе, что Союз металлистов становится государственной организацией. Это означает прежде всего, что он вливается в общую систему государственного аппарата Совета народного хозяйства, переходит на сметный порядок, подчиняется его распоряжениям о назначении, смещении тех или иных лиц, его аппарат целиком используется в области административного управле-

ния и так как, к тому же, само собою разумеется, этот аппарат вынужден будет использовать, по верному замечанию т. Троцкого, тех же специалистов, что и Отдел металла, то таким образом, по существу, Союз металлистов превратится в Отдел металла. Но кто же в таком случае будет вести ту крайне необходимую работу по организации и воспитанию широких масс металлистов, которую ныне выполняет профессиональный союз? Ясно, что в такой постановке дела огосударствление коснется исключительно только самого руководящего органа профессионального союза, оставив за бортом всю широкую рабочую массу.

Такое огосударствление было бы для нас явно нерационально и невыгодно с точки зрения развития самостоятельности рабочих масс в области организации управления промышленностью. Такое огосударствление носило бы исключительно формальный характер, и когда т. Шляпников говорит о немедленном переходе промышленности в руки профсоюзов, а следовательно и о немедленном их огосударствлении, то он не отдает себе ясного отчета, какие последствия организационного характера вытекают из подобного шага. Платформа т. Ленина и др. по этому вопросу и указывает, что «быстрое огосударствление профсоюзов было бы крупной политической ошибкой именно потому, что оно находится в начальной стадии развития, и в сильнейшей степени помешало бы выполнению профсоюзами указанных выше задач, т. е., иными словами, необходимо, чтобы профсоюзы оставались школой коммунизма, организацией массовой, но никак не узко-государственной.

«Профсоюзы, — говорит далее платформа, — уже в данный момент выполняют некоторые функции чисто государственных органов (выработка тарифов, распределение прозодежды и т. п.). В Советском государстве эти государственные функции профсоюзов постепенно будут увеличиваться... Задача состоит в том, чтобы все больше и больше завоевывать на деле Советским государством эти массовые партийные организации, оставляя за ними характер организаций, в которые свободно входят рабочие различных политических взглядов и настроений, как партийные, так и беспартийные, грамотные и безграмотные, религиозные и нерелигиозные и т. п.».

Поэтому в платформе т. Ленина крайне подробно разработан вопрос о тех функциях, которые выполняют профсоюзы, на деле, так сказать, становясь органами, выполняющими государственные задачи и вместе с тем сохраняя полностью свой характер массовых организаций. Функции эти следующие: 1) формирование хозяйственных органов (но

не по образцу синдикалистских решений т. Шляпникова); 2) участие профсоюзов в выработке единого хозяйственного плана и производственных программ, причем производственные программы должны обсуждаться по существу на конференциях, совещаниях и т. п. и с особым вниманием должен учитываться практический опыт в деле организации производства; 3) контрольно-инспекторская работа профсоюзов; 4) учет и распределение рабочей силы, причем платформа признает в принципе желательным передачу и сосредоточение всего дела учета и распределения рабочей силы в ведении ВЦСПС и губпрофсовета; это совершенно новая задача, возлагаемая на профсоюзы; 5) тарифная политика должна проводиться полностью профсоюзами; 6) производственная пропаганда сосредоточивается полностью у профсоюзов; 7) наконец проведение трудовой дисциплины и дисциплинарных судов.

Таковы основные функции, которые должны выполнять профсоюзы. Частично профсоюзы уже в настоящее время выполняют эти функции, но в данной постановке вопроса происходит значительное расширение в области работы профсоюзов. Вместе с тем, если внимательно просмотреть все эти функции, то становится ясным, что выполнение их предполагает обязательное, самое широкое участие масс и ведет к тому, что массы рабочих непосредственно участвуют в управлении хозяйственной жизнью, и одновременно происходят разделение труда и точное разграничение областей ведения профсоюза, с одной стороны, и хозяйственных органов, как органов администрации, — с другой.

Недостаток платформы т. Троцкого заключается именно в том, что она, не давая ясного размежевания между деятельностью профсоюзов и государственных органов, переносит центр тяжести вопроса на механическое сращивание между собою двух органов пролетариата. Тов. Троцкий признает: «Дело идет не о формальном провозглашении союзов государственным органом, а об их практическом превращении в производственные организации, охватывающие каждую отрасль промышленности со всех сторон и ответственные как за производство, так и за производителя». Но затем в отделе его тезисов «Практические выводы» мы ничего не находим конкретного в смысле указаний, в чем должен заключаться этот обхват промышленности профсоюзами, если только не принять за указание ссылку на необходимость совместительства в $^1/_3$ до $^1/_2$ членов руководящих коллегий, экономических комитетов главков с центральными комитетами профсоюзов и с президиумом ВЦСПС. Это более чем недостаточно.

Точно таким же туманным остается и положение, имеющееся в объединенной платформе тт. Троцкого и Бухарина, где говорится, что «дело идет не о провозглашении союзов государственным органом, а об их практическом превращении в производственную организацию, охватывающую, под руководством государства, каждую отрасль промышленности со всех сторон и ответственную за интересы как производства, так и производителей»; огосударствление, как говорится в этой платформе, есть, следовательно, не единовременный юридический акт, а длительный творческий процесс, совершающийся этапами в соответствии с действительным ходом коммунистического строительства и воспитанием. Нужно внимательно и тщательно определять эти этапы, учитывая общий уровень масс и ответственность отдельных отраслей промышленности; темп развития может быть различный, в зависимости от основных условий, в которых будет протекать наше развитие в целом в ближайший период.

Если не останавливаться на общих фразах в отношении внимательного и тщательного определения этапов и на том, что темп развития зависит от определенных условий, то и здесь мы имеем крайне двусмысленную формулировку относительно необходимости как будто немедленного превращения профсоюзов в органы, управляющие промышленностью, т. е., иными словами, робкое, замаскированное, но все же перегибание палки в сторону шляпниковской позиции и отсутствие конкретных указаний на то, что должны делать и выполнять профсоюзы в настоящий момент, с конкретным перечислением тех деловых функций, которые они должны выполнять и ответственность за которые возлагается полностью на них.

Нужно оговорить, что против совместительства, более тесного сплочения руководящих органов профсоюзов и хозяйственных органов никто не возражает, и в этом отношении в платформе т. Ленина положение выяснено и определенно говорится, что на основании решения съезда профсоюзов вхождение руководителя из союзов в высший орган СНХ и обратно «является необходимым» (стр. 11).

Подобный подход к вопросу об огосударствлении профсоюзов диктует и определенные методы в области организации и деятельности самих профсоюзов. Кратко это формулируется таким образом: главным методом профсоюзов является не метод принуждения, а убеждение, что нисколько не исключает того, что профсоюзы, в случае надобности, успешно практикуют и принцип пролетарского принуждения (принудительные мобилизации десятков тысяч членов профсоюзов на фронт, дисциплинарные суды и пр.) (платформа Ленина).

Тов. Троцкий и другие, обороняясь от нападок по поводу того, что они закрепляют методы принуждения и методы, применяемые с успехом в области военных организаций, к таким организациям рабочих масс, как профсоюзы, в своей объединенной платформе полностью списали этот абзац из платформы Ленина и др. Но поскольку этот вывод является логичным и последовательным для платформы т. Ленина, он не является органически связанным с платформой т. Троцкого, переносящей вопрос об огосударствлении профсоюзов в плоскость механического сращивания с хозяйственными органами, а следовательно, и применения тех методов принуждения, каковые неизбежно, само собою разумеется, имеются в органах чисто административного характера, каковыми являются хозяйственные организации. Хотя т. Троцкий и кто за ним стоит все время говорят о том, что они формально не хотят провозглашать огосударствление профсоюзов, но ясно, что их курс — это курс на ускорение темпа огосударствления профсоюзов, а при этом условии неизбежно перенесение определенных методов организации в смысле перетряхивания, назначенства и т. п. в область профсоюзов, как бы этого ни хотел, как бы от этого ни отказывался сам т. Троцкий. Общеизвестный опыт — Цектран — является не случайностью, а следствием определенной политики, вполне целесообразной и необходимой в определенных условиях. Но не нужно ни упорствовать, ни настаивать на проведении той политики, которая была необходимой несколько месяцев тому назад и которая должна потерпеть изменение, так как изменились те объективные условия, которые делали ее целесообразной.

Огосударствление профсоюзов будет происходить не только в смысле изменения внутреннего содержания и форм самих профсоюзов, но изменения содержания и форм деятельности наших хозяйственных органов в смысле изменения самих методов работы, которая должна принимать формы коллективного труда и являться выражением и выполнением решений организованной массы трудящихся.

III. «Независимцы» или «синдикалисты».

Тов. Троцкий на наш взгляд дает вполне правильную оценку группе так называемой «рабочей оппозиции», возглавляемой т. Шляпниковым, отличительной чертой которой является то, что она много говорит об «оппозиции» и мало о рабочих.

«Тов. Шляпников и группа его единомышленников предлагают немедленно и целиком передать руководство хозяйством профсоюзам,

«осоюзить» государство. Такого рода мера, явно продиктованная синдикалистским уклоном мысли, кажется очень радикальной, но на самом деле лишена какого бы то ни было делового содержания» (стр. 14). И далее: «Мнимо радикальная позиция т. Шляпникова совпадает с позицией консервативных профессионалистов в том отношении, что не видит основной задачи: необходимости перегруппировки, перестройки и перевоспитания союзов в связи с задачами организации производства» (стр. 15). Так говорит т. Троцкий.

Действительно, что̀ предлагает так называемая «рабочая оппозиция»? Она предлагает передать немедленно управление промышленностью профсоюзам, ссылаясь на партийную программу; она противополагает профсоюзы советским органам (советам народного хозяйства, отделам труда), которые она трактует как враждебные органы, бюрократические по своему существу; она, наконец, противополагает профсоюзы — коммунистической партии, под флагом борьбы против опеки и т. п. Трудно представить себе большее извращение партийной программы, на которую почему-то считает необходимым ссылаться т. Шляпников.

Профсоюзы — подсобная организация для органов диктатуры пролетариата. Об этом не должен забывать ни один марксист, ни один коммунист. Профсоюзы — лишь о д н а из формы организации рабочих, но отнюдь не универсальная, всеобъемлющая форма. Противополагать союзы, как это делает Шляпников и К-о, государственным органам — органам диктатуры пролетариата — это означает проповедывать самый вульгарнейший синдикализм и отстаивать вредную по существу идею пресловутой «независимости профсоюзов», «независимости» от коммунизма, от партии.

Тов. Шляпников противопоставляет профсоюзы как организацию, враждебно настроенную к советским органам. Вот что он говорит в своих тезисах: «Победа над разрухой, восстановление и поднятие производительных сил нашей страны возможно и достижимо лишь при условии коренного изменения существующих на деле системы и приемов организации и управления народного хозяйства республики, опирающихся на громоздкие бюрократические машины, искореняющие творческую инициативу и самостоятельность организованных в союзы производителей». И далее: «В общем порождаемые этой системой условия тормозят у широких рабочих масс производственный энтузиазм и вовлечение их к деятельности и к участию в преодолении хозяйственной разрухи. Такая система должна быть решительно отвергнута».

О чем здесь говорит т. Шляпников, о какой системе? Ныне существующая система является советской системой. Все хозяйственные органы формируются совместно с профсоюзами. Отвергая эту систему, т. Шляпников по существу отвергает и государственную советскую систему, противопоставляя ей систему профсоюзов, т. е., иными словами, он скатывается к тому чистейшему вульгарному синдикализму, от которого он всеми силами и средствами открещивается. Пусть совнархозы плохи, но ведь они — детище профсоюзов. Их создавали фабрично-заводские комитеты и профсоюзы. Их надо исправлять, но нельзя же из ведения государственного аппарата исторгать важнейшую и основную область — экономическую.

Тов. Шляпников не понял и извратил существо программы паотии. В программе говорится, что «профсоюзы должны перейти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым, обеспечивая таким образом неразрывную связь между центральным государственным управлением народным хозяйством и широкими массами трудящихся...». Вот что говорит партийная программа, а т. Шляпников и К° вносят «поправки»: вместо «перейти» — он вставляет «переходит», а вместо «связи с государственным управлением народным хозяйством» — он просто у н и ч т о ж а е т государственное управление, становясь на точку зрения синдикалиста, отрицающего необходимость государственного аппарата. И после этого человек утверждает, что он стоит на почве партийной программы! Еще большее противоречие этой позиции с решениями партии видно, если сопоставить ее с решением IX съезда партии. Съезд постановил: «Так как советская власть является наиболее широкой организацией, концентрирующей всю социальную мощь пролетариата, — ясно, что профессиональные союзы, по мере развития коммунистического сознания и творческой роли масс, должны постепенно превращаться в вспомогательные органы пролетарского государства, а не наоборот». Вот что говорят партийные решения. Это, как видим, совсем наоборот тому, что говорят т. Шляпников и К°.

Еще в большей степени видно синдикалистское направление группы Шляпникова в тех его предложениях, которые указывают на формирование хозяйственных органов. В этих пунктах мы видим не только расхождение с советскими государственными органами, но расхождение с нашими партийными органами. Тов. Шляпников, ничтоже сумняшеся, весь центр тяжести переносит на профсоюзы и их решения делает обязательными по существу не только для советских хозяйственных органов, но даже для партийных. В пункте 9 своих тезисов

т. Шляпников говорит: «Ни одно лицо не должно быть назначено на административно-хозяйственный пост помимо союзов. Все выдвигаемые кандидаты не могут быть отводимы и должны считаться обязательными для ВСНХ и его органов. Все поставленные или выдвинутые союзами работники являются ответственными перед ними и могут быть отозваны ими во всякое время...». Не говоря о полной бессмыслице, с точки зрения организации управления, подобное отозвание работников, снимание их с места, даже без санкции и соглашения с управляющими хозяйственными органами,—здесь поражает еще то, что синдикалистское направление достигло той степени, когда кандидаты союзов являются о б я з а т е л ь н ы м и для органов государственной власти, или, иными словами говоря, также для коммунистической партии, как партии господствующей, управляющей, а следовательно, и несущей всю ответственность за назначение определенных руководящих работников на те или иные посты. Ведь мы знаем, что у нас были и есть не только союзы, имеющие чисто коммунистическое направление и имеющие во главе коммунистическое правление; у нас было и есть определенное количество профсоюзов, являющихся явно желтыми, явно стоящими не на коммунистической точке зрения организациями. Еще не так давно, например, Всероссийский союз печатников был в руках желтых печатников. И вот т. Шляпников считает вполне возможным и не только возможным, но и крайне необходимым, чтобы назначение ответственных лиц по управлению народным хозяйством, как общее правило, было передано союзам. Конечно, как общее правило, как массовое явление, профсоюзы у нас стоят на точке зрения коммунистической, но все же мы не можем не считаться с теми уклонами, которые имеются в профессиональном рабочем движении.

Совершенно неправильным является и то положение группы Шляпникова, которое говорит, что союзы, признанные ВЦСПС, достаточно сильны для организации непосредственного управления целыми отраслями промышленности и осуществляют это право, не дожидаясь готовности для этого других. И это пишет человек, который, надо полагать, голосовал на съезде за единый хозяйственный план, который, вероятно, говорил немало фраз относительно бессистемности и пр., а между тем большей бессистемности, большего беспардонного растаскивания промышленности по отдельным частям, возвращения к вульгарным синдикалистским лозунгам: Волга—волгарям, железные дороги — железнодорожникам — и выдумать нельзя. Позиция т. Шляпникова и К° может в условиях голода, холода, истощения и недостатка иметь некоторый успех среди несознательных, отсталых слоев

рабочих масс. Но коммунистической партии придется — как ей и приходится — со всяким уклоном в рабочей среде, порождаемым бессознательностью, непониманием классовых задач, задач общего нашего развития, повести самую решительную, самую непримиримую борьбу. Синдикалистский уклон группы Шляпникова близко соприкасается с мелкобуржуазным стремлением, наблюдающимся в некоторых частях крестьянства, где точно так же смотрят на свое хозяйство как на собственное, а не на государственное. Чем скорее будет излечена эта болезнь в рабочей среде — причем надо начать прежде всего с нашей коммунистической среды, — тем это будет лучш:

Таковы, по нашему мнению, наиболее существенные пункты расхождения по вопросу о профсоюзах.

Вопрос о роли профессиональных союзов в переходный период имеет огромное как практическое, так и теоретическое значение. Широкая дискуссия по этому вопросу, развернувшаяся за последнее время, хотя имела много неприятных сторон полемического характера, но все же ценна тем, что поставила остро и определенно те больные вопросы, которые до сих пор не были выявлены в той мере, как это было необходимо.

10. НЕ КРИЗИС, А РОСТ.

I.

Почему в настоящий момент о профсоюзах заговорили с такой горячностью? Почему этот вопрос, который еще недавно совершенно не вызывал разногласий (напомним IX съезд партии, конференцию профсоюзов нынешнего года), сейчас не только имеет поразительное множество решений, но и успел породить целую уйму «течений» и «направлений»?

Потому, — говорят, — что профсоюзы переживают «кризис». Профсоюзы уперлись в тупик: с развитием и усилением советского аппарата одна за другой отмирают их функции, и они не находят, что им делать, в чем состоят смысл и значение их существования. Отсюда и вытекает страшная «борьба за существование», и ломаются копья по поводу того, как быть и что делать с профсоюзами.

Так ли это? Действительно ли профсоюзы переживают «кризис»? И если — да, то показателем чего служит этот кризис: показателем ли перехода к новой работе, а следовательно, и усиления профсоюзов, или — наоборот — показателем упадка и слабости их?

Что профсоюзы должны были изменить свое существо, т. е. что перед ними — после Октябрьского переворота — стали совершенно новые задачи и цели, новые методы работы и деятельности — это сознали все коммунисты, не только работавшие в профсоюзах, но и в других областях нашей советской жизни. Что в области строительства Советской России главной задачей профсоюзов будет являться задача производственная и профсоюзы должны стать производственными союзами — об этом было множество постановлений, и IX съезд партии с особенной полностью и всесторонностью развил эти основные положения и вынес подробно разработанную резолюцию о задачах и формах деятельности профсоюзов.

Надо было изменить не только цели и задачи профсоюзов (ясно ведь, что с падением капитализма пала и старая цель профсоюзов, наполнявшая содержанием их существование — борьба с ним), но и формы деятельности и формы организации (стачка, которая являлась формой проявления революционной жизнедеятельности союза при капитализме, в рамках советского строя является реакционным средством, зачастую проявлением не только бессознательной темноты, но и сознательной белогвардейщины и контрреволюционности).

Таков был «кризис», переживаемый профсоюзами. Но это был неизбежный кризис, указывавший рост и усиление профсоюзов.

Профсоюзы сознали эти задачи и новую роль, свидетельством чего служат все постановления всероссийских съездов и конференций профсоюзов, и вели работу в этом направлении. Их организации выросли и пустили глубокие корни в самых низах и глубинах рабочей жизни — на фабриках и заводах.

Семь миллионов членов, т. е. по существу все рабочие России, организованы в профсоюзы, и профсоюзы имеют аппарат в лице завкомов и фабкомов, тесно спаянный с рабочей массой. Профсоюзы действительно перестраивают свою работу и в значительной степени перестроили ее. Они не только выполнили целый ряд важнейших задач в течение этих трех лет (в области продовольственной — по заготовке продовольствия для городов, военной — по мобилизации, производственной — по проведению ряда кампаний и т. п.), но и органически участвовали в создании хозяйственного аппарата страны (ВСНХ и его местных органов).

Изменились ли эти задачи и цели? Об изменении можно было бы говорить тогда, когда мы могли бы сказать, что новый коммунистический строй настолько уже осуществился, а переходный период кончился, что профсоюзы потеряли свое значение и нужно создавать

новые, особые организации с новыми задачами и целями. Так ли это? Конечно, нет! Из поставленных задач и намеченных решений осуществлен лишь небольшой процент. Перед профсоюзами стоит задача не изменить уже поставленные цели, а найти конкретные формы и реальные способы осуществления этих уже поставленных и определенных задач. Таким образом ошибаются те, кто подходит к рассмотрению современных болезней профсоюзов не исторически, не рассматривая их в процессе общего роста, а выхватывая как отдельные факты и на них строя свои неверные выводы.

Благодаря этому получается путаница в двух направлениях: во-первых, в сторону полного отрицания роли и значения профсоюзов: намечение линии их ликвидации. Тут явная оторванность от действительности. Во-вторых — в сторону синдикализма и даже вульгарного синдикализма, бьющего на демагогию: стремление поставить профсоюзы во главу всего, противопоставление их советским органам, «осоюзивание» советских органов. Таково направление т. Шляпникова и иже с ним. Направление крайне вредное, прикрывающееся коммунизмом, на самом же деле объективно (у т. Шляпникова могут быть, как у лица, самые благие намерения) являющееся выражением антисоветских настроений в части рабочей массы.

Но нам указывают еще на одну сторону «кризиса». Хорошо, — говорят нам, — цели, задачи, роль и значение профсоюзов определены вполне верно, вполне точно и программой партии и постановлениями I съезда; мы стоим на основе этих постановлений, но вот практика профсоюзов показывает, что они катятся не вперед, а назад от осуществления этих постановлений. На этой позиции стоит т. Троцкий.

В своей брошюре «Роль и значение профсоюзов» он прямо говорит, после цитаты о задачах профсоюзов, взятой из программы партии, что: «на практике мы за последний период не приблизились к поставленной в программе цели, а удалились от нее. Если бы развитие и дальше пошло по тому же пути, это означало бы величайшую опасность как для союзов, так и для хозяйства» (стр. 7), и дальше: «участие союзов в хозяйственном строительстве становилось все более урезанным, бессистемным и поверхностным. Именно отсюда возник и развился глубокий кризис профессионального движения».

«Практику» профсоюзов надо доказывать фактами, цифрами, данными. Иначе будет не разбор практики, а голословные утверждения, ничем не подкрепленные.

Тов. Троцкий именно и повинен прежде всего в этом. Выдвинув такое серьезное обвинение против профсоюзов, он не дал ни одного факта, ни одной цифры для подтверждения этого. Если бы на 12 страницах, посвященных этому «кризису» профсоюзов, т. Троцкий привел 12 строк с указанием, какие факты подтверждают это его положение, — дело значительно бы выиграло. Таких фактов т. Троцкий не привел, да и вряд ли мог привести, так как достаточно бросить самый беглый взгляд на развитие деятельности профсоюзов в течение 3 лет, чтобы видеть, что дело на самом деле обстоит совсем не так, как утверждает т. Троцкий. Действительно, в 1918 г. роль профсоюзов, собственно, ограничивалась в области хозяйственного строительства в значительной степени лишь так называемым «рабочим контролем». 1919 год привел к тому, что профсоюзы стали посылать своих представителей в органы хозяйственного управления, т. е., иными словами, профсоюзы в этот период еще как бы противопоставляли себя государственным органам и лишь «представительствуют» в них, учатся и знакомятся. Конец 1919 г. и 1920 г. кончают решительно с этим явлением: профсоюзы снизу доверху, начиная с фабрик и заводов и кончая отделами ВСНХ, участвуют в конструировании целиком всех руководящих органов на основе разработанного съездами СНХ положения. В настоящий момент участие рабочих по данным ВСНХ в органах управления выражается в следующих цифрах:

Управляющий аппарат	Общее число членов управления	Из них					
		Рабочих		Специалист.		Служащих и других	
		Число	Проц.	Число	Проц	Число	Проц.
Президиум ВСНХ и губсовнархоза	187	107	57,2	22	11,8	58	31,0
Коллегии отдел. центров и главков	140	72	51,4	31	22,2	37	26,4
Коллегии и единоличные завед. фабрик и завод.	1 143	726	63,5	398	34,8	19	1,7
Всего	1 470	905	61,6	451	30,7	114	7,7

Из этих данных мы видим, что 61,6% в органах управления составляют рабочие и только 39%—специалистов, служащих и т. п.

Можно ли после этого говорить, что участие профсоюзов становилось все более «урезанным»? Ошибка в оценке положения, ошибка отправной точки у т. Троцкого бьет в глаза.

Будучи последовательным, т. Троцкий должен был бы притти к отрицанию профсоюзов как организаций, неспособных к развитию.

Но это не так, и тут он не связал концов, его практические предложения в своей значительной части не связаны с его пессимизмом.

Таким образом, по нашему мнению, вопрос о профсоюзах стоит не в плоскости общих вопросов «о кризисе», а в дальнейшем развитии конкретных форм работы профсоюзов в области хозяйственного строительства.

«Кризис» профсоюзов — это кризис дальнейшего роста и углубления их работы, участие масс в деле управления.

Центр вопроса, следовательно, сейчас нужно перенести на методы деятельности самих профсоюзов и на методы взаимоотношений советских и партийных органов с профессиональными.

II.

В настоящий «мирный» период нашего существования внимание вполне естественно переносится на методы «массового действия» в различных областях нашей жизни и деятельности.

Мы должны полностью учесть метод войны, военных действий и военной организации, но отсюда отнюдь не следует, чтобы мы продолжали жить и действовать как в осажденном лагере.

В сущности говоря, склонение слова «демократия» с различного рода прилагательными служит до известной степени показателем этого стремления проявить волю и деятельность масс в тех областях, где она в силу военных условий была сдавлена. Мы должны пойти навстречу этому стремлению.

Профсоюзы являются прежде всего и раньше всего организациями всей рабочей массы: они являются подсобными органами органам диктатуры пролетариата — РКП и советским органам.

Поэтому их роль в момент, когда на очередь становятся расширение и увеличение массовых методов управления, если так можно выразиться, получает особенно выдающееся значение. Вот этим и объясняется объективно тот шум, какой поднят сейчас вокруг вопроса о профсоюзах.

Отвечают ли профсоюзы полностью тем требованиям, какие им предъявляют в настоящий момент? — Нет, не отвечают. Они слабы. Так же, как относительно слабы наши советские и партийные органы.

Что же нужно сделать, чтобы в рамках тех общих задач, какие были определены предыдущими постановлениями и IX съездом партии, усилить их работу и усилить их самих?

На это дают ответ: так как центр тяжести сейчас для профсоюзов лежит в производственных задачах, то профсоюзы нужно срастить с хозяйственными органами.

Мы не будем останавливаться над тем, насколько удачен самый термин «сращивание» профсоюзов; он, по нашему мнению, сильно отдает пресловутым реформистским «врастанием»...

Но нам представляется, что перенесение центра тяжести «практики» профсоюзов на сращивание в сущности неимоверно сужает важнейшие вопросы политики и практики профсоюзов до узких организационно-технических задач.

Сращивание — это лишь небольшая часть общей задачи в работе профсоюзов в настоящий момент.

В чем должна заключаться работа профсоюзов, каковы их функции?

На этот вопрос надо ответить вполне определенно. Нужно точно разграничить сферу деятельности профсоюзов и хозяйственных органов. Нужно избежать параллелизма органов, создания многовластия, что легко может получиться, если точно не будут определены функции профсоюзов. Мы считаем в корне ошибочным стремление разграничить функции таким образом, чтобы сказать: «Профсоюзы организуют, а хозяйственные советские органы управляют».

Это неверно по существу. В тех областях, которые оставлены уже за профсоюзами (прозодежда или, например, производственная пропаганда), профсоюзы управляют в той же мере, как и советские органы, путем обязательных постановлений, дачи занятий, назначений, ответственности и т. п. Такими общими указаниями отделаться нельзя от существа дела.

Необходимо, следовательно, профсоюзам как таковым, их аппарату, передать выполнение определенных государственных функций и в этой области сделать их, с одной стороны, полными хозяевами в выполнении возложенных задач, с другой — возложить на них в этой области, т. е. при выполнении

ими государственных функций, и определенную ответственность, так же, как это делается с определенными наркоматами (как коллегия Наркомпрода за продовольствие, президиум ВСНХ — за производство и т. п., так и ВЦСПС должен отвечать перед СНК и перед ВЦИК за выполнение порученных ему задач).

Такими главными государственными задачами для настоящего времени, выполнение которых должны проводить профсоюзы и которые должны стать центром и содержанием их работы, являются следующие задачи:

1. Производственная пропаганда.
2. Контроль — в его самых различных формах.
3. Установление тарифов.
4. Обязательное участие в выработке производственных программ и единого хозяйственного плана.
5. Участие в формировании органов хозяйственного управления.
6. Установление совместно с хозяйственными органами норм выработки.
7. Дисциплинарные суды.
8. Организация труда.

Мы указываем пока только восемь главнейших задач, но выполнение их уже в состоянии полностью наполнить содержанием работу профсоюзов и на деле дать им толчок к дальнейшему развитию в сторону производственную.

Выполнение этих задач предполагает участие всей рабочей массы. Поэтому особенное значение получают методы организации и деятельности самих профсоюзов. Должно быть устранено все то, что суживает и отталкивает массу от участия в выполнении указанных задач. Спор, который велся вокруг Цектрана, показателен не с точки зрения «общих» задач, а именно методов выполнения этих задач.

Методы для работы профсоюзов должны быть построены на основе самого широкого участия рабочих масс как в построении организации профсоюзов, так и в работе их. При соблюдении строгой дисциплины необходимо избегать такого рода приемов, которые препятствовали бы проявлению массовой инициативы и самодеятельности или вели бы к созданию органов ведомственного характера при профсоюзах.

Партийная работа коммунистов должна быть усилена в профсоюзах, главным образом в деле вовлечения всей рабочей массы в строительство хозяйства на социалистических принципах.

Коммунисты профсоюзов должны повести решительную борьбу, с одной стороны, с цектранистским, а с другой — с синдикалистским или махаевским направлением, представителем которого является Шляпников.

Профсоюзы должны оказать полную и всестороннюю поддержку по укреплению и усилению ВСНХ, как основного хозяйственного органа.

Профсоюзы в области организации промышленности должны уделить особое внимание делу трестирования промышленности и укреплению централизованного управления ею.

Профсоюзы должны бороться за объединенное управление промышленности и против растаскивания ее по ведомствам.

Профсоюзы должны укреплять связь промышленного пролетариата с сельским хозяйством путем развития системы приписывания совхозов к фабрикам и заводам и путем усиления рабочих Всеработзема.

В области снабжения рабочих профсоюзы проводят линию постепенного перехода к целевому и бесплатному снабжению рабочих.

Такова, по нашему мнению, схема работ профессиональных производственных союзов в настоящее время, на основе которой мы сможем достигнуть определенных значительных практических результатов.

11. О МЕТОДАХ РАЗРАБОТКИ ЕДИНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЛАНА.

Печатаемая работа является докладом, прочитанным в Социалистической академии 17 февраля 1921 г. и вызывавшим горячие прения как на двух заседаниях академии, так и за ее стенами и в печати. Вопрос этот был поставлен затем на особом заседании Совета народных комиссаров, докладчиками на котором выступили тт. Ленин, Милютин и Ларин и на котором была принята резолюция т. Ленина, давшая направление работам Государственной плановой комиссии при СТО.

Вопрос о едином хозяйственном плане имеет огромное значение. Осветить его с точки зрения *методологической*, по нашему мнению, явилось крайне своевременным.

Работа в этой области только еще начата, и изучение этого вопроса поможет более правильному направлению работ как тех органов, которые призваны к осуществлению разработки единого хозяйственного плана, так и тех, которые этот единый хозяйственный план будут осуществлять.

Мы оставляем в стороне те возражения, какие были сделаны по указанному докладу, рассчитывая еще возвратиться к этой теме, и доклад печатается в том виде, как он был прочитан на указанном заседании в Социалистической академии.

I.

Вопрос о методах разработки единого хозяйственного плана получает в настоящее время не только теоретическое, но и громадное практическое значение. Для того чтобы руководство и управление нашей хозяйственной жизнью проходили с большей планомерностью и систематичностью, чем до сих пор, должен быть разработан и определен единый хозяйственный план.

В буржуазных странах каждое капиталистическое предприятие имеет свой хозяйственный план. Но строение этих планов зависит от особенности капиталистического строя. Любой хозяйственный план капиталистического треста или отдельного предприятия прежде всего считается с условиями рынка, денежным капиталом и условиями конкуренции; в зависимости от этого делаются расчеты, и проводится разверстывание производства, причем частные интересы предпринимателя (единоличного или коллективного, в лице акционерного общества) являются базой для такого плана, а высота прибыли — направляющей целью. Во время империалистической войны недостаток продуктов, переброска их на нужды войны заставили буржуазные государства перейти в некоторой части к государственному регулированию хозяйства. Это произошло во всех странах, но наиболее сильное развитие получило в Германии, где была наиболее широко введена карточная система, наиболее далеко пошло государственное регулирование и вместе с этим появился целый ряд теоретических работ, в которых капитализм подносился в качестве государственного социализма. Но и во время войны государственное регулирование не выходило из рамок капитализма и отнюдь не покушалось на принципы капиталистического управления. Последние же исследования о современном положении в этой области указывают, что процесс государственного регулирования повсюду в капиталистических странах отмирает и заменяется старым хозяйничанием. На это обстоятельство указывает, между прочим, Финн-Енотаевский в своей книге «Современное положение мирового хозяйства». Вот что он говорит: «Государственный контроль над средствами сообщения, промышленностью, сельским хозяйством, торговлей и кредитом, введенный в той или иной форме

в большей или меньшей степени в различных странах диктатурой буржуазии для управления капиталистического хозяйства, ликвидируется со времени заключения перемирия повсюду» (стр. 76).

Таким образом даже те попытки, которые дала капиталистическая власть в сторону государственного регулирования, сейчас терпят крах. Вместе с тем более чем когда-либо необходимость планомерной организации мирового хозяйства диктуется сейчас, когда экономический кризис захватил все страны.

В России сразу после переворота встал вопрос об едином хозяйственном плане. Когда за последнее время у нас говорили, что у нас нет единого хозяйственного плана и что этот вопрос поставлен только теперь, что у нас проводилось бессистемное ведение хозяйства, то этим обнаруживают или незнакомство и непонимание экономической политики, которую советская власть проводила, или сознательное замалчивание фактов, искажение их, так часто допускаемое нашими противниками. Вопрос был поставлен и осознан давно, но провести и воплотить его в жизнь оказалось большой, трудной и длительной работой. В сущности в области распределения продуктов мы перешли к государственному распределению с первых же шагов после переворота и затем путем проведения целого ряда систематических мероприятий мы подходили к созданию единого хозяйственного плана в области распределения и заготовок продуктов, топлива и, наконец, производственных программ. Казалось, что «написать» единый хозяйственный план было бы легко: что стоило сделать учет, произвести вычисление сразу на другой день после переворота, и был бы готов «план». Но такой бумажный хозяйственный план явился бы не имеющим под собой конкретного обоснования и не имел бы никакого практического значения. Подход к этому вопросу должен быть деловым и не может основываться только на бумажном подсчете.

Для создания действительного плана должны были быть прежде всего определенные объективные предпосылки. Такой объективной предпосылкой должно было быть, во-первых, обобществление средств производства или, иначе говоря, проведение национализации. Когда главнейшая сила — пролетариат — овладевает государственной властью, то основа социализма — обобществление средств производства — выливается в форму национализации средств производства. Эта предпосылка важнейшая. Нужно взять средства производства в свои руки, и только после этого единый хозяйственный план может стать на

конкретную почву. По этому пути и шла наша экономическая деятельность.

Второй предпосылкой явилось овладение вольным рынком. До тех пор пока господствовала частная промышленность, главенствовал вольный рынок и у пролетарского государства не было крепкого хозяйственного аппарата, до тех пор единый хозяйственный план не мог быть создан. Таким образом можно было говорить о плане в отдельных областях, но на практике единого хозяйственного плана не было, и объяснений этому, кроме указанного, приходится еще искать и в том, что Донецкий бассейн был отрезан от нас, Деникин подходил к Орлу и т. п.

Итак, до 1920 г. мы имеем определенную экономическую политику, проводимую в области национализации, устранения свободного рынка, установления государственного регулирования продуктов и создания ряда планов распределения и производственных программ. Это была крайне важная и нужная работа, чтобы перейти вплотную к единому хозяйственному плану. Она является теперь у нас пройденным этапом. Мы национализировали почти в 100% промышленность и сохранили, как частную, только мелкую кустарную и ремесленную промышленность. Таким образом эта основная предпосылка имеется в смысле овладения средствами производства.

Какой опыт мы имеем в смысле отдельных планов, имеющихся относительно различных областей нашей хозяйственной жизни? Комиссия использования ВСНХ и Наркомпрод дали основу для единого хозяйственного плана в области распределения. Производственная комиссия при ВСНХ начала систематически и планомерно работать над разработкой отдельных производственных программ и согласованием их между собой, начиная с 1920 г. Конечно, такой план, как, например, распределение топлива, проводился раньше, но систематическое рассмотрение его началось с 1920 г. Особенное внимание уделено плану электрификации России, рассчитанному на 10 лет. План этот разработан детально, и в составлении его принимали участие до 180 лучших специалистов.

Таким образом основные предпосылки для разработки единого хозяйственного плана заключаются в следующем: сейчас для разработки единого хозяйственного плана мы имеем объективные условия в смысле национализации средств производства и установления вместо вольного рынка системы государственного распределения, богато накопленный материал в смысле планового распределения в отдельных областях, производственные программы отдельных отраслей про-

мышленности и план по электрификации. Этот материал создан жизнью и практически проверен в нашей действительности; пользуясь им, мы можем приступить к созданию единого хозяйственного плана.

II.

Переходя теперь к задаче создания единого хозяйственного плана, я считаю, что при практическом ее разрешении основным вопросом является метод разработки единого хозяйственного плана. Если у нас будет определенный, критически проверенный путь разработки плана, мы избегнем многих ошибок. Сейчас тот материал, который мы имеем, заставляет сказать, что в целом ряде случаев мы становимся на ошибочный путь при разработке наших планов, отчего могут быть вредные последствия для нашей экономической деятельности.

Наметились, по нашему мнению, три метода разработки хозяйственных планов. К их рассмотрению мы и перейдем.

Первый метод: увязка отдельных планов, составленных по отдельным областям нашего хозяйства, в единый план. Этим методом до сих пор работала производственная комиссия ВСНХ. Мы находимся здесь в периоде, в сущности, собирания матерала. В производственную комиссию различные главки представляют свои производственные программы, а комиссия их утверждает. Подход к программе зависит от того, что кладется в основу производства. Предположим, что мы положили в основу топливо, например имеется 145,5 млн. *куб. м* дров. В отношении к этому определяется и развертывается программа по отдельным отраслям производства. В зависимости от того, сколько имеется топлива в наличности, — пускается определенное количество фабрик, и сумма этих производственных программ путем поправок создает общую увязку производственных программ. Но здесь вносится, как сразу видно, элемент случайности. Почему в основу кладется топливо, а не металл? Как устанавливается и от чего зависит пропорция отпуска топлива по отдельным отраслям хозяйства? Почему из 145,5 млн. *куб. м* дров 48,5 млн. *куб. м* дров дается промышленности? и т. д. Все это делается «на-глаз». Но дело в том, что плана, устанавливающего пропорциональность отдельных отраслей, перспективы развития производительных сил здесь нет, а есть только комбинация по отраслям производства.

Таков первый метод механической увязки. С точки зрения развития и усовершенствования планового хозяйства — собирания мате-

риала, проверки планов на опыте — это был необходимый и естественный этап. Без этой предварительной работы не могли быть сделаны следующий шаг и деловой подход к единому плану. Признавая все заслуги этой работы, мы должны все-таки указать, что с точки зрения методологической она страдает крупными дефектами.

Самая крупная и ценная работа по разработке хозяйственного плана была сделана Государственной комиссией по электрификации России при ВСНХ, доклад которой «План электрификации РСФСР» в виде объемистого тома был принят и одобрен VII Съездом советов. Несмотря на ценность и серьезность этой работы, в которой принимало участие 180 лучших специалистов, она с точки зрения методологии страдает той «механичностью увязки» отдельных программ и планов, на которой мы только что остановились. В основу положены расчеты технического характера: что̀ возможно получить при техническом переоборудовании той или иной отрасли народного хозяйства и чего требует такое техническое переоборудование. Но установление пропорциональности частей хозяйства, установление их взаимной связи, согласование удовлетворения потребностей с производством — об этом в общем и целом (за исключением лишь некоторых частностей) в этой книге нет разработанных расчетов. Есть лишь «увязка». Повторяем, эта работа явилась крупным шагом вперед к выработке единого плана хозяйства, она определила перспективы развития, особенно в области техники, но с методологической стороны и по существу нуждается в дальнейшей серьезной разработке и усовершенствовании.

Вторая попытка практически подойти к единому хозяйственному плану заключается в установлении минимального плана. В основу хозяйственного плана берется продукт, минимум производства которого обязателен. Например самая минимальная, самая крайняя потребность заключается в необходимости иметь 400 тыс. *т* металла. Нам необходимо, следовательно, произвести 400—500 тыс. *т* металла. Для производства этого металла нам надо добыть столько-то руды, нужно столько-то рабочей силы и для рабочих надо определенное количество одежды, обуви и т. д. Для производства одежды нужно также столько-то рабочих и предприятий. Так, постепенно переходя в производстве из одной области в другую, мы будем иметь возможность развернуть весь план. Этим путем можно будет достигнуть определенной пропорциональной хозяйственной системы.

Недостаток этого метода заключается в случайности выбора того или другого продукта для «минимума». Вместе с тем может случиться,

что круг, который охватит все, что необходимо для производства данного продукта, оставит за своей окружностью целые отрасли народного хозяйства, необходимые, но производственно не связанные с поставленной производственной целью. Этот метод получил свое практическое применение в области разработки нашего импортного плана, но вместе с тем при рассмотрении импортного плана мы и можем наблюдать полную несостоятельность этого метода.

III.

Обращаясь к предложенному мною методу, считаю нужным прежде всего остановиться на том, что именно необходимо взять за отправную точку при составлении единого хозяйственного плана и установления пропорциональности между отдельными частями народного хозяйства. Такой отправной точкой я считаю удовлетворение потребностей рабочего населения города и деревни, установление того количества продуктов и предметов широкого массового потребления, какое необходимо для восстановления и развития рабочей силы страны. Здесь может быть высказано одно соображение, на котором и следует остановиться. Если мы возьмем простой подсчет, путем арифметических действий, потребностей, то количество потребного продукта будет несоизмеримо с техническим выполнением. Так, например, потребность крестьян в мануфактуре выразится в 1,42 млрд. *м*, а наши технические ресурсы позволяют нам выпустить всего лишь 426 млн. *м*. Но, во-первых — даже при этом допущении — первая цифра все же указывает цель, к которой должна будет итти текстильная промышленность, и выполнение этой задачи надо разбить на календарные сроки. А, во-вторых, при установлении потребностей мы отнюдь не должны руководствоваться лишь механическим подсчетом, но применить метод «целевого снабжения, причем определение размеров снабжения будет зависеть не только от хозяйственных соображений, но и от учета политической обстановки.

Раз нами будет установлен расчет того, сколько и чего нужно для удовлетворения потребностей рабочего класса и крестьянства, этим самым будет определена отправная точка для всестороннего развертывания единого хозяйственного плана, который в этом случае будет действительно являться единым, так как в основе его будет лежать принцип восстановления и развития рабочей силы страны.

Следующим шагом будет расчет производственных данных для выполнения поставленных задач, — в каком масштабе и какие производства должны быть пущены в ход, сколько фабрик и заводов должно работать; затем, сколько для этого потребуется сырья и материалов, чем будут определены задания заготовительным органам. Дальше определяется план перевозок, исходя из которого будет определяться количество паровозов и вагонов, необходимых для выполнения поставленных задач.

Для выполнения всей указанной работы по производству предметов, удовлетворяющих потребности рабочих масс, потребуется работа тех отраслей промышленности, которые, не производя вышеуказанных предметов, необходимы для обслуживания фабрик, заводов первой группы и транспорта (сюда войдут горная, бóльшая часть металлургической, электро-техническая и часть химической промышленности).

Размеры и план строительства должны быть определены уже в зависимости от установления вышеуказанных планов. Наконец, заключительным звеном наших расчетов должен явиться расчет потребной рабочей силы и план ее распределения. Мы наши расчеты начали с учета потребностей всей рабочей массы города и деревни, т. е. взяли ее как потребителя, но в заключение мы подходим к ней с меркой производителя, т. е. совершенно другими расчетами измерения ее количества и состава (в первом случае мы берем и нетрудоспособных, но которых поить, кормить и обувать надо, во втором мы их, конечно, из наших расчетов выбрасываем). Вот те вехи, по которым должен строиться единый хозяйственный план.

Я должен теперь сказать, что не нужно смешивать двух вещей: 1) метода установления расчета и 2) осуществления единого хозяйственного плана. Как и куда мы перенесем бóльшую ударность и сосредоточим более сил, при осуществлении хозяйственного плана, — это особый вопрос; мы должны будем при этом бить на наиболее слабые места, и тогда мы получим определенный результат производства. Мы проводим определенную тактику в смысле переноса ударности на тот или другой момент. Определенные директивы в этом отношении даны IX съездом партии. Единый хозяйственный план — прежде всего совокупность расчетов, которые должны выражать развитие производительных сил. Улучшение в области труда должно быть нашей исходной точкой и превалировать над всем, и вокруг этой определенной точки должно происходить развертывание всех областей нашего хозяйства и проводиться определенная экономическая политика. Это не только технический план, но такой план явится и выразителем

определенной экономической политики. Техника здесь играет подсобную роль.

Вот основные предпосылки, которые можно дать при подходе к единому хозяйственному плану.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходим к следующим выводам:

1. Единым хозяйственным планом называется: совокупность расчетов по потреблению и производству в отношении народного хозяйства в целом, устанавливающая пропорциональность отношений отдельных отраслей потребления и производства и выражающая развитие производительных сил страны.

2. Осуществление единого хозяйственного плана становится возможным только после свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата. Основными предпосылками осуществления единого хозяйственного плана служит сосредоточение всех средств производства в руках органов пролетарской власти, иными словами — заключенная национализация земли, транспорта, предприятий, образование государственных фондов потребления, топлива, сырья, перехода от вольного рынка к системе государственного снабжения.

3. Плановое хозяйство начинается сразу же по установлении власти пролетариата, но оно не представляет картины осуществления законченного плана, а составляется из сумм отдельных экономических мероприятий, касающихся главным образом овладения средствами производства, а с другой — из отдельных программ и планов, обнимающих отрасли распределения и производства.

Плановое хозяйство проходит ряд ступеней развития и, начинаясь от установления общих планов распределения, переходит на общие планы заготовок и, наконец, производства. Быстрота развития и установления планового хозяйства зависит прежде всего от быстроты укрепления органов власти пролетариата, обезврежения сил, борющихся против него даже после установления пролетарской диктатуры, и быстроты хода овладевания средствами производства.

4. Единый хозяйственный план не есть и не может быть продуктом отвлеченного творчества отдельной группы лиц или даже отдельного органа, а должен основываться на обобщении всего опыта и материала по производственным программам отдельных отраслей производства и потребления.

Иной подход являлся бы попыткой создания метафизического, нереального хозяйственного плана.

5. При разработке единого хозяйственного плана мы сталкиваемся с тремя способами возможной его разработки:

а) механическое объединение и «увязка» между собой отдельных производственных программ в общую программу;

б) принятие за отправную точку при построении единого хозяйственного плана производства того элемента народного хозяйства, который имеется в наименьшем количестве в отношении других элементов производства (например производство металлов, если его относительно меньше, чем топлива, сырья и т. п.);

в) принятие за основу восстановление и развитие рабочей силы и техники.

6. Первый способ: механическое объединение производственных программ — на первый взгляд наиболее легкий и практичный, носит неизбежно все элементы случайности и субъективности при установлении соответствующих пропорций между отдельными областями потребности и производства. Является явно ненаучным.

7. Второй способ: когда за основу берут производство определенного продукта, предполагают по существу предварительную схему хозяйственного плана, в которой этот продукт будет играть доминирующую, определяющую роль, а следовательно, этот метод не дает отправной точки как раз для построения хозяйственного плана, а затем производство определенного продукта укладывается в сравнительно узкие рамки производственных и технических отношений и не может захватить народного хозяйства в целом.

8. Третий способ, берущий за исходную точку потребление всего рабочего населения и дающий в общем картину развития производственных сил, — является наиболее отвечающим построению единого хозяйственного плана.

9. Построение единого хозяйственного плана будет распадаться на следующие взаимно связанные части:

1) потребности потребления: рабочих, крестьян (одежда, обувь, пища, освещение, отопление);

2) производство: для удовлетворения этих потребностей — производство текстильной и швейной промышленности, производство обувной и кожевенной, программа заготовок предметов потребления и производственная программа Наркомзема;

3) средства — сырье, топливо, машины;

4) транспорт: план перевозок. Поддержание и развитие техники транспорта. Производственные программы предприятий, работающих на транспорт;

5) техника: производство материалов и средств производства (сюда войдут горная, металлургическая, электро-техническая и часть химической промышленности);

6) строительство;

7) рабочая сила и план ее распределения.

10. Единый хозяйственный план должен представлять общие расчеты и задания как по отдельным областям потребления и производства, так и по отдельным территориальным областям.

На основании задания единого хозяйственного плана должна производиться разработка отдельных производственных программ как по предприятиям, так и по более мелким территориальным единицам.

12. АРЕНДА ПРЕДПРИЯТИЙ.

Аренда предприятий, введенная в связи с новой экономической политикой, представляет одну из форм, в какой было допущено развитие капиталистических форм хозяйства в Советской России. Развитие аренды предприятий имеет тем большее значение, что, наряду с концессиями, оно характеризует проникновение капиталистических форм в народно-хозяйственный организм Советской России в области производства. Таким образом оценка состояния аренды предприятий дает ответ на вопрос — насколько сильно и насколько прочно пускают корни в промышленности частнохозяйственные формы по сравнению с государственной национализированной промышленностью.

При рассмотрении указанного вопроса особенное значение получает рассмотрение данных о том: 1) в каких именно отраслях промышленности наиболее сильно развита аренда предприятий; 2) каковы размеры сданных в аренду предприятий (об этом можно судить прежде всего по количеству занятых в них рабочих); 3) каков удельный вес производства сданных в аренду предприятий по сравнению с производством государственной промышленности и, наконец, 4) каков состав арендаторов: являются ли арендаторами бывшие владельцы предприятий, или арендаторами являются просто частные лица, или же кооперативы.

В результате рассмотрения вышеуказанных вопросов мы можем получить более или менее полную картину положения той части наших предприятий, которые сданы в аренду, и значения, какое имеет у нас частный капитал в области производства в промышленности. Следует, однако, заметить, что данные, которыми мы располагаем, т. е. прежде всего данные ВСНХ и затем данные отчетов губэкосо, не дают возможности полного обозрения вышенамеченных вопросов.

Данные ВСНХ страдают известного рода бессистемностью и неполнотой, данные же отчетов губэкосо (мы произвели сводку данных 29 отчетов) дают возможность только использовать их в качестве иллюстрационного материала, но не дают возможности произвести детальный анализ аренды. Тем не менее для представления о степени развития аренды предприятий и ее значения данные, которыми мы располагаем, являются все же достаточными для обоснования ответов на поставленные нами выше вопросы.

Перейдем же к их рассмотрению.

Сдача в аренду предприятий в значительной степени происходила без плана и даже без предварительной подготовки. Из 29 отчетов губэкосо и облэкосо мы в 16 находим указания на некоторую подготовку к сдаче в аренду предприятий (таковы губернии: Петроградская, Московская, Ярославская, Новгородская, Саратовская, Симбирская, Нижегородская и др.), и в 13 отчетах нет никакого упоминания о каком-либо плане сдачи в аренду (таковы губернии: Архангельская, Вятская, Пермская, Гомельская, Тверская, Костромская и др.). Вследствие этого мы видим, что распределение предприятий при сдаче в аренду происходило неорганизованно и зачастую без достаточных гарантий со стороны арендатора.

Обращаясь к данным о количестве сданных в аренду предприятий и о распределении этих предприятий по отдельным отраслям промышленности, мы видим следующую картину:

На 1 июля 1922 г. в промышленности было сдано 3 573 предприятия, а к 1 сентября 1922 г. количество сданных в аренду предприятий поднялось до 3 874, т. е. увеличилось на 301 предприятие. К общему числу предназначенных к сдаче предприятий сданные в аренду составляют 54% (общее число 7 113 предприятий). (См. таб. стр. 315).

Существенным вопросом является — каким образом распределяются эти сданные в аренду предприятия по отраслям промышленности, или, иначе говоря, в каких отраслях частнохозяйственные формы пускают свои корни. Рассматривая данные таблицы, мы видим, что главная масса сданных в аренду предприятий падает *на пищевую и на кожевенную отрасли промышленности*. На 1 сентября 1922 г. количество предприятий по этим отраслям промышленности составляет 1 572 предприятия, или 40% *всего количества предприятий*.

Следующими отраслями промышленности с наибольшим количеством предприятий, сданных в аренду, являются *деревообраба-*

Таблица предприятий, сданных в аренду с начала арендной кампании по 1 сентября 1922 г.

(без коммунальных заведений)

Наименование производства	Общее число предпр., предназн. к сдаче	Сдано в аренду предпр.	В процентах	Число раб. на сданн. предпр.	Из сданных в аренду: Раб. в 1921 г.	Из сданных в аренду: Не раб.: не были готовы к пуску
Силикатная	1 010	237	23	2 844	75	69
Топливная	5	4	80	240	1	—
Металлообрабатывающая	680	376	55	8 648	189	54
Деревообрабатывающая	717	336	47	5 040	173	95
Химическая	799	343	43	14 116	134	88
Пищевая	1 800	981	54	8 830	191	241
Кожевенная	1 106	591	53	7 683	264	149
Текстильная	510	186	86	3 600	86	10
Бумажная	20	11	55	154	3	3
Полиграфическая	261	97	37	2 231	42	11
Прочие	205	54	26	1 100	9	5
Дополнительно по телеграфной анкете по 26 губ.	658	658	—	11 200	—	—
Итого	7 113	3 874	54	67 917	1 167	725

тывающая, металлообрабатывающая и химическая, с общим числом 1 055 предприятий, или 25%; затем следует текстильная и силикатная промышленность, по которым сдано 423 предприятия, или 10% общего числа. Остальные 25% распределяются между бумажной, полиграфической, топливной и прочими отраслями.

Из этих данных мы видим, что частнохозяйственные формы укрепляются в тех отраслях, где предприятия представляют более низкое строение капитала и имеют более быстрый оборот капитала, именно — в области пищевой и в области кожевенной промышленности; затем в областях, которые имеют более близкое отношение к массовому потреблению, чем другие области. Наоборот, в область тяже-

лой индустрии частный капитал почти не проникает.

Подобное распределение арендованных предприятий по отраслям промышленности крайне показательно. Мы знаем, что частный капитал в настоящее время имеет наибольшее значение в области торговли. Проникая в промышленность, он базируется прежде всего на тех отраслях, которые имеют непосредственное отношение к массовому потреблению. Когда процесс накопления достигает известной высоты в этих областях, частный капитал только после этого будет искать приложения в отраслях тяжелой индустрии.

Несмотря на сравнительно большое количество предприятий, сданных в аренду, *размеры* этих предприятий, точно так же как и их удельный вес в производстве, *крайне незначительны.* В большинстве случаев это, как мы указывали выше, мелкие предприятия. Данные о количестве рабочих, занятых в арендованных предприятиях, вполне ясно говорит об их размерах. Из этой таблицы мы видим, что в наибольшем количестве сданных в аренду предприятий, т. е. в пищевой промышленности, среднее число рабочих не превышает 17 человек на одно предприятие. Затем в последующем наиболее крупном числе предприятий, сданных в аренду, среднее число рабочих, приходящихся на одно предприятие, равняется 15. Наконец в таких отраслях промышленности, как добывание и обработка камней и глины, количество рабочих, приходящихся на одно предприятие, равняется 39 человекам и по текстильной промышленности количество рабочих, приходящихся на одно предприятие, равняется 55 чел. В среднем на одно предприятие приходится 27 чел. рабочих. По более поздним данным, на 1 сентября 1922 г., во всех предприятиях, сданных в аренду, работало всего 67 917 чел. Сдано же в аренду предприятий по этим данным 3 874. Следовательно на одно предприятие приходится от 15 до 20 человек.

Все эти данные показывают, что в общем все сданные в аренду предприятия являются мелкими мастерскими или предприятиями ремесленного типа. Общее количество рабочих на сданных в аренду предприятиях равняется 5—8% общего количества рабочих, занятых в промышленности. Только в таких отраслях, как текстильная, мы наблюдаем сдачу в аренду более крупных предприятий. Это мы видим в таких районах, как Поволжье, затем Северный Кавказ и Дон. «Если мы сравним мощность арендованных предприятий с общей мощностью предприятий по г. Москве и Московской губернии по данным переписи 1918 г. (557 745 л. с.), то увидим, что на долю арендованных предприя-

тий приходится 1,04%; процент этот в настоящее время должен быть несколько повышен ввиду того, что общая мощность предприятий того времени, несомненно, понизилась».

Таким образом в этом отношении мы видим указание на то, что в аренду с большой охотой берут именно те предприятия, которые работают непосредственно на массового потребителя, и все сданные в аренду предприятия имеют значение только в области обслуживания личного потребления и представляют пока незначительный вес в нашей промышленности.

Чтобы судить о том, в какой степени проникает действительно частный капитал в нашу промышленность, мы должны рассмотреть, кто является арендаторами предприятий. Здесь мы можем наметить две категории арендаторов: 1) частные лица и 2) государственные и кооперативные организации.

Обращаясь к имеющимся данным, мы видим, что эти группы разделяются между собой почти поровну. Из нижеприведенных данных мы можем видеть, что частные лица составляют 49% общего числа арендаторов; бывшие владельцы предприятий, берущие из них в аренду предприятия, составляют в общем 26% к общему числу арендаторов; прочие частные лица составляют 23%; трудовые артели составляют 14%; потребительская кооперация — 22% и государственные предприятия—12%. В общем итоге эта вторая группа арендаторов составит 51% к общему числу арендаторов. Но из них группа так называемых трудовых артелей, в сущности говоря, является смешанной группой, представляющей из себя частью организацию промысловой кооперации, а частью просто товарищества не кооперативного, а коммерческого типа, относящиеся скорей к первой группе.

Таким образом будет вполне правильно сказать, что частнохозяйственный капитал участвует в аренде предприятий в 50% от общего числа арендаторов, и, следовательно, только в таком масштабе возможно говорить в отношении арендованных предприятий, что они представляют из себя предприятия, ведущиеся на капиталистических началах, что отнюдь не относится к тем предприятиям, которые заарендованы государственными учреждениями и кооперативными организациями. Из этого следует, что и учитываемые размеры проникновения частнохозяйственного капитала в промышленность приходится соответствующим образом сократить вдвое.

Среднее число рабочих на 1 заведение из числа сданных в аренду

(по данным на 1 июня 1922 г.)

Наименование районов	VII Добывание и обработка камней, земель и глины	IX Металлообрабатывающая промышленность	XI Обработка дерева	XII Химическая промышленность	XIII Пищевая промышленность без мукомольного производ.	XV Кожевенная и меховая промышленность	XVI—XXI Текстильная промышленность	XXIV Полиграфическая промышленность
Северная область	—	16	22	17	9	10	—	17
Приозерный край	5	12	15	—	9	36	—	33
Западный край	16	32	57	48	23	11	—	19
Центрально-нечерноземная полоса	114	33	18	15	12	19	44	9
Центрально-черноземная полоса	—	17	23	9	8	3	22	13
Поволжье	50	19	8	16	34	17	212	10
Приуралье	52	36	24	25	39	11	82	18
Северный Кавказ и Дон	35	39	7	13	13	11	155	19
Западная Сибирь	—	65	—	26	24	23	53	—
Киргизская ССР	—	14	25	4	9	23	91	9
Украинская ССР	15	18	31	56	6	9	14	49
Крымская ССР	—	—	—	—	—	—	—	—
Туркестанская ССР	25	—	—	—	—	—	12	—
Итого по РСФСР	39	27	23	21	17	15	55	19

Распределение сданных в аренду предприятий по категориям арендаторов

(данные на 1 сентября 1922 г. касаются 1 735 предприятий)

Наименование групп	Количество предприятий	Процент к общ. колич. предприят.
Частные лица	845	49
Трудовые артели	243	14
Кооперация (потреб. и пр.)	396	22
Госорганы	199	12
Прочие	52	3
Итого	1 735	100

Но наше внимание должно привлечь то обстоятельство, что кооперативные организации состаляют сравнительно небольшой процент в общем числе арендаторов, всего лишь 22%. Казалось бы, что потребительская кооперация, призванная обслуживать широкие массы потребителей, должна была бы ухватиться за представляемые ей возможности взять в свои руки те предприятия, которые работают на массового потребителя. На самом деле мы этого не видим, точно так же как мы не видим и другого: предоставления преимуществ потребительской кооперации и государственным учреждениям при получении предприятий в аренду. И для частных лиц и для кооперации установлены общие нормы. «Наибольшей активностью, — говорит Сибпромбюро,—в отношении аренды отличаются бывшие владельцы предприятий. Затем идут прочие частные предприниматели. За ними следуют производственные артели и разного рода коллективы. Нужно сказать, что в большинстве случаев производственные артели являются по существу теми же частными предпринимателями и бывшими владельцами арендуемых предприятий, и форма артели в данном случае представляется своего рода защитной окраской».

Вот как характеризует различные категории арендаторов отчет бюро аренды при Петроградском совете народного хозяйства.

«Характерно, что наиболее исправными арендаторами являются прежние владельцы. Объясняется это тем, что они лучше, чем кто-либо другой, знают свои предприятия и прекрасно знакомы с условиями заготовки сырья для них, с лучшими способами организации сбыта своих изделий и т. д.

Эти арендаторы, как отмечает бюро, относятся вполне серьезно к договорам и взятые на себя обязательства стараются точно выполнить.

Иначе относятся к делу арендаторы из группы «других частных лиц». Среди последних встречаются элементы авантюристического пошиба, которые, не имея достаточных средств, стараются их получить из рук государства, пускаясь для этой цели на разные комбинации. В отношении кооперативных организаций бюро отмечает, что наиболее солидной является ПЕПО, имеющее огромные средства и колоссальный заготовительный аппарат по всей России. Исправным арендатором является также Центросоюз, который уже арендует некоторые предприятия в Петрограде и которому, по всей вероятности, будет сдан в аренду и завод Сан-Галли.

Среди производственных артелей одни довольно солидны и состоятельны, а другие весьма ненадежны и способны только разрушить сдаваемые им предприятия. Бывали уже случаи расторжения договора с ними (Эдуард и др., «Экономическая жизнь» от 17 мая 1922 г.).

Из приведенных данных следует, что необходимо обратить особое внимание на деятельность потребительской кооперации в этой области. Ее работа здесь не соответствует тем возможностям, какие у ней имеются. Она смогла бы занять господствующее положение в тех отраслях мелкой промышленности, которые работают на массового потребителя.

С р о к, на который сдается в аренду предприятие, большей частью не превышает 5 лет. 24,4% всех предприятий сдано на срок до двух лет; 57,3% сдано на срок от двух до пяти лет; 17,7% сдано на срок от пяти до десяти лет и 0,3% сдано на срок не свыше десяти лет. Данные губэкосо и облэкосо точно так же подтверждают вышеуказанные цифры.

Таким образом срок сдачи в аренду предприятий сравнительно небольшой и соответствует тому, что мы говорили относительно быстроты оборота капитала в этих предприятиях и относительно размеров указанных предприятий.

О п л а т а а р е н д ы производится в большинстве случаев продуктами производства сданного в аренду предприятия и в меньшинстве случаев в денежной форме. В твердо определенных размерах арендной платы установлено—32,5% продуктами и 11,6% деньгами. Долевое отчисление определено в 43,3% продуктами производства и 1,6% деньгами. Смешанные и другие формы оплаты аренды составляют 10%, и безвозмездная сдача в аренду составляет 2%.

Т а к и м о б р а з о м м ы в и д и м е щ е, ч т о а р е н д н а я п л а т а н е п р е в р а т и л а с ь в д е н е ж н у ю а р е н д н у ю п л а т у, а н о с и т п р е и м у щ е с т в е н н о н а т у р а л ь-

ный характер. Это, несомненно, является отсталой формой оплаты аренды и будет современем изжито, и арендная плата будет вноситься в денежной форме, к чему необходимо стремиться нашим хозяйственным органам при сдаче в аренду предприятий.

Процент долевого отчисления колеблется от 5 до 35%, но чаще встречается 10—15%.

По этому поводу московский отчет говорит:

«Реализация отчислений производилась довольно медленно. Из общего числа действующих предприятий весьма ничтожное количество на 1 февраля 1922 г. покрыло причитающиеся по договору обязательные отчисления».

Далее. «Подводя итог о работе арендованных предприятий, следует признать, что работа эта не дает вполне удовлетворительных результатов: и самый метод заключения договоров (при спешности не дающий возможности произвести точную опись и оценку передаваемого имущества и знать о состоянии предприятия) нельзя считать достаточно гарантирующим МСНХ в подлежащем выполнении принятых на себя арендаторами обязательств; равным образом и метод получения арендной платы путем натуральных отчислений с производства неудачен, и уже признано целесообразным для конкретизации арендных платежей перейти от арендных отчислений к денежной арендной плате».

Наименование губерний	Средний процент долевого отчисления с валовой выработки
Архангельская	15
Петроградская	10
Пермская	10—15
Гомельская	35
Рыбинская	5—12
Нижегородская	10—30
Пензенская	16
Крым	10—15
Донецкая	5—10
Кубано-черноморская	7
Челябинская	5—12

Наоборот, отчет Омского губэкосо смотрит на дело более оптимистически. «Арендная плата, — говорит он, — поступает своевременно

и аккуратно. Арендаторам оказывалась некоторая помощь в виде ссуд сырьем и дензнаками... процент аккуратной выплаты, своевременной— 85%, запоздания в плате—15%».

Однако судить о выполнении арендных договоров было бы преждевременно, так как точных данных по этому поводу имеется крайне мало.

Тов. Минц вполне правильно указывает (ст. в «Экономической жизни» от 3 мая 1922 г.), предполагая, что арендная промышленность даст сравнительно крупную производительность; были даны общие директивы, чтобы взыскание арендной платы происходило путем удержания процентов производства, т. е. арендная плата натурой.

При ничтожных размерах арендной промышленности, разнообразии и мелочности ее производства, изобилии специальных изделий по особому заказу — все эти ничтожные количества мелочей, которые должны доставить арендованные предприятия государству, представляются мало необходимыми, трудно реализуемыми и весьма трудно технически получаемыми изделиями.

При массовых спешно составляемых договорах трудно было с полной точностью установить потребные ко взысканию изделия с достаточной определенностью их качества; поэтому техническое взыскание свелось к бумажному выполнению ордеров бухгалтерии на изделия, которые во многих случаях были только оговорены в договорах, но не выделывались.

Практика Московского совета народного хозяйства подтверждает это положение. Взыскание натурой происходило крайне медленно, и за август, февраль всего было взыскано 5,5 млрд. руб.; уже в марте постепенно перешли на денежную оплату — за март взыскано 9 млрд., а за половину апреля еще 12 млрд.

Ввиду того, что арендная плата в большинстве договоров установлена в виде процента от производства, очень трудно установить, сколько же причиталось и какая часть взыскивалась, но по предварительным подсчетам можно полагать, что за февраль месяц взыскано не более чем $1/6$ часть причитающейся аренды, а за остальные месяцы следует считать, что взыскана еще меньшая часть; следовательно, вообще взыскание арендной платы по Московской губернии следует признать пока мало удовлетворительным, но значительно улучшающимся при переходе на денежную оплату. Вывод может быть сделан один: переход от натуральной оплаты аренды к денежной оплате должен быть совершен немедленно.

Это облегчит и взимание арендной платы и контроль за взятыми в аренду предприятиями.

В общем же аренда пока является сравнительно незначительным источником дохода для наших советских органов.

Обращаясь, наконец, к вопросу, какие предприятия были сданы в аренду, в каком состоянии они находились и как в зависимости от этого распределялись среди арендаторов, мы и тут наталкиваемся на довольно любопытную картину.

Оказывается, что в наиболее выгодных условиях находились бывшие владельцы и в невыгодных — кооперация и государственные учреждения.

Мы имеем цифры, показывающие, сколько та или другая категория арендаторов получила предприятий на ходу, т. е. работающих, и сколько предприятий имели сырье и топливо.

Эти данные дают возможность судить о выгодности аренды по отдельным категориям арендаторов.

К сожалению, вторая таблица не дает точных указаний, так как процент предприятий, о которых неизвестно, имели ли они при сдаче в аренду сырье и топливо, — чрезмерно велик; поэтому мы взяли имеющиеся данные только в абсолютных числах, не выводя процентных соотношений.

Сдано предприятий на ходу

Кому сданы	Всего сдано предприятий	Сдано на ходу	В процентах
Бывшим владельцам	462	94	20
Прочим частным лицам	383	50	13
Трудовым артелям	243	46	19
Кооперации	396	60	15
Государственным учреждениям	199	34	17

То есть бывшие владельцы взяли больше всех в аренду предприятий на ходу, и хуже всех в этом отношении пришлось кооперации и государственным учреждениям.

Аналогичную картину мы видим и в отношении обеспечения сданных в аренду предприятий сырьем и топливом.

21*

Сдано предприятий с сырьем и топливом по категориям арендаторов

Кому сданы	Сдано с сырьем и топливом	Сдано без сырья и топлива
Бывшим владельцам	95	71
Прочим частным лицам	49	73
Трудовым артелям	25	51
Кооперации	59	137
Государственн. учреждениям	39	22

Мы видим, что и тут бывшие владельцы сумели прибрать к своим рукам больше предприятий, обеспеченных сырьем и топливом, и меньше предприятий без сырья и топлива, и, наоборот, кооперация взяла всего 59 предприятий, имевших сырье и топливо, и целых 137, не имевших таковых.

Эти данные подтверждают ранее нами сделанные указания на бессистемность в проведении арендной кампании. Бывшие владельцы и вообще «частные лица» проявили в этом деле большее уменье, чем кооперация и наши государственные учреждения.

ВЫВОДЫ.

Мы видим, что: 1) частнохозяйственный капитал проникает в область промышленности прежде всего в те отрасли, которые работают непосредственно для личного потребления широких масс потребителей; 2) частнохозяйственные формы концентрируются в настоящее время в тех отраслях промышленности, которые дают возможность быстрого оборота капитала: в предприятиях ремесленного типа и мастерских (среднее число рабочих на предприятии 15—20 человек); 3) частные лица составляют в общем количестве арендаторов 50%; 4) срок сдачи в аренду предприятий колеблется главным образом от 2 до 5 лет; 5) процесс сдачи в аренду происходил бессистемно, и над сданными в аренду предприятиями установлен недостаточный контроль; 6) до сих пор преобладающей формой арендной платы является натуральная плата, что является неправильным, и необходим переход к взиманию денежной арендной платы; 7) при сдаче в аренду предприятий должна быть проводима определенная политика облегчения и поощрения сдаче в аренду предприятий кооперативным и государственным организациям. Несмотря на постановление в этом отношении, мы не находим проведения этого в жизнь ни по отчетным данным губэкосо, ни в цифровых данных ВСНХ, которые показывают, наоборот,

что чисто кооперативные предприятия и государственные учреждения отстают от частных лиц в получении в аренду предприятий; 8) учет расторгнутых договоров и невыполнение условий аренды поставлены плохо и не находят достаточно полного отражения ни в отчетах губэкосо, ни в данных ВСНХ; 9) в общем хозяйственном балансе страны сданные в аренду предприятия пока играют небольшую роль.

13. О СОВЕТСКОМ СПЕЦИАЛИСТЕ.

Нами получено от рабочих два противоположных мнения о нашем современном отношении к специалистам и каким оно должно быть.

Одно ставит вопрос о том: не пора ли нам пересмотреть наши благожелательные отношения к специалистам и поубавить им все привилегии, какими они пользуются.

Другое — наоборот — считает, что мы слишком мало обращаем внимания на специалистов и плохо выполняем в этом отношении нашу партийную программу (последнее мнение исходит от одного из наших хозяйственников).

Эти два мнения заслуживают того, чтобы на них остановиться и разобраться.

Вопрос о специалистах крайне важный вопрос в нашем советском строительстве и вообще в нашем общественном развитии. Не кто иной, как Ленин, как известно, придавал ему огромное значение.

Тов. Ленин с полной определенностью и с присущей ему глубиной поставил этот вопрос еще в 1919 г. С тех пор положение со специалистами значительно улучшилось. Теперь мы вполне уверенно можем говорить о нашем советском специалисте. Советское бытие переработало психику значительной массы буржуазных спецов и сделало из них советских специалистов.

Это — факт и факт крупного значения!

Поворот не только на советскую дорогу, но к коммунизму совершился, например, со стороны учительства, демонстрацию чему мы видели во время XIII съезда. Движение среди врачей становится все более и более активным в смысле перехода вполне на дорогу советского строительства. Наконец, создались вполне определенные советские группы среди верхов наших специалистов, для которых советское строительство стало близким, своим (достаточно назвать хотя бы несколько общеизвестных в СССР имен: проф. Рамзин, проф. Александров, Осадчий, Графтио, проф. Ипатьев, Долгов и мн. др.). Таковы факты, которые говорят сами за себя.

Распределение сданных в аренду промышленных
нию обору

(данные на 1 сентября 1922 г., разрешенн.

№№ по порядку	Наименование отраслей промышленности	Общее количество промышленных предприятий, сданных в аренду, по которым сведения разработаны	Бывшим владельцам						Прочим частным лицам					
			Всего	Из них по состоян. оборудования					Всего	Из них по состоян. оборудования				
				На ходу	Не работающих, но готовых к пуску	Работавших в 1921 г.	К пуску не готовых (не работавших в 1921 г.)	Состояние неизв.		На ходу	Не работающих, но готовых к пуску	Работавших в 1921 г.	К пуску не готовых (не работавших в 1921 г.)	Состояние неизв.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	Металлообрабатывающая . .	173	68	13	13	1	5	36	31	1	5	4	1	20
2	Текстильная . .	151	76	13	8	23	15	17	47	5	2	8	12	20
3	Кожевенная . . .	309	112	31	17	8	8	48	52	19	5	5	10	13
4	Деревообрабатывающая . . .	186	21	7	5	—	5	4	30	7	11	—	8	4
5	Бумажная	14	7	1	1	—	3	2	2	—	1	—	1	—
6	Полиграфическая	68	15	11	1	—	2	1	13	5	2	—	1	5
7	Химическая . . .	156	45	8	3	3	11	20	29	3	1	3	3	19
8	Силикатная . . .	167	31	—	7	2	7	15	39	1	9	2	11	16
9	Пищевая	409	83	10	44	1	22	6	78	9	49	2	12	6
9а	Хлебопекарни . .	90	4	—	—	1	—	3	57	—	—	—	25	32
10	Прочие отрасли .	12	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	2	3
	Итого.	1 735	462	94	99	39	78	152	383	50	85	24	86	138

предприятий по категориям арендаторов и состояния оборудования

на основан. карт. ЦСУ ВСНХ)

Трудовым артелям						Потребит. и проч. кооперативам						Государственным учреждениям						Прочим арендаторам					
Всего	Из них по состоян. оборудования					Всего	Из них по состоян. оборудования					Всего	Из них по состоян. оборудования					Всего	Из них по состоян. оборудования				
	На ходу	Не работающих, но готовых к пуску	Работавших в 1921 г.	К пуску не готовых (не работавших в 1921 г.)	Состояние неизв.		На ходу	Не работающих, но готовых к пуску	Работавших в 1921 г.	К пуску не готовых (не работавших в 1921 г.)	Состояние неизв.		На ходу	Не работающих, но готовых к пуску	Работавших в 1921 г.	К пуску не готовых (не работавших в 1921 г.)	Состояние неизв.		На ходу	Не работающих, но готовых к пуску	Работавших в 1921 г.	К пуску не готовых (не работавших в 1921 г.)	Состояние неизв.
16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39
17	7	3	—	—	7	32	1	4	2	7	18	23	1	2	2	2	16	2	—	—	—	1	1
9	3	—	—	2	4	14	1	1	3	3	6	3	—	—	2	—	1	2	—	—	—	1	1
55	9	4	2	5	35	72	8	8	8	12	36	17	3	3	4	4	3	1	—	1	—	—	—
41	13	16	3	5	4	37	12	15	3	6	1	43	13	17	5	3	5	14	7	4	—	2	1
2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	3	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—
4	3	—	—	1	—	8	3	2	—	3	—	22	15	2	—	1	4	6	4	2	—	—	—
31	3	3	1	4	20	33	3	3	5	8	14	15	2	2	—	1	10	3	—	—	—	1	2
13	—	3	—	2	8	29	—	7	1	10	11	53	3	5	4	13	28	2	1	1	—	—	—
61	8	45	—	5	3	150	32	100	—	13	5	15	2	7	—	2	4	22	2	14	—	6	—
9	—	—	1	4	4	18	—	—	—	14	4	2	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	1	—	3	—	1	—	—	2	3	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—
243	46	74	7	29	87	396	60	141	22	76	97	199	39	40	18	28	74	52	14	22	—	11	5

Таблица распределения предприя

№№ по порядку	Наименование отраслей промышленности	I Предприятия, сданные бывшим владельцам					II Прочим частным предпринимателям					Произ арте	
		С сырьем	С топливом	С сырьем и топливом	Без сырья и топлива	Неизвестно	С сырьем	С топливом	С сырьем и топливом	Без сырья и топлива	Неизвестно	С сырьем	С топливом
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Металлообрабатывающая	7	—	5	1	55	6	1	4	1	19	3	—
2	Текстильная	21	—	4	2	49	2	—	2	2	41	2	—
3	Кожевенная	21	1	—	6	84	10	2	2	4	34	5	—
4	Деревообрабатывающ.	2	1	4	8	6	4	—	1	10	15	5	—
5	Бумажная	—	—	—	5	2	—	—	—	—	2	—	—
6	Полиграфическая . .	—	—	—	9	6	2	—	—	4	7	—	—
7	Химическая	14	—	5	3	23	3	—	1	—	25	3	—
8	Силикатная	2	1	3	4	21	—	—	2	6	31	—	—
9	Пищевая	1	2	1	33	46	4	2	1	46	25	3	—
9а	Хлебопекарни	—	—	—	—	4	—	—	—	—	57	—	—
10	Прочие отрасли . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—
	Итого . . .	68	5	22	71	296	31	5	13	73	261	21	—

тий по категориям арендаторов

III			IV					V					VI					Общее число заведений, сданных в аренду (по основн. кат.)
водств. лям			Потребительским и прочим кооперативам					Государственным учреждениям					Прочим арендаторам					
С сырьем и топливом	Без сырья и топлива	Неизвестно	С сырьем	С топливом	С сырьем и топливом	Без сырья и топлива	Неизвестно	С сырьем	С топливом	С сырьем и топливом	Без сырья и топлива	Неизвестно	С сырьем	С топливом	С сырьем и топливом	Без сырья и топлива	Неизвестно	
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
1	1	12	9	—	2	3	18	1	—	1	1	20	—	—	—	—	2	173
—	1	6	1	—	1	1	11	1	—	—	1	1	—	—	—	—	2	154
1	6	43	8	—	3	3	58	6	—	—	—	11	1	—	—	—	—	309
2	8	26	4	—	1	12	20	5	—	3	8	27	4	—	1	3	6	186
—	—	2	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	14
—	—	4	2	—	—	2	4	4	—	—	3	15	3	—	—	2	1	68
—	1	27	7	—	2	5	19	5	—	—	—	10	—	—	—	—	3	156
—	1	12	2	2	4	2	19	3	2	4	3	41	—	—	—	—	2	167
—	33	25	9	1	1	109	30	—	2	—	6	7	—	—	—	15	7	409
—	—	9	—	—	—	—	18	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	90
—	—	1	—	—	—	—	3	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	12
4	51	167	42	3	14	137	200	26	4	9	22	138	8	—	1	20	23	1 735

Этот процесс массового поворота специалистов на дорогу советского строительства мы должны углубить и закрепить. Сейчас в хозяйственном отношении мы начали расти. Развивается наша промышленность, торговля, встают новые хозяйственные проблемы, а следовательно, *роль специалиста, роль инженера, агронома, техника, учителя соответствующим образом вырастает.*

Мы не можем без специалистов укрепить и развить наши хозяйственные достижения.

Но, — скажут нам, — не могут ли наши новые *красные специалисты* заменить уже старые кадры специалистов? Конечно, нет. Наши красные специалисты еще только-только подрастают, только первые их ряды вступают в работу. Они должны еще научиться взять у кадров старых специалистов их опыт и знание.

Конечно, вопрос, поднятый т. Сосновским, каким должен быть советский агроном, — важный и интересный вопрос; он может быть с успехом распространен на инженера, врача, учителя и т. д. Но пока дело заключается в том, что сравнительно еще долго мы должны будем базироваться главным образом на наших старых кадрах советских специалистов, которые нужно уметь полностью использовать.

Ясно поэтому, почему мы не должны становиться на почву пересмотра нашей тактики в отношении специалистов.

Конечно, среди них остается еще немало заядлых врагов советской власти, и с ними необходима и дальше самая решительная борьба.

Но в отношении советского специалиста мы должны поставить другой вопрос: насколько полно сумели мы провести наше программное дело — «ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда, рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и тем способствовать взаимному пониманию и сближению разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда».

Известную работу мы в этом отношении сделали, что доказывают вышеприведенные факты, но мы должны дальше сплачивать советских специалистов, закрепить их работу по советскому строительству, давши им те условия материального и научного характера, которые бы давали возможность полностью использовать их знания и силы.

14. НАША ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ЗА ГОД.

Наша торговля с капиталистическими странами фактически существует всего только около 3 лет. Но каждый последующий год показывает неуклонное возрастание и наше укрепление на внешнем рынке.

Это явление особенно интересно в том отношении, что укрепление и относительно быстрое возрастание нашей внешней торговли, при ее активном балансе, проходят в условиях неблагоприятной мировой экономической конъюнктуры, в условиях, когда капиталистические страны в общем все время находятся, несмотря на временные колебания, в полосе кризиса. Таким образом мы пробиваем себе дорогу на внешнем рынке в условиях довольно-таки тяжелого и трудного положения и все-таки усиливаемся.

Это происходит прежде всего благодаря тому благоприятному положению, в каком находится наш Союз в отношении главнейших товаров, которые он вывозит в другие страны, т. е. главным образом благодаря добываемому сырью: лен, лес и в 1922/23 г. хлеб, нефть — вот основа нашего экспорта, — на эти товары, даже в условиях неблагоприятной конъюнктуры, конечно, имеется всегда большой спрос в европейских странах; с другой стороны — вследствие самой организации нашей внешней торговли, т. е. благодаря государственной монополии внешней торговли, дающей возможность планомерно, организованно и сознательно развивать и направлять нашу внешнеюю торговлю.

Эти обстоятельства и приводят в общем к тому, что мы можем укреплять внешнюю нашу торговлю — в условиях неблагоприятных на внешнем рынке — и даже использовать это положение в наших интересах. Следующие данные ярко иллюстрируют это положение.

Наш вывоз за операционный 1923/24 г. в два с лишним раза превышал наш вывоз за 1922/23 г.: на 463 млн. руб. (по современным ценам с применением индексов) было вывезено в 1923/24 операционном году и на 210 млн. руб. в предыдущем. Ввоз также почти вдвое был выше в 1923/24 г. против предыдущего: на 346 млн. руб. мы ввезли в 1923/24 г. против 187 млн. руб. предыдущего года. Баланс внешней торговли и в позапрошлом и в этом операционном году

был активный, т. е. наш вывоз превышал ввоз. В закончившемся операционном году это превышение выразилось в довольно-таки солидной цифре — в 116 млн. руб.

Операционный 1924/25 год в области внешней торговли отличается от предшествовавшего года тем, что из экспорта выпадает такая важная статья, как хлеб. Благодаря неурожаю в ряде губерний хлеб в этом году не вывозился. Но зато усилен вывоз леса, нефти, льна и ряда второстепенных видов сырья. Тем не менее отсутствие вывоза хлеба сказывается, конечно, на росте общих цифр нашего экспорта, и данные за последние месяцы 1924 г. (октябрь и ноябрь), по сравнению с соответствующими данными 1923 г., показывают, правда незначительное, но все же снижение. Положим, это относится главным образом к ноябрю. Ввоз же несколько возрос за эти последние месяцы 1924 г. по сравнению с таковыми же 1923 г. Вывоз в октябре 1924 г. — 24 млн. руб., в октябре 1923 г. — 26 млн. руб. (по довоенным ценам), в ноябре 1924 г. — 22 млн. руб., в ноябре 1923 г. — 38 млн. руб. Ввоз в октябре 1924 г. — 19 млн. руб., в октябре 1923 г. — 16 млн. руб., в ноябре 1924 г. — 16 млн. руб., в ноябре 1923 г. — 14 млн. руб. Баланс внешней торговли и в эти последние месяцы остается активным (в октябре на 4 млн. руб., в ноябре на 6 млн. руб.).

Экономическая конъюнктура главнейших европейских стран, с которыми у нас в наибольшей степени развиваются торговые отношения, т. е. в первую очередь в Англии и Германии, улучшившаяся было в первой половине 1924 г., во вторую половину сильно упала. Это выразилось прежде всего в сокращении производства, в росте безработицы и т. п.

Только во Франции экономическое положение более или менее устойчиво (хотя в области финансовой оно обнаруживает сильные колебания, что свидетельствует о возможности ухудшения и общего экономического состояния во Франции). Но это упадочное состояние главнейших европейских стран вряд ли отразится, по приведенным выше соображениям, на развертывании наших торговых отношений. Наше сырье они будут закупать, так как на мировом рынке в нем определенный недостаток. С другой стороны, и мы, по нашим потребностям и в силу возрастающего темпа хозяйственного развития, не собираемся не только сокращать наши заказы, но даже несколько расширим.

Следует отметить две особенности нашей внешней торговли в конце 1924 г. и в предстоящем 1925 г. В нашем

вывозе мы должны будем особое внимание уделить вывозу технических культур сельского хозяйства (в первую очередь — льна), а также поставить более широко вывоз продуктов животноводства (мяса). Развитие сельского хозяйства ставит на очередь именно эти задачи. Это послужит серьезным толчком для его развития вперед.

Область ввоза расширяется, с одной стороны, потребностями внутреннего нашего рынка, с другой, что особенно важно, — потребностями обновления нашей техники и промышленности. Как известно, вопрос об основном капитале вполне своевременно поставлен нашими хозяйственными органами, в первую очередь ВСНХ. Обновление машинного оборудования нашей промышленности, постройка новых предприятий для ближайших лет станет очень серьезной задачей. Наш ввоз в значительной степени будет определяться этой работой по обновлению и перестройке нашего технического базиса. Нужно также отметить крупные заказы на тракторы, которые получают все большее распространение у нас.

Главными странами, с которыми у нас развиваются торговые отношения, продолжают оставаться Англия и Германия: от 60 до 70% нашего внешнего торгового оборота приходится на эти страны.

Но можно предвидеть, что, несомненно, усилится роль Франции и Америки. Положение рынка в этих странах делает необходимым усилить внимание в эту сторону. Это расширение торговой базы должно быть использовано в смысле улучшения дела постановки торговли нашими органами на основе того опыта, какой у них уже накоплен в достаточной степени из прошлой работы.

Капиталистический мир волей-неволей должен считаться с повелительной логикой экономического развития, а она с очевидностью диктует неизбежность роста и влияния СССР на мировом рынке. И как бы некоторые господа реакционные дипломаты «наперекор стихии и вопреки рассудку» ни упирались повернуть или задержать колесо истории, им это не удастся.

Наша внешняя торговля служит серьезнейшим фактором ускорения темпа нашего хозяйственного развития и восстановления сельского хозяйства, промышленности и транспорта, и вместе с тем рост нашего укрепления в области международных экономических отношений приветствуется не только нами, но и рабочими всего мира, видящими в этом также рост нашего значения и силы.

15. О ПРОБЛЕМЕ ДИСПРОПОРЦИЙ И ТЕМПЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В СССР.

Развитие нашего хозяйства выдвигает в настоящее время целый ряд теоретических проблем. Это является вполне законосообразным. Мы вступаем, как вам известно, в новый период, в период реконструкции нашего хозяйства. Восстановительный период, первый период нэпа, заканчивается в смысле достижения довоенных размеров производства и использования довоенной техники, и наша экономика вступает в новый период, когда перед нами встает проблема изменения нашей техники, изменения нашей технической базы в смысле не только обновления, но и нового строительства. В зависимости от этого выдвигаются вопросы реконструкции нашего народного хозяйства. Поэтому теоретические проблемы в нашей экономике получают новое значение в связи с изменяющейся практикой. Изменяющаяся практика требует нового теоретического освещения, а новое теоретическое освещение дает возможность более точно и более правильно наметить нашу практику. Причем мы наблюдаем в этот переломный период, что перед нами встают новые теоретические проблемы по сравнению с теми теоретическими проблемами, которые были накануне первого периода и в первый год периода новой экономической политики. В первый период новой экономической политики, особенно в начале ее, стояла *основная проблема о взаимоотношении и взаимозависимости различных форм народного хозяйства* и в первую очередь частнохозяйственных форм с государственными формами. 11 ноября 1923 г. в Коммунистической же академии мне пришлось читать доклад относительно итогов первого года новой экономической политики и тех теоретических проблем, которые в то время выступали. Тогда только что закончился первый год новой экономической политики, и основная задача, как она была формулирована в моем докладе, была следующая: «В структуре советского хозяйства роль частнохозяйственных форм будет подчинена по всем ответвлениям — иностранного капитала, промышленного капитала, наконец торгового капитала — нашему государственному хозяйству, и этим самым положением будет выполняться наша задача — экономически укрепить наши советские формы хозяйства» [1]). В сущности говоря, весь первый период новой экономической политики заключался в определении взаимоотношений между советскими, государ-

[1]) «Вестник Коммунистической академии» № 2, 1923 г.

ственными формами хозяйства и частнохозяйственными. Ведь когда начинали новую экономическую политику, мы не скрывали опасности, что начинаем ее в стране аграрной, где имеются благоприятные факторы для развития частнохозяйственных форм. И здесь твердый курс и ясное представление о линии нашей политики имели колоссальное значение. И в итоге теперь, при вступлении во второй период новой экономической политики, мы можем с полной уверенностью сказать, — это не является спорным с какой бы то ни было точки зрения, — что государственные формы, советские формы являются сейчас господствующими формами в нашем народном хозяйстве в смысле его ведения, руководства. По этому поводу, как вы знаете, писалось немало за последнее время, и я это доказывать не буду. Вы знаете, что, например, обобществленные материальные средства в переводе на деньги составляют около 12 млрд. руб., необобществленные — около 7 млрд. Точно так же знаете, что государственная промышленность является господствующей в области промышленности, что частнохозяйственная промышленность не получила сколько-нибудь значительного влияния, что на внутреннем рынке увеличивается и усиливается влияние наших советских органов, что не только в оптовой торговле, но даже в розничной мы с каждым годом делаем успехи, тогда как в начале периода новой экономической политики мы имели на стороне частного торговца перевес в рознице. Таким образом эти проблемы, эти задачи нами были удовлетворительно разрешены в течение этих годов.

Нужно сказать, что и в нашей партии и в наших советских органах в начале новой экономической политики были большие уклоны: было, например, течение в лице рабочей оппозиции, которое переоценивало опасность капиталистических форм. На основе переоценки капиталистических форм хозяйства это течение делало соответствующие выводы в смысле нападения на мероприятия в области нашей хозяйственной политики, как мероприятия, которые будто бы возрождают, усиливают капиталистические тенденции. Рабочая оппозиция возникла, в сущности говоря, на этой почве. Была и другая отрыжка подобной же переоценки, в виде троцкизма, по вопросу о профсоюзах, где аппаратская точка зрения в области профсоюзов характеризовала переоценку опасности капиталистических форм и недооценку значения влияния советских социалистических форм, социалистических тенденций в нашем хозяйстве. Я прошу обратить на это внимание потому,

что это имеет значение и для оценки современного поворотного пункта и того перелома, в который вступает наше народное хозяйство в настоящий момент.

Таковы были задачи первого периода нэпа.

В настоящий момент в связи с проблемой реконструкции нашего хозяйства выдвигаются две основных проблемы: проблема диспропорции или, точнее сказать, диспропорциональности в нашем народном хозяйстве между сельским хозяйством и между промышленностью. Эта диспропорция имеет не только значение экономическое, но имеет и значение политическое. И при освещении этого вопроса нам придется к нему подойти не только с точки зрения реорганизации нашего хозяйства, но и с точки зрения нашей политики в отношении деревни и в отношении города.

Другая проблема, тесно связанная с этой проблемой,—это темп нашего экономического развития.

Я выделил эти две проблемы. Конечно, наряду с этими у нас еще целый ряд задач, которые встают в связи с реконструкцией нашего народного хозяйства, в связи с переходом, переломом, который мы переживаем, вступая в новый, второй период новой экономической политики. Но эти проблемы являются сейчас основными и для теоретического анализа и для нашей политики и практики.

Что такое диспропорция? Позвольте прежде всего дать определение. Понятие диспропорции в народном хозяйстве означает несоответствие в развитии отдельных частей народного хозяйства, нарушающее общий ход экономического развития.

Вот то определение, которое я даю проблеме диспропорции. Причем диспропорция не есть нечто раз навсегда данное при всех условиях. Диспропорции и пропорции отношений в каждый данный исторический период будут различны. Та или иная диспропорция, нарушающая ход развития народного хозяйства, выявляет себя только в данных исторических условиях.

Это нужно принять во внимание.

Таким образом, чтобы понять диспропорцию, которая существует у нас, мы должны, несомненно, считаться с теми условиями

исторического характера, в которых находится наше народное хозяйство сейчас, в данный конкретный момент, потому что при иных условиях характер диспропорции будет иной. Если, например, в Англии или Германии произойдет социальная революция, пролетариат станет у власти, тогда хозяйство Англии или Германии включается в систему советского хозяйства, и ясно, что при таких условиях соотношение отдельных частей нашего хозяйства видоизменяется, совершенно иное будет соотношение, иного характера, иной масштаб взаимоотношений между отдельными частями народного хозяйства, иные пропорциональности. В данных исторических условиях, в данных конкретных условиях мы определяем, что такое диспропорция, которая нарушает или грозит опасностью нарушить ход нашего экономического развития и укрепления социалистических форм нашего хозяйства. Вот как приходится ставить вопрос о диспропорции.

Далее, диспропорции и пропорциональности — это не только принадлежность нашего хозяйства, но принадлежность и капиталистического хозяйства. Капиталистическое хозяйство имеет свои диспропорции и свои пропорциональности, и периоды, когда происходит поступательное развитие капитализма, и периоды, когда эти диспропорции нарушают ход экономического развития капиталистического строя. *Диспропорции находят свое выражение в экономических кризисах капитализма.* Диспропорции, которые наблюдаются в капиталистическом строе, проявляются и в области производства, и в области рыночных отношений, в области обмена, и как диспропорции между производством и потреблением. Я думаю, что я лучше всего сделаю, если процитирую Маркса по этому вопросу.

«Реальный кризис, — говорит Маркс, — можно выяснить лишь из реального движения капиталистического производства, конкуренции и кредита, поскольку он вытекает из тех функциональных особенностей капитала, которые *характерны* для него, как для капитала, и еще не предполагаются его существованием в качестве простых товара и денег».

Я хочу обратить внимание на то, почему я цитирую это. У нас очень многие товарищи склонны объяснять диспропорцию, ее последствия *только рыночными отношениями, только конъюнктурой рынка, а производственные отношения отодвигают совершенно и переносят весь вопрос взаимоотношений в денежное вы-*

ражение товарных масс промышленности и сельского хозяйства.

Это — глубокая ошибка. Глубокая — и теоретическая, и практическая, и всякая иная ошибка. Поэтому я обращаю на это место внимание, потому что это необходимо будет принять во внимание в дальнейшем. Маркс говорит: «Было бы простой тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных видов потребителей, кроме оплачивающего, за исключением видов sub forma pauperis, или «мошенников». Если товары остаются нераспроданными, это означает, что для этих товаров не находится платежеспособных покупателей, т. е. потребителей (раз товары покупаются в последнем счете для производительного или индивидуального потребления). Когда же этой тавтологии пытаются придать вид более глубокого обоснования, утверждая, что рабочий класс получает слишком малую часть своего собственного продукта и что, следовательно, горю можно помочь, если он будет получать более крупную долю продукта, т. е. если его заработная плата возрастет, то в ответ достаточно только заметить, что каждый кризис подготовляется как раз периодом, когда совершается общее повышение заработной платы и рабочий класс в действительности получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период — с точки зрения этих рыцарей здравого и «простого» (!) смысла — должен бы, напротив, отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство заключает в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на время, да и то лишь в качестве буревестника по отношению к кризису».

Вот, по-моему, три типичных характеристики, которые Маркс дал относительно кризиса в капиталистическом строе. Таким образом диспропорциональности — в области производства, а не только в области потребления, не только в области рынка. Как начинается кризис? Падение ценностных бумаг на бирже, затем застой, невозможность сбыть товары, благодаря ценам на внутреннем рынке, крахи банков, и затем кризис перекидывается в область производства. Тот не понимает природы этих кризисов, кто не видит основных причин их, лежащих не только в области рынка, но и в области производства.

Обращаясь к нашим условиям, мы должны сказать, что закон капитализма, закон товарного хозяйства, существует и у нас, но он существует в особом преломлении. Нужно сказать, что ошибку будут делать те товарищи, те экономисты, те теоретики, которые механически переносят законы экономики капиталистического строя и отношения товарного хозяйства в наши условия. Даже законы товарного хозяйства у нас преломляются в особые формы. Почему? Потому что у нас существует несколько форм хозяйства и законосообразность развития экономики переходного периода, экономики страны, где господствует диктатура пролетариата, где обобществлена значительная часть средств производства, отлична в основе от законосообразности развития капитализма. Даже при существовании товарного хозяйства эти законы отличаются от тех законов, которые существуют в капиталистическом строе. В этом смысле переносить теорию кризисов капиталистического строя и теорию экономического развития капитализма в наши условия было бы крайне ошибочно.

И вот, подходя к проблеме диспропорции у нас, мне кажется, правильно было бы сказать, что у нас проблема диспропорции лежит прежде всего в плоскости производственных отношений. Больше того, наша структура хозяйства в тех условиях, в которых мы существуем, вполне может развиваться без экономических кризисов, которые являются законосообразностью в капиталистическом строе. У нас экономические кризисы не являются закономерностью, законосообразностью даже на той стадии экономического развития, на которой мы находимся. В этом смысле нам приходится диспропорциональность и результаты диспропорциональности в нашем хозяйстве рассматривать иначе. Нам приходится главным образом обращать внимание на область производственных отношений, рыночные же отношения будут только отражением этих взаимоотношений. При этом нужно заметить, что если бы диспропорция лежала только в области рыночных отношений, то этим самым мы признали бы у нас возможность возникновения и развития такого же экономического кризиса, какие существуют при капиталистических отношениях в капиталистическом хозяйстве. Это мне представляется, как я уже говорил выше, ошибочным. Экономические кризисы в смысле рыночных явлений несоответствия между производством и потреблением, перепроизвод-

ства, могут иметь место только потому, что мы можем наделать ошибок в нашей экономической политике, и прежде всего наше плановое руководство хозяйством может быть захлестнуто стихией частного хозяйства, крестьянского хозяйства. Тогда может разразиться кризис, как чуть было не разразился во время пресловутых ножниц, когда при товарном голоде получилось затоваривание нашей промышленности, наших синдикатов, затоваривание форменное, когда начался экономический кризис в классических формах, какие знает в этом отношении капитализм, но быстро принятые меры, в смысле снижения цен, ликвидировали это явление. Следовательно, это явление не было обязательным, законосообразным явлением. Повторяю, мне представляется, что здесь перенос законов кризиса к нам в нашу экономику, не пройдет. У нас емкость рынка, самый принцип построения социалистического хозяйства в смысле удовлетворения растущих потребностей, как построения производства по потребностям, устраняет возможность кризиса, возможность перепроизводства.

Но кризис может заключаться в диспропорциональности производственного характера, и на это необходимо обратить внимание. Проблема диспропорции — это проблема взаимоотношений производственного характера между сельским хозяйством и промышленностью. Мы — страна аграрная, как вам известно, исторически аграрная, которая в своем историческом прошлом играла роль поставщика сырья и хлеба на европейский и на мировой рынки. Этого не следует забывать. У нас промышленность отсталая была и есть в смысле потребностей народного хозяйства — это второе. У нас продукция сельского хозяйства приблизительно в два раза превышает валовую продукцию промышленности. На это нам иногда возражают: но товарная продукция промышленности больше товарных излишков, товарной продукции сельского хозяйства. Совершенно верно, она больше. Так что тут как будто в смысле рыночных отношений дело было бы благополучно: товарная часть промышленности превышает товарную часть сельского хозяйства, и, так сказать, по законам спроса и предложения и взаимоотношения цены в промышленности должны были быть ниже, чем на продукты сельского хозяйства. У нас как раз наоборот. Часто товарищи наркомземщики в СТО и других органах такими данными оперируют, и у них выходит, что имеется диспропорция наоборот: промышленность превалирует над сельским хозяйством. Но, откровенно говоря, подобный вывод можно только объяснить ведомственной точкой зрения. Все

дело в том, что здесь смешивают разные вещи. Деревня из части товарной продукции промышленности потребляет около 30—40%. Следовательно, деревня в 1926 г. потребит по этим данным приблизительно на 2 млрд. руб. товарной продукции промышленности. А сама деревня предлагает на 3 млрд., из которых большая часть идет в город, результатом чего и является, что платежеспособный спрос деревни в 1925/26 г. на 300—400 млн. руб. не покрывается товарной продукцией города.

Вот наиболее яркое проявление диспропорции и в валовой и товарной частях. Далее, если мы возьмем удовлетворение деревни продуктами первой необходимости, мы увидим, что по чугуну, мануфактуре, стеклу деревня теперь удовлетворяется всего на 60—80% в отношении довоенных цифр. Если сравнивать СССР с более развитыми капиталистическими странами, то увидим, что СССР в смысле потребления продуктов промышленности стоит на последнем месте; по цене же, по дороговизне продуктов промышленности, он стоит на первом месте. Вот те экономические данные, которые характеризуют существующую диспропорцию. Повторяю, кто не видит этой диспропорции или говорит, что нужно обратить главное внимание на сельское хозяйство, тот закрывает глаза на важнейший, определяющий экономический факт.

Основные факты, которые мы имеем в результате диспропорции, — это товарный голод, особенно в деревне; дороговизна и, как следствие, колебание курса рубля; недостаточное снабжение сельского хозяйства машинами и орудиями; зависимость даже в поддержании существующей техники от промышленности капиталистических стран и вообще чрезмерная зависимость нашего народного хозяйства от внешних отношений. Выходом из этого является изживание диспропорции, индустриализация страны.

Каковы же пути для решения этой задачи? Те, кто, как, например, т. Сокольников, рассматривает существующую диспропорцию лишь с точки зрения рыночных отношений и как явление данной сезонной конъюнктуры, — те видят выход в пополнении рынка импортными товарами. Эта позиция явно ошибочна и поверхностна. Я обращаю внимание на эту точку зрения, как на характерную, ибо здесь мы видим переоценку значения капиталистической тенденции нашего хозяйства и продолжение старой политики, на какой по существу стояло и дореволюционное правительство России. Диспропорцию эту дореволюционная буржуазная Россия изживала,

во-первых, путем импорта промышленных изделий из-за границы и, во-вторых, путем чрезмерного выкачивания средств из деревни — с помощью налогов, арендной платы, водки и т. п. Когда нас таким образом толкают на этот путь, то толкают назад, к методам и отношениям дореволюционной России. Далее, поскольку мы строим социалистическое хозяйство в капиталистическом окружении, постольку мы не можем и не должны итти на поводу у промышленности капиталистических стран, не говоря уже о целом ряде политического характера соображений, но именно экономически — мы не можем, так как, поскольку мы будем в зависимости от колебаний капиталистического хозяйства, любое колебание капитализма будет отражаться на нашем ходе экономического развития. Но ведь процесс развития капитализма — это процесс распада. Когда мы сейчас строим нашу новую технику, строим новые формы хозяйства, то мы их противопоставляем капиталистической системе, и от распада капитализма мы хотим себя страховать. Вот в чем дело. Кто не учитывает того, что капитализм находится в стадии распада, т о т н е п о н и м а е т с у т и н а ш е й э к о н о м и к и. Проблема диспропорции решается изменением структуры нашего хозяйства, индустриализацией страны, проводимой в плановом, а не в стихийном порядке. В прогрессе капитализма экономические кризисы играли в том смысле положительную роль, что сметали ненужные формы хозяйства, слабые предприятия разорялись, сохранялись более крепкие, более сплоченные и более мощные хозяйственные организации. За этот прогресс расплачивались рабочие массы.

В наших условиях этого не должно быть, мы должны стараться избегать кризисов, и когда мы приступаем к реконструкции нашего хозяйства, то мы должны провести эту работу без потрясений и кризисов, что вполне разрешимо в направлении развития и укрепления плановых начал нашего хозяйства. Когда я буду говорить о темпе нашего экономического развития, я остановлю специальное внимание на этой проблеме. В каком масштабе мы можем вести уже теперь индустриализацию страны? В 1925/26 г., как вам известно, мы затрачиваем основной капитал около 800 млн. руб., но это с кредитами и с преходящими платежами. В денежных, червонных суммах мы затрачиваем 685 млн. руб. Главный процент затраты идет в область машиностроения. Когда мы разрешаем проблему индустриализации страны, мы должны считаться с вопросами взаимоотношений между основным и оборотным капиталами. Экономические кризисы, если бы что-либо толкнуло на них, разыгрались бы у нас прежде всего

в области рыночных отношений и в области оборотного капитала. Когда мы разрешаем проблему индустриализации, мы должны разрешать ее так, чтобы иметь достаточные резервы в области оборотного капитала, не уменьшать их до такой степени, что любая задержка могла бы вызвать кризис.

Эта политика резервов в народном хозяйстве при разрешении проблемы диспропорции, при проблеме индустриализации страны, является необходимой для того, чтобы мы достигли бесперебойности, систематичности в нашем экономическом развитии. К сожалению, в этом вопросе существует и другая точка зрения, которая исходит из того, что средств у нас мало, что мы должны максимально ускорить движение оборотного капитала и что при этих условиях политика резервов будет неправильной политикой. При этом добром стремлении ускорить оборот капитала всякий капитал, который лежит не в движении, лежит в резерве, замедляет оборот капитала, является тормозящим темп развития, и поэтому существует точка зрения, что гони все в оборот. Но в результате этого получается такая финансовая и всякая иная напряженность, которая грозит экономическим кризисом. Такая напряженность была в начале 1925/26 г., когда у нас запасы сырья, запасы топлива, запасы готовой продукции были сведены до минимума. Запасы топлива измерялись в буквальном смысле в некоторых отраслях промышленности неделями, в некоторых отраслях промышленности — двумя, двумя с половиной месяцами. Готовой продукции на складах почти не было, запасы сырья сведены были до минимума. Такая политика, конечно, как будто хороша в смысле максимального темпа развития, но эта политика опасна тем, что может привести к кризису, длительной депрессии и затормозить дальнейшее экономическое развитие. Таким образом при разрешении проблемы диспропорции, при разрешении проблемы индустриализации, нам необходима политика создания резервов.

Это связано с плановым характером нашего хозяйства: нельзя строить хозяйственные планы, если мы не будем иметь резервов, если каждый рубль будет в обороте, и случайная заминка может привести к катастрофе. Нынешний год показал, что мы были на волосок от экономического кризиса, что если бы мы нашу экономику не осадили на вожжах назад, если бы не сократили производственного плана, если бы не сократили импорта, не сократили непроизводительных затрат, которые сде-

ланы в области хлебозаготовок, — мы нарвались бы на экономический кризис и на длительную депрессию, которая сопутствует экономическому кризису.

Таково одно из главных условий разрешения проблемы индустриализации. Повторяю. Если опасна первая точка зрения, когда смотрят на вопрос индустриализации только с точки зрения рыночных отношений, то и последняя точка зрения, которая хочет работать до последней копейки в обороте, хочет довести напряжение до крайней степени, опасна тем, что может породить кризис, и тем, что по существу противостоит плановому регулированию нашего хозяйства. Индустриализация страны зависит от средств, которые мы можем вложить в это дело. Пока что такие средства мы должны искать почти исключительно внутри страны, так как концессии и внешние займы пока еще серьезного значения не имеют. Но средства, которые мы можем вложить в индустриализацию, определяются тем накоплением, какое мы имеем в разных областях нашего народного хозяйства, находящегося в зависимости от темпа развития всего нашего народного хозяйства в целом. Поэтому мы обратимся к этому вопросу.

В определении темпа нашего экономического развития мы должны исходить из ресурсов нашего народного хозяйства и емкости нашего внутреннего рынка. В этой области (мне уже приходилось выступать в печати по этому поводу) существует иная точка зрения, которая ставит темп нашего экономического развития в зависимость от капиталистического окружения, которая говорит, что темп развития нашего народного хозяйства, поскольку оно все в большей и большей степени включается в систему окружающих нас капиталистических хозяйств, стоит под их контролем. Стремление тут благое в том смысле, что ставится задача так итти вперед, чтобы обогнать капиталистические страны. Наш темп экономического развития должен совпасть с темпом экономического развития капиталистических стран с тем, чтобы потом гораздо быстрее обогнать эти капиталистические страны. Но опасность и неправильность этой точки зрения заключаются в следующем: что значит, что темп нашего экономического развития должен быть обусловлен и определен темпом развития капиталистических стран? Темп развития капиталистических стран различен — это прежде всего. Больше того, капитализм целиком находится в стадии распада, и поэтому те, кто утверждает, что капиталистические страны обусловливают наше экономическое развитие, тем самым или отрицают распад капитализма и переоценивают устойчивость капита-

листической системы, или же, наоборот, их утверждения не имеют никакого смысла — что-нибудь из двух. Теперь, если бы мы спросили, с какой из капиталистических стран сравнить, например, темп нашего развития? Англия переживает кризис, развитие у нее с 1923 г. идет в обратном направлении. Германия переживает кризис. Франция переживает финансовый кризис, но подъем промышленности. Таково положение в Европе с главными странами. Соединенные штаты Северной Америки переживают подъем. Но сказать, что все это переплетение темпов развития капиталистических стран, их различных подъемов и упадков будет определять наш темп экономического развития — это неправильно, это предполагает, что наша система советского хозяйства настолько сильно включена в капиталистическую систему, что все это переплетение темпов развития отдельных капиталистических стран будет влиять на нее, что не мы будем использовывать капитализм, а он будет определять наше развитие. Я полагаю, что дело обстоит совершенно иначе и что *распад капитализма усилит темп нашего экономического развития*. Отсюда, конечно, не следует, что я считаю, что мы технически выше окружающих капиталистических стран и Соединенных штатов. Конечно, мы — отсталая страна по сравнению и с Англией, и с Францией, и с Америкой, и с другими капиталистическими странами *в смысле техники*, это так, но мы берем динамику развития, вот что мы берем. И здесь мы не сливаемся с капиталистическими странами в их развитии в такой степени, что они определяют наше развитие, — как раз распад капитализма усилит темп нашего экономического развития. Чем хуже для капитализма, тем лучше для нас. Чем будет замедленнее темп, поступательный ход капитализма, тем выгоднее будет для нас вся ситуация на мировом рынке. Это нужно принять во внимание. Таким образом мнение, заключающееся в том, что нашим включением в капиталистический мир мы тем самым попадаем в положение, которое определяется внешним капиталистическим миром, — это мнение неправильно. Это — положение, которое оценивает наше хозяйство соподчинением капиталистическому хозяйству. Это такая же переоценка капитализма, как переоценка, которая была когда-то при начале нэпа, капиталистических тенденций в нашем хозяйстве, переоценка, которая породила в области политики отражение в виде рабочей оппозиции или троцкистской линии о профсоюзах. Эта переоценка и теперь может быть чревата целым рядом ошибок. Мы не должны, конечно, недооценивать опасности влияния как внешних, так и внутренних капи-

талистических тенденций. Это совершенно правильно. Но точно так же ошибкой была бы переоценка этого.

Так что при определении темпа нашего экономического развития мы должны базироваться на наших внутренних ресурсах, на емкости нашего рынка, на наших резервах, которые дает наша промышленность. Что здесь имеется полная возможность для развертывания индустриализации страны, доказывает тот же нынешний год, когда мы из одной промышленности получаем до 680 млн. руб. для увеличения основного капитала нашей промышленности. Социалистическое накопление, правильное распределение государственных доходов и расходов, вся совокупность этих мероприятий обеспечивают определенный темп экономического развития. И когда мы подходим к распределению ресурсов народного хозяйства, мы не должны упускать из виду, что эта задача должна быть разрешена на основе интересов и рабочих и крестьянских масс, это — проблема взаимоотношений города и деревни, сельского хозяйства и промышленности; эта проблема — не только проблема взаимоотношений товарных масс, производственных отношений, но и проблема взаимоотношений крестьянства и рабочего класса. И тут вопрос о смычке, о союзе рабочих и крестьян должен быть основным при разрешении этой проблемы. И тот, кто делает ошибку при разрешении этой проблемы, упуская из виду эту задачу, тот совершает крайнюю политическую ошибку, ибо нарушает нашу основную политическую линию в области смычки рабочих и крестьян, нарушает ту линию, которую т. Ленин определил как движение к социализму со всей массой крестьянства. Весьма легко построить ту теорию, которую построил т. Преображенский, что можно социалистическое накопление вести за счет крестьянских масс, которые у нас преобладают, и т. д., производить перекачку средств от крестьянства. Но эта механическая теория не учитывает всей сложности вопроса, так как проблема нашей индустриализации должна разрешаться под углом зрения укрепления, а не ослабления смычки между рабочими и крестьянами. Индустриализация страны производится в такой же степени в интересах деревни, в интересах крестьянства, как и в интересах рабочего класса. От недостатка развития нашей промышленности, от товарного голода больше всего и в первую очередь страдают крестьянские массы. Когда мы сейчас затрачиваем около 800 млн., то должно быть каждому

крестьянину ясно, что эти деньги идут в его интересах так же, как и в интересах рабочих. Мы развиваем промышленность не только в интересах рабочего класса, но и в интересах деревни, в интересах удовлетворения потребностей середняцких и бедняцких масс, в смысле их производственных потребностей, в смысле их хозяйственных и личных нужд. Но переносить только всю тяжесть этой проблемы на крестьянские массы было бы глубочайшей ошибкой. Мы должны строить наше хозяйство не только за счет деревни, но и за счет города. Это мы должны с полной ясностью поставить, ибо в этом отношении, повторяю, делают ошибку те, кто разрешает эту проблему ослаблением смычки рабочих и крестьян, смычки деревни с городом. Перенесение этой проблемы в область техническую, а не постановка и разрешение ее как общественно-политической задачи, значит, по существу, обескровливание этой проблемы. Эга проблема — индустриализация страны, изживание диспропорции — должна разрешаться с таким расчетом, чтобы укрепить связь между рабочими и крестьянами. Эго будет достигаться тем, что разрешение проблемы индустриализации должно вести к установлению наибольшего снабжения деревни товарами, продуктами промышленности с одновременным понижением цен на продукты промышленности. Это — задача, которая должна стоять в нашей экономической политике.

Социалистическое накопление мы должны вести как за счет деревни, так и за счет города. Таким образом средства на индустриализацию будут слагаться из: 1) отчислений от прибылей самой промышленности, 2) из амортизационных отчислений, 3) из средств, отпускаемых по бюджету, иначе говоря—из общих доходов страны и 4) из займов как внешних, так и внутренних. Наше плановое хозяйство нужно в этом направлении развивать. В этом отношении всякие пути ослабления плановости были бы чрезвычайно опасны. К этим проблемам — к плановому развертыванию нашей промышленности, к развитию нашего сельского хозяйства, к установлению взаимоотношений с внешним миром — нам приходится подходить в зависимости от последовательного разрешения тех задач, которые я обрисовал. Наши взаимоотношения с внешним миром будут определяться состоянием и нашего сельского хозяйства и нашей промышленности. Те, кто полагает, что только наш экспорт, наше сельское хозяйство является определяющим фактором в наших внешних отношениях, тот глубоко заблуждается, потому что наша кредитоспособность зависит не только от того, что экспорт усиливается, но и от того, как наша промышлен-

ность будет работать на внутренний рынок, как она будет удовлетворять потребности нашего крестьянства. Проблема смычки рабочих и крестьян при разрешении диспропорции является решающим вопросом. Мне кажется, что, вступая во второй период новой экономической политики, мы имеем более сильные предпосылки к разрешению этих очередных проблем, которые я поставил, в смысле индустриализации и укрепления социалистических начал нашего хозяйства, чем тогда, когда стояли в 1921 г. перед введением нэпа. Опасности есть. Точно так же, как тогда в переломный период возникали ошибочные течения, переоценивающие опасность частного капитала, которые благодаря этому делали определенные политические выводы, точно так же есть и теперь эта опасность, которая в этом отношении повторяет те же ошибки. Мне представляется, что, если бы эти ошибки получили сейчас осуществление, это было бы чревато тем же срывом нашего развития, как было бы срывом по существу всей новой экономической политики, если бы идеи рабочей оппозиции получили в начале нэпа свое осуществление. Этого не случилось, нужно думать, что не случится и в нынешний период. Мы должны с полным хладнокровием оценивать наше положение. Те, кто делает ошибки, с одной стороны, как будто хотят довести до максимума развитие нашей индустриализации, с другой стороны — их максимум базируется на недооценке сил, которые имеются у нас внутри страны, и переоценке влияния внешних капиталистических отношений и внутренних капиталистических тенденций. Эти ошибки должны быть изжиты и устранены в разрешении тех величайших проблем, которые перед нами стоят, когда мы вступаем в период реконструкции нашего народного хозяйства, изживания диспропорции, индустриализации страны и установления бесперебойного, равномерного экономического развития, образования резервов, на основе дальнейшего укрепления смычки между рабочими и крестьянскими массами.

16. О ТЕМПЕ НАШЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

Темп нашего экономического развития зависит от имеющихся у нас ресурсов и от планового руководства хозяйством. Основная задача—создать равномерный, бесперебойный темп развития. Всякого рода мнения, расходящиеся с этими положениями, должны быть отвергнуты как ошибочные.

Как быстро мы будем итти в нашем экономическом развитии вперед, зависит, с одной стороны, от имеющихся у нас ресурсов, с другой стороны — от нашей экономической политики и планового руководства хозяйством. В капиталистическом строе можно говорить лишь о том, каким образом происходит экономическое развитие, но там нет регулятора, определяющего общий ход этого развития. У нас, именно в силу того, что мы руководим нашим хозяйством, мы можем определять, — само собой разумеется, в зависимости от имеющихся у нас ресурсов, — как быстро мы будем итти вперед. Но именно благодаря этому ложится особая ответственность на наши центральные и местные органы экономического регулирования, так как ошибки, могущие произойти от неправильного определения темпа развития, крайне опасны по своим последствиям. В этом отношении нынешний год, являющийся одним из серьезнейших моментов в нашем экономическом развитии, дал нам урок, который мы должны учесть и воспринять в смысле того, каким образом мы должны итти вперед в нашей хозяйственной работе и чего мы должны остерегаться. Урок этот заключается в том, что в начале этого года, взяв неверный темп экономического развития, мы чуть было на всех парах не налетели на экономический кризис. Затраты средств, которые не отвечали имеющимся у нас запасам, планы, которые превышали действительность, — именно эти причины чуть было не привели к экономическому кризису, и только во-время принятые меры во втором квартале по проведению наших затрат, наших планов к реальным отношениям и ресурсам дали возможность избежать этого кризиса. Нужно заметить, что экономические кризисы в нашем хозяйстве отнюдь не должны быть «закономерными» явлениями. В этом также наше отличие от капиталистического хозяйства, в котором экономические кризисы являются определенной законосообразностью. Плановое начало нашего хозяйства, факт нахождения в руках государства промышленности, транспорта, финансов, регулирование производства и рынка создают те условия, которые должны исключать экономические кризисы. Но это не значит, что нам их уже удается избежать. Ошибочная политика, неправильное плановое руководство или же захлестывание наших плановых предположений со стороны стихии преобладающей массы раздробленного крестьянского хозяйства приводили и могут приводить к экономическим кризисам. Но тот, кто пытается свалить ответственность за сделанные ошибки на стихию, тот по существу старается

только устраниться от ответственности и проявляет непонимание основ нашего хозяйства.

Всеми ли усвоен у нас этот серьезнейший урок, который нам дала наша экономическая действительность в начале этого года? К сожалению, не всеми. Существует, например, мнение, что при определении темпа нашего экономического развития мы должны руководствоваться только лишь максимальным развитием, в частности развитием промышленности, а некоторые товарищи (как, например, т. Преображенский и еще некоторые) полагают, что мы делаем ошибку, когда сдерживаем несколько размах производства и строительства. Есть и другое мнение, которое исходит при определении темпа экономического развития из взаимоотношений с внешним капиталистическим миром, полагая, что именно успехи нашего хозяйства, включающие его во все возрастающей степени в цепь мирового рынка, ставят тем самым наши дальнейшие успехи, и в первую голову темп нашей индустриализации, под сравнительный контроль мирового капиталистического хозяйства. Поэтому товарищи, придерживающиеся этого мнения, полагают, что темп нашего развития и определяется развитием окружающего капиталистического мира. По нашему мнению оба эти мнения являются ошибочными. Само собой разумеется, наибольшие максимальные успехи нашего хозяйства и максимальное продвижение вперед для каждого из нас желательно, и не только желательно, но и обязательно. Однако этого совершенно недостаточно, так как если в данном случае не руководствоваться голой схемой, а интересами современного хозяйственного развития и стремлением избежать перебоев и кризисов, то, наоборот, настоящий именно момент диктует крайнюю расчетливость в отношении определения наших всякого рода производственных и строительных планов. Нам приходится особенно тщательно и внимательно при построении наших всякого рода хозяйственных планов учитывать имеющиеся ресурсы, так как для всякого хозяйственника, который имеет дело с практикой, ясно, что мы работаем сейчас при крайнем напряжении наших ресурсов и в частности нашего оборотного капитала. Тот, кто не понимает, не учитывает напряженности нашего экономического развития, тот не понимает, а следовательно, и не умеет наметить правильно нашу экономическую политику, тот ничему не научился из того урока, который преподнесла нам жизнь в начале этого года. Мы взяли твердый курс на инду-

стриализацию страны, это сейчас является стержнем нашей политики, и этот курс мы должны провести.

Быстрота нашего развития вперед, как это известно, зависит в первую очередь от обновления нашей техники, от нового строительства в промышленности. Но это обновление и это строительство потребуют ряда лет. В силу этого мы будем итти в течение этих годов несколько более замедленным темпом по сравнению с тем темпом, которым мы шли в последние годы восстановительного периода. Действительно, 1924/25 г. по сравнению с 1923/24 г. дал 64% прироста нашей промышленной продукции. В 1925/26 г., по сравнению с 1924/25 г., мы будем иметь около 40% прироста нашей промышленной продукции. Подобного рода прироста в течение этих лет не знает ни одна страна. В 1926/27 г. мы предположительно будем уже иметь несколько более сокращенный прирост, примерно около 20%. До тех пор, пока в ход не будут пущены вновь построенные нами фабрики и заводы, мы будем иметь, примерно, такой темп развития. Однако и при этом темпе развития нужно предвидеть сильнейшее напряжение всех наших ресурсов, так как значительную часть количества средств мы должны будем затратить в основной капитал. В 1925/26 г. на эту цель нами дается огромная сумма в 872 млн. руб. (вместе с кредитами). В 1926/27 г., если мы только действительно без перебоев сумеем итти дальше, мы сможем вложить в основной капитал, вероятно, еще большую сумму.

Таким образом не лозунг «максимализма» является определяющим темп нашего экономического развития, а лозунг точного расчета имеющихся ресурсов и обязательный принцип избежать перебоев в нашем экономическом развитии.

Лучше мы медленнее пойдем вперед, но без кризисов. Это нужно положить в основу нашей экономической политики, нашего руководства и наших стремлений.

Таким образом мы должны определить темп нашего развития прежде всего состоянием наших производительных сил и имеющимися материальными запасами.

Неправильно и второго рода утверждение, что темп нашего экономического развития «контролируется» мировым капиталистическим хозяйством. Что это значит? Ведь прежде всего мы видим, что ряд капиталистических стран в темпе своего развития не только не идет вперед, но и движется сплошь и рядом назад, например Англия и Германия; Франция же и особенно Америка идут вперед.

Таким образом встает вопрос: в каком же отношении темп развития вот этих крупнейших капиталистических стран Европы может определять наш темп развития? Сказалось это или нет на темпе нашего экономического развития? В наших внешних экономических отношениях мы должны стремиться как можно шире использовать внешний мир для нашего внутреннего развития. Это верно! Но сказать, что темп нашего развития должен определяться развитием капиталистических стран, это значит признать такую зависимость (контроль) «нашего экономического развития» от внешнего окружения, *какой нет на деле и какой, нужно надеяться, не будет.* Наша цель и задача: добиться большей самостоятельности нашей экономики от внешнего мира именно путем развития прежде всего нашей промышленности. *Конечно, наши успехи можно и должно сравнить, измерить по сравнению не только с нашим довоенным уровнем, но и с уровнем капиталистических стран.* Наряду с аршином, которым мы измеряем расстояние между СССР и бывшей капиталистической дореволюционной Россией, мы уже вводим метр, которым мы будем измерять наши успехи в отношении существующего капиталистического мира. Но это для нас будет играть только роль показателя наших успехов, насколько мы приближаемся в осуществлении нашей задачи догнать и перегнать капиталистические страны. Но наше хозяйство можно будет развивать и укреплять прежде всего на основании всех тех ресурсов, которыми мы располагаем. Это нужно запомнить. Не от схем, а от жизни, от имеющихся ресурсов и потребностей можно будет исходить в определении темпа развития нашего хозяйства. А в этом отношении нашим основным принципом должно быть систематическое бесперебойное движение вперед. Возможно, что сделанные ошибки скажутся еще не один раз на протяжении даже ближайших месяцев, но мы их не должны затушевывать всякого рода громкими фразами, а, наоборот, учесть их, исправить их и построить наше плановое руководство в соответствии с той реальностью, какая имеется у нас. «Лучше меньше, да лучше».

17. БОЛЕЗНИ НАШЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО РОСТА.

Дальнейшее развитие производительных сил нашей страны и организация нашего хозяйства требуют от нас новых мероприятий в области нашей экономики. Мы, как известно, достигли почти довоенного уровня продукции и почти на 100% используем имеющуюся

технику. Но требования дальнейшего роста уже в нынешнем году перед нами выявили ряд болезненных явлений нашей хозяйственной жизни, требующих своего устранения, чтобы дальнейшее развитие могло совершаться бесперебойно. Внешние проявления этих болезней роста мы знаем; они выражаются прежде всего, несмотря на растущую продукцию, в недостатке товаров, дороговизне, затруднениях то в той, то в другой важной области нашего хозяйства: то в области топлива, то в области сырья, то в области денежного обращения. Но мы должны проанализировать и дать ясный ответ о причинах, которые вызывают расстройство в нашем хозяйстве, для того чтобы наши мероприятия по устранению этих причин носили действительный характер и дали бы положительные результаты.

И вот, рассматривая все недостатки нашей экономики, выявившиеся в нынешнем году, мы можем их суммировать по двум основным направлениям:

во-первых — несоответствие в развитии (как в смысле объема, так и темпа) отдельных частей нашего народного хозяйства, благодаря чему получается нарушение равновесия нашего хозяйственного развития, и

во-вторых — недостаточный организационный охват совершающегося экономического развития и усиления стихийных его тенденций над плановыми.

Обратимся к первой группе явлений. Несоответствие развития отдельных частей нашего народного хозяйства проявляется прежде всего в несоответствии объема нашего хозяйства и промышленности, или, как говорят теперь, диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью. Это несоответствие является одной из основных причин, нарушающих правильное развитие нашего народного хозяйства, и в устранении этого несоответствия лежит главная задача нашей экономической политики на протяжении довольно длительного периода нашей истории. Это несоответствие, как мы знаем, является историческим наследством, которое мы получили от прошлого, и объясняется прежде всего отсталостью нашей промышленности в смысле объема, который занимает наша промышленность в народном хозяйстве. Мы — страна аграрная, где валовая продукция сельского хозяйства почти в два раза превышает валовую продукцию нашей промышленности. Вместе с этим — в смысле об-

служивания потребительского рынка и, в частности, обслуживания сельского населения — наша промышленность дает явно недостаточное количество товаров.

По имеющимся данным мы имеем следующие цифры относительно промтоваров, приходящихся на душу населения:

Отрасли промышленности	До войны	1924/25 г.	1925/26 г.	Продукция, приходящаяся в 1925/26 г. на душу населен. в проц. к довоенн. нормам
Чугун	27 *кг*	9,1 *кг*	15,9 *кг*	59,1
Хлопчатобумажн. ткани	20,6 *м*	12,7 *м*	13,0 *м*	63,1
Кожа	0,33 п	0,22 п.	0,19 г.	57,6
Сахар	7,9 *кг*	4,74 *кг*	6,5 *кг*	82,9
Соль	11,6 *кг*	9,4 *кг*	11 *кг*	93,3
Стекло	3,2 *кг*	1,09 *кг*	1,88 *кг*	57,5
Керосин	6,2 *кг*	4,09 *кг*	4,45 *кг*	73,2
Спички	25 кор,	21,3 кор.	25 кор.	100

Из этих данных мы видим, что самые необходимые для широкого потребления предметы промышленного производства, даже при предполагаемом развертывании промышленности, все же в среднем будут удовлетворять потребности по сравнению с довоенным периодом от 60 до 80%, и только по спичкам мы достигаем в 1925/26 г. довоенного уровня. Эти цифры вполне определенно объясняют тот товарный голод, который у нас имеется. В то время как сельское хозяйство достигло почти довоенного уровня (90%), предметы для снабжения крестьянства имеются лишь в размерах 60—80% довоенного. Этим же объясняется и тот факт, что цены на промтовары растут более быстрым темпом, чем цены на продукты сельского хозяйства, и на 1 января 1926 г. по оптовому индексу Госплана группа сельскохозяйственных товаров стояла на высоте 1 694, в то время как промышленные стояли на высоте 1 982. Этим же объясняются и те непомерные накидки на розницу, какие существуют, доходя, например, по ситцу до 57 и 77%, по гвоздям — до 65 и 67% и т. п.

Товарная масса, приходящаяся на деревню, не соответствует той товарной массе, какую выбрасывает деревня. Благодаря этому получается то, что крестьянство, обладая деньгами, не находит не-

обходимых ему товаров. Благодаря этому существует серьезнейшая опасность для стимулирования дальнейшего развития сельского хозяйства. Не только каждый рабочий, но и каждый крестьянин должен понять, что основная задача, в разрешение которой упирается вся наша экономика, заключается в увеличении промышленности, в увеличении ее производства, благодаря чему только и могут быть устранены те причины, которые сейчас задерживают развитие нашего хозяйства. Только путем поднятия нашей промышленности, приведения ее в соответствие со всем объемом нашего хозяйства мы можем добиться низких цен на предметы потребления и создать прочную основу как для поднятия всего нашего народного хозяйства, так и в особенности для поднятия сельского хозяйства. Путем индустриализации мы можем разрешить эту проблему. Но, разрешая эту основную проблему, мы ни на одну минуту не должны упускать того основного условия, которое поставил XIV партийный съезд для подхода к ее решению: мы должны ее решать в соответствии с теми материальными ресурсами, которые имеются в стране, и не делать ошибок в смысле их преувеличения.

Затем мы можем констатировать, помимо этой основной диспропорции, целый ряд точно так же важных несоответствий, или, иначе говоря, диспропорций в развитии нашего народного хозяйства в других областях. Прежде всего *у нас отстает добыча минерального топлива* от развития производства всей промышленности. По контрольным цифрам Госплана мы в 1924/25 г. имели по каменноугольной промышленности 54,9% по сравнению с 1913 г. и 78,9% в 1925/26 г., производство этого основного вида топлива увеличится на 43,8% по сравнению с прошлым годом. Нефтедобывающая промышленность дала в 1924/25 г. 71,7% по сравнению с 1913 г. и дает 84,8% в 1925/26 г.

Если мы сравним этот рост продукции каменноугольной и нефтяной промышленности с общим ростом развития производства, то мы увидим, что эти отрасли отстают: общий рост производства промышленности достигнет, как мы знаем, в 1925/26 г. приблизительно 90% довоенного. Уже это сопоставление показывает на неизбежность напряженного состояния с топливом в наших условиях по сравнению с довоенным временем. Имеющиеся данные говорят об этом топливном напряжении, которое имеется уже у нас и которое ставит в критическое положение ряд предприятий и отраслей промышленности. Вызывается это положение, как мы видим, несоответствием в развитии добычи топлива и удовлетворении предъявляемых

требований на топливо со стороны растущей промышленности. Вместе с этим, благодаря быстрому росту отдельных отраслей нашего хозяйства, происходит и перерасход топлива, допускаемый отдельными хозяйственными организациями, естественно усиливающий дезорганизацию в области потребления топлива.

Отстает у нас и производство промышленного сырья от роста производства, благодаря чему у нас наблюдаются недостаток запасов сырья и перебои в ходе нашего развития благодаря указанному недостатку. Возьмем те же основные определяющие отрасли хозяйства. Хлопка мы имели в 1924/25 г. 45% в сравнении с 1913 г., а хлопчатобумажная промышленность достигла к этому времени 65,1%; для 1925/26 г. мы будем иметь хлопка 86%, а хлопчатобумажная промышленность достигает 92,1%. Таким образом мы видим здесь явное несоответствие между этими двумя процессами производства: производства хлопка и развития производства хлопчатобумажной промышленности. Первый процесс отстает от второго. Благодаря этому неизбежно напряженное состояние с хлопком, которое ослабляется ввозом хлопка из-за границы, но в недостаточной степени. Такое положение и с кожей и с кожевенной промышленностью. Здесь мы имеем несоответствие между запасами сырья и развитием производства. Следует заметить, что это несоответствие существовало и раньше. Но изменение темпа развития влияет и на размер указанного несоответствия. Более быстрый рост отдельных частей хозяйства и отставание других будут выявлять несоответствие в значительно более острой форме, чем при более медленном росте, так как труднее находить средства для того, чтобы тем или иным путем ослаблять и устранять указанное несоответствие.

При подобного рода несоответствии в развитии отдельных частей нашего хозяйства получается, вполне естественно, особо обостренное положение в области нашего оборотного капитала, и при таком положении всегда может быть, что чрезмерное развитие той или иной отрасли вызывает нарушение равновесия и ведет к той или иной форме экономического кризиса.

Поэтому особое внимание должно быть обращено на эти болезни роста и необходимо употребить максимум организационных усилий, чтобы достигнуть соответствия в развитии отдельных частей хозяйства и тем самым добиться бесперебойности в развитии производства.

В области организационной мы в 1925/26 г. имеем целый ряд крайне серьезных дефектов, показывающих усиливающееся влияние стихийных процессов в нашей экономике.

Это усиление стихийных процессов над процессами планового регулирования хозяйства находило для себя благоприятную почву в вышеуказанных и рассмотренных нами диспропорциях, существующих между отдельными отраслями нашего хозяйства.

В 1925/26 г., который является, как говорят, последним годом восстановительного процесса, нами были неправильно учтены темп экономического развития и имеющиеся материальные ресурсы в стране. Следствием этого неизбежно должна была явиться относительная нереальность наших хозяйственных планов, явившихся явно преувеличенными. В настоящее время нам приходится уже на ходу хозяйственной работы производить переучет и переоценку наших планов, соответствующим образом сокращая их и согласовывая. В первом квартале мы имели прежде всего преувеличенный план по хлебозаготовкам, рассчитанный на заготовку 12,7 млн. *т*. Этот план, как теперь известно, снижен на 2,95 млн. *т*., т. е. выражается в 9,75 млн. *т*. За первое полугодие 1925/26 г. нами заготовлено 5,36 тыс. *т*, или 54,6% от уже сокращенного годового плана 9,75 млн. *т*. Последние имеющиеся данные говорят о том, что, начиная с февраля месяца, подвоз хлеба на рынке значительно усилился, и мы сумеем заготовить 9,75 млн. *т*, что явится по сравнению с 1924/25 г. увеличением заготовки почти на 3,27 млн. *т*. Следует также отметить, что роль частника в этих заготовках по данным продвижения хлебных грузов выражается всего в 20,3%, роль основных государственных заготовителей — 45%, кооперации — 18,2% и прочих внеплановых заготовителей — 16,5%. Организационным дефектом являлось то обстоятельство, что аппарат был рассчитан на заготовку 12,7 млн. *т* и размеры кредитов были определены соответствующим образом. Результатом этого явилось, с одной стороны, чрезмерное разбухание заготовительного аппарата, а с другой стороны — чрезмерное финансирование хлебозаготовительных операций. Цены на хлеб в самый разгар заготовительной кампании, в силу указанных обстоятельств, не только не испытали понижения, но начали расти, и оптовый индекс Госплана по сельскохозяйственным товарам, начиная с сентября месяца, показывает непрерывный рост: 1 сентября — 1 548, 1 октября — 1 556, 1 ноября — 1 563, 1 декабря — 1 626 и 1 января — 1 694. Хлебозаготовительная кампания обнаружила целый ряд самых серьезных дефектов, в результате чего цены

на хлебном рынке не могли быть регулированы и сам ход заготовок проходил при явно нездоровом ажиотаже, который зачастую в своих выгодах использовался кулацкой частью деревни и частным заготовителем.

Таким образом мы видим, что наши планы оказались в значительной степени преувеличенными. Если бы вопрос стоял только о пересмотре планов, то затруднения были бы сравнительно не велики, но дело в том, что если, с одной стороны, самый рост нашего хозяйства оказал влияние на размер наших планов, то и наоборот, как мы видели, преувеличенность этих планов сказалась на размере нашей хозяйственной деятельности и в особенности на тех затратах средств, какие были произведены в первом квартале текущего хозяйственного года. Несомненно, мы вложили в первом квартале средств в разные области нашего хозяйства больше, чем то вызывалось экономической потребностью. В первом квартале произошло как бы сгущение значительного количества средств, благодаря чему в предстоящих кварталах будут ощущаться известного рода затруднения. Особенная опасность в этом отношении опять-таки была для нашего торгового и денежного обращения. Чрезмерная затрата средств в первом квартале привела к тому, что выброшенная денежная масса была чрезмерна. В деревне, как мы видели, накопились денежные излишки, которые не находили себе применения в смысле возможности покупки соответствующих товаров. Точную цифру свободных денежных средств в деревне установить также трудно, но она, примерно, исчисляется около 400 млн. руб. Точно такой же излишек денежной массы получился и в городе. Все это вместе взятое создало и напряженное положение в области денежного обращения и создало угрозу для курса червонца. Одной из причин повышения цен на рынке и являлось это чрезмерное количество выброшенных денег. При проведении нашей экономической политики в течение последних годов мы ставили, как одну из основных задач, установление твердой денежной валюты, и поэтому ко всякой опасности, которая ведет к колебаниям в области достигнутых результатов, мы должны отнестись с сугубым вниманием. Наша финансовая система зависит от производства и товарообмена. Несоответствие развития производства и товарообмена с развитием денежного обращения и привело к опасности поколебать курс нашего червонца. Инфляция явилась бы крайне болезненной прежде всего для крестьянства. Наша политика, как кредитная, так и эмиссионная, должна быть проводима в большем соответствии

с темпом экономического развития. Мы должны здесь выдержать жесткий курс в смысле более замедленного темпа развития кредита и эмиссии. Нужно оговориться, что все же никаких чрезмерных, повидимому, мероприятий для выпрямления нашего денежного положения нам не потребуется, нужна только бóльшая осторожность и сдержанность как государственными органами, так и государственными предприятиями и кооперацией в смысле расходования средств, и в первую очередь мы должны поддержать наши банки в области проведения более жесткой и твердой политики в отношении своих кредиторов.

Таковы болезни нашего хозяйственного роста. Справиться мы с ними можем, если ясно будем иметь в виду основные причины, порождающие их, и наметим те способы, с помощью которых мы можем лечить наш хозяйственный организм в процессе его быстрого роста. Часть этих болезней, как мы видели, коренится в тех диспропорциях, какие существуют между отдельными областями нашего хозяйства, с одной стороны, и в том, что стихийность в условиях быстрого темпа нашего развития в известной степени захлестывает наше плановое регулирование. Мы не останавливаемся на недостатках кооперирования населения, которые, несомненно, серьезнейшим образом влияют на результаты нашего экономического развития. Этому важному вопросу мы рассчитываем посвятить особую статью. Точно так же в особом освещении нуждается вопрос и о недостатках в развитии нашей местной промышленности. Рассмотренное нами приводит нас к заключению, что борьба с болезнями нашего роста должна вестись:

во-первых, путем более точного и осторожного учета темпа нашего экономического развития и имеющихся у нас материальных ресурсов:

во-вторых, путем поднятия основных, определяющих наше экономическое развитие, хозяйственных частей: промышленности в целом и производства топлива и сырья в частности;

в-третьих, в принятии мер всеми хозяйственными органами по сбережению, если так можно выразиться, своих оборотных средств, так как в быстром экономическом росте опасность всякого рода кризисов гнездится прежде всего в области недостатка оборотных средств. Строжайшая экономия и расчетливость в этой области необходимы. В частности капитальные затраты, как в целом, так и по отдельным областям, должны вестись в полном соответствии с состоянием оборотных средств;

в-четвертых, в области денежного обращения борьба с опасностями колебания курса нашего рубля и более жесткая кредитная эмиссионная политика;

в-пятых, усилением как в центре, так и на местах плановых начал нашего хозяйства.

Таково направление нашей экономической политики, которая должна считаться с тем правилом, что рост хозяйства вещь очень хорошая, но болезнь роста так же неприятна, как и всякие иные прочие болезни.

VI. СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД.

1. СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

I. Хозяйственные перспективы.

Ежегодно мы подводим итог нашим хозяйственным достижениям и определяем перспективный план на ближайший год. Этим самым мы подводим ежегодный итог нашему социалистическому строительству и определяем нашу экономическую политику на ближайший период. В этом отношении контрольные цифры Госплана представляют, несомненно, огромнейший интерес, потому что, как правильно говорится, они не только представляют из себя ряд цифр, как их когда-то неправильно характеризовал т. Каменев в свое время, но они представляют из себя систему цифр, связанных между собою вполне определенной закономерностью. Поэтому и имеет огромное значение анализ этих данных, потому что, с одной стороны, он даст нам возможность проверки проделанной работы, а с другой стороны — возможность предвидения ближайшего будущего. Вы знаете, что вопрос о характере нашего социалистического строительства является сейчас одним из самых злободневных и важнейших вопросов не только у нас внутри Советского Союза, но и для мировой науки и мирового коммунистического движения. Поэтому фактическая проверка проделанной работы и определения нашей политики на ближайший период имеет и для этого вопроса огромное значение. В чем заключается характер нашего социалистического строительства? Отличие от капиталистического строя заключается в том, что наше хозяйство строится в отличие от капитализма прежде всего на плановых основах — во-первых, и во-вторых—в том, что у нас, при существовании различных форм хозяйств, мы ведем нашу политику на укрепление развития и увеличение удельного веса социалистических форм хозяйства, куда относятся прежде всего промышленность и затем формы сельского хозяйства — коллективное земледелие — и, наконец, кооперативные формы — кооперация городская и деревенская, потребительская, сельскохозяйственная и другие формы коопе-

рации. Несомненно, при разрешении вот этих поставленных проблем, основных проблем нашей экономической политики и нашего хозяйственного развития, нам приходится проанализировать прежде всего самый способ составления и представления тех хозяйственных планов, на основе которых мы проводим этот анализ, т. е., иным словами, прежде всего дать ответ: каковы методы и насколько они правильно были применены при составлении хозяйственного плана в виде этих контрольных цифр Госплана, которые мы имеем. Вы знаете, что составление контрольных цифр Госплана, охватывающих все народное хозяйство и представляющих из себя систему цифр, проводится уже второй год. В прошлые годы планы составлялись и проводились в виде отдельных хозяйственных планов и предположений, теперь мы имеем проделанную работу по сводке ежегодных хозяйственных планов. В 1926/27 г. на основании уже имеющегося прошлогоднего опыта, а также имеющихся современных данных, Госплан и представил контрольные цифры. При составлении своих контрольных цифр Госплан применил следующие методы. Во-первых — метод применения статистических и динамических коэфициентов, которые выражали закономерность развития частей нашего хозяйства. Во-вторых — метод экспертных данных, т. е. данных со стороны непосредственно хозяйствующих субъектов, т. е. хозяйствующих органов, которые определяли правильность или неправильность того или иного плана. Наконец третий способ — это контрольная проверка, сравнение современных данных с данными довоенными. Причем необходимо отметить, что было произведено сравнение не только с довоенным временем, но также и с данными экономического развития крупных капиталистических стран. Вот методы, которые были применены Госпланом при составлении его труда по контрольным цифрам. Сам Госплан признает, что огромным минусом в его работе было отсутствие общего баланса народного хозяйства. ЦСУ подготовляет работу по составлению баланса народного хозяйства; года два тому назад была уже попытка составления баланса народного хозяйства, который, на мой взгляд и по мнению целого ряда товарищей, явился неудовлетворительным. Несомненно, когда у нас будет баланс народного хозяйства, мы сможем более точно, более верно строить и наши хозяйственные расчеты, чем теперь, когда государство при помощи контрольных цифр сумеет оперировать лишь балансами отдельных отраслей народного хозяйства (топливным балансом, денежным балансом, балансом внутренней торговли, не оперируя общим сводным балансом на-

родного хозяйства). Но, однако, я считаю, что эти методы, которые были применены Госпланом для составления общехозяйственного ориентировочного плана народного хозяйства, являются все же недостаточными. И наступающий период реконструкции нашего хозяйства диктует нам наряду с этими методами приступить к применению методов, которые я назвал бы методами качественного анализа развития производительных сил. Количественный анализ происходящих изменений в наступающий период реконструкции нашего народного хозяйства является недостаточным. Мы не только меняем количественно, так сказать, нашу технику и увеличиваем нашу рабочую силу, увеличиваем продукцию, но мы меняем характер нашего хозяйства и должны менять характер нашего хозяйства. Когда в свое время т. Лениным в годы голода — когда под влиянием войны происходило разрушение народного хозяйства — был выдвинут вопрос об электрификации, то это по существу означало изменение характера технической базы нашего хозяйства. Несомненно, вопрос об электрификации является важнейшей проблемой, нам важно проанализировать изменение качества хозяйственных процессов и в других областях нашего народного хозяйства. Мы производим колоссальные затраты в основной капитал, затрачиваем сотни миллионов рублей.

Мы говорили, что наше новое строительство, обновление нашей техники, должно происходить по последнему слову мировой науки. Как оно происходит? Мы не только учитываем, что мы получаем 15% прироста; мы не только учитываем, что возросла топливная промышленность, нефтяная промышленность и т. д., но вместе с тем мы должны уже сейчас проанализировать качественное направление нашей промышленности. Я опасаюсь, что в области изменений народного хозяйства, в области техники, мы чересчур идем по проторенным дорогам. Наше народное хозяйство идет по трафарету, и закономерность развития и путей развития прошлого дает себя чувствовать. Но было бы плохо, если бы мы, так сказать, по трафарету, механически продолжали развивать, изменять общие производительные силы, не анализируя проблемы новых путей развития отдельных отраслей промышленности, новых путей нашей техники.

Электрификация, по заявлению Госплана, у нас сейчас не играет еще руководящей роли, она не является ведущей силой в нашем хозяйстве. Я опасаюсь, что и все новые начала в нашей технике, все новые начала в организации труда у нас будут носить кустарный харак-

тер, если не будет проанализирован здесь целый ряд мероприятий, особенно в изменении нашей техники и по организации труда.

Поэтому я глубоко убежден в том, что те задачи, которые ставит перед нами период, в который мы вступили, период реконструкции нашего хозяйства, требует от нас не только учета количественных изменений в нашем хозяйстве, но требует от нас учета качественных изменений, происходящих в нашем хозяйстве. И Госплану придется встать на этот путь. Главным образом сейчас приходится производить качественный анализ изменений в области развития производительных сил. На эту сторону вопроса придется обратить самое серьезное внимание. Тут нужна не только экспертиза, тот экспертный метод, который был принят Госпланом для определения, — велики или малы те затраты, велик ли темп развития той или иной промышленности, насколько соответствует данный план финансовым возможностям этой промышленности, — всего этого мало, нужна будет техническая экспертиза относительно принимаемых изменений, должна быть выработана определенная политика изменений нашей техники. Такова дальнейшая проблема, которую я еще раз подчеркиваю и которую мы не находим в выводах Госплана. Это — новая проблема политики в области изменения и развития нашей техники, изменения и развития наших производительных сил. Госплан правильно производит учет количественных изменений производительных сил, правильно производит учет изменения зависимости отдельных форм хозяйства: индустрии, сельского хозяйства, коллективных форм в сельском хозяйстве и т. д., сравнивает процент роста и темпа развития у нас с капиталистическими странами, — это нововведение и является большим плюсом, но, повторяю, этого недостаточно. Нам приходится в этот период ставить вопрос о реконструкции нашего хозяйства: как будет изменяться наша техника, какова наша политика будет в этой области, что нам, например, нужно развивать: густую ли сеть железных дорог, или шоссейных дорог, держим ли мы курс на автомобилизм или железнодорожные строительства, куда центр внимания будет перенесен в области химической промышленности и т. д. Такова методологическая проблема, которую Госплану следует поставить перед собой и которая заключается

в ведении качественного анализа совершающихся экономических процессов у нас в стране. Только при условии использования нашей техникой последних достижений науки мы сможем обогнать капитализм, мы сможем разрешить эту проблему, которую мы ставим перед нашей экономикой.

Если мы будем итти путем той эволюции, которым шло капиталистическое развитие, то, несомненно, мы будем плестись в хвосте этого развития. Поэтому, как была вполне правильно в свое время выдвинута проблема электрификации, несмотря на голодное, полуразрушенное состояние страны, точно так же нужно просмотреть все отрасли промышленности. Это — огромная работа, которая перед нами стоит.

Обратимся к темпу хозяйственного развития. Вы знаете, что 1925/26 год дал нарастание нашей продукции по сравнению с предыдущим на 40%. 1924/25 год дал нарастание перед предшествовавшим на 60%. В 1926/27 г. в среднем предполагается темп развития снизить до 15—20%. Относительно отдельных отраслей это средний темп развития нашего хозяйства; по отдельным отраслям темп должен быть следующий: «по тяжелой индустрии темп роста будет равен +19,8%, легкой + 12,3%. В частности по каменноугольной промышленности коэфициент подъема составляет +30,0,%, по нефтяной +10,6%, железо-рудной +46,1%, по металлической +14,4%, электро-технической +36,0%, по текстильной +7,8%, по кожевенной +21,1% и пищевой +16,9%». Таково увеличение отдельных отраслей промышленности. При этом мы должны отметить, что здесь узким местом является относительно более слабый рост развития легкой индустрии, которая увеличится всего на 12%. Это объясняется тем, что тяжелая индустрия в предшествующий период стояла на более низком уровне, чем легкая индустрия. Таким образом вся продукция индустрии составляет для 1926/27 г. 6 440 млн. руб. против 5 797 млн. руб. в истекшем году. Сельское хозяйство по сравнению с довоенным будет иметь 101%. По промышленности же Госплан не приводит цифр по сравнению с довоенными для всей промышленности, так как сравнение, по данным ЦСУ, дало чрезмерно большую степень превышения промышленности в 1926/27 г. по сравнению с довоенным периодом; поэтому Госплан дает цифры только по отдельным отраслям промышленности. Я производил средний подсчет — по-моему в 1926/27 г. мы пойдем с превышением по сравнению с довоенным. Насколько этот рост соответствует нашим ресурсам? Вот вопрос, который стоит при оценке этих данных. В начале года мы чуть было не нарвались на кризис. Вначале те предположения, которые были сделаны, и затрата средств в первом квартале 1925/26 г.

чуть было не привели к кризису. И только после того, как были приняты своевременно уже во втором квартале года меры по жесткому снижению затрат в области хлебозаготовок, в области кредитования, в области мероприятий по нашему денежному обращению, вплоть до изъятия части денег из обращения, только путем этих мероприятий нам удалось избежать кризиса, который представлял уже реальную опасность. В силу этого создалось напряженное состояние в нашем народном хозяйстве. В 1926/27 г. *по всем данным мы будем иметь более стойкое положение, чем это имело место* в 1925/26 г. *Но тем не менее есть целый ряд данных, которые все же показывают, что даже при этом сниженном темпе развития все же темп нашего развития будет совершаться с значительным напряжением наших средств.* Мы имеем несомненный дефицит в области топлива, и, пожалуй, нам не удастся обойтись без эмиссий денежного обращения. Короче говоря, курс червонца должен вызывать к себе сугубое внимание потому, что он находится на определенной грани, которая может колебнуться в сторону понижения. *Теперь коснусь резервных запасов. Мы ставили перед собой задачу образования резервов в нашем хозяйстве.* Это нам было необходимо для того, чтобы сохранить равномерный ход развития народного хозяйства. Приходится констатировать, что с резервами у нас дело обстоит не совсем благополучно. Я считаю одной из ошибок Госплана то, что он даже на капитальное строительство не оставляет резервов. Для ВСНХ целый ряд главнейших затруднений при проведении планов капитального строительства заключается в том, что он не был способен к маневрированию: целый ряд работ, требующих сравнительно небольших затрат, тормозился из-за отсутствия оборотных средств у промышленности отдельных трестов и у отраслей промышленности. Это объясняется тем, что ВСНХ не обладал нужными резервами для того, чтобы в нужный момент прийти на помощь. Поэтому такие наши главнейшие отрасли промышленность, как Югосталь, ЮМТ и др., были поставлены, помимо прочих обстоятельств, в очень тяжелое положение, и для некоторых из них предстояла угроза банкротства. Это нам необходимо учесть при построении плана 1926/27 г., чтобы этого напряженного состояния у нас больше не было. Я являюсь в вопросе оставления резервов на капитальное строительство сторонником ВСНХ и считаю, что ему необходимо отпустить еще 25—30 млн. руб. в качестве резервного фонда

для того, чтобы иметь нужные по подсчетам ВСНХ 910 млн. руб. на капитальное строительство. Таким образом я ставлю диагноз, что, по всем имеющимся у нас предположениям, в 1926/27 хозяйственном году мы не будем больше иметь такого напряженного состояния и такого скачкообразного развития, которое имелось в 1925/26 хозяйственном году. Тем не менее мы должны сказать, что целый ряд признаков говорит о том, что не разрешен целый ряд причин, которые будут отягощать нашу экономическую политику в 1926/27 г. Одна из причин состоит в том, что все-таки политика резерва, накопления резервов, недостаточно нами проведена (в денежной реформе и натуральной форме). Ведь проблема стимулирования развития нашего хозяйства заключается в том, что мы при этом должны избегнуть кризисных положений. Никакие, откровенно скажу, оппозиции нам не будут страшны, если мы будем иметь подымающийся и развивающийся рост народного хозяйства, если мы не столкнемся с экономическим кризисом. Нам надо иметь в виду такое регулирование народного хозяйства, которое дает возможность избежать этих затруднений, избежать экономических кризисов. Это достигается строгим и твердым установлением определенной закономерности и зависимости развития отдельных частей нашего народного хозяйства, равномерного темпа постоянно подымающегося народного хозяйства. Такова наша линия, наша политика, которой мы держались в 1925/26 г. Она должна полностью применяться и в 1926/27 г. в народном хозяйстве. Тот хозяйственный план, который представлен Госпланом, делает в этом смысле большой шаг вперед по сравнению с тем планом, который мы имели в 1925/26 г., который оказался преувеличенным. И те товарищи, которые упрекали нас в минимализме, оказались неправы, опыт жизни показал обратное. Сейчас нами на строительство истрачено 750—780 млн. руб. В 1925/26 г. первоначальный план был 1 020 млн. руб., потом 936 млн. руб., потом снизили до 840 млн. руб., но все-таки план оказался невыполненным на 750—780 млн. руб., следовательно значительно преувеличены были первоначальные предложения. Вот благодаря этой несвязанности частей, когда к отдельным частям народного хозяйства мы подходим, не считаясь с закономерностью других частей, мы рискуем нарваться на кризис. Узким местом в нашем народном хозяйстве в 1926/27 г., на которое, безусловно, должно быть направлено наше основное внимание, является наш экспортный план. Внешняя торговля является наиболее отсталой частью нашего народного хозяйства. По своим размерам она достигает что-то около 40% по сравнению с довоенным временем (в денежном выражении), восстановительный же период

в области нашей внешней торговли далеко и далеко не достигнут. Это наиболее отсталая отрасль народного хозяйства. Организация импорта в значительной степени определяется экспортом. Мы будем чувствовать недостатки внешней торговли в наступающем году во всех частях нашего хозяйства, поскольку опять-таки определенная закономерность имеется в смысле связи отдельных частей. Второе — это то, что у нас вопрос о резервах так же, как я его обрисовал, остро стоит. Мы будем иметь топливный дефицит — недостаток топлива, а также недостаток сырья для целого ряда отраслей промышленности, в первую очередь для текстильной, несмотря на большой ввоз из-за границы. Здесь приходится сказать, что в этом отношении в смысле запасов восстановительный период не закончился, в смысле запасов мы находимся еще в периоде восстановительном. Мы не перешагнули той стадии, когда наше народное хозяйство в этом смысле может развиваться на твердой базе, в смысле сырьевых и топливных резервов, запасов натуральных и денежных. Мы этой стадии развития еще не достигли, и в 1926/27 г. мы будем иметь в этом смысле целый ряд затруднений. Это наиболее крупные затруднения.

В области денежного обращения мы пойдем с гораздо меньшими затруднениями, чем это было в 1925/26 г. Денежное обращение и индекс цен говорят за то, что мы сумеем курс червонца удержать в настоящее время более уверенно, чем в 1925/26 г., особенно если не будем ослаблять политики на снижение цен, которую мы проводили до сих пор. Предпосылка Госплана, что нам нужно держаться только стабилизации рубля на уровне, на котором он сейчас находится, мне кажется, недостаточна. Необходимо политику вести на дальнейшее укрепление рубля путем жесткой политики на дальнейшее снижение розничных цен и дальнейшее снижение по возможности оптовых цен, таким путем укреплять червонец и крайне осторожно прибегать к эмиссии. Приходится сказать, что для 1926/27 г., в области товарного рынка, при таком росте производства, который я обрисовал, мы все же, несмотря на ряд успехов, по ряду продуктов массового потребления будем испытывать затруднения. Я приведу промышленное производство на душу населения по производству следующих продуктов. По чугуну мы не достигли довоенного уровня. В 1925/26 г. было всего 48%, в 1926/27 г.— 75,8%. По сахару: в 1925/26 г.—86%, в 1926/27 г. предполагается даже снижение до 83%. Но зато по коже мы стояли в 1925/26 г. на 85%, в 1926/27 г. — на 103% — перевалили довоенный уровень. По соли в 1925/26 г. — 84%, в 1926/27 г.—109%. По спичкам выше довоен-

ного на 4% — всего 104%. Стекло — 1925/26 г. 56%, 1926/27 г. — 65%. По керосину — 83%, почти довоенная норма. Хлопчатобумажные ткани — 67% и 72%.

Таким образом мы можем сказать, какие успехи и недостатки мы имеем в области нашего социалистического строительства. Наши плановые предположения в 1925/26 г. за исключением хлебозаготовительной кампании, за исключением денежного обращения и кредита в области производства оправдались почти на все 100%, так что в этом отношении плановое руководство в области производства осуществлено. В области хлебозаготовительной кампании мы просчет сделали очень крупный, примерно на 3,27 млн. *т*. В области кредита, в области денежного обращения, в области эмиссии должен сказать, что был просчет сделан. Считали хуже, получилось лучше. Эмиссия была незначительная, меньшая цифра, чем это предполагал сначала Госплан. В области кредита был точно так же определенный просчет, но зато, повторяю, в области производительных планов мы получили осуществление на все 100%, и в этом смысле точно так же мы избежали экономического кризиса, и год прошел, в общем и целом, без кризиса, и тут плюс нашего планового руководства. В других областях, в области индустриализации, какие здесь были сделаны успехи? Индустриализацию, мне уже пришлось писать об этом в «Правде», я понимаю как изменение технической организации всего народного хозяйства и организацию рабочей силы во всем народном хозяйстве в смысле перехода и промышленности и сельского хозяйства на крупное машинное производство. Для ближайшего периода развития нашего народного хозяйства индустриализация будет заключаться прежде всего в увеличении удельного веса нашей промышленности, в изживании той диспропорции, которая существует между сельским хозяйством и промышленностью. И в этом отношении нами достигнуты определенные успехи. На основании этого мы теперь можем перейти к тому вопросу, который для нас имеет самое большое значение.

Далее те данные, которые мы имеем, показывают на определенные успехи в области индустрии. В этом отношении имеющиеся у нас цифры Госплана дают следующие показатели, характеризующие проведение индустриализации в нашей стране.

Рост товарных масс сельскохозяйственной и промышленной продукции за четыре года в процентах к 1923/24 г. выражается следующими числами:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Сельскохозяйственная (за исключ. государств. и кооперативной)	117,2	139,8	150,9
Промышленная (цензовая)	173,3	236,1	270,3

При этом удельный вес той и другой товарной массы в общей товарной массе изменялся следующим образом:

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Сельскохозяйственная . .	54,7	45,0	41,7	40,3
Промышленная	45,3	55,0	58,3	59,7

Таким образом развитие индустрии идет более быстрым темпом, чем развитие сельского хозяйства. По этим же данным указывается, что рабочая сила в промышленности возрастает быстрее, чем в сельском хозяйстве, хотя тут нужно оговориться, что по сравнению с довоенным уровнем мы еще не стоим на том уровне, который имелся тогда; следовательно, аграрное перенаселение мы будем иметь и в 1926/27 г. и притом довольно острое. Здесь цифры такие:

Цифра лиц, занятых в промышленности, транспорте, торговле и строительстве, повысилась с 69,9% в 1924/25 г. до 83,3% в 1926/27 г., т. е. на 22,4% в сельском хозяйстве — только на 8%, т. е. рост лиц, занятых в промышленности, возрос быстрее, чем в сельском хозяйстве,— происходила перекачка рабочей силы из деревни в город. Но все же в этом отношении мы не достигли, повторяю, довоенных соотношений. Таков темп развития индустриализации. Здесь я должен остановиться на изменении капитального строительства. В области капитального строительства затраты 1925/26 г. составили 750—780 млн. руб., в 1926/27 г. Госплан дает 845 млн. руб., а ВСНХ требует 910 млн. Из этой суммы 100 млн. руб. должны пойти на новое строительство, на постройку новых предприятий, которые были начаты в 1925/26 г. и будут закончены в нынешнем. На продолжение работ по вновь заложенным предприятиям приходится 30 млн. руб. На новое строительство потребуется 100 млн. руб. Достаточно или недостаточно этих цифр? Прежде всего вы видите, что ВСНХ требует больше, чем это ему предоставляется Госпланом. Цифра разницы невелика, она равняется 65 млн. руб. Причем, если наши центральные органы предоставят ВСНХ резервный фонд в размере 35 млн. руб., то, таким образом, в ВСНХ будет иметься 870 млн. руб., и тогда эта разница будет еще незначительнее. Это не то, что разница прошлого года, когда она достигла вначале 200 млн. руб., и только после того, как центральные

органы провели жестокий нажим, она значительно сократилась. В нынешнем году нам приходится наше капитальное строительство расценивать по нашим импортным и финансовым возможностям. Та цифра экспорта, которая намечается Госпланом и которая равняется 820 млн. руб., дает возможность произвести капитальное строительство на сумму 845 млн. рублей. Госплан корреспондирует эту сумму. С другой стороны, в финансовом отношении нам придется взамен того, что было в 1925/26 г., когда мы по бюджету дали на строительство всего 150 млн. рублей, дать сумму, которая, примерно, намечается Госпланом для промышленности в 350 млн. рублей.

Подсчеты, которые были сделаны в других органах, позволяют сказать, что суммы, которые можно отпустить на капитальное строительство, можно будет увеличить до 900 млн.; таким образом все расчеты ВСНХ, которые идут сейчас по наибольшей линии, и Госплана сейчас более соответствуют реальным возможностям, которые у нас имеются. Единственное, на что приходится обратить сугубое внимание, — это то, что на новое строительство отпускается недостаточное количество средств. Правда, здесь мы сталкиваемся с отсутствием оценки нашего инвентаря, нашего оборудования в области промышленности и даже точного учета тех изменений техники, оценки тех оборудований, которые сейчас производятся на предприятиях и заводах. Так что это делает затруднительным анализ тех затрат и тех эффектов, которые мы получим в результате этих затрат; приходится прибегать к общим экономическим методам, т. е. производить оценки финансовой и коммерческой сторон производимых затрат с теми ресурсами, которые мы имеем для экспорта и импорта и которые мы имеем в смысле прибыли в нашей промышленности, и сказать, что эти цифры больше соответствуют реальному положению вещей. И здесь принятые цифры ВСНХ существенных изменений не производят. Когда мы в прошлом году боролись против 1 020 млн. руб. и даже 932 млн., выставленных ВСНХ, мы боролись с опасностью кризиса, который был бы вызван такого рода затратами в стране; если бы мы не пошли по максимальному пути, мы имели бы, несомненно, кризис в области денежного обращения благодаря чрезмерным затратам средств в основном капитале промышленности. Практика показала, что при том темпе нарастания производства, при том урожае, который мы имеем, мы можем пойти на то, что цифра ВСНХ от 850 млн. до 910 млн. не вызовет кризиса. Может быть, нужно будет снизиться, но повторяю, что сейчас общий анализ экономики нашего хозяйства позволяет сказать, что принятая цифра ВСНХ не явится тяжелой, не затормозит наше экономическое развитие.

Вот тот вывод, к которому мы приходим, и повторяю, что качественный анализ производительных затрат с технической стороны почти не подвергается учету или подвергается очень слабому учету: на эту сторону, на это самое осуществление капитального строительства нам необходимо обратить сугубое внимание.

Таким образом мы видим нарастание, усиление нашей крупной промышленности, индустриализацию страны, иначе сказать — выполнение той директивы, которая была дана XIV партсъездом. И в этом отношении те факты, которые мы сейчас имеем, в смысле проверки проделанного опыта, и те предположения, более реальные, которые имеются на 1926/27 г., говорят о том, что те упреки, которые делались в этом смысле, что темп индустриализации идет к минималистской грани или (некоторые имели даже смелость утверждать) что индустриализации совершенно не происходит, являются неправдой.

Теперь по другой области: в области развития коллективных хозяйств и земледелия. Здесь мы видим точно так же рост количества коллективных хозяйств и влияние крупного нашего сельского хозяйства — совхозов — на окружающую крестьянскую массу. Общие цифры коллективных хозяйств были такие. На 1 октября 1924 г. по Союзу без Украины — 6 220 и в них членов —145 000; этот год берется за 100. На 1 октября 1925 г. — 6 718 хозяйств, процент 108 к предыдущему году, членов — 137 000. В отношении членов — некоторое падение. На 1 октября 1926 г. — 7 000 коллективных хозяйств, процент 112 и 164 000 членов, в отношении членов процент 113. На 1927 г. — 8 000 коллективных хозяйств, процент 120, 171 000 членов — процент 118. Низовая сеть сельскохозяйственной кооперации росла следующим образом. Если взять общие цифры кооперации по всему Союзу, на 1 октября 1924 г. было 2 млн. членов, на 1 октября 1925 г.—$4^1/_2$ млн. и на 1 октября 1926 г.— 5,6 млн., и предполагается, что на 1 октября 1927 г. мы будем иметь около 8 млн. Как изменялось соотношение в области товарооборота нашего государственного сектора, кооперативного и частного?

Нас сильнейшим образом пугали, что сейчас победит частный капитал. Частный капитал получит колоссальную прибыль за счет государственного и кооперативного сектора. На самом деле мы получаем: *относительное падение частного капитала и относительный рост государственного и особенно кооперативного сектора*. Государственный сектор товарооборота поглощает 43% всех поступающих на рынок товаров, кооперативный сектор поглощает, покупает 21%, частный — только 36%, причем по отпуску государственный сектор

при удельном весе по продаже — 55%, кооперативный сектор — 11% и частный—25%; следовательно, по покупкам государственный сектор, кооперативный сектор составляют 64%, по отпуску государственный сектор вместе с кооперативным — 66%, частная торговля — 36% и 34%. В 1924/25 г. она понесла урон больше чем вдвое.

Дальше мы имеем следующие данные о роли частной торговли: «Наибольший урон частная торговля понесла в опте; ее удельный вес в опте упал в 1924/25 г. больше чем вдвое: с 22% до 9,3%. Замечательнее, однако, те явления, которые имели место в рознице: здесь экономические процессы перешли некоторую «критическую» точку, приведя к тому, что преобладающее место в рознице, которое принадлежало частному капиталу — 59,2% частной и 40,8% обобществленной — в 1923/24 г. перешло в руки обобществленного сектора (56,2 обобществленного и 43,8 частного в 1924/25 г.)». Таково положение.

Таким образом в области соотношения в товарообороте процессов обобществленного сектора, государственного, кооперативного и частного капитала мы видим, что из года в год удельный вес частного капитала падает, а удельный вес государственно-кооперативного капитала, наоборот, увеличивается. Таким образом мы видим, что те, которые указывают на имеющуюся якобы опасность наступления частного капитала, неправы. Государственные и кооперативные организации не отступают перед частным капиталом.

В области распределения народного дохода мы видим, что здесь наиболее быстрым темпом идет увеличение народного дохода в городах, т. е. там, где имеется наемный труд в больших размерах. Эта доля народного дохода увеличилась на 11%. В то же время более медленным темпом идет нарастание народного дохода у лиц, занятых в сельском хозяйстве. Таким образом мы видим, что перераспределение народного дохода возросло в пользу социалистических элементов, т. е. в пользу рабочего класса. В отношении социалистического строительства мы должны поэтому сделать следующие выводы. Мы констатируем, что в области производства государственные и кооперативные организации захватили позиции на 98%, роль частного капитала здесь ничтожна. В области товарооборота мы имеем возросшее преобладание социалистических форм над формами частного капитала. Причем индустриализация, усиление социалистических форм хозяйства происходит за счет всего народного хозяйства, и в этом отношении та политика, которую предлагает т. Преображенский об обложении новыми налогами для индустрии крестьянства, является, на мой взгляд, неправильной, ибо крестьянин сверх того, что он платит, сверх своего сельскохозяй-

ственного налога ничего больше вносить не может; это привело бы нас только к усложнению наших экономических и политических взаимоотношений с деревней, и в этом отношении наша политика не отвечала бы тому экономическому развитию, которое мы имеем.

Мы совершили социалистическое строительство. Мы строим социализм. Те успехи, которые мы имели в 1925/26 г. и которые мы будем иметь в 1926/27 г., говорят о том, что социалистические формы хозяйства, определение которых т. Ленин дал в своем всем нам известном анализе форм нашего хозяйства, подтверждаются. Но сейчас поднята кампания, что мы подходим к социалистическому хозяйству, но не строим социализма. Это все равно, что сказать: мы проводим железные дороги, но не строим железные дороги; это все равно, что проводить шоссе, но не прокладывать шоссе. Когда ведется социалистическое хозяйство, это значит происходит социалитическое строительство. Строительство социализма происходит у нас одних, только в СССР, потому что в других странах нет еще диктатуры пролетариата. Это мы ведем строительство социализма, это не значиг, что мы закончим это строительство. Никто не может сказать, какое строительство социализма будет через 100 лет. Но социалистическое строительство означает строительство социализма. И с этой точки зрения мы ведем всю нашу экономику, с этой точки зрения мы подходим к анализу и к оценке тех хозяйственных процессов, которые происходили в 1925/26 г. и которые будут происходить в 1926/27 г. Однако те социалистические формы, которые у нас растут и крепнут, социалистические формы хозяйственного производства, некоторые заграничные и наши оппозиционеры, в частности из германской оппозиции, не говоря уже о Корше и Маслове и др., которые исключены из ГКП, говорят, что у нас существует государственный капитализм, что у нас в стране формы государственного капитализма — это до известной степени последовательно, но это переход уже в область экономики, понимания нашей экономики, понимания наших процессов общественного подхода с точки зрения буржуазной экономики. Не забывайте, что когда мы совершили переворот, взяли организацию хозяйства в наши руки, то буржуазные экономисты говорили, что законы экономического капиталистического развития победят большевиков. Они могут, говорили наши враги, организовывать советы, думать, что держат политику в руках, на самом же деле объективно только капиталисти-

ское хозяйственное развитие. Законы капитализма превалируют в области экономики, и иных законов, они говорили, мы не знаем. Поэтому то, что совершается у большевиков, приведет логически к построению капиталистических форм хозяйства.

Мы же говорили другое: установление диктатуры пролетариата, факт национализации и весь предшествующий период капитализма готовит социализм, так что, когда мы развязываем те формы, которые объективно подготовляют общественное обобществленное хозяйство, сбрасываем формы капиталистические, мы вскрываем те законы объективной нашей экономики, которые приводят к социализму. В этом твердость и уверенность нашей политики. Мы знаем, что объективный ход экономического развития оправдывает ту экономическую политику, которую мы проводим. Не мы ее выдумываем, она создается теми объективными отношениями, которые логически ведут к созданию социалистических форм хозяйства. В капиталистическом строе также неизбежен этот процесс, процесс развития производительных сил, требование со стороны стихийного развития экономики социалистических форм хозяйства. Тем паче в стране, где диктатура пролетариата, объективный стихийный ход экономики оправдывает ту политику в смысле укрепления и развития социалистических форм хозяйства, которую мы ведем. Кто этого не понимает, тот идеалист, метафизик, который оторван от действительности; но кто не понимает этого объективного хода, который неизбежно ведет к укреплению социалистических форм хозяйства, тот не понимает нашей экономической политики, не понимает законов нашего экономического развития. Конечно у нас, в нашем государстве, эта победа социалистических форм, которую иллюстрируют эти данные и цифры, это не только за тот счет, что у нас хороший государственный аппарат, — наоборот, он страдает тысячью недостатков, на которые нельзя закрывать глаза, он часто отстает от тех процессов экономики, которые у нас совершаются. Но такие социалистические формы хозяйства, как крупная промышленность, неизбежная индустриализация — это диктуется всей экономической ситуацией. Повторяю, изучая это, успевая подхватить это, мы творим то, что соответствует объективному нашему экономическому развитию. А если этого не понимать, тогда что остается? Остается то, что говорят наши противники, что у нас государственный капитализм, поэтому, мол, у нас опасность, что нас задушит буржуазия, частный капитализм,

у нас кулацкая опасность и т. п. Это паникерство, которое зиждется не на изучении объективного хода экономики, а на непонимании этого хода, на том, что понимают его с точки зрения буржуазной экономики. В этом гвоздь, когда оспаривают социалистическое строительство в стране, возможность построения социализма. Построение социализма у нас ни на одну йоту, ни на один миллиметр не должно итти вразрез с углублением социалистической революции. Нам нечего рассказывать вещи, которые общеизвестны, что капитализм и противоречия капитализма будут углублять социальную революцию. Мы должны ее развязывать там, где только возможно. Что социализм должен победить во всем мире, в этом мы глубоко убеждены, это мы понимаем прекрасно. Противопоставлять, что вы хотите построить социализм в своей стране, а все другое забываете — это глубочайшая неправда и непонимание нашей позиции. СССР — единственная страна, где диктатура пролетариата; это не лишает его возможности строить новое социалистическое хозяйство в одной стране, потому что объективность экономики ведет к этому неизбежно. Сбрасывание капитализма развязывает формы социалистического хозяйства. Это не значит, что мы хотим осуществить это в один год. Мы имеем мелкобуржуазное окружение в виде крестьянского хозяйства, это мы не забываем. Но это отнюдь не значит, что мы не строим социалистическое хозяйство. Подход к нам с точки зрения буржуазной экономики, перенесение на нас законов капиталистического развития в наших формах хозяйства приводят к тому, что наше хозяйство начинают рассматривать как государственный капитализм, начинают кричать то об уклонах у нас в сторону национальной замкнутости, то об опасности кулацкого роста и т. д. Это — непонимание экономики, которая имеется у нас, непонимание политики, которую мы ведем. Получается то, что то, что нам наши враги всегда противопоставляют и на что надеются, то наши оппозиционеры, которые у нас есть и которые особенно за границей есть, преподносят нам как новое слово. Покорно благодарим вас за это новое слово, мы остаемся на старой позиции, на позиции диктатуры пролетариата, которая нас неизбежно ведет к социализму, и те факты, которые мы имели в 1926/27 хозяйственном году, и новые шаги, которые должны сделать в наступающем периоде, доказывают это.

II. Ответ оппонентам.

Если произвести классификацию возражений оппонентов, то они разделяются на три главные группы. Первая группа — это группа принципиальных возражений о методах регулирования хозяйства и определения характера экономического развития. В течение двух дней здесь были сделаны заявления, характеризующие то, что оппоненты, которые выступали здесь, в основу своих предложений по экономической политике вводят элементы буржуазной экономики; так, например, Преображенский заявил, что, по его мнению, развитие деревни идет в капиталистическом направлении; т. Пятаков заявил, что мы должны сейчас усилить в области торговли сектор частного капитала — это, во-вторых; и, наконец, тот спор, который развернулся во попросам, строим ли мы социализм в одной стране и означает ли социалистическое строительство строительство социализма или нет, — полностью отвечает на вопрос: куда идут товарищи из оппозиции. Те шуточки, которые отпускал тут Радек с кафедры по этому вопросу, крайне характерны, — по поводу этих шуточек пусть скажет на страницах «Правды» т. Демьян Бедный, а я отвечать не буду. Но вот т. Сокольников заявлял по этому вопросу следующее: «Если бы земной шар был в шесть раз меньше и, кроме нашего Союза, ничего не существовало было, то тогда проблема строительства социализма в одной стране, в такой стране, кроме которой ничего вокруг нет, был бы поставлен, как вам угодно было его ставить». Дальше: «т. Милютин не рисковал бы выставлять такого положения. Это потому, что вы забыли одну простую истину — ведь социализм есть система мирового хозяйства, и поэтому кто говорит, что мы построим социализм в одной стране, тот неправ». Преображенский старался это скрыть и говорил: «Не забывайте одного — мы строим социализм между двумя боями». Кто это забывает? Можете ли вы привести хоть одну строку? Не можете. Вот первый раздел наших разногласий. Далее вы не можете возразить, что то, что вы предполагаете, а именно — рассматривать деревню как только развивающуюся в капиталистическом направлении, что это есть измена нашим взглядам на крестьянство; когда Ленин говорил, что мы пойдем к социализму со всей массой многомиллионного крестьянства, разве мы говорили, что крестьянство развивается к капитализму? Ведь мы говорили, что существуют две

тенденции в деревне: социалистическая и капиталистическая. А вы говорите об одной тенденции, и только таким путем получает объяснение ваша политика (Преображенский: «Какая сейчас преобладает?»). Это мы будем спорить; если вы думаете, что капиталистическая, то вы глубоко ошибаетесь. Это первая группа разногласий. Вторая заключается в практическом анализе тех мероприятий, которые мы предлагаем, которые должны носить цифровой характер, от каковых Преображенский на этой кафедре усердно отбрыкивался, приводя, между прочим, неверное сальдо в отношении промышленности по нашему бюджету (Преображенский: «Там опечатка»). Вы же сказали, что «прорабатывали» этот вопрос, а теперь оказывается виновата «опечатка». Больше того, когда мы говорим о точном установлении цифрового соотношения, это не потому, что просто собрались любители статистики и занимаются статистикой, а потому, что соотношение представляет соотношение закономерностей, а если они будут нарушены, мы встанем перед угрозой кризиса. Политика, которую т. Пятаков вел в смысле увеличения затрат в основной капитал, прекрасно понимая, что эти затраты дадут результат в смысле увеличения продукции легкой индустрии года через три, а сейчас для ближайшего времени эти затраты ложатся тяжело для нас, замазывает этот факт. Это основная трудность, а вы представляете, что чем больше в основной капитал отдадим, тем самым сейчас нам легче будет. И когда т. Пятаков представлял чрезмерные цифры затрат в основной капитал, то этим толкал хозяйство на кризис. И Солнцев ничего не понял, почему в 1925/26 г. мы отстаивали одни цифры против цифр Пятакова, а в этом году — другие. Положение изменилось, ресурсы увеличились. Вот почему. Это вторая группа разногласий — относительно установления точных цифровых отношений. Третья группа «разногласий», я беру их в кавычках потому, что некоторые товарищи, являющиеся нашими противниками, приняли за обыкновение, выступая с кафедры, заявлять о тех мероприятиях, которые приняты и проводятся, как будто они их выдумали, а не взяли из принятого давным-давно и проводимого в жизнь; например, Преображенский выступал в защиту того, что нужно кооперации увеличивать собственный капитал. Все это говорилось так, как будто этого никто не знает и никто не предлагает, что мы не понимаем, а вот Преображенский открыл новую Америку (Преображенский: «А воз и ныне там»). Неправда, вы не знаете цифр, давайте сейчас это проверим (аплодисменты). (Преображенский:

«Ничтожное увеличение»). Паевой капитал на 1 сентября 1924 г. в потребительской кооперации составлял 15,9 млн., возрос до 30,7 к 1925 г. и к 1 октября 1926 г.—до 44 млн. Паевой капитал в 3 раза увеличился (Преображенский: «А наши средства 1/2 млрд.?»). Прибыль возросла с 15 млн. руб.до 43 млн. руб. на 1 сентября 1925 г. и до 106 млн. на 1 сентября 1926 г. Во сколько раз? Это будет в 4 раза возросшая прибыль. Мы говорим о чем? По сельскохозяйственной кооперации собственный капитал сейчас равен 130 млн. руб. (Преображенский: «А довоенный?»). Преображенский, вы сейчас другое говорите, вы забываете одну маленькую деталь, что наша кооперация — это бедняцкая, середняцкая кооперация, а кооперация довоенная — это кооперация зажиточная, а вы нас хотите довоенными цифрами тыкать. Оставьте их при себе. Не знал Преображенский, с какими он данными имеет дело, и извращал характер развития кооперации в деревне. Сколько писалось о накоплении собственных средств кооперации, и ЦК об этом публиковал не раз, а вы это нам преподносите как новую Америку. Точно так же по другому вопросу: относительно резервов. Тов. Сокольников загнул весьма широковещательно, что мы бюрократически ставим дело и т. д., а что он, реальный политик, все трудности видит, но когда он старался развернуть систему мероприятий, то указал только на необходимость резервов и на розничные цены. Как было дело с резервами у т. Сокольникова, я расскажу. О резервах неоднократно писалось, и об этом XIV партсъезд вынес решение. В этой области мы боролись. В своем докладе я поставил вопрос о резервах, в «Правде» была опубликована моя статья об этом; кстати тут Харин высказался, что требование денежного резерва — это денежный фетишизм. Он даже не знает, что т. Пятаков подписал в свое время инструкцию составления цифр, где были указаны цифры резерва в 35 млн. руб. Таким образом резервы — тоже не изобретение т. Сокольникова. Обращаясь к госбюджету, он говорил, что мы не учитываем дефицит, 4 млрд. руб. доходов было установлено бюджетом, нужно было иметь из них избытков 117 млн. Мы будто бы имеем дефицит в 200 млн. Тут, конечно, опять-таки неверные данные. По данным Госплана вы имеете выполнение доходной статьи на 3 млрд. 850 млн. руб. Тов. Сокольников это знал, но он играл на незнании аудитории, а затем дело заключается в том, что мы не добрали значительную сумму, около 100 млн. руб., по акцизам Центроспирта и по сахару. Эти средства были взяты у населения, но они были оставлены Совнаркомом у хозяйственных органов. Они были оставлены у промышленности. Следовательно, они сосредоточены в государственных руках. Затем

т. Сокольников указывал на дефицит в 200 млн., но ведь нам надо говорить о реальном дефиците, а расходы значительно сокращены. Эти данные т. Сокольников прекрасно знал, но они были им с этой кафедры сознательно извращены. Он говорил о дефиците в области валюты. Но ведь т. Сокольников является первым виновником в этом деле. Когда мы боролись за импортный план, то не кто иной, как т. Сокольников, провел закупку за границей готовых предметов на несколько десятков миллионов рублей, на сумму, в два раза превышающую то, что мы затратили на ввоз оборудования. Это являлось одной из причин понижения наших валютных запасов. Кроме того т. Сокольников являлся автором так называемой золотой интервенции, на которой наше государство потеряло несколько миллионов золота. После т. Сокольникова эта политика была коренным образом изменена; поэтому нельзя т. Сокольникову выступать и упрекать нас, что мы не оставили валютных резервов. Я касался трудностей, стоящих перед нашим хозяйством. Трудности у нас большие, у нас ощущается недостаток топливных и сырьевых ресурсов. Я сказал, что для промышленности нам нужен резерв для маневрирования. Тов. Сокольников это забыл, он начал с широковещательных фраз и не предложил ни одной меры, могущей облегчить наше положение.

Что касается т. Преображенского, то он как будто бы предложил практические меры, указав (в этом отношении он согласен с т. Пятаковым), что нам необходимо в настоящий момент увеличить обложение только зажиточной части деревни. На сей раз т. Преображенский отступает от своей прежней позиции. Он в своей «Новой экономике» писал в свое время нечто иное, а именно: «Обложение несоциалистических форм не только неизбежно и должно иметь место в период первоначального социалистического накопления, но оно неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз». Далее т. Преображенский пишет: «Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазного производителя меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого хозяйства страны».

Вопрос шел об увеличении обложения всего крестьянства, и это мотивировалось тем, что мы индустриализацию будем вести за счет крестьянства, за счет обложения только крестьянства. Вот как стоял вопрос, и эта постановка означала на деле разрыв смычки. Сейчас

часть оппонентов, выступавших здесь, говорила, что будто бы мы не хотим обкладывать зажиточной части крестьянства. Это вздор. Тов. Преображенский в этом меня упрекал, будто я это сказал. Позвольте я процитирую мои слова по стенограмме: «Индустриализацию я понимаю как изменение технической организации всего народного хозяйства и организацию рабочей силы во всем народном хозяйстве в смысле перехода и промышленности и сельского хозяйства на крупное машинное производство». Необходимо продолжить цитату. Вот что я сказал. Ведь реорганизация, реформа сельскохозяйственного налога в 1926/27 г. заключается в том, что мы увеличиваем налог в отношении зажиточной части крестьянства. Можем ли мы или не можем увеличить сельскохозяйственный налог? Вот как вы ставьте вопрос, и нечего отбояриваться общими фразами: «Мы ведем общую политику». Надо ставить конкретно вопрос: можем ли мы повысить это обложение или нет, и нечего скрываться фразерством. В сельхозналоге мы проводим прогрессию, прогрессивное увеличение налогового бремени на зажиточное крестьянство. Это вы скрываете для каких целей, для каких задач? (Дволайцкий: «Прогрессия до 25% валового дохода».) А 600-миллионный запас? Должен сказать, что точных подсчетов о запасе мы не имеем, это то, что предполагается в 1926/27 г. по чисто статистическому методу учета, это довоенный запас крестьянства (с мест: «лучших лет»). В лучшие годы запасы были выше. Мы имели два урожайных года подряд; если следующий будет неурожайный год, а для этого имеются некоторые данные по статистике, по которой из 4 лет — урожайных бывает два года, один остро-неурожайный и другой с депрессией. Вы не учитываете в нашей политике эту перспективу? Вы не хотите оперировать этими данными. По-моему легкомысленно оперировать, не учитывая этих обстоятельств. Если годы будут неурожайные, то по вашим предположениям, растратив запасы, придется хлеб ввозить из-за границы, тратить валюту, которой мы не имеем. Это настоящая политика кризисов. В-четвертых, усиление частника. У т. Пятакова здесь последовательная политика, так как, по его словам, частник платит наличными лучше, чем кооперация. Вот в чем политика. Но частник вам сейчас заплатит наличными за полученные товары за счет кооперации, за счет уменьшения доли кооперации, и это приведет к политике срыва внутреннего рынка (возгласы: «правильно»). И здесь мы видим, что ваша политика есть политика кризисов. И тогда никакими административными мерами вы снижения цен не произведете. Здесь т. Преображенский задавал вопрос, как снизить розничные цены?

Я отвечу. Путем усиления кооперативного сектора в розничной торговле. Мы не попадаем под стихию рынка, в которую вы попадаете, усиливая сектор частного капитала. Вот ваша политика, вот что вы можете предложить. Тов. Пятаков вышел с цифрами капитальных затрат. Он очень добрый человек и согласен затрачивать большую сумму на индустриализацию, а нас упрекает, что мы недостаточную сумму даем. Если бы дело зависело от доброты и расчетов схематических, оторванных от действительных соотношений хозяйственной жизни, тогда цифры т. Пятакова мы бы увеличили: в смысле доброго желания **мы больше желаем индустриализации, чем вы.** Я согласен на 2 млрд., что вы со мной поделаете? Да, но не в этом дело. Вынесет ли народное хозяйство такую затрату в основной капитал без кризиса? Вот как дело обстоит. Нам приходится тратить и в основной капитал и в легкую индустрию, и на область товарооборота, и, т. Пятаков, у нас еще оборона страны требует средств, культурное развитие требует средств (с места: «и мы даем гроши на это»). Мы даем гроши на это — верно. Это все связанная система расчета. И вместе с тем лимит нам ставит экспорт и импорт определенно. И если бы вы пришли и сказали: при всех этих учтенных затруднениях мы можем затратить в основной капитал 1 млрд. 20 млн. — я голосовал бы за вас. Но я знаю, что это — цифра, высосанная схематически, вы схемку построили, но такую, которая ведет к кризису в народном хозяйстве. Вы хотите толкнуть нас на кризис вашей политикой. Когда вы говорите о развитии народного хозяйства, вы отрицаете его плановое регулирование. С этой стороны ваше предложение, несмотря на радикализм, реальной ценности не имеет. И в этом смысле я говорил, что я лично поддерживаю эту цифру, примерно, около 900 млн. руб. Это корреспондируется соответствующим экспортом. Если вы дадите возможность увеличить цифры экспорта без нарушения цен, без нарушения политики цен на внутреннем рынке, без нарушения необходимого минимального уровня жизненных запасов, если вы скажете, что возможно увеличить экспорт, я буду голосовать за это. Но никто не представляет этих данных. Госпланом — т. Смилга подтвердит, он не будет кривить душой и подтвердит — цифра 820 млн. была максимально взята. Сейчас ничего не поделаешь. Если вы вставите цифру 1 млрд. 200 млн. руб., то я должен сказать, что ВСНХ и хозяйственники отклонят. Если не все это нужно для оборудования, то не нужно вводить такую цифру в основной капитал. Это будут впустую затраченные деньги. Вот те практические предложения, которые сделаны оппонентами.

С нашей стороны были следующие предложения. В 1926/27 г. мы должны с более хозяйственной устойчивостью провести хозяйственное развитие, помня, что в сентябре, октябре 1925/26 г. мы стояли под угрозой кризиса. Второе наше практическое предложение — вести в дальнейшем усиленным темпом индустриализацию, но реально, а не схематично, не выдуманно. Далее мы должны удержать курс рубля, снизить розничные цены. Вот наши предложения.

Теперь последнее — о строительстве социализма. Преображенский удивлялся с этой кафедры, почему Милютин увязал конъюнктуру со строительством социализма. Для него это непонятно. Но если рассматривать строительство социализма только теоретически, как не имеющее применения на практике, то это удивление т. Преображенского становится понятным. Но если мы действительно знаем, что мы строим социализм, что наши формы социалистического хозяйства побеждают, тогда эта связь учета развития этих форм необходима, необходимы и методы социалистического хозяйства. Этого т. Преображенский не понял, думая, что это только теоретический вопрос, а это практический вопрос каждого дня. Какие формы — социалистические или капиталистические — побеждают? Строим ли мы социализм или нет? Вот как стоит вопрос. Тов. Смилга примкнул зря и нелепо со своими сомнениями, строим ли мы социализм или нет? Ильич писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». Вот что писал Ленин. Тов. Преображенский думает, что Ленин понимал победу социализма в политическом смысле. Это — извращение ленинизма, так как дальше Ленин пишет: «Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капитализм и организовав у себя социалистическое производство...». Вот что он говорит, а не только о политике. Тов. Преображенский говорит, что он приведет какую угодно цитату. Вы приведете цитату из Ленина, что социализм нельзя строить в одной стране? Он старается это оспорить тем, что мы будто бы говорим об окончательном строительстве социализма в одной стране. И ссылается в этом отношении на Сталина, что Сталин будто бы в 1925 г. одно писал, а в 1926 г. сбился... Позвольте мне прочесть вам, что сказано в этом отношении т. Сталиным в 1926 г. Он пишет:

«Нельзя строить социализм, не будучи уверенным, что его можно построить, не будучи уверенным, что техническая отсталость нашей страны не является непреоборимым препятствием к построению полного социалистического общества. Отрицание такой возможности есть бесспорное предательство социализма, есть отход от ленинизма. Что такое невозможность полной и окончательной победы социализма в одной стране без победы социализма в других странах? Это есть невозможность полной гарантии от интервенции, а значит — и реставрации буржуазных порядков, без победы революции, по крайней мере в ряде стран. Отрицание этого бесспорного положения есть отход от интернационализма, отход от ленинизма». Вот что говорил Сталин.

Выступление т. Радека началось сначала с божбы за социализм, а в конце он стал указывать, что вера в социализм является детским рассуждением, а еще дальше он скатился с коршевской постановки вопроса к постановке вопроса Коршем и Масловым, т. е. к тем, которые являются ренегатами коммунизма в Германии, говорящими, что у нас сейчас совершается укрепление государственного капитализма, а не построение социалистического общества, что у нас происходит усиление капиталистических форм хозяйства, которые начинают превалировать над социалистическими. Так рассуждают наши буржуазные враги и противники. И при этом получается весьма забавная картинка: когда приезжают из Советского Союза в Германию германские рабочие делегации и говорят, что они видели собственными глазами, как в СССР совершается социалистическое строительство, то тогда выступают на арену ренегаты Маслов и Рут Фишер и начинают высказываться в том смысле, что в СССР происходит прежде всего усиление капиталистических форм хозяйства. Они заключили единый блок с буржуазными экономистами, которые в течение 10 лет нам толковали, что у нас не социализм, а капитализм, что у нас не могут утвердиться социалистические формы хозяйства.

Теперь же у нас находятся товарищи, которые выступают, присоединяются к буржуазным экономистам и бьют тревогу о том, что построение социализма в нашей стране невозможно, потому что у нас капиталистические тенденции побеждают. Но эти товарищи забывают, что проделана колоссальная работа по строительству социалистических форм. Этого факта никто отрицать не может. Здесь нечего повторять зады буржуазных экономистов.

Вот те возражения, которые я считал нужными сделать по тем выступлениям, которые здесь были.

III. Задачи промышленности.

Оценивая итоги промышленности за первое полугодие 1925/26 г., мы должны констатировать, что в общем предположения в области производства, снабжения и сбыта, сделанные в начале второго квартала, получили свое осуществление почти на 100%, — с небольшими колебаниями по отдельным отраслям промышленности.

В тяжелой индустрии производственная программа выполнена в первое полугодие на 44,6% и по отраслям легкой индустрии в размере 55% по отношению к годовой программе. Таким образом в среднем мы получаем 50% выполнения производственной годовой программы. Выполнение указанной производственной программы, по данным ВСНХ, в среднем дает превышение продукции по сравнению с 1924/25 г. на 35—40%.

Такое повышение является крупнейшим достижением ВСНХ и показывает значительный реальный успех в деле индустриализации страны. Темп роста производства в промышленности выше, чем в других отраслях народного хозяйства.

Эти результаты могли быть достигнуты только благодаря правильной линии экономической политики ВСНХ.

Повышение продукции промышленности и развертывание капитального строительства должно было происходить в полном соответствии с нашей общей политикой, имеющей целью укрепление смычки рабочих и крестьян, промышленности и сельского хозяйства.

Поэтому такие конкретные меры, как борьба за снижение розничных цен, за уменьшение накладных расходов, за режим экономии, инициатором которых явился ВСНХ, создают действительно реальную почву для проведения этой политики в жизнь.

В этом отношении ВСНХ удалось сделать крупный и ценный шаг вперед.

Но наряду с этими, несомненно, положительными достижениями мы должны констатировать ряд дефектов и в области планирования промышленности, и в области производства, и в состоянии оборотного капитала промышленности, рабочей силы, финансового положения и в области управления промышленностью, на который нужно обратить внимание.

Предварительно следует остановить внимание на построении и прохождении финансово-производственных планов в этом году. В области планового руководства промышленностью наблюдались крупней-

шие дефекты, заключавшиеся как в неправильных методах разработки планов, так и в чрезвычайной медленности прохождения этих планов через разные инстанции, вследствие чего происходило крайнее запаздывание с утверждением планов.

Финансово-производственные программы определялись не по техническим и коммерческим расчетам, а в значительной части согласно имеющимся наличным заказам и потребностям. Вследствие этого, когда приходилось переходить от планов к их выполнению, расчеты оказывались часто нереальными. Так, например, было в металлической промышленности с производственными программами ЮМТа и Югостали; так же было и с производственной программой хлопчатобумажной промышленности, потерпевшей изменения вследствие крупного, достигающего 20%, просчета относительно урожая хлопка внутри СССР. В виде примера подобных ошибочных методов разработки производственных программ можно привести разработку программы для Харьковского паровозостроительного завода. Программа первоначально была определена в 9 млн. руб. довоенных, в то время как в довоенное время Харьковский паровозостроительный завод выпускал продукции на 6 млн. руб. довоенных. В результате, ввиду того что не были учтены технические возможности, особенно по чугуну и стали, для выполнения производственной программы, производственная программа неоднократно пересматривалась, и в настоящее время Харьковским паровозостроительным заводом выпускается продукции, примерно, на 6½ млн. руб. Следует заметить, что подобный метод разработки финансово-производственных программ, несомненно, влечет за собой неправильное распределение оборотных средств и нецелесообразное увязывание этих оборотных средств или в виде излишних материалов, которые не могут быть использованы в производственных целях, или в виде набора излишней рабочей силы, которая точно так же не может быть использована в достаточной мере. Так, например, несмотря на то, что в хлопчатобумажной промышленности уже по второму сокращенному варианту было оставлено всего 88% работающих веретен по сравнению с первым вариантом, выработка готового товара была сокращена до 92% по сравнению с первым вариантом; число станков было сокращено до 89,5% по сравнению с первым вариантом; число рабочих, даже по сравнению с первым расширенным вариантом, было увеличено на 5% — вместо 333 тыс., предполагавшихся по первому варианту, их по второму варианту оказалось 350 тыс., точно так же и заработная плата была повышена на 7% против предположений первого варианта.

ВСНХ, построив производственную программу хлопчатобумажной промышленности, исходил из максимальной и проблематической возможности получения сырья, но не принял своевременно мер для уменьшения темпа развертывания промышленности и не дал соответствующих директив на места, где обнаружилась невозможность получения для промышленности необходимого сырья. Хлопчатобумажная промышленность по инерции продолжала развиваться даже за пределы предусматриваемой первым вариантом производственной программы; следствием чего явилось то, что места набирали количество рабочих, далеко превышающее предусмотренное максимальной производственной программой.

Увеличивался простой оборудования, увеличивались прогулы рабочих, и трудовая дисциплина упала, ибо в производство был втянут лишний кадр рабочих, до сих пор не связанных с производством, недостаточно квалифицированных: кадры эти, не будучи немедленно втянуты в производство, деморализующе действовали на основные кадры рабочих. Чрезмерное развертывание работ ткацких станков привело к тому, что госпромышленность не предусматривает снабжения пряжей кустарной промышленности, что противоречит постановлениям высших органов.

Неправильные технические расчеты при составлении программ влекут за собой неправильные коммерческие расчеты, удорожая себестоимость продукции. Неправильное распределение оборотных средств, как мы увидим дальше, влечет за собой для целого ряда предприятий и трестов крайне тяжелое финансовое положение, приводящее в отдельных случаях даже к финансовым кризисам, как то было, например, с ЮМТом. Результатом этого являлись нереальность и малая обоснованность финансово-производственных программ, требовавших затем неоднократных пересмотров, сокращений и т. п. Финансово-производственные программы пересматривались по 4 или по 5 раз: изменялись они в сторону снижения, что крайне болезненным образом сказывалось на производстве и на равномерности развития промышленности; снижение в отдельных случаях достигало до 20—30% от первоначальных предположений. Результатом подобного положения являлось, само собой разумеется, отсутствие твердого планового руководства. В отношении планирования промышленности приходится сказать, что развитие промышленности нужно вести по финансово-производственным программам, построенным с учетом оставления необходимых резервов для развития промышленности, — резервов, которые позволяли бы маневрировать как по отдельным отраслям

промышленности, так и по отдельным предприятиям и трестам. Вообще говоря, целесообразнее исходить из программ, кладущих в основу своих исчислений наиболее слабые, малообеспеченные пункты с технической и коммерческой сторон, по отдельным предприятиям трестов и отраслей, и на основе этого учета строить финансово-производственные программы, чтобы затем, если это будет необходимо, иметь возможность их повысить. Последнее относится как к эксплоатационным финансово-производственным программам, так и к планам капитального строительства.

В области производства предполагалось, что промышленность даст первоначально повышение на 50% по сравнению с прошлым годом. В действительности же, после подсчета реальных возможностей, мы получаем повышение на 40%, причем выполнение указанной программы происходит при крайней напряженности как основного, так и в особенности оборотного капитала. Запас топлива понизился с $4^1/_2$ месяцев в начале года до $3^1/_2$ месяцев ко второй половине года и в дальнейшем, как это отмечает и доклад, ВСНХ должен будет испытать дальнейшее понижение. Едва ли не самым слабым местом на заводах и в особенности на тех из них, которые оперируют производством сложных изделий металлообрабатывающей и электротехнической промышленности и пр., является техническая организация производства. По общему правилу на заводах отсутствует подход к изучению и исследованию производственных процессов и приемов работы; конструкторская работа чрезвычайно слаба. Типичное заключение о постановке заводского дела дало обследование основных динамо и трансформаторов строительных заводов, особенно бывш. Шуккерт в Ленинграде и бывш. Век в Харькове. В производстве накапливается двойное количество машин против нормального, идет накопление полуфабрикатов, неправильная увязка оборотных средств.

Контроль сроков выполнения заказов и действительное состояние отдельных заказов в производстве сплошь и рядом неизвестны. Констатируется почти полная несогласованность в работе цехов, не связанных единым планом работы. Налицо в производстве узкие места, причем администрация недостаточно осведомлена о пропускной способности отдельных групп оборудования. Контроль качества продукции не охватывает всех процессов и полуфабрикатов по стадиям производства, благодаря чему изделия из сборочной мастерской возвращаются вновь в производство до 5—6 раз без устранения дефектов и излишне тратится до 25% рабочего времени сборочных цехов. В сборочных цехах накапливается громадное количество незаконченных изделий.

Обследование Югостали, ЮМТа, а также камвольной и шерстяной промышленности полностью подтверждает указанное положение. Так, например, в ЮМТе незавершенного производства на 1 апреля 1926 г. числилось на 18 млн. руб., на Харьковском паровозостроительном заводе, при общей производственной программе в 6 млн. руб., незавершенного производства числилось до 3 млн. руб., в то время как нормально незавершенное производство не должно превышать приблизительно двухмесячной производительности заводов. Оборудование заводов сильно изношено, а ремонт идет вяло и обходится дорого. Наблюдаются простои из-за неисправности оборудования, рабочие выжидают инструментов и материалов. В итоге срок пребывания трансформации и машин в производстве вдвое превышает нормальный, чему соответствуют медленный оборот капитала и повышение в два раза себестоимости продукции против довоенного времени. Законченное к осени 1925 г. обследование постановки хозяйства и производства на Людиновском заводе локомобилей выяснило едва ли не еще худшие результаты. Ориентировочные подсчеты РКИ в отношении этого завода привели к заключению, что оборудование техническо-инструментального дела, строгое планирование производства и снабжения, а также и ремонт станков могут привести к увеличению производства металлообрабатывающих цехов завода в несколько раз, до десятикратного размера. Вместе с этим обследование основной химической промышленности указывает также, что в отдельных областях в наличности имеется далеко не полное использование основных капиталов завода. На серно-кислотных заводах, как общее явление, повсюду наблюдается отставание от нормальной производительности контактных систем в пределах от 20 до 30%. Общим явлением для соляно-кислотных заводов является как малая нагрузка, так и неполное использование работающего основного капитала; отставание от нормальной, достигнутой в довоенное время, производительности основного капитала колеблется от 5 до 35%.

В результате всех этих дефектов количественный успех развертывания у нас производства не сопровождается в той же мере достижениями в отношении качества продукции и экономических результатов производства.

В 1923/24 г. повышенную стоимость продукции хозяйственники мотивировали, в первую очередь, недостаточной нагрузкой предприятий; в настоящее время на сцену все больше выдвигаются мотив перегрузки заводов и перенапряженность их основных капиталов. Между тем вышеприведенные данные выборочных обследований основ-

ных заводов тяжелой индустрии рисуют, наряду с несомненно имеющейся перенапряженностью в отдельных отраслях промышленности основного оборотного капитала, также и дезорганизацию в заводском хозяйстве и производстве, результатом чего являются и перерасход топлива, рабочей силы, сырья, повышение брака изделий, недостаточное использование угара, отхода и пр. и, в конечном итоге, повышенная стоимость продукции и пониженное качество.

Как вывод из указанного положения с производством, вытекает необходимость обратить сугубое внимание на повышение технической организации производства, на устранение непроизводительных и нецелесообразных трат, на установление согласованности процессов снабжения и отдельных процессов производства, что приведет вообще к большей упорядоченности производства и даст возможность использовать имеющуюся в наличности технику в лучшей степени и мере.

К а п и т а л ь н о е с т р о и т е л ь с т в о в промышленности в 1925/26 г. имело огромное значение и оказало влияние на самые различные стороны развития промышленности. Достаточно принять во внимание, что затраты на капитальное строительство в 1925/26 г. в д в а р а з а больше, чем в 1924/25 г. (в 1924/25 г. — около 400 млн. руб., в 1925/26 г. — около 750 млн. руб.), в то время как общий рост производства промышленности — всего 35—40%.

Как известно, план капитального строительства был утвержден спустя почти 6 месяцев от начала хозяйственного года.

Полной картины хода выполнения плана мы не имеем, но некоторые данные показывают ряд серьезных неувязок и дефектов в проведении капитального строительства.

Вот что имеем мы, например, по текстильной промышленности. Строительная горячка охватила текстильную промышленность сверху донизу. Не чувствуя над собой достаточного руководства, руководители трестов часто действовали не только без соответствующего разрешения ВСНХ, но часто и вопреки запрещению со стороны ВСНХ.

Приведем некоторые примеры:

а) Иваново-вознесенский трест нарушает план промышленного строительства и проводит в жизнь план капитальных работ, не разрешенный ОСВОК ВСНХ; трест развил чрезмерную заготовку строительных материалов, способствуя этим ажиотажу на рынке строительных материалов (надбавка треста на цены губернских лесных отделов достигла по Владимирской губ. до 638%).

Трест, не считаясь с предупреждением текстильного директората Цугпрома, продолжал самочинно проводить в жизнь расширенный

план строительства, и затраты по этому строительству достигают, вместо разрешенных 22 млн. руб., лишь по кассовым расходам 41 млн. руб., а с заказами достигают 50 млн. руб.

б) Указанная НК РКИ необходимость осторожного развития камвольной промышленности никак не учтена в гигантском плане работ, который настойчиво стремился провести Камвольный трест.

Имея основной капитал в 19 403 тыс. руб., он развернул проект программы строительных работ по прядильным на 29 300 тыс. руб. и по ткацким и красильно-аппретурным фабрикам — на 4 000 тыс. руб., т. е. в общей сумме, примерно, 33 300 тыс. руб., что почти в два раза превышает стоимость существующего основного капитала этой отрасли промышленности.

Кроме того комиссия НК РКИ, производившая обследование Камвольного треста, приостановила постройку нового ткацкого корпуса, стоимость коего — 1 млн. руб. — в эту сумму не входит.

Чрезмерные требования на строительство и особенно ткацких фабрик при условии, когда в распоряжении треста имеются 3 находящиеся в состоянии консервации фабрики с 2 190 станками, из коих две находятся в Москве и обе электрифицированы, — могут служить доказательством чрезмерного строительного зуда правления треста.

Особого же внимания заслуживает настойчивое требование Камвольного треста о разрешении ему произвести постройку новой большой прядильной фабрики на 100 000 веретен, не считая дооборудования Даниловской прядильной фабрики на 18 000 веретен. К постройке трест считал необходимым приступить в самом начале строительного сезона 1925/26 г., причем первую половину постройки на 56 000 веретен предполагал закончить в середине 1926/27 года.

Комиссия НК РКИ, обследовавшая Камвольный трест, своевременно вмешалась и приостановила движение этого вопроса, уже утвержденного текстильным директоратом Цугпрома.

Правление Камвольного треста по возведению новых построек, производственных и жилых, имеет перерасход против утвержденных на 1924/25 г. в 472 тыс. руб. и по капитальному ремонту жилых построек — в 337 тыс. руб., т. е. всего 809 тыс. рублей.

в) Обследованием НК РКИ Тамбовского треста установлено крайне нерациональное и бесхозяйственное ведение работ по восстановлению основного капитала на фабриках этого треста.

Работа по восстановлению основного капитала Тамбовского треста не только производилась без разрешения Цугпрома ВСНХ, но во-

обще производилась без планов и строгой продуманности. Постройка и оборудование новой котельной на Арженской фабрике являют собой пример исключительной бесхозяйственности. Разработанных планов установки, эксплоатационных смет и каких-либо технических расчетов РКИ не обнаружила; их не имелось ни в тресте ни на фабрике, тогда как стоимость оборудования котельной выявится никак не меньше 500 тыс. руб. Здание котельной выстроено под горизонтальные котлы и впоследствии надстраивалось заново, потому что котлы были заказаны вертикальные и не в 200 *кв. м* поверхности нагрева, а в 400 *кв. м* и с перегревателем пара не ниже 300° С, тогда как потребляющая пар турбина старого типа не допускает температуры пара выше 250° С.

Завод «ЮМГИ» сдает котел, согласно договору, с перегревом пара около 400—500° С, вследствие чего для уменьшения перегрева пара принимаются меры к отводу части горячих газов прямо в трубу, что даст чистую потерю тепла. Кроме того паровой котел «Гарбе-Наваль» рассчитан на выработку 14 000 *кг* пара в час, тогда как турбина и технологические потребители пара могут принять лишь от 6 500 до 11 600 *кг* пара в час максимально. Чтобы понизить производство пара, надо ухудшать условия работы самого котла, например, не утилизировать тепловые отбросы (конденсационную воду).

Вообще установленный котел должен при помощи искусственных мероприятий понизить коэфициент полезного действия — и это только благодаря полной технической необоснованности установки, отсутствию расчетов, планов и связи с существующим оборудованием.

Установленный уже после работы комиссии НК РКИ на Арженской фабрике второй котел в 400 *кв. м* поверхности нагрева, системы «Стерлинг», должен был быть переставлен, ибо установка его произведена слишком близко к котлу «Гарбе-Наваль», но так как перестановка будет стоить еще 40 тыс. руб., то котел оставлен в неудовлетворительных условиях работы.

Работы по электрификации торфяного болота «Рапейка» производились, несмотря на малые залежи торфяной массы, и без подсчета, хотя бы в ориентировочном порядке, себестоимости торфа механической резки против ручной. По данным губРКИ электрификация болота «Рапейка» обойдется в конечном счете в 200 тыс. руб., тогда как по подсчетам технического отдела треста стоимость 10 000 калорий тепла торфа ручной резки—2,07 коп., а механической—2,52 коп. Стоимость одной тонны нормального пара с торфа болота «Рапейка» —5 р. 37 к., а с антрацита — 3 р. 93 к.

Если принять во внимание приобретенное и неиспользованное оборудование электростанции («Промбронь»), пять германских тракторов военного типа, изготовляемые и уже брошенные на болоте «самогребы», бесчисленное количество подсобных предприятий и многочисленные совхозы, то затруднения в управлении нашим хозяйством будут ясны, как ясно и то, что Цугпром ВСНХ, в лице директора текстильной промышленности, последней не руководил.

Новое строительство в текстильной промышленности было также недостаточно продумано.

ВСНХ производит новое строительство в тех областях текстильной промышленности, которые имеют наименьшие возможности быть обеспеченными собственным сырьем.

Так, например, ВСНХ производит постройки хлопчатобумажных фабрик, работа коих будет полностью зависеть от иностранного хлопка; в то же самое время мало обновляются льняные фабрики, не глядя на то, что льняная промышленность может выпускать самые разнообразные ткани, начиная от рядна до тончайшего батиста, и одновременно с этим необходимо указать, что льняная промышленность, как мы видели выше, полностью обеспечена союзным сырьем, и, при очень небольших затратах средств и внимания со стороны наших соответствующих органов, сырьевая база льняной промышленности может быть значительно расширена.

ВСНХ производит постройку новой камвольной прядильной фабрики в то время, когда камвольная промышленность почти полностью работает на импортном дорогом сырье и никаких перспектив на освобождение этой промышленности от иностранной сырьевой зависимости на ближайшее время не имеется.

В то же время грубосуконная промышленность, продукция которой идет на удовлетворение нужд беднейших слоев населения, остается в том первобытном состоянии, в котором она находилась в самый момент ее возникновения. Вместе с этим сырьевая база этой промышленности может быть, как мы видели выше, в ближайшее время восстановлена до возможности с избытком покрывать нужды грубосуконной промышленности.

Вместе с тем приходится констатировать отсутствие достаточной специализации заводов и параллелизм в загрузке при неточном использовании их производственных возможностей.

Имеет место до недавнего времени прием заказов заводами без учета своих производственных возможностей, главным образом из стремления получить оборотные средства в виде авансов.

Так, трубочный завод Военпрома в течение всего 1924/25 г. имел портфель заказов, в 15—20—25 и более раз превышавший месячный выпуск завода.

Наблюдаются полная неупорядоченность вопросов конструирования машин и неудовлетворительность работы Центрального текстильного бюро Металлосиндиката (бывш. «Текстильмашина») и параллелизм в конструкторской работе ряда организаций.

Так, чертежи банкаброша изготовляются в трех местах, ватера — в двух и т. д. Работа Текстильного бюро Металлосиндиката (бывш. «Текстильмашина») сводилась в значительной части к съемке чертежей с натуры, а не к конструированию машин (такова работа, например, в области льняных машин).

Чертежи чесальной машины были выполнены с просрочкой на один год, притом первая часть чертежей оказалась выполненной на 40% неудовлетворительно и требовала переделки.

Наблюдается параллелизм в работе по нормализации деталей, выполняющейся каждым заводом изолированно, без достаточной увязки между собой и с текстильной промышленностью, которая сама активного участия в этой работе не принимала (исключение: нормализация льняных деталей, давшая весьма дельные результаты).

Стандартизация веретен, проведенная Иваново-вознесенским трестом, оказалась непригодной для всей текстильной промышленности.

Наблюдается множественность организаций, занятых текстильным машиностроением или причастных к нему (9 организаций), невыясненность, неопределенность, а иногда и неупорядоченность взаимоотношений между ними и параллелизм в работе, а также неудовлетворительное выполнение металлозаводами заказов; просрочки, достигающие одного года и более, в последнее время постепенно изживаются.

Аналогичную картину мы видим и в металлической промышленности.

Обследования ЮМТа и Югостали подтверждают перерасходы ь капитальном строительстве.

Вывод, который отсюда вытекает, — это необходимость более тщательной подготовки капитального строительства с большим коммерческим расчетом. Для этого необходимо прежде всего учесть опыт капитального строительства, для чего нужно обязать ВСНХ представить доклад о ходе выполнения капитального строительства, а РКИ поручить произвести выборочное обследование в наиболее важных предприятиях, как обстоит дело с капитальным строительством.

Положение с оборотным капиталом в промышленности, особенно начиная со второго квартала, было крайне напряженным.

Причинами напряженного состояния оборотного капитала были не только сильный рост производства, но и неправильное распределение оборотных средств предприятий и трестов. Количество запасов сырья и топлива, в общем и целом, испытало значительное снижение, но неравномерно и не по всем предприятиям. В ряде предприятий, как это было установлено обследованием РКИ, наблюдалось, наоборот, накопление сырья и топлива, которые не могли быть использованы в производстве и лежали мертвым грузом на предприятиях. Одновременно в результате неправильного распределения оборотного капитала наблюдалось и финансовое напряжение в промышленности, которое характеризовалось задержкой в выдаче заработной платы, уменьшением текущих счетов в банках, усиленной вексельной эмиссией предприятий трестов и даже иногда неспособностью покрыть свои вексельные обязательства.

Для примера мы приведем положение с оборотными средствами на Людиновском заводе (Мальцевского треста), обследованном РКИ, и на Южном машиностроительном тресте.

На Людиновском заводе оборот капитала в 1913 г. был 2,08 раза в год; в 1924/25 г. — 1 раз. Количество неоконченных изделий в цехах, несмотря на меньший масштаб производства, возросло против 1913 г.: по котельному цеху в 1,24 раза, по механическому — в 2,76 раза и по кузнечному — в 25 раз. Производство котлов затягивалось до пяти месяцев вместо нормальных 40 дней. Себестоимость локомобилей сельскохозяйственного типа повысилась по сравнению с 1913 г. в 2,22 раза.

Еще более показательным в этом отношении оказалось положение Южного машиностроительного треста (ЮМТа), что подтверждается специальным обследованием РКИ СССР в мае 1926 года.

ЮМТ оказался банкротом прежде всего благодаря несоответствию своих оборотных средств и неправильному их распределению.

Положение создалось следующее: имея в первом квартале раздутую производственную программу в 71 млн. руб., ЮМТ затратил свои средства в материалы, которые он не мог использовать в текущем году (из 23 млн. руб., затраченных на материалы и топливо, 12 млн. руб. не может быть использовано). У него к 1 апреля 1926 г. накопилось незавершенного производства на 18 млн. руб. Собственные оборотные средства снизились сильнейшим образом, но зато выросли привлеченные средства по краткосрочному кредиту. Банковские ли-

миты по кредиту были значительно превзойдены. В результате получился крах, потребовавший для своей ликвидации специальных ассигнований на 6 млн. рублей.

Приведенные примеры не являются единичными исключениями. Конечно, в деле краха ЮМТа было немало, помимо объективных причин, и причин субъективного характера, заключавшихся в ошибочной деятельности правления, но тем не менее ряд фактов является характерным и общим для целого ряда трестов и отраслей промышленности. Острое затруднение с оборотными средствами испытывали и Югосталь и Гомза, а также ряд других трестов.

Выводы.

1. Развитие промышленности в первое полугодие 1925/26 г. полностью подтвердило правильность взятого курса на индустриализацию. ВСНХ удалось осуществить значительное поднятие производства по сравнению с 1924/25 г., в среднем на 35—40%, и начать в широком масштабе техническое переоборудование, дооборудование и новое строительство промышленности.

2. Производственные планы в первом полугодии получили также осуществление почти на 100%. Вместе с этим ВСНХ сделал ряд новых, крайне важных шагов в деле дальнейшего развития и углубления нашей экономической политики. Наиболее важными из них следует считать следующие: а) поднятие производительности труда с одновременным увеличением реальной заработной платы; б) борьбу за режим экономии; в) кампанию по снижению себестоимости в производстве; г) борьбу за снижение розничных цен; д) урегулирование положения специалистов. В итоге можно установить несомненное улучшение положения в деле управления промышленностью.

3. Наряду с этими крупными положительными достижениями приходится констатировать ряд недочетов, которые в дальнейшем должны быть устранены.

Прежде всего крайнее запаздывание составления финансово-производственных программ 1925/26 г., а также ошибки в методах составления этих программ, выразившиеся в недоучете технических и коммерческих возможностей проведения финансово-производственных программ промышленности в жизнь, требуют со стороны ВСНХ принятия мер к своевременной проработке и представлению финансово-производственных программ на 1926/27 год.

При построении финансово-производственных программ необходимо учесть обязательное оставление резервов в смысле сырья, топ-

лива, полуфабрикатов, которые обеспечили бы бесперебойность производства. Необходимо также принимать во внимание так называемые «узкие» места с технической стороны в производстве, учитывать коммерческую сторону дела не только при составлении эксплоатационных финансово-производственных программ, но и при разработке планов капитального строительства. Затем сосредоточить внимание на повышении технической организации производства, на устранении непроизводительных и нецелесообразных трат в производстве, на установлении согласованности процессов снабжения, на установлении контроля за точным выполнением заказов и за согласованием отдельных процессов в производстве как на отдельных предприятиях, так и в трестах.

4. Приходится констатировать, что Высший совет народного хозяйства в недостаточной степени обеспечивал необходимыми материалами кустарную промышленность согласно договорам, заключенным Всекопромсоюзом.

Необходимо, чтобы ВСНХ в будущем точно выполнял заключаемые договоры с кустарной промышленностью.

5. Надо обратить особое внимание на работу по стандартизации в промышленности, для чего целесообразно поручить Комитету по стандартизации при Совете труда и обороны разработать необходимые меры, которые обеспечивали бы улучшение работы по стандартизации в ВСНХ.

6. Приходится констатировать крайне напряженное положение с оборотным капиталом в промышленности, снижение запасов сырья и топлива, накопление незавершенного производства. Указанное перенапряжение оборотного капитала явилось, с одной стороны, результатом сильного роста производства, с другой стороны — следствием неправильного распределения оборотных средств предприятиями и трестами.

Необходимо, чтобы ВСНХ дал директивы предприятиям и трестам о необходимости более правильного распределения оборотных средств.

7. В области финансовой промышленность к концу первого полугодия 1925/26 г. находилась в крайне тяжелом состоянии, что характеризовалось задержкой выдачи зарплаты, уменьшением текущих счетов в банках, усиленной вексельной эмиссией и, наконец, в отдельных случаях неспособностью покрыть свои вексельные обязательства. Одной из основных причин тяжелого финансового положения явилось недостаточное обеспечение промышленности долгосрочным кредитом.

Следует поручить ВСНХ, НКФ и Госбанку разработать вопрос об организации долгосрочного кредита для промышленности.

8. Наконец надо признать одной из важнейших задач для промышленности снижение себестоимости производства, что возможно достигнуть как более рациональной постановкой производства, так и повышением производительности труда.

9. В области улучшения управления промышленностью надо признать целесообразным: а) переход предприятий, входящих в тресты, на хозрасчет, но с тем, однако, чтобы единство трестов было сохранено; б) принять план реорганизации ВСНХ, предложенный президиумом ВСНХ, с тем условием, чтобы в результате этой реорганизации, наряду с достижениями в области техники управления, было проведено удешевление аппарата.

IV. Индустриализация.

В настоящий момент мы можем уже судить о размерах дальнейшего развития индустриализации в 1926/27 хозяйственном году. Контрольные цифры Госплана в этом отношении представляют большой интерес. С одной стороны, они дают проверку опыта прошлого года, и мы имеем возможность сказать, правильны ли и насколько были наши прошлогодние расчеты о размерах и темпе индустриализации. А с другой стороны — они дают расчет на предстоящий год, который является первым годом, когда наше хозяйство в общем итоге идет в смысле продукции выше довоенного уровня и когда реорганизация нашей технической базы получает первенствующее значение.

Правда, эти расчеты не являются окончательными и по многим статьям нуждаются в критических замечаниях. Достаточно указать на постановление СНК и СТО от 8 сентября, заключающее в числе прочих директив указания Госплану об еще большем увеличении ассигнований на капитальные затраты и рост легкой продукции. И все же на основании данных контрольных цифр мы вполне можем притти к ряду заключений как для настоящего времени, так и для ближайшего периода.

Индустриализация, в общем понимании этого слова, заключается в изменении технической основы и организации труда во всем народном хозяйстве в смысле перехода его на крупное машинное производство как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Но для ближайшего периода в условиях СССР индустриализация находит

свое выражение прежде всего в увеличении удельного веса промышленности в нашем народном хозяйстве (изживание диспропорции) и в технической реконструкции промышленности: в обновлении оборудования и в строительстве новых заводов и фабрик.

Конкретные данные показывают, что в этом смысле индустриализация делает несомненные успехи. По данным Госплана рост товарных масс сельскохозяйственной и промышленной продукции за последние годы в процентах к 1923/24 г. выражается следующими числами:

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Сельскохозяйственной (за исключением госуд. и кооперативной)	100	117,2	139,8	150,9
Промышленной цензовой (безакц.)	100	173,3	236,1	270,3

Таким образом мы видим, что рост товарной массы промышленности идет значительно более быстрым темпом, чем рост товарной массы сельскохозяйственной. Удельный вес той и другой товарной массы в общей товарной массе изменялся так:

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Сельскохозяйственная . .	54,7	45,0	41,7	40,3
Промышленная (безакц.).	45,3	55,0	58,3	59,7

Эти цифровые данные показывают, насколько неправильными и ошибочными являются заявления тех, кто старается всякими способами опорочить процесс индустриализации, происходящий в нашей стране. Даже крайне осторожные расчеты т. Смилги полностью выявляют этот процесс. Но, конечно, следует заметить, что в наступающем году платежеспособный спрос деревни возрастет довольно значительно по сравнению с прошлым годом и превысит то предложение товаров, которое мы можем дать для нее. С этим обстоятельством нам очень серьезно придется считаться при проведении нашей политики на внутреннем рынке.

Интересны данные, также показывающие темп роста числа лиц, занятых в промышленности, транспорте, торговле и строительстве, с одной стороны, и в сельском хозяйстве — с другой. Если мы возьмем 1913 г. за 100, то в сельском хозяйстве число лиц было в 1923/24 г.

102,3%, а в 1926/27 г. приблизительно около 110,3%, т. е. увеличение по сравнению с 1923/24 г. на 8%; число же лиц, занятых в промышленности, транспорте, торговле и строительстве, было 60,9% по сравнению с 1913 г. и 83,3% в 1926/27 г., т. е. увеличение на 22,4%, т. е. более быстрый темп, чем в сельском хозяйстве, но, однако, по своим абсолютным размерам количество лиц, занятых в этой области, ниже довоенного. Так обстоит дело с ростом удельного веса промышленности.

Как же идет у нас реорганизация техники? Наши расчеты 1925/26 г., несмотря на неоднократное сокращение (начали с 1 020 млн. руб. и спустились до 820 млн. руб.), по своему фактическому осуществлению оказались меньше и выразились в 750—780 млн. руб. Следует заметить, что выполнение капитального строительства у нас было связано с довольно сильным финансовым и техническим напряжением в промышленности, но вместе с тем опыт 1925/26 г. все же полностью доказал правильность расчетов, и, несмотря на крупнейшие затраты в капитальное строительство, достигшие, как мы видим, почти 800 млн. руб., мы в общем и целом закончили 1925/26 г. без срывов и крупных задержек. На 1926/27 г. затраты на капитальное строительство по Госплану даны в размерах 845 млн. руб., а по расчетам ВСНХ необходимо будет затратить 910 млн. руб. Уточнение этих цифр потребует анализа и более точного установления имеющихся у нас материальных ресурсов и прежде всего и раньше всего импортных возможностей. Но, тем не менее, необходимо установить сейчас некоторые моменты, которые должны быть твердо учтены при принятии того или другого варианта.

Прежде всего, по нашему мнению, весь опыт 1925/26 г. с очевидностью доказывает необходимость оставления в руках президиума ВСНХ некоторого резерва в размере 25—30 млн. руб., с помощью которого он мог бы маневрировать при проведении кампании по капитальному строительству. Во-вторых, необходимо особое внимание обратить на нормальный ход работ по новому строительству.

Новое строительство мы ведем в очень и очень скромных размерах, а, в сущности говоря, реорганизация нашей техники находит свое действительное выражение прежде всего в новом строительстве.

Вне всякого сомнения, удельный вес средств, затрачиваемых на новое строительство, в общей сумме капитальных затрат, должен будет из года в год возрастать.

Только в таком случае мы сможем нашу технику поставить на новые рельсы.

Все это связано с одним крайне важным и существенным вопросом — с качеством нашего капитального строительства. К сожалению, качественного анализа нашей индустриализации мы не находим в книге Госплана, а между тем это существеннейший и важнейший вопрос. Затрачиваемые нами средства на капитальное строительство, особенно на новые предприятия, на долгие годы определяют характер развития наших производительных сил. Мы не только меняем количественно нашу технику, но и качественно, используя для этого последние достижения мировой науки. Проблема электрификации, поставленная в свое время т. Лениным, и практическое осуществление электрификации имеют огромное значение именно с этой стороны. Поэтому анализ качества капитального строительства во всех областях нашего хозяйства должен быть произведен с сугубым вниманием.

Таким образом в 1926/27 г. мы делаем дальнейший серьезный шаг по пути индустриализации, осуществляя те директивы, которые были приняты нашим последним съездом.

2. О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СТРАНЕ [1].

В своем развитии СССР вступает в новый, крайне важный и крайне ответственный период социалистического строительства, и на пороге этого нового периода мы снова слышим голоса озлобленной критики, сомнения и недоверия, которые несутся и со стороны наших врагов, но слышатся и от небольшой группы наших товарищей из оппозиции. Правда, за эти годы мы привыкли слышать со стороны наших противников озлобленную критику и привыкли вместе с этим видеть их постоянные «просчеты»: «просчитались» они вначале, когда не поняли классового характера великого октябрьского переворота, «просчитались» они в гражданской войне, «просчитались», наконец, на расчетах нашей неспособности восстановить хозяйство. Поэтому, прислушиваясь, изучая то, что говорят наши враги (это всегда полезно делать), мы все-таки сейчас не будем заниматься опровержением их критики относительно настоящего положения и перспектив развития СССР.

Но мы считаем необходимым остановиться на тех пессимистических заявлениях, которые раздаются со стороны некоторых товари-

[1]) Настоящая статья написана до XV партконференции. Выступления на конференции полностью подтвердили те выводы, которые здесь сделаны. Выступления оппозиции по этому вопросу лишь еще больше подчеркнули ее ошибки и скатывание к реформизму.

щей из нашей же среды, короче говоря — со стороны оппозиции. Колебания эти не являются случайностью, но являются выражением, с одной стороны, трудностей наступающего периода, и с другой — ошибочных направлений, по которым могла бы пойти наша деятельность, если бы в какой-нибудь степени, сколько-нибудь и в какой-нибудь мере эти мнения и заявления оппозиции получили значение. Действительно, оценка характера и задач нашего строительства во всем его объеме имеет основное значение для определения направления нашей партийной, советской, профессиональной, кооперативной и т. п. деятельности, для определения вообще нашей политики и тактики.

Кончается первое десятилетие диктатуры пролетариата «в одной стране», и вполне естественно пересмотреть и взвесить то, что мы имеем в области изменения основ и форм нашего общественного развития и, в первую очередь, в области экономики. Неправильная оценка и определение классовых взаимоотношений и взаимоотношений различных форм могут привести к такого рода последствиям, выход из которых был бы до крайности затруднителен.

Мы совершили социалистическую революцию, мы произвели национализацию земли, транспорта и предприятий, провели определенную политику в области кооперативного строительства в смысле придания кооперации в деревне первенствующего значения, создали особый аппарат хозяйственного и государственного управления.

Это строительство на протяжении всех этих лет рассматривалось — и вполне законно рассматривалось — как строительство социалистическое, как строительство социализма. *Наша система противостояла окружающему капиталистическому миру.*

Само собой разумеется, всем известны те трудности и те недостатки, которые мы имели и которые мы имеем. В различных областях нашей общественной жизни нам приходилось преодолевать величайшие затруднения, которые являлись результатом, с одной стороны, исторического наследства, с другой стороны — *нашей собственной организаторской неумелости* и, с третьей стороны — результатом борьбы с нами капиталистического окружения, включая сюда и ту борьбу, которую вел II Интернационал, стоявший все время на стороне буржуазии.

И вот в настоящий переломный момент раздаются голоса, которые предлагают, а иногда и требуют *пересмотра* всей оценки нашего строительства и вообще самой возможности построения социализма в одной стране, в окружении капиталистического мира.

Правда, сразу же следует заметить, что все заявления оппозиции в этом отношении не носят каких бы то ни было положительного характера выводов, т. е. в том смысле, что если они приходят к заключению, что социализм осуществлять в одной стране нельзя, то что же они предлагают? В общем и целом, кроме критики, кроме довольно-таки беспомощных заявлений относительно того, что социализм в одной стране построить нельзя, мы не находим ни у одного из оппозиционеров сколько-нибудь связной мысли относительно общей оценки того строительства, которое у нас происходит. Но отдельные товарищи из оппозиции, как, например, тт. Пятаков, Преображенский, Зиновьев и др., в отношении отдельных практических шагов уже сбиваются на методы, которые присущи переведению социалистической политики в области экономики на иной путь, на путь мелкобуржуазной экономики. В этом отношении оценка т. Преображенским развития деревни, как происходящего в направлении капиталистического развития, предложение тт. Зиновьева и Преображенского относительно крестьянства исключительно как объекта обложения, переоценка роли и значения кулака, предложение т. Пятакова усилить частный сектор в товарообороте — все это является уже показанием того, что от ошибочной общей оценки делаются неверные выводы и относительно практической политики. Так связывается одно звено с другим. Характерным является то, что с подобного рода мнениями и настроениями мы сталкиваемся как раз на поворотном пункте нашей истории, когда нам предстоят реконструкция и реорганизация нашей техники, когда мы приступаем в расширенных размерах к новому строительству новых фабрик и заводов, когда мы действительно делаем новые шаги в области строительства социализма — в этот период начинаются колебания и пессимистические заявления, *которые опасны со стороны могущей быть дезориентации и дезорганизации наших сил в один из наиболее ответственных моментов нашего исторического развития, когда необходимо полное единодушие, полная сплоченность, полное напряжение энергии для разрешения тех огромнейшего значения задач, которые встали перед страной.* С этой точки зрения общий анализ, общее рассмотрение того, что сделано, и того, что мы имеем в области прежде всего экономики, дает возможность парализовать вредное влияние этих дезорганизующих и дезориентирующих мнений и настроений, так

как практическая жизнь, фактические данные являются лучшим ответом на поставленный вопрос: осуществляется ли у нас социалистическое строительство, происходит ли у нас строительство социализма или нет.

Хозяйство СССР, как известно, заканчивает первое десятилетие своего развития. Исторический срок небольшой, но дающий возможность оценки этого развития. Первый вывод, который мы можем сделать, заключается в том, что страна, перенесшая империалистическую войну, две революции, гражданскую войну, сумела в течение последних 5 лет достигнуть довоенного уровня в смысле размеров сельскохозяйственной и промышленной продукции, причем темп экономического развития последних лет значительно обогнал темп развития окружающих капиталистических стран. В этом отношении те данные, которые мы имеем, показывают, что только диктатура пролетариата дала возможность получить эти результаты в такой короткий срок. Это, несомненно, огромное достижение, разрушившее не только надежды наших врагов, что мы не сумеем справиться с восстановлением производства, но даже и расчеты, например, Госплана, первоначально предполагавшего более длительный срок развития производства до довоенного уровня.

Заканчивая так называемый «восстановительный период», хозяйство СССР вступает в новый период, который может быть назван периодом реконструкции всего хозяйства на новой технической базе. Основной капитал, доставшийся нам в наследие от капитализма, загружен почти на 100%, — по крайней мере в основных отраслях хозяйства. Вместе с этим мы должны констатировать, несомненно, техническую отсталость нашего хозяйства, доставшуюся нам в наследие от прошлого. Поэтому перед нами стоит огромнейшей важности задача обновления нашей техники на основах последних достижений мировой науки, обновления наших предприятий новым оборудованием и постройкой новых заводов и фабрик, путей сообщения, средств передвижения и т. п. Это — колоссальной важности задача, которая определяет развитие на многие и многие годы вперед. Подведение новой технической базы под наше хозяйство требует величайшего внимания и использования всех сил и средств для ее разрешения, так как ошибки, которые могут проистечь в процессе этого строительства, будут иметь своим последствием затруднения и в будущем.

Поэтому использование современных научных достижений, мобилизация сил специалистов для разрешения этой задачи, детальное взвешивание с различных сторон развития этого строительства — технической, коммерческой и организационной — со стороны наших хозяйственных органов и твердая, неуклонная политика в этом направлении в разрешении указанных задач — вот что требуется в наступающем хозяйственном периоде. Но само собой разумеется, что в процессе этого развития мы должны выдвинуть наиболее важные опорные пункты в нашем социалистическом строительстве.

Основной задачей, поставленной партией и советской властью, является прежде всего индустриализация страны, так как недостаточный удельный вес нашей промышленности в нашем хозяйстве является самым существенным недостатком. Поэтому развитие промышленности, обновление техники промышленности, постройка новых предприятий в промышленности являются задачей первенствующего значения, на разрешение которой должны быть брошены все наши силы и средства: в разрешении этой задачи заинтересованы как рабочие, так и крестьянские массы. К разрешению этой задачи должны быть привлечены средства всей страны — города и деревни. Но и в сельском хозяйстве необходимо производить улучшение сельскохозяйственной техники. Особенное внимание приходится обратить на вопрос механизации сельского хозяйства, введения и улучшения технических и сельскохозяйственных культур, особенно хлопка, льна, пеньки и т. п., на лучшую организацию местной промышленности, обрабатывающей и перерабатывающей сельскохозяйственное сырье. Вот те задачи, которые встают перед нами. Уже за последние годы мы можем констатировать, что индустриализация в стране сделала несомненные успехи, и удельный вес промышленности, темп ее развития идет быстрее по сравнению с другими отраслями хозяйства. В настоящее время стали общеизвестными цифры Госплана по этому вопросу. По этим данным мы можем судить, каким образом развивается индустриализация страны. Так, если принять 1923/24 г. за 100, то рост товарной массы сельского хозяйства в 1924/25 г. был — 117,2, в 1925/26 г. — 139,8, в 1926/27 г. — 150,9. В то же время промышленность росла. Если взять 1923/24 г. за 100, то в 1924/25 г. — 173,3, в 1925/26 г. — 236,1 и в 1926/27 г. — 270,3. Удельный вес товарной массы в общей товарной массе изменился следующим образом. Сельскохозяйственная в 1923/24 г. составляла 54,7%, а промышленная — всего лишь 45,3%, но уже в 1924/25 г. эта пропорция изменяется: сельскохозяйственная составляет 45%, промышленная — 55%;

в 1925/26 г. сельскохозяйственная — 41,7%, промышленная — 58,3%; в 1926/27 г. сельскохозяйственная — 40,3%, промышленная — 59,7%. В последние годы восстановительного периода мы видели, что промышленность развивалась необычайно быстрым темпом. 1926/27 год, когда мы приступаем к реконструкции нашего хозяйства, когда мы сможем получить нарастание на базе новой техники, означает неизбежное замедление, и, например, в 1926/27 г. по сравнению с 1925/26 г. нарастание продукции промышленности будет измеряться 15—20%. Правда, этот процент значительно, в несколько раз превышает процент нарастания промышленной продукции в дореволюционное время и в окружающих нас капиталистических странах, но тем не менее мы должны все же констатировать вполне определенное и неизбежное замедление нарастающей продукции. Этот процесс замедления может быть изменен в сторону ускорения только вступлением в производство новых предприятий, обновлением и рационализацией нашей техники. «Крупная машинная промышленность, перенесение ее в земледелие есть единственная экономическая база, база социализма». Так говорил т. Ленин (см. письмо III Всероссийскому съезду электротехников). И вот именно в этот период встает вопрос о том: каким образом нам обеспечить дальнейшее развитие социалистических форм хозяйства. Как известно, еще т. Ленин, анализируя формы хозяйства в СССР, указал, что у нас имеются следующие пять основных форм хозяйства: во-первых, патриархальная, т. е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство; во-вторых, мелкое товарное производство, — сюда относится большинство крестьян из тех, которые продают хлеб; в-третьих, частнохозяйственный капитализм; в-четвертых, государственный капитализм и, в-пятых, социализм. И вот в наступающий период для нас особенно важно обеспечить дальнейшее развитие и укрепление социалистических форм хозяйства.

Вместе с этим анализ взаимоотношений отдельных форм хозяйства в нашей стране дает и ответ на поставленный нами вопрос: *строим ли мы социализм и укрепляется ли социалистическое наше строительство за счет частнохозяйственных капиталистических форм*. Иначе говоря, чтобы определить, строим ли мы социализм или нет, мы должны ответить на вопрос: *побеждает ли у нас в процессе развития в городе и в деревне социалистический сектор нашего хозяйства, или же побеждает частный сектор*. Это основное. Если мы на этот вопрос, на основании фактических

данных, имеем положительный ответ, то это будет ответ — не на словах, а на деле: строим ли мы социализм, или нет. А раз мы получим ответ, что да, строим, то и вопрос о том, возможен ли социализм в одной стране, отпадает сам собой, так как, к сожалению, мы не имеем еще другой стороны, где была бы диктатура пролетариата и где бы шло строительство социализма. Страной диктатуры пролетариата пока еще является только СССР, и этим обусловливается положение, что приходится строить социализм пока еще только в одной стране.

Основой социалистических форм нашего хозяйства в СССР является прежде всего национализированная промышленность. Наша госпромышленность, наши национализированные предприятия являются, по характеристике т. Ленина, последовательно социалистическими. Нужно заметить, что перед XIV партийным съездом некоторыми товарищами из оппозиции была сделана попытка оспорить это положение и определить нашу промышленность как подходящую под понятие государственного капитализма. Этим самым, вне всякого сомнения, извращалось сразу же и понятие госкапитализма и понятие нашей национализированной промышленности и системы хозяйственного управления. Эта попытка извратить понимание характера нашей госпромышленности, основ ее организации была с легкостью отбита, и сама оппозиция не настаивала на этом определении и даже старалась всячески замаскировать свое отступление тем, что она будто бы говорила не о характере промышленности, а о некоторых методах и способах функционирования промышленности. И вот, обращаясь к нашей государственной промышленности, являющейся основной социалистической формой нашего хозяйства, мы должны сказать, что ее роль по отношению к частным формам в промышленности настолько преобладающая, что о частных формах по существу почти не приходится говорить. Национализированная промышленность дает в 1925/26 г. до 96% всей промышленной продукции, в то время как продукция частно-промышленная измеряется всего лишь 4%. *Крупная национализированная промышленность играет ведущую, руководящую роль в нашем хозяйстве.* Это объясняется структурой промышленности, ее более высоким строением по сравнению с сельским хозяйством. Как мы видели выше, темп развития промышленности в значительной части превышает темп развития других отраслей народного хозяйства. Поэтому мы можем с полным правом сказать, что эта основная социали-

стическая форма нашего хозяйства является руководящей формой в нашем народном хозяйстве, направляющей его развитие.

Следующей основной социалистической формой нашего хозяйства является кооперация. Особенно важна ее роль в деревне, так как крестьянская масса к социализму идет через кооперацию в условиях диктатуры пролетариата. Именно кооперация (включая, конечно, в кооперацию коллективные формы сельского хозяйства: коммуны и товарищества) является социалистической формой и, как таковая, ведет борьбу с частными формами хозяйства в области производства и обмена. В своих последних статьях о кооперации т. Ленин писал (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 129, 130 и 133): «Власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь, при нэпе также, — разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения». Таким образом т. Ленин рассматривал кооперацию как именно форму социалистического строительства общества в условиях диктатуры пролетариата. Этого не следует забывать тем, кто сейчас стремится ревизовать ленинизм и в этом отношении. Действительно, кооперация у нас противостоит частным формам хозяйства в области товарооборота и в области сельскохозяйственного производства. Строительство социализма проводится в условиях диктатуры пролетариата не только пролетариатом, но и крестьянством. Когда-то т. Зиновьев очень хорошо говорил о большевизме, открывшем роль крестьянства в социалистической революции. Но роль крестьянства большевизм открыл не только в социалистической революции, но и в деле социалистического строительства. Сделано это опять-таки не кем иным, как т. Лениным. «Одно дело, — говорит он, — фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело — научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь». Вот что следует помнить каждому противнику строительства социализма в одной стране. Люди, утверждающие

противное, или не читали или забыли Ленина, или же стараются извратить все, что говорил Ленин. «Кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом, — поясняя свою мысль, говорит он дальше. — В чем состоит фантастичность плана старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплоататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошную фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир). Несомненно, что, с точки зрения основных задач современности, мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен. Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплоататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплоататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса. Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Вот как ставил т. Ленин вопрос о кооперации и о строительстве социализма в *нашей стране*. Он ставил этот вопрос еще в 1923 г., когда наша кооперация была неизмеримо слабее, чем она есть в настоящее время, когда мы, по его словам, «пользуемся ею непомерно мало». И действительно, достаточно привести несколько данных, чтобы увидеть, насколько прав был т. Ленин, определяя кооперацию как социалистическую форму и придавая ей такое огромное значение. Экономическое развитие последних годов с несомненностью показало, что кооперация *призвана играть главенствующую роль в области товарооборота*, что именно она является той формой, которая организует у нас товарообмен и в рамках которой возможно и должно улучшать, рационализировать, приближать ко все более и более совершенным формам обмена средства в нашем обществе на новых началах. Цифровые данные показывают нам следующий рост кооперации и госторговли за последние годы:

в рознице в 1923/24 г. преобладающую роль играл частный капитал (частный торговец, лавочник и т. п.); на его долю приходилось 59,2% из товарооборота, а государственному и кооперативному принадлежало 40,8%. В 1924/25 г. уже обобществленный сектор занял преобладающую роль — на его долю приходится 56,2% и на долю частного — 43,8%. В 1925/26 г. частный сектор упал еще больше — до 30,4%, в то время как обобществленный сектор еще вырос. В области оптовой торговли частному сектору принадлежала совершенно незначительная роль, и уже в 1924/25 г. его удельный вес в опте упал до 9,3%. Вместе с этим мы видим непрерывный рост кооперации. Потребительская кооперация насчитывает уже 11 млн. членов (в 1925/26 г.), и сельскохозяйственная охватывает до 30% всех крестьянских дворов. Конечно, это все же очень и очень недостаточно. Конечно, кооперация имеет еще тысячи недостатков, но тем не менее из этих данных мы видим все же, что социалистические формы хозяйства у нас — и в городе, и в деревне, и в области промышленного производства, и в области товарооборота — играют руководящую роль. Только в области сельскохозяйственного производства коллективные формы сельскохозяйственного производства играют незначительную роль, что является вполне понятным, так как реорганизация 24 млн. крестьянских дворов на новых производственных началах требует длительного срока и реорганизации сельскохозяйственной техники. Все эти данные показывают, что у нас социалистическое строительство идет и в городе и в деревне и что совершенно нелепым, неправильным является утверждение некоторых заграничных оппозиционеров, вроде Корша, или вроде Вебера и Урбанса, которые говорят, что у нас капиталистические тенденции усиливаются, и даже имеют смелость утверждать, но не имея фактов, — факты заменяются смелостью, — что у нас имеют «перевес» капиталистические формы. В этом отношении и Корш, и Урбанс, и Вебер идут по стопам ренегата Каутского, являющегося злейшим врагом СССР и пишущего аналогичные измышления. Эти клеветнические измышления не основаны ни на каких фактических данных и служат лишь определенным целям и задачам борьбы против СССР. Социалистическое строительство идет вперед, хотя ему, как видим, не только приходится преодолевать внешние трудности, но и трудности внутреннего порядка.

Признание факта возможности строительства социализма в одной стране отнюдь и ни в малейшей степени не только не должно, но и не может отразиться на необходимости дальнейшего развития и углу-

бления мировой революции и на борьбе за победу пролетариата в других странах и в мировом масштабе. Больше того, именно строительство социализма в той стране, где пролетариат победил, является доказательством необходимости и возможности дальнейшего развития мировой социалистической революции. Кто этого не понимает, тот по существу не только отрицает возможность строительства социализма в одной стране, но и возможность дальнейшего развития социалистической революции, тот, по существу, может быть, бессознательно переходит на точку зрения реформизма. Нужно все предательство Корша и других ренегатов коммунизма, чтобы так извращенно представлять дело строительства социализма в одной стране, как это они делают, указывая на то, что это лишь прикрытие «узко-национальных» интересов «национал-большевизма». Цену этого извращения Корша мы теперь знаем во всех отношениях. Помимо всего прочего им сделано это в целях прикрытия своего ренегатства и перебежничества в лагерь врагов коммунизма, врагов СССР. Корш, никогда не бывший марксистом и ленинцем, насквозь пропитанный мелкобуржуазной идеологией, не мог иначе кончить, как изменой коммунизму.

Но, к сожалению, мы видим в корне ошибочную постановку не только у предателя Корша, но и у таких германских коммунистов (принадлежащих, правда, к оппозиции), как Вебер и Урбанс. Когда они, например, пишут в своей брошюре, что «за 5 лет существования нэпа перевес частного капитала, а также мощь вновь возникающей городской, а в первую голову сельской буржуазии значительно возросли», то они не только неправильно, как мы видим, излагают дело, но и извращают его вполне сознательно и, подобного рода постановкой дела поддерживая врагов коммунизма, повторяют по существу не только то, что говорят разные представители мелкобуржуазных партий, но и представители настоящей буржуазии, которая твердо верит в победу законов капиталистического развития. К сожалению, неправильную позицию в этом вопросе заняли не только Вебер и Урбанс, но и тт. Каменев, Радек, Сокольников и др. товарищи из оппозиции.

Тов. Каменев в своей статье о ленинизме, напечатанной в энциклопедическом словаре Граната, говорит следующее, излагая будто бы взгляды Ленина: «Мы должны начать, но окончательно победить социализм может только на пространстве ряда капиталистических, промышленных стран. По этому учению Ленина не существует

теории о победе социализма в одной стране, а есть теория о том, что где бы ни началась пролетарская революция, она только тогда придет к окончательной победе, когда сумеет в свой водоворот захватить целый ряд стран». Здесь т. Каменев, как мы видим, совершенно неправильно излагает Ленина. Вот что писал т. Ленин еще в 1915 г.: «Неравномерность экономического и политического развития есть, безусловно, закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально не во многих и даже в одной отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остальных капиталистических стран, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистического строя, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» [1]. Больше того, как раз именно т. Ленин предвидел возможность оппортунистического толкования невозможности победы социализма в одной стране. Поэтому — на что следует обратить особое внимание — он следующим образом оговаривает в цитированной выше статье о лозунге «Соединенных штатов Европы», что «как самостоятельный лозунг лозунг «Соединенных штатов мира» был бы едва ли правилен — во-первых, потому что он сливается с социализмом, во-вторых — потому что он мог бы вызвать неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным». Выше мы уже приводили цитаты из последних статей Ленина о кооперации о том, что именно в СССР он считает и должным, и необходимым, и возможным в условиях диктатуры пролетариата построение социализма. Таким образом только извращением ленинизма, только становлением на путь оппортунизма и реформизма можно объяснить это отрицание возможности строительства социализма в одной стране.

Действительно ведь факт построения социализма даже в одной стране служит сам по себе объективным фактором развития революции в других странах; ведь построение социализма в одной стране оформляет классовую борьбу рабочего класса в других странах. Это строитель-

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 133.

ство на деле показывает возможность и преимущества социалистической системы даже в одной стране, даже в отсталой стране, даже в начальных первичных формах — преимущества над капиталистической системой. Имеем ли мы в этом отношении проверку? Имеем. Прежде всего на это указывают те многочисленные рабочие делегации, какие приезжали к нам сюда из капиталистических стран в СССР. К каким выводам они приходят?

Вот что пишет, например, председатель германской делегации Фрейбергер, побывавший в 1925 г. в СССР: «Нам, германской рабочей делегации, совершенно ясно, что смертельная ненависть, которую питает буржуазия против советской власти, никогда не ослабнет. Мы прекрасно понимаем их стремление сокрушить рабоче-крестьянское правительство, ибо Советская Россия с ее настоящей политической системой, как рабочее правительство, является серьезной помехой в мировом капиталистическом хозяйстве» (речь Фрейбергера на пленуме мюнхенских фабзавкомов 9 сентября 1925 г.).

А вот что заявляет французский делегат: «Мы, рабочие.., хотим все увидеть своими глазами и затем, вернувшись домой, принести правду об СССР в самую гущу рабочих масс, — тогда легче осуществить единство и бороться за свержение капитализма во всем мире».

А вот что пишет в своем обращении чехо-словацкая делегация (см. «Труд» от 7 ноября 1925 г.): «Хозяйственная жизнь в Советском Союзе развивается неудержимым темпом, и вместе с тем растет и благосостояние трудящихся. Возникает вопрос: является ли советское хозяйство уже социалистическим хозяйством? Оно еще не является полностью таковым, хотя многие отрасли уже в значительной степени приблизились к социалистическому хозяйству. В общем и целом настоящее советское хозяйство является переходной ступенью к чисто социалистическому планомерному хозяйству».

«Рабоче-крестьянская Россия является явной противоположностью капиталистическим странам, идущим на убыль» (шведская делегация, «Труд» от 22 июня 1925 г.).

«Вы на деле доказали, что пролетариат может строить социалистическое хозяйство» (заявление с.-д. Эйдгорна).

«Хотя революция была русская, но Союз не является таковым. Союз по своей идее — интернациональное учреждение» (из отчета делегации британских тред-юнионов в 1924 г., стр. 38).

Все эти заявления сделаны отнюдь не коммунистами: они сделаны рабочими, или беспартийными, или даже принадлежащими к социал-демократии, и они служат доказательством того, как влияет

строительство социализма в одной стране на рабочих других стран. Пусть товарищи из оппозиции попробуют опровергнуть это. Но помимо этих документальных свидетельств мы имеем и другого рода не менее яркие фактические доказательства поддержки пролетариатом других стран СССР. В трудные моменты столкновений с капиталистическим миром мы всегда чувствовали эту поддержку в Англии, в Германии, во Франции и в других странах. И нужно быть поистине легкомысленными людьми или в пылу фракционной борьбы забывать наши основные положения, чтобы сходить с этого пути строительства социализма и начинать в унисон с нашими противниками или подсмеиваться над этим строительством, или, закрывши глаза, отрицать его. И когда товарищи из оппозиции, потерявши правильное направление в этом вопросе, беспомощно запутываются в возникающих противоречиях, то поистине становится жалко на них смотреть!

Наши противники забывают еще одно крайне существенное обстоятельство, а именно: объективный ход экономического развития делает неизбежным и ведет именно к социалистическому строительству в условиях диктатуры пролетариата в любой стране, даже при том условии, что социалистическая революция еще не успела победить в других странах.

Усиление и укрепление обобществленного сектора нашего хозяйства определяются законами развития техники и законами организации труда. Это забывают, ничтоже сумняшеся, наши противники. Пускай они попробуют доказать, по какому пути может развиваться наше хозяйство в условиях диктатуры пролетариата. Только такие ренегаты, как Каутский и Корш, которые вообще отрицают диктатуру пролетариата в СССР, логически приходят к выводу относительно капиталистического характера нашего развития. Но ведь товарищи из оппозиции и ультра-левые в германской оппозиции не становятся на этот путь? А если так, то в условиях диктатуры пролетариата объективно неизбежно усиление социалистических форм нашего хозяйства, и если мы не наделаем ошибок в нашей экономической политике, то ближайший же период покажет, насколько быстро пойдет развитие именно социалистических форм нашего хозяйства. Вот на это обстоятельство и нужно обратить самое серьезное внимание. Для нас, говорит Ленин, достаточно теперь культурной революции «для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной».

Но, конечно, строительство социализма в одной стране представляет огромные трудности прежде всего потому, что строить приходится именно в одной, а не в нескольких странах, в кольце враждебного капиталистического мира, не упускающего малейшей возможности нанести удар враждебной ему системе. Отсюда трудность и сложность внешних отношений. Но законы экономики сильнее слепой буржуазной ненависти, и выгоды отношений с экономически крепнущей страной заставляют итти на установление с ней экономических взаимоотношений капиталистические страны.

Точно так же в наличности имеются огромные трудности внутреннего порядка. Прежде всего, конечно, основная трудность заключается в умении вовлечения крестьянской массы в дело социалистического строительства. Это является одной из самых трудных и самых основных задач социалистического строительства. В этом отношении всякая ошибка, всякий неправильный поворот нашей экономической политики был бы связан с тяжелыми и хозяйственного и экономического порядка затруднениями.

Точно так же огромные трудности стоят перед нами в области реконструкции нашего хозяйства и улучшения его плановости и проведения всесторонней рационализации управления хозяйством, в особенности в смысле борьбы с бюрократизмом.

Этих трудностей, конечно, мы не должны ни от себя ни от кого бы то ни было скрывать. Чем яснее мы себе будем их представлять, тем легче нам будет с ними бороться и тем легче мы сможем их преодолеть. Но эти трудности требуют точного учета, точного анализа, а не безвольного и бесхарактерного склонения перед ними, как это мы наблюдаем у товарищей из оппозиции. Строительство социализма — дело трудное. Вот что когда-то писал т. Зиновьев в 1919 г. и очень хорошо писал, отвечая ренегату Каутскому: «Что и говорить, рабочему классу очень трудно осуществить социализм в той обстановке, в какую приведена Европа буржуазией и ее лакеями социал-патриотами. Но каков же иной возможный путь по Каутскому?». Так писал т. Зиновьев.

О, да! Рабочему классу и теперь в СССР трудно осуществлять социализм — мы все еще в кольце капиталистических стран. Но каков же иной путь по Зиновьеву? Тов. Зиновьев, не правда ли? — путь остался тот же: «строить и построить социализм!».

3. Мировое хозяйство и мировая политика.

Настоящая фаза исторического развития характеризуется ростом активности и обострением противоречий империалистической политики капиталистических стран. Можно наметить три основных узла, где перекрещивание интересов империалистических держав и открытая борьба в проведении империалистической политики получают особое выдающееся значение.

Прежде всего мы имеем завязавшийся узел грандиозной борьбы на Востоке, начальных стадий которой мы являемся свидетелями. Эта борьба пока концентрируется в Китае, но за ней в перспективе рисуется дальнейшее развертывание борьбы за обладание Тихим океаном, который становится главной дорогой мировой торговли.

В Китае мы имеем фактическую интервенцию, проводимую главнейшими капиталистическими державами с Англией во главе. Захват портов, захват реки Янцзы, борьба против революционного движения, поддержка контрреволюции в Китае — все это служит выявлением открытой воинственной и захватнической политики капиталистических держав. Революционная борьба в Китае направлена прежде всего против империализма, и главными действующими силами являются рабочие, крестьяне, ремесленники и мелкие торговцы; в своем развитии она столкнулась уже с контрреволюционными усилиям и выступлениями крупной китайской буржуазии и помещиков. Предательство Чан Кай-ши явилось внешним выражением отхода буржуазии на этой стадии борьбы против иностранного империализма и перехода ее в лагерь контрреволюции. Эта организация единого фронта империалистических держав против революции в Китае отнюдь, конечно, не устраняет переплетения их интересов, противоречий, борьбы между собой, подсиживания друг друга на территории того же Китая.

Конечно, эта борьба всячески маскируется. Точно так же затушевываются и те истинные стимулы, которые приводят к столкновению интересов капиталистических держав на Востоке; вместе с этим борьба против революции объединяет их между собой.

Главными силами борьбы за свои интересы на Востоке являются Англия, Япония и Америка. В сущности говоря, они и до сих пор являлись конкурентами в смысле проведения захватнической политики и в смысле размеров вложения капиталов в промышленность,

транспорт и в банковские операции Китая. На фоне контрреволюционного выступления в Китае все же явственно проглядывает столкновение интересов этих капиталистических держав между собой, влияющее определенным образом и на их политику.

Все державы являются противниками национального освобождения Китая, но резкая агрессивная, захватническая политика Англии, направленная на закрепление за собой основных стратегических пунктов в Китае, одновременно является угрожающей и в отношении влияния Японии, которая в силу этого ведет более замаскированную борьбу и, помогая северной контрреволюции, не прочь тем или иным способом посодействовать ослаблению Англии, как ее главного конкурента в Центральном Китае. Точно так же политика Соединенных штатов Америки объясняется отнюдь не их миролюбивым отношением к революционному движению китайских трудящихся масс, сбрасывающих с себя иго империализма, но опасением усиления главных соперниц на Тихом океане — Японии и Англии. Интересно заявление американского журналиста Томаса Миллярда («World» от 11 апреля 1927 г.), жившего в Китае в продолжение последних 20 лет: «Совершенно ясно, что в настоящее время ведется пропаганда и пущены в ход сильные влияния в пользу военной оккупации Китая и карательной экспедиции. Основной план заключается в захвате контроля над долиной реки Янцзы до Ханькоу и дальше, включая столицу провинции Хунань (являющуюся центром крайнего анти-иностранного движения) и некоторые порты с тем, чтобы оккупировать их до выплаты контрибуции и установления условий, обеспечивающих защиту иностранных интересов. Выработаны два плана интервенции: первый план предусматривает частичную оккупацию, о которой говорилось выше; по второму плану предполагается полная оккупация всей страны, что означает захват правительственной власти, разоружение всех китайских войск и восстановление порядка во всей стране.

Употребляются большие дипломатические усилия для привлечения Америки к осуществлению этого плана. Если он окажется неосуществимым, остается изолировать Вашингтон и действовать совместно Англии, Японии, Франции и Италии. Американские консульства прилагают все усилия к тому, чтобы убедить Вашингтон присоединиться к единому фронту держав. В своих донесениях они, с целью подготовки общественного мнения Соединенных штатов, намеренно муссируют ужасающие подробности нападения на иностранцев».

Империалистическая захватническая политика на Востоке выступает перед всем миром во вполне оголенной форме, и даже руководители этой политики не находят форм и слов для прикрытия их своекорыстных грабительских интересов, которыми они руководятся, нападая на рабоче-крестьянские массы Китая.

Второй узел империалистической политики, перешедший также уже в форму вооруженной борьбы, — в Америке. Северо-американские соединенные штаты ведут сейчас наступление не только на Китай, но и на Центральную и Южную Америку. Интервенция в Никарагуа, повидимому, является лишь ступенькой для дальнейшего продвижения на юг и подчинения себе не только экономически, но и политически ряда южно-американских республик. Нужно заметить, что Соединенные штаты за последние годы усиленнейшим образом инвестировали капитал в Латинскую Америку. Отличительная черта здесь заключается в том, что на этом пути развития своей захватнической политики Соединенные штаты не встречают серьезного сопротивления со стороны других капиталистических стран, хотя эта захватническая политика в результате приводит к усилению Соединенных штатов по сравнению с Англией и Францией на мировом рынке. Президент Кулидж открыто заявил: «Многочисленные американцы, живущие в Никарагуа в продолжение многих лет, содействовали ее промышленному развитию. В настоящее время крупные капиталы инвестированы ими в деревообделочную и горную промышленность, культуры бананов и кофе, пароходство и различные торговые предприятия... Политика Соединенных штатов в таких случаях (здесь подразумеваются события в Никарагуа) как прежде, так и теперь требовала принятия мер к защите личности, имущества и интересов как своих граждан, так и правительственных. В этом отношении я предполагаю следовать примеру своих предшественников». А комиссия, назначенная сенатом для обследования положения в Никарагуа после высадки американских войск в порте Кабезас, приводит неопровержимые доказательства того, что департамент внутренних дел, посылая войска в Никарагуа, выполнял директивы банкиров: «Департамент внутренних дел по вопросу о Никарагуа шел рука об руку с банкирами», — гласил один из параграфов отчета («Daily Worker» от 4 января 1927 г.).

Наконец, третий политический узел, где обострение политики капиталистических стран — хотя и не получило еще ярко выраженных форм — в скрытой форме представляет уже несомненную угрозу — это Балканы, т. е. то самое место, где под-

несена была спичка для взрыва мировой войны в 1914 г. Конкуренция и борьба Англии, Франции и Италии в смысле закрепления своего влияния в той или иной стране Балканского полуострова достигли значительных размеров. Стремление Италии стать монополисткой на Адриатическом море приводит к борьбе ее против Югославии и Франции. Поэтому мы наблюдаем совершенно недвусмысленное обострение отношений между Францией и Италией. Этот пункт столкновения интересов крупных капиталистических держав представляет большую опасность в силу своего географического и экономического положения, а также в силу политических взаимоотношений, облегчающих возможность всякого рода политического характера интриг, авантюр и т. п.

Таковы эти три пункта, свидетельствующие сейчас об усилении и обострении политики империализма. Столкновение интересов основных капиталистических держав уже в настоящее время заставляет говорить об опасностях новой мировой войны. Но для понимания политического обострения положения необходимо произвести оценку экономического положения, так как корни этого политического обострения лежат в развитии данной стадии мировой экономики.

Последние послевоенные годы показывают по основным капиталистическим странам известный экономический подъем по сравнению с тем упадком, который последовал во время империалистической войны и в первые годы после ее окончания. Правда, этот «восстановительный» процесс происходил крайне неравномерно и в то время, как, например, Франция и даже Германия в производственном отношении сумели достигнуть довоенного, почти довоенного уровня, а в некоторых отношениях его перешагнуть, Англия не только не достигла, но в некоторых крайне важных областях своего хозяйства даже деградировала. Северо-американские соединенные штаты выиграли от общего кризиса и значительно превысили довоенный уровень, изменив соотношение сил на мировом рынке, заняв на нем первенствующее место.

Факт относительной стабилизации в области экономики капиталистических стран существует. Этот факт породил ошибочные мнения относительно устойчивости капиталистической системы вообще, и даже у такого крупного буржуазного экономиста, как Зомбарт, мы находим положение, что будто бы наблюдавшаяся в настоящее время стабилизация в капиталистических странах опровергает теорию Маркса о кризисах капиталистического хозяйства. Точно так же факт стаби-

лизации дал лишний повод деятелям II Интернационала расшаркаться в своей преданности «устойчивости» капитализма и лишний раз выступить против революционной борьбы рабочих масс и против коммунистов.

Подобного рода поверхностная оценка современного экономического положения способна привести лишь к совершенно ошибочным выводам и абсолютно не дает возможности понять современное положение и отношение капиталистических стран, и ту активизацию империалистической политики, которая грозит новой империалистической войной.

Дело в том, что *стабилизация отнюдь и ни в какой мере не устраняет основных противоречий капиталистического развития: вместо одних противоречий, порождаемых периодом упадка, период стабилизации выдвигает другие, не менее опасные и сильные противоречия капиталистических стран.*

Эпоха распада капитализма представляет зигзагообразную линию. Периоды кризиса, крайнего обострения противоречий, борьбы за существование могут сменяться и сменяются периодами относительной стабилизации экономического развития, однако неизбежно приводящими на этой более расширенной базе к новым, более обостренным противоречиям. В настоящее время поднятие производства до довоенного уровня у главных капиталистических стран *ставит снова вопрос о мировом рынке и о распределении влияния на нем между основными странами, т. е. в этом отношении мы в некотором смысле находим аналогию с тем положением, какое было до мировой войны.* Но следует подчеркнуть, что эта проблема встает в настоящее время в условиях *изменившегося соотношения между капиталистическими странами.* Если мы обратимся к оценке положения на мировом рынке, то мы наблюдаем следующую характерную картину. Экспорт главных капиталистических стран Европы в настоящее время явным образом тормозится в своем развитии, и продукция этих капиталистических стран не находит сбыта, который бы отвечал возможности дальнейшего развития производства. Эта картина наблюдается в Англии, Франции и Германии. Вместе с этим индекс цен на мировом рынке показывает понижательную тенденцию, что свидетельствует о неизбежности депрессии в области производства

капиталистических стран. Чем же объясняется этот факт? Несмотря на то, что после империалистической войны распределение колониальных владений претерпело изменения в сторону увеличения колоний для Англии и Франции, тем не менее роль их на мировом рынке не только не выросла, но упала вследствие выступления Северо-американских соединенных штатов. Это положение понимают даже буржуазные ученые, и в январском номере журнала «Виртшафт», в докладе Тренделенбурга о международной экономической конференции, прочитанном им в Германском обществе мирового хозяйства, говорится: «Вслед за кратковременным повышением хозяйственной конъюнктуры после войны наступила глубокая депрессия, так как финансирование ослабевших после войны национальных хозяйств производилось при помощи инфляции, расстроившей валютную систему большинства стран. Хозяйственное первенство Европы было в значительной степени ослаблено индустриализацией заокеанских стран, и все яснее давало себя знать начало экономической депрессии Европы». Все это создавало обостренное положение для экономики капиталистических стран Европы и усиленнейшим образом заставляло их искать выхода. Путь для выхода явился традиционным для политики капиталистических стран: путь захвата новых колоний, путь закрепления своего влияния в колониальных и полуколониальных странах.

Колониальные владения великих капиталистических держав в миллионах квадратных километров и миллионах жителей показывают следующее распределение колоний до и после мировой войны.

Страны	Площадь (в млн. *кв. км*)	Жителей (в млн. человек)	Площадь (в млн. *кв. км*)	Жителей (в млн. человек)
	1914 г.		1924 г.	
Англия	33,5	393,5	38,2	421,3
Франция	10,6	55,5	14,0	60,6
Германия	2,9	12,3	—	—
Соединенные штаты	0,3	9,7	2,8	17,0
Япония	0,3	19,2	0,3	22,7

По этим данным мы видим, что в результате мировой войны Англия увеличила свои владения на 4,7 млн. *кв. км*, поработив новых 27,8 млн. человек, Франция — на 2 млн. *кв. км*; Германия потеряла

свои владения, а Соединенные штаты получили огромное преобладание своей экономики на мировом рынке и в финансовом отношении поработили Европу.

Приобретение новых колоний Англией и Францией не разрешило задач дальнейшего их экономического развития. На мировом рынке они были отодвинуты на второй план.

Насколько велика конкуренция, видно из крайне показательного факта выступления Северо-американских соединенных штатов как империалистической державы, которая в настоящее время из страны импортирующей превратилась в страну экспортирующую как продукты промышленности, так и капиталы; достаточно указать, что к 1925 г. уже сумма вложенных Соединенными штатами капиталов равнялась 23,5 млрд. долларов, а вся сумма английских вложений равнялась 24 млрд. долларов; даже в смысле вложения капиталов Соединенные штаты сравнялись с наиболее мощной в этом смысле Англией, а экспорт продуктов обрабатывающей промышленности еще в 1923 г. возрос по сравнению с 1913 г. на 48%. *В силу этих причин политика новых колониальных захватов должна была получить новое обостренное значение.* Этот путь вел к стремлению захвата и укрепления своего влияния в *полуколониальных странах*, каковыми являются государства Азии, Китай и Персия, а также к закреплению своего влияния в Тихом океане, который становится основной дорогой для мировой торговли.

Таким образом стабилизационный период неизбежно должен был привести к обострению борьбы на мировом рынке, к обострению борьбы за колонии, к стремлению империалистических держав укрепить свое влияние в полуколониальных странах Китая и Персии или же путем раздела и захвата получить новые колонии.

Вот та экономическая ситуация капиталистических стран, в которой они сейчас находятся и которая приводит их к определенной политической борьбе между собою и к захватнической интервенционистской политике в отношении ряда стран.

Правящим классам империалистических держав в своей внешней и внутренней политике приходится считаться с двумя фактами, коренным образом отличающими настоящий период от периода бывшей мировой войны. Это, во-первых, существование СССР и, во-вторых — нарастающее движение рабочего класса капиталистических стран,

все более организованное и сознательное в борьбе против капиталистической анархии, в борьбе за власть. Выразителем этого движения являются коммунистические партии.

Все надежды капиталистического мира на то, что пролетариат СССР не справится с задачами хозяйственного строительства, оказались разбитыми. Восстановительный период хозяйства в СССР прошел более быстрым темпом, чем в ряде капиталистических стран, и в настоящее время СССР вступил в новый период реконструкции техники своего хозяйства и усиленного строительства, которое даст возможность громадному развитию производительных сил страны. И вместе с этим с полной очевидностью обнаруживаются преимущество и преобладающее влияние социалистических форм хозяйства СССР. Система хозяйства СССР противостоит системе капиталистического хозяйства и является, несомненно, уже сейчас в развитии мирового хозяйства серьезнейшим фактором, с которым волей-неволей приходится считаться правящим классам капиталистических держав. Интересной иллюстрацией в этом отношении является экономическая конференция Лиги наций.

В глазах рабочего класса всего мира и в глазах угнетенных народов СССР является знаменем будущего развития, общественной формой, которая на практике, на деле доказывает свое преимущество перед формами капитализма и в силу уже самого факта своего существования является организующим началом в деле освобождения от гнета капитализма, изменения политики в отношении угнетенных наций и принципиальным противником всякого рода кровавых мировых военных авантюр.

С другой стороны, тот тупик, в который заведено капиталистическое хозяйство, из которого оно стремится выйти путем нового раздела колоний, новых военных потрясений, порождает обостренную классовую борьбу. Внутренние противоречия развития капиталистического хозяйства неимоверно тяжелым образом сказываются на рабочем классе. Безработица, достигшая колоссальных размеров (около 2 млн. безработных в Англии, около 2 млн. — в Германии, 300—400 тыс. — во Франции и т. д.), стремление снизить заработную плату и ослабить организованную силу рабочих (закон против профсоюзов в Англии, закон против рабочего класса в Италии и т. п.) — все это является показателем того, что, подготовляясь к новой грандиозной борьбе за новое перераспределение своего экономического влияния, капитализм одновременно ведет активнейшую наступательную политику на рабочий класс.

Результатом этого неизбежно является усиление революционного движения пролетариата, учитывающего опыт прошлой мировой войны и послевоенных годов.

Правда, на пути этого революционного движения стоит старая, совершенно переродившаяся организация II Интернационала, являющаяся в настоящее время наиболее откровенным агентом и защитником буржуазного строя и предателем интересов рабочего класса. Следует отметить, что именно анализ деятельности II Интернационала в настоящее время в свете обострения империалистической политики показывает крайне характерные черты. Уже в настоящее время социалистические партии II Интернационала стараются перекрашиваться в «оборонческий» цвет и поддержать захватнические, грабительские шаги империалистической политики правящих классов каждой страны, повторяя еще в большем размере свою изменническую, буржуазную политику, которую они проводили в отношении рабочего класса в предыдущую войну. Уже в настоящее время партии II Интернационала помогают и способствуют империалистической политике, каждая партия — своей буржуазии. Выступление Англии в Китае и Индии, Франции — в Китае и на Балканах, Америки — в Китае и Южной и Центральной Америке встречает соответствующее оправдание и поддержку со стороны социалистических партий каждой из этих стран. Даже больше того: деятели II Интернационала в настоящее время откровенно способствуют росту вооружения империалистических держав. Закон военной реорганизации, выработанный в настоящее время Полем Бонкуром во Франции, являющийся фактически законом, призывающим все население Франции на службу воинственным замыслам империалистической буржуазии Франции, является крайне показательным примером. Даже орган английской независимой рабочей партии должен был признать, что этот шаг является по существу самым откровенным шагом, способствующим необычайному росту милитаризма во Франции. В передовой от 11 марта 1927 г. этот орган говорит: «Как наши французские товарищи дошли до того, что приняли закон, который заставит их молчать и сделает их виновниками военного механизма?». Но центральный орган независимой рабочей партии Англии не понимает того, что это является политикой всей головки II Интернационала и что Макдональд отнюдь не лучше Поля Бонкура в этом отношении. Именно поэтому II Интернационал сейчас является сознательным пособником всех шагов, направленных на ограничение революционного движения рабочих в капиталисти-

ческих странах. II Интернационал уже сейчас является орудием в руках буржуазии для подготовки новой империалистической мировой войны.

Нельзя предсказать момент наступления войны. *В этом отношении мы должны помнить уроки прошлой войны и помнить, что любой конфликт может явиться исходной точкой, которая разрастется в мировую войну.* Развитие и рост противоречий империалистической политики, борьба и конкуренция капиталистических держав между собой соединяются с ростом революционного движения. Пророческими словами оказались слова т. Ленина, написанные им в 1922 г.: «А Индия и Китай кипят. Это — свыше 700 млн. человек. Это с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран — бо̀льшая половина населения земли. Там надвигается неудержимо и все быстрее надвигается 1905 г. с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 г. революция в России могла пройти (по крайней мере сначала) изолированно, т. е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущая в Индии и Китае революция уже сейчас втягивается в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию».

Таким образом мы вступили в новую фазу бури и натиска, которая должна явиться фазой дальнейшего распада капитализма и дальнейшего роста завоеваний социализма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

V. Третий период. Новая экономическая политика.

VI. Современный период.
